

The book cover features a central illustration of a man in a dark military uniform with epaulettes and medals, holding a sword. He is looking upwards and to the right. To his left is the front of a dark, vintage-style car with a large headlight. In the background, a woman in a black dress is visible on the right, and another person in a hat is on the left. The ground is a mix of yellow and orange, suggesting a battlefield or a dramatic setting. The text is overlaid on a dark rectangular background in the upper center.

Борис Леонтьев
Нестор Безематов
Павел Асс

ПОХОЖДЕНИЯ
ШТАНДАРТЕНФЮРЕРА

ФОН ШТИРЛИЦА

- [Павел Николаевич Асс](#)
- [Нестор Онуфриевич Бегемотов](#)
- [Борис Константинович Леонтьев](#)
- [Похождения штандартенфюрера СС фон Штирлица](#)
  - [Удивительные похождения Штирлица](#)
- [АННОТАЦИЯ](#)
- [Павел Николаевич Асс,](#)
- [Нестор Онуфриевич Бегемотов](#)
- [ПОХОЖДЕНИЯ ШТАНДАРТЕНФЮРЕРА СС ФОН ШТИРЛИЦА](#)
- [Книга первая. ШТИРЛИЦ, ИЛИ КАК РАЗМНОЖАЮТСЯ ЁЖИКИ](#)
- [ПРОЛОГ](#)
- [ГЛАВА 1. ДОБРЕЙШЕЙ ДУШИ ЧЕЛОВЕК](#)
- [ГЛАВА 2. МЕЛКИЙ ПАКОСТНИК](#)
- [ГЛАВА 3. ПРОВАЛ АГЕНТА 008](#)
- [ГЛАВА 4. В БУНКЕРЕ ГИТЛЕРА](#)
- [ГЛАВА 5. ВЕРБОВКА ПАСТОРА ШЛАГА](#)
- [ГЛАВА 6. ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ШТИРЛИЦА](#)
- [ГЛАВА 7. ХОТЕЛ ПРОСТО ПОПИТЬ ПИВА...](#)
- [ГЛАВА 8. ФУТБОЛ](#)
- [ГЛАВА 9. ОШИБКА ТРЕЗВОГО ПОЛИЦЕЙСКОГО](#)
- [ГЛАВА 10. ТРИ ГИТЛЕРА И ОДИН ШТИРЛИЦ](#)
- [ГЛАВА 11. В ПСИХУШКЕ](#)
- [ГЛАВА 12. НОВАЯ РАДИСТКА](#)
- [ГЛАВА 13. ШТИРЛИЦ УСТРАИВАЕТ ВЕЧЕРИНКУ](#)
- [ГЛАВА 14. КАК РАЗМНОЖАЮТСЯ ЁЖИКИ](#)
- [ГЛАВА 15. ПЕРВАЯ ГРАНАТА](#)
- [ЭПИЛОГ](#)
- [Горе-писатели и их писанина](#)
-
-
- [Книга вторая. ОПЕРАЦИЯ «ШНАПС»](#)
- [ПРОЛОГ](#)
- [ГЛАВА 1. ВЕСНА СОРОК ПЯТОГО](#)
- [ГЛАВА 2. СКАНДАЛ В «ТРЕХ ПОРОСЯТАХ»](#)
- [ГЛАВА 3. НОВОЕ ЗАДАНИЕ](#)
- [ГЛАВА 4. МАРТИН РЕЙХСТАГОВИЧ БОРМАН](#)
- [ГЛАВА 5. ОШИБКА ГЕББЕЛЬСА](#)
- [ГЛАВА 6. ПЫТКА НОСКАМИ](#)
- [ГЛАВА 7. ВАЖНОЕ СОВЕЩАНИЕ](#)
- [ГЛАВА 8. СКАНДАЛ В ЖКУ](#)
- [ГЛАВА 9. НА ГРАНИ ПРОВАЛА](#)
- [ГЛАВА 10. РАЗГОВОР С БОРМАНОМ](#)
- [ГЛАВА 11. ОСКОРБЛЕННЫЙ РАЗВЕДЧИК](#)
- [ГЛАВА 12. СПЯЩИЙ РАЗВЕДЧИК](#)
- [ГЛАВА 13. ГЕРИНГ И ВКП\(Б\)](#)
- [ГЛАВА 14. ПРОВАЛ](#)
- [ГЛАВА 15. ПЕРЕГОВОРЫ В ШВЕЙЦАРИИ И СМЕРТЬ ПРОФЕССОРА ПЛЕЙШНЕРА](#)

- [ГЛАВА 16. ГИТЛЕР ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ](#)
- [ГЛАВА 17. ФАШИСТСКАЯ ТВАРЬ](#)
- [ГЛАВА 18. ВОСПОМИНАНИЯ](#)
- [ГЛАВА 19. ГЕРИНГ — АГЕНТ ШТИРЛИЦА](#)
- [ГЛАВА 20. ПОСЛЕДНЕЕ МГНОВЕНИЕ ВЕСНЫ](#)
- [ЭПИЛОГ](#)
- [Книга третья. КОНЕЦ ИМПЕРАТОРА КУКУРУЗЫ](#)
- [ПРОЛОГ](#)
- [ГЛАВА 1. ДУРДОМ И МАРТИН РЕЙХСТАГОВИЧ БОРМАН](#)
- [ГЛАВА 2. НЬЮ-ЙОРКСКИЕ ПРЕЛЕСТИ И НОВОЕ ЗАДАНИЕ ЦЕНТРА](#)
- [ГЛАВА 3. НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ ХРУЩЕВ И ЛЕОНИД ИЛЬИЧ БРЕЖНЕВ](#)
- [ГЛАВА 4. ПОБЕГ](#)
- [ГЛАВА 5. УЗНИК БУТЫРСКОЙ ТЮРЬМЫ](#)
- [ГЛАВА 6. СТРОГИЙ ВЫГОВОР](#)
- [ГЛАВА 7. ЧЕГО НЕ МОЖЕТ УРУГВАЙСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО](#)
- [ГЛАВА 8. СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ](#)
- [ГЛАВА 9. ШТИРЛИЦ И ПРЕЗИДЕНТ](#)
- [ГЛАВА 10. РЕЦЕПТЫ ПАРТИЙНОЙ КУХНИ](#)
- [ГЛАВА 11. РОКОВОЙ ИСХОД ВСТРЕЧИ С МЮЛЛЕРОМ](#)
- [ГЛАВА 12. ТАМ, ГДЕ БЕССИЛЕН МИНЗДРАВ](#)
- [ГЛАВА 13. ТАЙНАЯ СИЛА КАЛЬТЕНБРУННЕРА](#)
- [ГЛАВА 14. НАД ЧЕМ СМЕЮТСЯ ШПИОНЫ](#)
- [ГЛАВА 15. КОНЦЕРТ ПО ЗАЯВКАМ ШПИОНСКИХ ТОВАРИЩЕЙ](#)
- [ГЛАВА 16. ВЕЛИКОЕ ПРИЗНАНИЕ ГИТЛЕРА](#)
- [ГЛАВА 17. ГЕНСЕК В ОТСТАВКЕ! ДА ЗДРАВСТВУЕТ ГЕНСЕК!](#)
- [ЭПИЛОГ](#)
- [Книга четвертая. КОРЕЙСКИЙ ВОПРОС](#)
- [ОТ АВТОРОВ](#)
- [ПРОЛОГ. СТРАНА РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА](#)
- [ГЛАВА 1. РУССКИЙ РАЗВЕДЧИК НА ПЕНСИИ](#)
- [ГЛАВА 2. В ПОИСКАХ ПРЕМИИ](#)
- [ГЛАВА 3. БОРМАН НИКОМУ НЕ НУЖЕН](#)
- [ГЛАВА 4. ДЛЯ ШТИРЛИЦА — ЗАДАНИЕ, А ПОВАРУ МЕДАЛЬ!](#)
- [ГЛАВА 5. КОНТУРЫ ВАЖНОГО ЗАДАНИЯ](#)
- [ГЛАВА 6. РЕЛИГИЯ ТОВАРИЩА БОРМАНА](#)
- [ГЛАВА 7. КОРЕЯ — СТРАНА ИДЕЙ ЧУЧХЕ](#)
- [ГЛАВА 8. «ПРИДЕТ ШТИРЛИЦ И ВСЕ СДЕЛАЕТ»](#)
- [ГЛАВА 9. «ШТИРЛИЦ ТРЕБУЕТ ПОЛИТИЧЕСКОГО УБЕЖИЩА, ИНАЧЕ ОН ЗА СЕБЯ НЕ ОТВЕЧАЕТ»](#)
- [ГЛАВА 10. В БУНКЕРЕ ФЮРЕРА](#)
- [ГЛАВА 11. ДИКАЯ СТРАНА, ДИКИЕ НРАВЫ](#)
- [ГЛАВА 12. НОЧЬ ПЕРЕД ВЕРОЛОМНЫМ ВТОРЖЕНИЕМ](#)
- [ГЛАВА 13. В ДВАДЦАТИ СЕМИ КИЛОМЕТРАХ ОТ ПХЕНЬЯНА](#)
- [ГЛАВА 14. «И ОТ КОРЕЙСКОГО НАРОДА, В ЧАСТНОСТИ!»](#)
- [ГЛАВА 15. БРИГАДА АЙСМАНА СНОВА НА СВОБОДЕ](#)

- [ЭПИЛОГ. НАРОД НЕ ЗАБУДЕТ ГЕРОЯ](#)
- [Книга пятая. ШПИОН, КОТОРЫЙ ЛЮБИЛ ТУШЕНКУ](#)
- [ПРОЛОГ](#)
- [ГЛАВА 1. ИНТРИГИ БОГАТЫХ В ДЖУНГЛЯХ РЕСПУБЛИКИ МЕКСИКА](#)
- [ГЛАВА 2. ТУСОВКА ПАРТИЙНЫХ МАСШТАБОВ](#)
- [ГЛАВА 3. ЗУБНАЯ БОЛЬ ГЕНЕРАЛА ИСАЕВА](#)
- [ГЛАВА 4. ТАЙНА СОРОК ВОСЬМОЙ МАМЫ](#)
- [ГЛАВА 5. ДОНОС ПОД ДИКТОВКУ](#)
- [ГЛАВА 6. МОЛЧАНИЕ ПОСРЕДСТВОМ ЭКЗЕКУЦИИ](#)
- [ГЛАВА 7. АМУРСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПАСТОРА ШЛАГА](#)
- [ГЛАВА 8. УДАР ПО ПАРТБИЛЕТУ ТОВАРИЩА БОРМАНА](#)
- [ГЛАВА 9. РЕЗИДЕНТ ГОСПОДИНА МЮЛЛЕРА](#)
- [ГЛАВА 10. ШЛАГ, ТОВАРИЩ БИСКЕК И ТОВАРИЩ СКОТОВ](#)
- [ГЛАВА 11. ИНТРИЖКА ТОВАРИЩА ШТИРЛИЦА](#)
- [ГЛАВА 12. УДИВЛЕНИЕ ГОСПОДИНА АЙСМАНА](#)
- [ГЛАВА 13. АГЕНТ ТОВАРИЩА СКОТОВА](#)
- [ГЛАВА 14. ТОВАРИЩ ВАУЧЕР «ЗА»](#)
- [ЭПИЛОГ](#)
- [Книга шестая. ШТИРЛИЦ, ИЛИ ВТОРАЯ МОЛОДОСТЬ](#)
- [Постперестроечная фантазия](#)
- [ПРОЛОГ](#)
- [ГЛАВА 1. КИТАЙСКИЕ ШПИОНЫ В ЛУЖНИКАХ](#)
- [ГЛАВА 2. УТРАТА БОЛЬШОГО ЧЕРНОГО ПИСТОЛЕТА](#)
- [ГЛАВА 3. МОРАЛЬНОЕ ОПУСТОШЕНИЕ](#)
- [ГЛАВА 4. ПЕНСИОННЫЙ ФОНД](#)
- [ГЛАВА 5. ШЕСТЬ МЕСЯЦЕВ В ЗАТОЧЕНИИ](#)
- [ГЛАВА 6. ПАРТИЙНЫЕ МИЛЛИОНЫ ПРОФЕССОРА ПЛЕЙШНЕРА](#)
- [ГЛАВА 7. ВСТРЕЧА В МОСКОВСКОМ ЗООПАРКЕ](#)
- [ГЛАВА 8. ГЛАВНЫЙ АНАЛИТИК ЧАСТНОГО АГЕНСТВА ШРУ](#)
- [ГЛАВА 9. РАБОЧИЙ ДЕНЬ В ШРУ](#)
- [ГЛАВА 10. ШТИРЛИЦ ВОЗВРАЩАЕТСЯ НА МИЛЫЕ СЕРДЦУ РУИНЫ](#)
- [ГЛАВА 11. КОНТРАКТ НА СУПЕР-АГЕНТА](#)
- [ГЛАВА 12. АГЕНТ-ДВОЙНИК В МОСКВЕ](#)
- [ГЛАВА 13. МЮЛЛЕР ВОЗИТСЯ С СЕЙФОМ](#)
- [ГЛАВА 14. САМЫЙ ЛЮБИМЫЙ БЕГЕМОТ](#)
- [ГЛАВА 15. ПРИТОН «КРАСНАЯ ШАПОЧКА»](#)
- [ГЛАВА 16. СНОВА НЕУДАЧА](#)
- [ГЛАВА 17. В ПОИСКАХ БОРМАНА](#)
- [ГЛАВА 18. ПОДЗЕМКА](#)
- [ГЛАВА 19. БОРМАН ПРИНИМАЮТ ГРЯЗЕВУЮ ВАННУ](#)
- [ГЛАВА 20. ФАКС-МОДЕМНАЯ ИГРА В МОСКВЕ](#)
- [ГЛАВА 21. КОЛЫБЕЛЬ РЕВОЛЮЦИИ](#)
- [ГЛАВА 22. ТАНКИ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ](#)
- [ГЛАВА 23. В БОЙ ВСТУПАЕТ ШРУ](#)
- [ЭПИЛОГ](#)

- [Книга седьмая. ШТУРМ ТАТУИНА](#)
- [ПРОЛОГ](#)
- [ГЛАВА 1. ПУТЧИСТЫ ЦЭКОВСКОГО МАСШТАБА](#)
- [ГЛАВА 2. КАТЯ КОЗЛОВА И ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ](#)
- [ГЛАВА 3. ИЛИ КРЫМ, ИЛИ ВНЕЗАПНОСТЬ!](#)
- [ГЛАВА 3. ДАРТ ВЕЙДЕР](#)
- [ГЛАВА 5. КАВАЛЕРИЯ ТОВАРИЩА ХАСБУЛАТОВА](#)
- [ГЛАВА 6. ЛЮК СКАЙУОКЕР И ПРИНЦЕССА ЛЕЯ](#)
- [ГЛАВА 7. ПОМОЩНИК ШТУРМАНА](#)
- [ГЛАВА 8. ДЖИГИТЫ ПРОЕХАЛИ МИМО](#)
- [ГЛАВА 9. УЧИТЕЛЬ ЙОДА](#)
- [ГЛАВА 10. КЭТ, ШЛАГ И ПУТАНА СОВХОЗА «ЗАВЕТЫ ИЛЬИЧА»](#)
- [ГЛАВА 11. ПОСЛЕДНИЙ СЪЕЗД ВЕЛИКОЙ ПАРТИИ](#)
- [ГЛАВА 12. ТРИЖДЫ ТРАХНУТАЯ](#)
- [ГЛАВА 13. КОММАНДОС «ЗАРИ КОММУНИЗМА»](#)
- [ГЛАВА 14. ОДНА СЛЕЗИНКА ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ](#)
- [ГЛАВА 15. ВЕЛИКИЙ МАГИСТР](#)
- [ГЛАВА 16. ДРАКА В КОСМОСЕ](#)
- [ГЛАВА 17. ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО ТОВАРИЩА КРЮЧКОВА](#)
- [ГЛАВА 18. РОДСТВЕННИЧКИ](#)
- [ГЛАВА 19. АТАКА](#)
- [ГЛАВА 20. ТОВАРИЩИ ЯНАЕВ, ЛУКЬЯНОВ И МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ](#)
- [ГЛАВА 21. ДЕСАНТ ПОДЛЫХ ВУРДАЛАКОВ](#)
- [ГЛАВА 22. БЕЗ НАЗВАНИЯ](#)
- [ГЛАВА 23. ПОСЛЕДНИЙ УДАР](#)
- [ГЛАВА 24. ВО ВЛАСТИ ВУРДАЛАКОВ](#)
- [ГЛАВА 25. ОЛБИ ВАН КЕНОБИ И СИНЕМАТОГРАФ](#)
- [ГЛАВА 26. ЙОДА И ТОВАРИЩ ШТИРЛИЦ](#)
- [ГЛАВА 27. ГКЧП](#)
- [ЭПИЛОГ](#)
- [Книга восьмая. ГУБЕРНАТОР ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВОГО ШТАТА](#)
- [ПРОЛОГ](#)
- [ГЛАВА 1. ШиР](#)
- [ГЛАВА 2. ПРЕЗИДЕНТ](#)
- [ГЛАВА 3. КПТ и ДПТ](#)
- [ГЛАВА 4. ВАЛЬТЕР, ГЕНРИХ И КРОВОЖАДНЫЕ КРОКОДИЛЫ](#)
- [ГЛАВА 5. БОРИС И ДОРОГОЙ ЭЛЬДАР](#)
- [ГЛАВА 6. БОЙНЯ НА КРАСНОЙ](#)
- [ГЛАВА 7. СИЛА МОЛОДОЙ ПРИНЦЕССЫ](#)
- [ГЛАВА 8. ТАИНСТВЕННЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ](#)
- [ГЛАВА 9. ГЕНРИХ ЭРНСТОВИЧ](#)
- [ГЛАВА 10. ПРИНЦЕССА И ОТТО ШТИРЛИЦ](#)
- [ГЛАВА 11. ШУТКА ПРЕМЬЕРА](#)
- [ГЛАВА 12. ГОСПОДИН ДИБРОВ И ТОВАРИЩ ИЛЬИЧ](#)
- [ГЛАВА 13. ВЛЮБЛЕННАЯ ПРИНЦЕССА](#)

- [ГЛАВА 14. БОРЬКА И ЕГОРКА](#)
  - [ГЛАВА 15. НОВЫЙ КАСТЕТ](#)
  - [ГЛАВА 16. ВОЖДЬ И ЯЩИК ВИСКИ](#)
  - [ГЛАВА 17. ПЕРЕД ВОЗВРАЩЕНИЕМ НА РОДИНУ](#)
  - [ГЛАВА 18. «ЖЕЛЕЗНЫЙ» БИЛЛ](#)
  - [ГЛАВА 19. СМЕХ ДО ПОБЕДЫ](#)
  - [ГЛАВА 20. «ВОСКРЕСЕНЬЕ СО МНОЙ»](#)
  - [ГЛАВА 21. РЕШАЮЩЕЕ СРАЖЕНИЕ](#)
  - [ГЛАВА 22. ЗА ДЕНЬ ДО...](#)
  - [ГЛАВА 23. ОПЛЕУХА](#)
  - [ГЛАВА 24. ПРИКАЗАНО ИДТИ ВПЕРЕД!](#)
  - [ГЛАВА 25. ЧИТАТЕЛИ](#)
  - [ГЛАВА 26. ПИСАТЕЛИ](#)
  - [ГЛАВА 27. СТРЕЛОЧНИКИ](#)
  - [ГЛАВА 28. ПОСЛЕДНИЙ ШТРИХ](#)
  - [ЭПИЛОГ](#)
  - [Книга девятая. ШТИРЛИЦ, ИЛИ ВПЕРЕД В ПРОШЛОЕ](#)
  - [ПРОЛОГ](#)
  - [ГЛАВА 1. ВСЕМ НУЖЕН ШТИРЛИЦ](#)
  - [ГЛАВА 2. КАК ВСЕГДА, ОСОБО ВАЖНОЕ ЗАДАНИЕ](#)
  - [ГЛАВА 3. НОСТАЛЬГИЯ](#)
  - [ГЛАВА 4. ШТИРЛИЦ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПОЛЕТ](#)
  - [ГЛАВА 5. КАБАЧОК «ТРИ ПОРОСЕНКА». ВЕК ДВАДЦАТЫЙ](#)
  - [ГЛАВА 6. СЕКРЕТНЫЙ СЕЙФ МЮЛЛЕРА](#)
  - [ГЛАВА 7. ШТИРЛИЦ В РЕСТОРАНЕ](#)
  - [ГЛАВА 8. ЖУЧКИ ДЛЯ КАЛЬТЕНБРУННЕРА](#)
  - [ГЛАВА 9. ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ШТАНДАРТЕНФЮРЕРА СС ФОН ШТИРЛИЦА](#)
  - [ГЛАВА 10. ЗАСАДА ЭТАЖЕМ ВЫШЕ](#)
  - [ГЛАВА 11. НЕСКОЛЬКО РАЗМЫШЛЕНИЙ О ПРИРОДЕ ВРЕМЕНИ](#)
  - [ГЛАВА 12. В ДУРДОМЕ ВСЕ СПОКОЙНО!](#)
  - [ГЛАВА 13. ШТИРЛИЦ НА ПЛЯЖЕ](#)
  - [ГЛАВА 14. БЕГСТВО ШТИРЛИЦА](#)
  - [ГЛАВА 15. ВСТРЕЧА СТАРЫХ ДРУЗЕЙ](#)
  - [ЭПИЛОГ](#)
-

**Павел Николаевич Асс Нестор Онуфриевич
Бегемотов Борис Константинович Леонтьев**

Походження штандартенфюрера СС фон Штирлица

Название: Похождения штандартенфюрера СС фон Штирлица

Автор: Асс Павел Николаевич, Бегемотов Нестор Онуфриевич, Леонтьев Борис Константинович

Серия: Библиотека пародии и юмора

Жанр: юмористическая проза

Страниц: 512

Издательство: МИК

ISBN: 5-88548-018-4

Год: 1994

Формат: fb2

АННОТАЦИЯ

Сенсационный роман всех времён и народов, состоящий из девяти книг («Как размножаются ёжики», «Операция «Шнапс», «Конец императора кукурузы», «Корейский вопрос», «Шпион, который любил тушёнку», «Вторая молодость», «Штурм Татуина», «Губернатор пятьдесят первого штата», «Вперед в будущее») повествует об удивительных похождениях штандартенфюрера СС фон Штирлица во время и после войны, далеко не похожих на приключения его в фильме «Семнадцать мгновений весны», и иных произведениях старого, доброго времени...

**ПОХОЖДЕНИЯ ШТАНДАРТЕНФЮРЕРА
СС ФОН ШТИРЛИЦА**

**Книга первая. ШТИРЛИЦ, ИЛИ
КАК РАЗМНОЖАЮТСЯ ЁЖИКИ**

ПРОЛОГ

За окном шел снег и рота красноармейцев.

Иосиф Виссарионович отвернулся от окна и спросил:

— Товарищ Жюков, вас еще не убили?

— Нет, товарищ Сталин.

— Тогда дайте закурить.

Жуков покорно вздохнул, достал из правого кармана коробку «Казбека» и протянул Сталину. Покрошив несколько папирос в трубку, главнокомандующий задумчиво прикурил от протянутой спички.

Через десять минут он спросил:

— А как там дела на Западном фронте?

— Воюют, — просто ответил Жуков.

— А как чувствует себя товарищ Исаев?

— Ему трудно, — печально сказал Жуков.

— Это хорошо, — сказал Сталин, — у меня для него есть новое задание...

А за окном шел снег и рота красноармейцев.

ГЛАВА 1. ДОБРЕЙШЕЙ ДУШИ ЧЕЛОВЕК

Низкий закопченный потолок кабачка «Три поросенка» был почти черным от сажи, стены были изрисованы сценами из знаменитой сказки, в честь которой был назван кабачок. Кормили в кабачке не очень хорошо, поили еще хуже, но это не отпугивало его завсегдатаев. Отпугивало их другое. С недавних пор в кабачок повадился заглядывать штандартенфюрер СС фон Штирлиц.

Вот и сейчас он сидел у дальнего столика, который был заставлен едой на семерых, а бутылками на восьмерых. Штирлиц был один и никого не ждал. Иногда ему становилось скучно, он вытаскивал из кармана маузер с дарственной надписью «Чекисту Исаеву за освобождение Дальнего Востока от Феликса Эдмундовича Дзержинского» и с меткостью истинного Ворошиловского стрелка расстреливал затаившихся по углам тараканов.

— Развели тут! — орал он. — Бардак!

И действительно, в кабаке был бардак.

Пол был залит дешевым вином, заплеван и завален окурками. Создавалось впечатление, что каждый считал своим долгом если не наблевать на пол, то хотя бы плюнуть или что-нибудь пролить. То и дело, ступая по лужам и матерясь, проходили офицеры. За соседним столиком четверо эсэсовцев грязно приставали к смазливой официантке. Ей это нравилось, и она глупо хихикала. В углу, уткнувшись лицом в салат из кальмаров, валялся пьяный унтер-офицер без сапог, но в подтяжках. Иногда он начинал недовольно ворочаться и издавал громкие неприличные звуки. Два фронтовика, попивая шнапс у стойки, тихо разговаривали о событиях на Курской дуге. Молоденький лейтенантик в компании двух девушек подозрительной наружности громко распинаясь о том, какой он молодец, и как хорошо он стреляет из пистолета.

Штирлиц отпил из кружки большой глоток пива, поковырялся вилкой в банке тушенки и пристальным взором оглядел окружающую действительность разлагающейся Германии, изредка задерживая взгляд на некоторых выдающихся подробностях снующих между столиками официанток.

— Какие сволочи эти русские, — неожиданно для всех сказал молоденький лейтенантик, — я бы их всех ставил через одного и стрелял по очереди.

В помещении воцарилась тишина. Все посмотрели на Штирлица. Штирлиц выплюнул кусок тушенки, встал, и, опрокинув три столика, строевым шагом подошел к зарвавшемуся лейтенанту.

— Свинья фашистская, — процедил он и вlepил лейтенанту пощечину.

— Простите, я не совсем понимаю... — пролепетал оторопевший лейтенант.

Штирлиц вышел из себя и, схватив табуретку, обрушил ее на голову незадачливому лейтенанту. Лейтенант упал, и Штирлиц начал злобно пинать его ногами.

— Я — русский разведчик Исаев и не позволю грязному немецкому псу оскорблять русского офицера!

Четверо эсэсовцев бросились разнимать дерущихся. Развеселившегося Штирлица оттащили от стонущего лейтенанта и, чтобы успокоить, предложили выпить за Родину, за Сталина.

— Да, — сказал Штирлиц, немного успокоившись. Он выпил кружку шнапса, рыжий эсэсовец с готовностью налил вторую, Штирлиц выпил еще. Лейтенант стал ему

неинтересен.

— Ну как же можно, — шепнул один из фронтовиков рыдающему лейтенанту, — при самом Штирлице говорить такое о русских, да еще и в таких выражениях! Я бы вас на его месте убил.

— Штирлиц — добрая душа, — вздохнул второй фронтовик, — я помню три дня назад тут били японского шпиона, так все били ногами, а Штирлиц — нет.

— Добрейший человек, — подтвердил первый фронтовик, и они вывели лейтенанта на свежий воздух.

Штирлиц, обнявшись с эсэсовцами, громко пел «Гитлер зольдатен».

Пьяный унтер-офицер поднял голову из салата, обвел зал мутным взглядом и восторженно заорал:

— Хайль Гитлер!

Весь зал вскочил, вскинув руки. Стены задрожали от ответного рева:

— Зик хайль!!!

А Штирлиц к этому времени уже спал. Снились ему соловьи, русское поле и березки. Снились ему голые девки, купающиеся в озере, а он подглядывал за ними из кустов.

Сейчас он спит. Но ровно через сорок две минуты он проснется, чтобы отправиться в Рейх на свою нелегкую работу.

ГЛАВА 2. МЕЛКИЙ ПАКОСТНИК

В кабинете Мюллера стоял сейф, в котором Мюллер хранил дела на всех сотрудников Рейха. Он часто с любовью залезал в свой сейф за очередным делом, чтобы пополнить его, восстановить в памяти, просто полистать или привести в действие. Но последнее случилось редко, ибо Мюллер, как истинный коллекционер, не любил расставаться с делами своих подопечных. Сейфы с делами были почти у всех сотрудников рейха, кроме Штирлица, но такого обширного собрания сочинений не было ни у кого, даже у самого Кальтенбруннера. Это было маленькое и невинное хобби шефа гестапо. В его коллекции были Гиммлер, Геббельс, Шелленберг, Борман, Штирлиц и даже сам Кальтенбруннер.

Обергруппенфюрер сидел у камина и листал дело Бормана. Это было одно из самых объемных дел в его сейфе. Мюллер насвистывал арию Мефистофеля из «Фауста» и перечитывал любимые строки.

Партайгеноссе Борман был мелкий пакостник. Если Борману не удавалось досадить кому-нибудь, он считал прожитый день пропавшим. Если же получалось кому-то нагадить, Борман засыпал спокойно, с доброй счастливой улыбкой на лице. Любимая собачка Бормана, которая жила у него в кабинете, кусала офицеров за ноги, и поэтому всем приходилось ходить по Рейху в высоких сапогах. Мюллер, у которого было плоскостопие, от этого очень страдал. Однажды он имел неосторожность зайти в кабинет к Борману в кедах и был злостно укушен за левую ногу. Собачку пришлось отравить. С тех пор они с Борманом стали злейшими врагами.

Борман был любитель подкладывать кнопки на стулья, рисовать на спинах офицеров мелом неприличные слова, натягивать в темных коридорах сложные системы веревочек, споткнувшись о которые, несчастная жертва в лучшем случае падала или обливалась водой, в худшем — получала по голове кирпичом.

Особенной любовью Бормана пользовались ватерклозеты. Какие только гадости он не писал на дверях и стенах об офицерах Рейха, а иногда перерисовывал из французских бульварных журналов непристойные картинки. Под одной из таких картинок один раз он подписал «Это Ева Браун». Фюрер оскорбился и поручил ему же, Борману, выяснить, кто это сделал. Два месяца все в Рейхе пресмыкались перед Борманом, а Штирлиц даже придумал версию, чтобы оградить себя от подозрений, из которой следовало, что это сделал китайский шпион. В конце концов пострадал адмирал Канарис, который неосторожно выиграл у Бормана в преферанс его новую секретаршу.

Секретарши были второй страстью Бормана. Он то и дело увольнял одних и нанимал других, менялся секретаршами с Гиммлером, Шелленбергом, просил подарить секретаршу Мюллера, но Мюллер отказал.

В Рейхе Бормана не любили, но побаивались. Кому же приятно видеть на стене сортира свое имя рядом с чужими?

Борман был толст, лыс и злопамятен.

Мюллер закрыл папку, похлопал по синей обложке и сказал, довольный собой:

— Хорошее дельце. Интересно, что сказал бы по этому поводу Кальтенбруннер?

А сам Борман был в это время занят делами. Острым ножом он вырезал на двери туалета надпись:

«Штирлиц — скотина и русский шпион».

Удовлетворенно чмокнув, Борман дернул за веревочку и вышел. Он тщательно вымыл руки и с чувством выполненного долга направился в свой кабинет. День обещал быть удачным.

В кабинете Борман открыл сейф, запертый на семь секретных замков и просунул голову внутрь. Вчера он повесил в сейфе табличку на русском языке: «*Руским развечикам смареть заприщено!!!*» Кто-то жирным красным карандашом исправил орфографические ошибки и подписал: «*Борман — дурак*». Борман достал русско-немецкий словарь, перевел и логически помыслил:

«Кто-то исправил ошибки... Значит кто-то залез в сейф... Это не я... Скорее всего, это русский шпион... И плюс ко всему он лично знает Бормана. Следовательно, Борман его тоже знает. Кого я, Борман, знаю из русских разведчиков?»

Борман надолго задумался. Через полчаса он догадался поискать отпечатки пальцев. Еще через полчаса он их нашел. Отпечатки были четкими и жирными, видимо русский разведчик перед тем, как залезть в сейф, ел тушенку. Банка из-под тушенки стояла тут же, в сейфе.

«Здесь чувствуется работа Штирлица. Интересно, что сказал бы по этому поводу Кальтенбруннер?»

Борман вздохнул. Со Штирлицем связываться не стоило, все равно чего-нибудь придумает, еще и сам виноват окажешься. Это знали все.

Борман еще раз вздохнул и достал из сейфа дело пастора Шлага. За пастором Шлагом он следил давно и с интересом. Этот человек имел обширную женскую агентуру. Пастор бегал за любыми женщинами: старыми и молодыми, красивыми и не очень, замужними и наоборот. И женщины отвечали ему взаимностью, что Бормана, которого женщины не любили, очень удивляло и даже сердило.

«Зачем одному человеку столько женщин? Я понимаю, если бы они были, во-первых, секретаршами, во-вторых, у меня. А так... Наверно, он работает на чью-то разведку. Скорее всего, это не наша разведка. Следовательно, иностранная, — Борман поднял палец вверх, — его надо пощупать...»

И Борман, позвонив Айсману, отдал распоряжения.

От сильного удара ноги дверь распахнулась, и в кабинет вошел хмурый и заспанный Штирлиц.

— Борман! Дай закурить!

«У Штирлица кончились папиросы, — подумал Борман, протягивая портсигар с профилем Фюрера, — значит, он много курил. Много курят, когда думают. Значит, он много думал. Штирлиц просто так не думает. Следовательно, он что-то замышляет».

И Борман посмотрел в честные глаза Штирлица.

— Как дела?

— Плохо.

«Я, как всегда, прав! — обрадовался Борман. — Точно что-то замышляет! Надо его пощупать».

— Не хочешь ли кофе?

— Нет, — Штирлица передернуло. — Лучше пива.

Борман нажал на кнопку, и вошла секретарша, которую Штирлиц раньше не видел.

— Новенькая?

— Да, — похвалился Борман.

— А ничего, — одобрил Штирлиц.

— Мне тоже нравится, — сказал польщенный Борман. — Пива принеси, дорогая.

— Слушаюсь, партайгеноссе.

Секретарша принесла пива и стала ждать дальнейших распоряжений.

— Можешь идти, — махнул рукой Борман.

Секретарша, разочарованно покачивая бедрами, вышла. Штирлиц оторвал взгляд от двери и взял кружку с пивом.

— Садись, — предложил Борман, подставляя стул.

Штирлиц привычным жестом смахнул со стула кнопки и сел.

«Заметил, — ядовито подумал Борман, — Штирлица на кнопки не возьмешь.

Чувствуется рука Москвы».

Глаза Штирлица потеплели.

— Хорошее пиво, — сказал он.

«Темнит, сукин кот. Обмануть хочет. Нет, брат Исаев, не на того напал. А не сыграть ли мне с ним шутку? Что если ему очень тонко намекнуть, что им интересуется Ева Браун?»

— Штирлиц! А ведь вами интересуется Ева Браун! — вскричал Борман.

Штирлиц поперхнулся. С Евой Браун он встречался всего один раз, и тот на приеме у Фюрера. Штирлиц был о себе высокого мнения, как о мужчине, но эта мысль никогда не приходила ему в голову.

«Ева Браун может стать ценным агентом. Надо запросить Центр».

Штирлиц встал и высморкался в занавеску.

«Ключет или нет?» — подумал Борман.

Штирлиц посмотрел в окно.

— Какие ножки у этой крошки! — сказал он стихами. — Смотри, Борман.

Борман достал из стола цейсовский бинокль и подошел к Штирлицу. Минуту они молчали. За это время Штирлиц успел обдумать слова Бормана, а Борман догадался, что Штирлиц его отвлек.

«Водит за нос», — подумал Борман и ловко перевел разговор в другое русло.

— Послушай, Штирлиц, у тебя такие обширные связи. Не мог бы ты достать такую маленькую умненькую собачку с острыми зубами?

— Могу.

«Этот все может», — подумал Борман.

Штирлиц часто обещал что-либо Борману, как, впрочем, и всем остальным, но никогда ничего не делал.

— Ну мне пора.

Штирлиц стрельнул у Бормана еще парочку сигарет, механически сунул лежащее на столе дело подмышку и направился к выходу.

Борман бросился к столу и резко открыл верхний ящик. Около самой двери в десяти сантиметрах от пола натянулась бельевая веревка. Штирлиц ловко перепрыгнул через нее и, сказав «До свидания», скрылся за дверью.

«Профессионал!» — простонал Борман.

Да, Штирлиц был профессионалом. Он не стал листать украденное дело в коридоре, как поступил бы на его месте английский или парагвайский шпион, а выбрал самое укромное место в Рейхе.

Войдя в ватерклозет, Штирлиц обнаружил свежую надпись «Штирлиц — скотина и

русский шпион». Штирлиц старательно зачеркнул слово «шпион» и надписал слово «разведчик», а внизу приписал «*Борман — тоже скотина*».

Здесь же он пролистал дело пастора Шлага. В голове его начал созревать еще неясный, но уже план.

Когда Айсман разбудил его, был уже конец рабочего дня. Штирлиц вышел на улицу, вынул пачку «Беломора» и прикурил у часового. Чеканя шаг, прошла рота эсэсовцев, проехал бронетранспортер, обдав Штирлица брызгами.

«Скоты, — подумал Штирлиц, — нажрались и разъезжают. Вас бы на фронт, вшей кормить...»

При слове «кормить» Штирлицу захотелось тушенки. Он притушил папиросу, сунул ее назад в пачку, сплюнул два раза под ноги и решил сходить в ресторан.

Шагая по вечернему Берлину, Штирлиц думал о разных неприятных вещах. Во-первых, кончался «Беломор» и его приходилось экономить, что для Штирлица, не привыкшего себя ограничивать, было невыносимо. Во-вторых, интересно, какую информацию он может получить от Евы Браун, и разрешит ли Центр контакт. И, наконец, радистка Штирлица внезапно заболела и просилась домой, к мужу. Обо всех трех вещах следовало сообщить Центру. А на связь с Центром Штирлиц выходить не любил.

Раздумья Штирлица отвлекла группа молодых разряженных женщин, которые, громко хихикая, курили на углу и смотрели в его сторону.

«Шлюхи», — подумал Штирлиц.

«Штирлиц», — подумали шлюхи.

— Штирлиц! А не в ресторан ли ты идешь? — спросила одна из них, кокетливо поправляя прическу.

— Пойдем, — сказал галантный Штирлиц и взял ее под руку.

Американский агент 008, которому обычно поручались самые трудные дела, был заброшен в Берлин, чтобы выяснить, что так долго делает в германии русский агент по фамилии Штирлиц, а заодно попытаться перевербовать его. Агенту такие дела были привычны. На днях он как раз перевербовал пакистанского шпиона, который работал секретарем дуче в Италии. Штирлиц тоже представлялся агенту легкой добычей. За два дня агент 008 сумел выследить Штирлица и собрать на него настолько обширное досье, что этому позавидовал бы сам Мюллер.

Агент 008 следил за Штирлицем от самого Рейхстага. Когда Штирлиц вошел со своей дамой в ресторан, агент слез с велосипеда и прицепил его замком к урне. Всунув швейцару пятидолларовую бумажку, он закурил гаванскую сигару и вошел в зал. Выбрав столик около Штирлица, агент сел, положил ноги на стол и щелкнул пальцами:

— Бармен! Виски с содовой!

Двое гестаповцев около сцены, где высоко подкидывая прелестные ножки, танцевали канкан, переглянулись.

— По-моему, это американский агент, — шепнул один, — слишком нахальный. Запиши на всякий случай его фамилию.

Второй, более увлеченный девочками из варьете, чем какими-то американскими агентами, механически кивнул и заорал:

— Бис!

Штирлиц, обняв свою подругу, держал в руке стакан водки и увлеченно читал ей стихи Баркова в своем переводе. Сидящий рядом седой генерал пытался явно придуманными рассказами о своих похождениях на фронте очаровать молодую девушку и временами

заглушал Штирлица. Штирлиц уже несколько раз недовольно поглядел в его сторону, но из уважения к сединам ругаться не стал.

Агент 008 достал зажигалку, сделал три фотоснимка и прикурил.

— Вот вылезу из окопа на бруствер, — хриплым пьяным голосом вещал надоевший всем генерал, — а по полю партизаны. Пули вокруг свищут, а я саблю наголо, ору «Заряжай!» А по мне из пулемета — тра-та-та...

Громкий хохот подвыпивших эсэсовцев у окна перекрыл его слова.

— Совсем заврался, старый осел!

Генерал оглянулся и понял, что смеются над ним. Он вскочил, опрокинув стол, и выхватил саблю.

— Это ты, тыловая крыса, меня, боевого генерала!..

Сидящие в зале фронтовики, видя, что обижают их генерала, вскочили и схватились за оружие. Эсэсовцы тоже.

— Господа! Успокойтесь! — вскричал конферансье на сцене. — Мы все защитники Фюрера и великого Рейха, и в тылу, и на фронте.

Штирлиц, уже вытащивший из кармана кастет, не смог успокоиться и излил свой гнев на официанта:

— Почему пиво разбавлено?

— Но ведь вы его даже не попробовали, господин штандартенфюрер!

— Молчать! — и Штирлиц вмазал официанту кастетом. Он не любил доставать кастет просто так.

Официант перелетел через столик генерала и упал на колени его дамы. Дама завизжала, как поросенок, из которого хозяин решил сделать жаркое. Генерал снова вскочил.

— Это ты, тыловая крыса, меня, боевого генерала!..

Он в ярости схватил официанта и тоже вмазал.

Официант въехал головой в живот эсэсовцу. Тот согнулся пополам и заорал:

— Наших бьют!

Его товарищи кинулись на генерала, фронтовики встали на защиту, и завязалась обычная драка.

Как всегда, Штирлиц был ни при чем. Он спрятал кастет и достал браунинг с дарственной надписью «Штандартенфюреру СС фон Штирлицу от любимого Фюрера». Закричав «Наших бьют!», Штирлиц открыл стрельбу по люстрам. Девочки из варьете с визгом разбежались. Конферансье стащили со сцены и начали топтать ногами. Его визг был еще более душераздирающим, чем у генеральской дамы. До смерти перепуганный оркестр заиграл вдруг «Дунайские волны». Генерал размахивал саблей и кричал:

— Это вы, тыловые крысы, меня, боевого генерала!..

Когда у Штирлица кончились патроны, ни одна люстра уже не светила. Штирлиц закричал:

— Прекратить драку! — и бросился разнимать спорщиков.

Послышался звон разбитой посуды и сдавленный вопль, как будто кому-то попали по голове бутылкой.

— Полиция! — раздался крик.

Приехавшие полицейские начали с того, что выпустили по обойме поверх голов дерущихся. Беснующаяся толпа постепенно успокаивалась. Тех, кто не успокаивался, успокаивали. Зажгли свет. Затем вышел обер-лейтенант.

— Спокойно! Всем оставаться на своих местах!

И всех забрали.

После этого полицейские и оставшиеся в живых официанты вынесли трупы. Среди погибших оказался и агент 008. Ему случайно попали по голове бутылкой из-под шампанского. Так закончил свою карьеру знаменитый агент.

Всех арестованных погрузили по машинам и развезли по разным полицейским участкам. Штирлиц и боевой генерал попали в одну машину. Генерал не унимался:

— Это вы, тыловые крысы, меня, боевого генерала!..

— Дайте ему по голове, — равнодушно сказал Штирлиц.

Обер-лейтенант с удовольствием исполнил просьбу. Генерал изумленно замолчал.

Скоро они подъехали к полицейскому участку.

Штирлица посадили в камеру. Немного похажив из угла в угол, он начал выбивать на стене надпись «Здесь был Штирлиц», но его прервали.

— Арестованный Штирлиц, на выход.

Хмурый конвоир с перевязанной щекой отвел его в кабинет на допрос. За столом сидел обрюзгший майор и пил кофе.

— Фамилия?

— Штирлиц.

— Может ты и Штирлиц, а может и не Штирлиц. Кто тебя знает? Может ты русский шпион?

Штирлиц подошел ближе и сел.

— Слушай, майор, не возникай. Я в гневе страшен.

Майор, не ожидавший такого нахальства, разинул рот. А Штирлиц издевательским голосом продолжал:

— Ты мне сейчас кофейку обеспечь, а потом позвони моему другу Мюллеру. А иначе я могу тебе и морду твою свинскую набить...

Штирлиц еще бы долго изгалялся, полицию он не любил с детства, но майор вдруг стукнул кулаком по столу, так что чашечка с кофе подпрыгнула, и заорал:

— Молчать!!!

— Не ори, — попросил Штирлиц.

— Встать, когда разговариваешь с офицером!

Штирлиц был спокоен, как дохлый лев.

— Я штандартенфюрер СС фон Штирлиц, — по слогам произнес он, — не люблю, когда в моем присутствии орут всякие мерзавцы. Я требую кофе и Мюллера. Иначе объявляю голодовку сроком на двести дней. Неужели ваша дурная голова не в состоянии понять, что стоит позвонить моему любимому другу детства Мюллеру, и я, наконец, больше не буду иметь удовольствие видеть вашу гнусную рожу.

Завернув такую блестящую фразу, Штирлиц про себя порадовался и гордо улыбнулся.

Майор позеленел от злости.

— Молчать!!!

Штирлицу майор совсем перестал нравиться. Он собрался дать обнаглевшему полицейскому в зубы и дал. Конвоиры бросились к Штирлицу, но опоздали. Майор ударился о висящий на стене портрет Фюрера в полный рост. Портрет упал.

Штирлиц, отбросив конвоиров, гневно закричал:

— Оскорблять моего любимого Фюрера! Да я теперь сам не уйду отсюда, не начистив

ваши легавые морды!

С большим трудом разбушевавшегося Штирлица водворили обратно в камеру. Штирлиц долго буйнил, бил каблуками в дверь, ругался на неизвестном языке, потом немного успокоился и запел:

— Замучен в тяжелой неволе...

Очнувшийся майор нервно почесал в затылке, где от удара о портрет Фюрера вздулась огромная шишка.

«Чертов Фюрер, теперь месяц болеть будет. Не портрет, а сплошное недоразумение».

Майор походил по кабинету.

— Как бы чего не случилось... Мюллер шутить не любит... Что скажет по этому поводу Кальтенбруннер?... Может все-таки позвонить... На всякий случай...

И он позвонил Мюллеру. Шеф гестапо сказал «Ну, ну» и положил трубку. Майор, пожелтевший от страха, не знал, куда деваться. Он ходил из угла в угол, изредка посматривая на злополучный портрет фюрера и потирая шишку на голове.

Через полчаса приехал сытый и добродушный Мюллер.

— Какой Штирлиц? А, друг моего детства... Так что же вы его сразу не отпустили?

— Что вы, обергруппенфюрер! А вдруг он русский шпион?

Мюллер загадочно улыбнулся.

Они спустились в подвал к Штирлицу. Майор робко постучал в закрытую дверь, за которой Штирлиц горлопанил очередную песню. Штирлиц ответил коротко, тремя словами. Майор долго и униженно умолял Штирлица извинить его, глупого легавого кретина, и через полчаса Штирлиц его простил.

Он вышел из камеры и, не обращая внимания на стоящего на коленях майора, сердечно поздоровался с Мюллером. Старые друзья обнялись. Вспомнили детство. Штирлиц пожаловался, что его здесь обижали и плохо кормили. Майор от стыда желал провалиться сквозь землю.

Мюллер и Штирлиц вышли.

— Штирлиц, как же вас угораздило попасть в этот гадюшник?

— Так получилось. Был в ресторане с одной... Ну вы ее не знаете... Тут вдруг драка, а разве прилично, когда при даме драка? Полез разнимать. Никогда, дружище, не разнимайте дерущихся. Неблагодарные скоты!

Голос Штирлица звенел от неподдельного негодования.

«Штирлиц, — улыбался Мюллер, — столько лет живет в Германии, а до сих пор не научился нормально говорить по-немецки. И откуда только у него этот ужасный рязанский акцент? Нет, пока Штирлиц трезв, с ним просто противно разговаривать. Вот когда выпьет, да, он говорит, как коренной берлинец. Пожалуй, надо выпить».

— Кстати, Штирлиц...

Они переглянулись.

— Что за вопрос?!

Друзья детства понимали друг друга с полуслова. Мюллер взял Штирлица под руку, и они направились в ближайший ресторан.

ГЛАВА 4. В БУНКЕРЕ ГИТЛЕРА

В бункере Гитлера уже третий час длилось совещание. За круглым дубовым столом восседали высшие офицеры Рейха. Под портретом великого Фюрера сидел сам великий Фюрер, грустный и задумчивый. На него никто не обращал внимания. Обсуждалось два вопроса: почему немецкие войска потерпели поражение на Курской дуге, и как бы напроситься к Штирлицу на день рождения.

— Мало танков, — гундосил Гиммлер.

«А в штабе много идиотов», — думал всезнающий Мюллер.

— Мало самолетов...

Генерал фон Шварцкопфман встал, прокашлялся, высморкался в зеленый носовой платок и прохрипел:

— Господа! На Курской дуге мы потерпели поражение вовсе не из-за того, что было мало танков и самолетов, которых у нас, слава богу, хватает, а из-за наглости русских партизан. Командующему немецкими войсками на Курской дуге генерал-фельдмаршалу фон Клюге они подложили, извиняюсь, на сидение, Ёжика...

Все оживились.

— Да, да, господа! Русского Ёжика! Вследствие этого командующий упал со стула и получил ранение. И без мудрого руководства немецкие солдаты, — генерал вытер слезу, — не знали, куда стрелять.

Борман мерзко ухмыльнулся. Это по его приказу фон Клюге подложили Ёжика. Шутка удалась.

— Так, — сказал Гитлер.

Воцарилась тишина.

«Почему я импотент?» — горько подумал Фюрер.

Через несколько секунд умному Геббельсу случайно пришла в голову мысль.

— Надо уничтожить партизан, и мы захватим Россию.

— Не проще ли уничтожить Ёжиков? — предложил Гиммлер.

— Так, — сказал Гитлер.

Все снова замолчали.

«Ну почему же я импотент», — страдал великий Фюрер.

— Надо вывести всех Ёжиков из России, — глубокомысленно сказал Геринг.

— И тогда в России нарушится биологическое равновесие, — подхватил Гиммлер, — и партизаны перемерут с голоду.

— Гениально! — восхитился подхалим Шелленберг.

— И мы тогда покажем русским еще одну Курскую дугу и еще один Сталинград.

— Гениально! — орал Шелленберг.

— Так.

Гитлер поднялся, обошел стол, встал за спиной Бормана и похлопал его по потной лысине.

«Господи! Ну, почему же я импотент? Почему не он, не Геббельс, а именно я?»

И Фюрер пошел к Еве Браун. Все проводили его сочувствующими взглядами.

Дверь за Гитлером закрылась. Разговор возобновился.

— Предлагаю закодировать операцию словом «Игельс», — предложил Геббельс.

— Я — за, — сказал Мюллер, которому было все равно.

— Шелленберг, — попросил Гиммлер, — доставайте.

Шелленберг достал из-за пазухи бутылку армянского коньяка и разлил в рюмочки. Хватило на всех, а то, что осталось, Шелленберг вылил себе в рот.

— Предлагаю выпить за операцию «Игельс»!

Дверь со скрипом отворилась, и в комнату ворвался Штирлиц. Все тут же сели. Штирлиц услышал только несколько последних слов.

«Скрывают», — подумал он и решил сделать вид, что он зашел просто так. Штирлиц подошел к сейфу, достал отмычки и в гробовой тишине вскрыл его. Он копался минут пять, но ничего нового не нашел.

«Бездельники», — подумал Штирлиц и с шумом захлопнул дверцу.

— Товарищ Штирлиц, — послышался осторожный голос Геринга, у которого недавно пропала половина доклада Фюреру, а вторая половина оказалась сильно испачканной, — когда берете документики из сейфа, возвращайте обратно и не пачкайте, пожалуйста.

— Нужны мне ваши документы, — обиделся Штирлиц, — у меня своих хватает.

Он подошел к столу, отнял у Геббельса рюмку и провозгласил:

— За моего любимого Фюрера!

С недовольными лицами все выпили. Обделенный Геббельс обиженно посопел, достал бутылку шнапса и отхлебнул прямо из горлышка.

— Хайль! — и Штирлиц вышел.

От шнапса Геббельса передернуло так, что он подумал: «Яка гарна горилка!»

— На чем мы остановились? — спросил он, вытирая рот рукавом мундира.

— На операции «Игельс», — сказал Шелленберг.

Дверь снова внезапно приотворилась, и в нее просунулась довольная физиономия Штирлица.

— Да, господа, я, когда вошел, забыл поздороваться!

— Здравствуй, здравствуй, — сказал вежливый Мюллер.

Штирлиц еще раз закрыл дверь и ушел. Подслушивать под дверью он считал ниже своего достоинства.

Гиммлер встал, обошел стол и выглянул за дверь. Убедившись, что Штирлица поблизости нет, он оглядел своих соратников и, прищурившись, спросил:

— Кстати, господа, о Штирлице: как бы нам попасть к нему на день рождения?

— Предлагаю на халяву, — сказал Геббельс, — заодно и подарок покупать не надо.

Гиммлер взял из хрустальной вазы большое красное яблоко, с хрустом откусил половину, и, жуя, сказал:

— У меня на складе завалился маленький списанный бронетранспортерчик человек на десять-двенадцать... Поедем на нем, а потом подарим Штирлицу... Все равно выбрасывать.

Все потянулись за яблоками.

— А как назад? — спросил Геринг.

— Назад нас отвезут.

Они еще немного посплетничали, Борман похвалился новой секретаршей. Разговор зашел о женщинах, перекинулся на французскую порнографию, а потом у каждого нашлись свои дела.

ГЛАВА 5. ВЕРБОВКА ПАСТОРА ШЛАГА

Засунув руки в карманы, Штирлиц шел по коридору. Его настроение было на редкость веселым, что случалось с ним редко. Центр, наконец-то, ответил на его запросы, прислал посылку с папиросами и вскоре обещал прислать новую радистку.

Из-за двери с надписью «Гестапо» доносились жалобные стенания, словно за этой дверью кому-то дали в нос.

«Странный кабинет, — подумал Штирлиц, — здесь постоянно кого-то бьют».

Дверь со скрипом отворилась, и Штирлиц увидел своего хорошего друга Айсмана. Штирлиц не без удовольствия вспомнил, как на прошлой неделе они разгромили публичный дом, хозяин которого оказался евреем.

— А, Штирлиц! — единственный глаз Айсмана радостно засверкал, — ты-то мне как раз и нужен. Вопросик есть. Столица Советского Союза из шести букв на «Мы». А?

— Не знаю. Мадрид, наверно.

— Подходит.

Айсман вписал «Мадрид».

— Кого бьем? — деловито поинтересовался Штирлиц, прикуривая.

Айсман потянулся за «Беломором».

— Есть тут один. Некто пастор Шлаг.

Они вошли в кабинет. Два потных дюжих гестаповца методично избивали толстенького человечка в рясе. На лице человечка застыло покорное благочестивое выражение.

— В чем тебя обвиняют, скотина? — орал гестаповец. — За что тебя взяли? Где твое дело?

— Вот, — сказал Айсман, — Борман дал распоряжение пощупать, а дело потеряли. А этот гад не сознается, в чем виноват.

— В чем тебя обвиняют? — хором надрывались гестаповцы.

Пастор молчал. Штирлиц вспомнил про дело этого пастора, которое он когда-то где-то видел.

— Отдай его мне, Айсман, — попросил он.

— Зачем тебе эта толстая свинья?

— На Бормана похож.

Айсман захохотал. Гестаповцы доставили Шлага в кабинет Штирлица. Пастор стоял по стойке «смирно». Штирлиц присел на край раскладушки и пристально посмотрел на пастора.

— Садитесь.

— Спасибо, я постою.

— Садитесь, черт вас возьми.

Пастор Шлаг устало опустился на табуретку.

— Чаю хотите? — спросил Штирлиц и налил ему стакан холодного чая.

Они говорили около получаса. Штирлицу пастор понравился. Шлаг, без сомнения, был умен, а его размышления о женщинах привели Штирлица в восторг.

— Все это хорошо, — сказал Штирлиц, — а все-таки, пастор, на кого вы работаете?

— Господин штандартенфюрер! Я готов работать на кого угодно и, честное слово, я ни в чем не виноват.

— Прекрасно, — сказал Штирлиц, — вы будете работать на меня.

Он достал папку с надписью «Дело N 148».

— Это я взял у гестапо ваше дело. Почитайте!

Пастор просмотрел дело. Дойдя до места, где его обвиняли в работе на чью-то разведку, он удивленно приподнял брови.

— И с чего они взяли, что я на кого-то работаю? Ведь это же ерунда!

— Теперь вы работаете на меня, — напомнил Штирлиц.

— Да, да, конечно.

— Пастор, а зачем вам так много женщин?

— Это мои прихожане, — потупил очи пастор Шлаг, — вернее, прихожанки.

— А сколько вам лет?

— Зимой будет пятьдесят два.

— А почему вы до сих пор не женитесь?

Пастор Шлаг смущенно покраснел.

— Я еще слишком молод, чтобы думать о женщинах.

Штирлиц повертел в руке карандаш и выписал пропуск.

— Вы свободны. Когда понадобится, я вас найду. Если кто будет приставать, ссылайтесь на меня, я им морду набью, они меня знают.

Пастор долго благодарил Штирлица и, не веря еще, что он, наконец-то, свободен, ушел.

Штирлиц потянулся, зевнул и лег на раскладушку. В его голове созревал колоссальный план. Он задремал. Вдруг в кабинет ворвался Айсман.

— Ты что, его отпустил?

— Кого? — сонно спросил Штирлиц.

— Этого пастора вонючего...

— Он раскололся, — скучая, сказал великолепный Штирлиц, — и даже согласился стать моим агентом.

Айсман уважительно посмотрел на Штирлица и поправил черную повязку на глазу.

— Да, Штирлиц, однако, умешь ты работать с людьми.

Они попили чаю, Айсман рассказал пару новых хамских проделок Бормана и посоветовал остерегаться садиться на второй от двери унитаза.

Так они просидели до конца рабочего дня.

ГЛАВА 6. ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ШТИРЛИЦА

Штирлиц родился в январе, но свой день рождения отмечал Первого Мая, чтобы показать свою солидарность с международным рабочим классом. В прошлом году, в этот день он пригласил одного Мюллера, но по гнусной инициативе Гиммлера, к нему домой заявила вся верхушка Рейха, которая считала своим долгом поздравить его с праздником, и каждый, как бы издеваясь, дарил то портрет Сталина, то кирзовые сапоги, то полное собрание сочинений Карла Маркса на китайском языке, а Борман даже сподобился подарить свою старую секретаршу. Этого Штирлиц ему простить не смог. Секретаршу он тут же вручил Шелленбергу, который за это подмешал Борману в нарзан немного пургену.

Один только добрый и интеллигентный Мюллер преподнес Штирлицу подшивку французской порнографии за 1917 год.

Все было бы ничего, если бы офицеры не укушались до свинского состояния и не загадили Штирлицу всю квартиру. Штирлицу не было жалко разбитой хрустальной люстры, сервиза, поломанной мебели, но это было дело принципа, и на этот раз Штирлиц приглашать никого не стал. Он со всех сторон обдумал свое положение и предусмотрительно решил отметить день рождения на даче в обществе пастора Шлага и его прихожанок, скрывшись тем самым от непрошенных гостей.

Стол поставили буквой «Ш». Довольный Штирлиц щедро раздавал указания и, хотя его никто не слушал, чувствовал себя большим начальником. Агентура пастора Шлага, одетая в белые переднички, хлопотала на кухне, накрывала на стол, с восторгом ловила каждое слово господина штандартенфюрера.

Английский агент, загримированный под женщину и тоже в белом передничке, кропотливо маскировал по углам микрофоны. Сердце его пело. Он, наконец-то, вышел на самого Штирлица.

Автобус с женщинами приехал всего три часа назад. Любопытные женские лица выглядывали из окон автобуса на вышедшего им навстречу Штирлица. Он был в халате, распахнутом на волосатой груди. На его голове была натянута сеточка. Зачем, Штирлиц не знал, но он видел точно такую же у Шелленберга.

Сегодня Штирлиц снова принимал ванну.

Пастор Шлаг вылез из кабины и отдал честь.

— Сколько? — спросил Штирлиц, бросая быстрый взгляд на автобус.

— Двадцать одна.

— Очко, — порадовался Штирлиц.

— Двадцать проверенных агентов и одна новенькая, — сказал пастор Шлаг, розовощеко улыбаясь.

— Командуйте, — разрешил Штирлиц.

Пастор Шлаг набрал полную грудь воздуха и препротивным голосом заорал:

— В одну шеренгу становись!

— Становись, становись... — отозвалось эхо, и в кустах что-то зашуршало.

Женщины, хихикая и переговариваясь, вылезли из автобуса, и через двадцать минут пастору удалось их построить.

Штирлиц принял боевой вид и сказал:

— На первый второй рассчитайсь! Первые номера — на кухню, вторые — накрывать на

стол.

Женщины сновали туда-сюда, а Штирлиц и пастор Шлаг играли в подкидного дурака на щелбаны. Когда все было накрыто, Штирлиц сел во главе стола, а пастор Шлаг оправил белую манишку и поднял бокал шампанского.

Внезапно во дворе заурчал мотор. Штирлиц посмотрел в окно. Из подъехавшего бронетранспортера вылезал Борман. Дача была оцеплена эсэсовцами. Эсэсовцы сидели на всех деревьях, в кустах, на крыше и в других интересных местах. Практичный Шелленберг хотел застичь Штирлица врасплох и еще за неделю велел окружить дачу. Из бронетранспортера выползли Гиммлер и Геббельс, и Штирлиц смачно плюнул на только что вымытый пол. Гиммлер, уже порядком набравшийся (по дороге они заехали в женский концлагерь, и комендант угостил их наливочкой), убеждал Геббельса, что Штирлицу будет в три раза приятней, если бронетранспортер заедет прямо в дом.

Штирлиц умел сдерживать свои чувства.

— Заразы!!!

Он схватил бутылку шампанского и метнул в сервант. Посыпались осколки.

— Я тоже не люблю шампанское, — сказал подошедший Мюллер. Офицеры весело рассаживались за столом, обнимая прихожанок пастора Шлага, Борман потянулся за гусем с яблоками и опрокинул канистру с квасом.

Мюллер преподнес Штирлицу букет красных роз.

— Предлагаю, — заорал Геббельс, — выпить за истинного патриота Рейха, штандартенфюрера СС фон Штирлица.

— Хайль Штирлиц! — закричали гости.

Мрачный Штирлиц один за другим кушал из большого серебряного блюда пельмени.

Шелленберг привстал, потянулся за куском торта, Борман подложил ему большую кнопку. Шелленберг подскочил до потолка и приземлился на стол, опрокинув на Гиммлера трехлитровую банку с майонезом. Нерастерявшийся Гиммлер, не разобрав, кто это сделал, дал в нос сидящему рядом Герингу. Тот опрокинулся вместе с креслом.

Штирлиц наливал Мюллеру очередную стопку коньяка.

Опрокинутый Геринг подполз к столу и попытался встать. Вставая, он зацепился головой за ногу Геббельса, который произносил тост, и приподнял его над столом. Геббельс, ничего не понимая, закричал «На помощь!» и упал на стол. Женщины зашлись от смеха.

Мюллер наливал Штирлицу очередную стопку коньяка.

Геббельс, угодивший лицом в блюдо с карпами, пытался доказать ничего не понимающим рыбам превосходство арийской расы над всеми другими и агитировал записываться в «Гитлерюгенд».

Укушавшийся адъютант Гиммлера по имени Фриц, шатаясь, подошел к Штирлицу и стал поздравлять его с днем рождения.

— Я восхищаюсь вами, господин штандартенфюрер! Вы — мой идеал контрразведчика! Они выпили на брудершафт.

Мюллер, которому понравилась сидящая рядом блондинка, посмотрел на часы и сказал:

— По-моему, нам пора спать.

Гиммлер встал и покачал перед носом Штирлица указательным пальцем:

— А все-таки, Штирлиц, вы бо-ольшая свинья, пытались от нас скрыться на даче...

— Извинитесь! — возмутился адъютант Фриц и влепил Гиммлеру пощечину.

— Извините меня, Штирлиц, — сказал Гиммлер.

Пьяный Борман обходил стол и по очереди пытался завести знакомство с женщинами. От него несло водкой и чесноком, и женщины с отвращением отталкивали его. Английский агент спрятался от Бормана под столом.

Не солоно хлебавши, Борман сел рядом с пастором Шлагом.

— Б-борман, — сказал Борман, протягивая потную ладонь.

Они познакомились и выпили. Закусили. Еще выпили. Вскоре пастор Шлаг, подтягивая в терцию с Борманом, запел:

— От Москвы до Британских морей...

Вольф, Холтофф и фон Шварцкопфман затеяли преферанс. Пулю писали мелом на полу. Фон Шварцкопфман проигрывал и ругался. Вокруг них столпилось большинство женщин, они с азартом наблюдали за игрой и подсказывали незадачливому фон Шварцкопфману.

Гиммлеру стало плохо, он залез под стол и заснул, потеснив английского агента.

Штирлиц вспомнил, что сегодня у него день рождения. Он с отвращением оглядел зал и понял, что праздник испорчен.

«Их бы собрать всех гадов где-нибудь... Только не на моей даче... И запалить фитиль у ящика с динамитом...» — устало подумал Штирлиц.

Он плюнул в Геринга, прихватил с собой бутылку портвейна и направился в туалет отдохнуть от вульгарного шума.

Из-под стола вылез английский агент и по-пластунски пополз в том же направлении.

Туалет Штирлица был отделан югославским кафелем. Рядом с бассейном стоял голубой финский унитаз. Штирлиц присел, подпер щеку кулаком и задумался, глядя на репродукцию картины Левитана «Русская осень». Штирлицу вспомнилась родная деревня, стог сена, девушка с родинкой на левой груди.

«Черт возьми, — подумал Штирлиц, — кругом одни жида!»

И тут ему пришла в голову мысль поздравить Центр со своим днем рождения. Штирлиц попытался вспомнить, куда он прошлый раз засунул рацию. Ни под умывальником, ни в бачке он ее не нашел. Зато в самом унитазе обнаружил нечто похожее. По крайней мере, это нечто было со знаком качества.

«Феликсу от Юстаса. Совершенно секретно, — передавал Штирлиц открытым текстом. — Поздравляю со своим днем рождения, желаю счастья в труде и в личной жизни. Юстас».

Центр не отвечал.

«Заснули они там что ли?» — подумал Штирлиц и повторил сообщение.

Было похоже, что в Центре уже отметили день рождения, надрались и спят. Штирлиц огорчился, что там надрались без него. И выключил рацию.

«Понавешали тут!» — он дернул за веревочку, бачок заурчал.

Английский агент за дверью сменил кассету. Неудовлетворенный Штирлиц пнул дверь ногой, дверь ударила агента по носу, и Штирлиц, забыв бутылку портвейна, пошел к столу.

Агент, потирая распухший нос, вошел в туалет.

«Где он прячет рацию?»

Агент стал искать и сразу нашел бутылку портвейна.

Борман, напоив пастора Шлага так, что тот упал под стол, привязал его шнурки к ножке стола и, потирая руки, по привычке пошел в туалет. В туалете английский агент пил портвейн.

— П-пардон, мадам, — сказал Борман, закрыл дверь и тупо уставился на букву «М».

«У Штирлица перепутаны таблички на дверях. На женском туалете висит табличка «М». Тут надо подумать. Что скажет по этому поводу Кальтенбруннер?»

Задумчивый Борман взвесил все «за» и «против», загнул три пальца и поменял таблички. Потом подумал, что сделал доброе дело, и поменял таблички назад.

— Люблю порядок, — сказал он вслух и вошел в другую дверь.

Раздался визг, и Борман вышел с отпечатком ладони на правой щеке.

«Левша, — подумал Борман, — ничего не понимаю!»

И обиженный Борман пошел в сад.

В зале все уже спали. Генерал фон Шварцкопфман во сне бормотал:

«Шесть пикей — «Сталинград». Куда вы с бубями, ваши не лезут...»

И только Штирлиц сидел в углу и при свете торшера читал Есенина. — Нет, не могу я видеть вас — Так говорил я в самом деле, И не один, а сотню раз, — А вы — и верить не хотели...

ГЛАВА 7. ХОТЕЛ ПРОСТО ПОПИТЬ ПИВА...

Мостовая блестела после дождя, но солнце уже освещало мрачные берлинские улицы и предвещало прекрасный день. Выставленный кем-то в открытое окно репродуктор на всю улицу пел женским голосом о том, как хорошо, когда над Германией светит солнышко, и рядом с тобой — твой милый.

«Не плохо бы съездить на пляж», — подумал Штирлиц, останавливаясь у пивного ларька.

Последнее время русский разведчик чувствовал себя очень уставшим. Все его замучили: Центр, который обещал прислать новую радистку, но не торопился выполнять обещание, пастор Шлаг, который почему-то решил, что Штирлицу нужны женщины и присылал их к нему прямо на работу. А уж об офицерах Рейха и говорить не приходится! Они Штирлица прямо-таки достали!

— Пиво есть? — спросил Штирлиц у молоденькой миловидной продавщицы.

— Да, господин Зенгель.

— Не называй меня, девочка, Зенгелем, — попросил Штирлиц, — моя новая кличка в контрразведке — господин Бользен.

— А вы не называйте меня девочкой, господин Бонзель.

— Согласен, — улыбнулся Штирлиц и поцеловал ее в ухо. — «Жигулевского» нет?

— Только «Баварское», — вздохнула продавщица.

— «Жигулевского» нет, очередей нет! — привычно повозмушался Штирлиц. — Что за страна!

— Ох, и не говорите, господин Бользен! Как только люди тут живут!

— Мне двадцать штук.

Штирлиц погрузил в рюкзак ящик пива и подал девушке пять марок.

— Сдачи не надо!

Бутылки радостно позванивали у Штирлица за спиной, навевая самые приятные мысли. Штирлиц любил путь домой, когда за спиной громыкает рюкзак с пивом, а в голове царит предвкушение приятного времяпровождения. В такие минуты ностальгия по Родине отступала. Штирлиц вспомнил, как четырнадцать лет назад, в Урюпинске, он купил, отстояв полтора часа в очереди, пять литров пива в целлофановый пакет и, когда нес его домой, выпил все по дороге, так как в пакете обнаружились дырки.

Невероятно, но этот полиэтиленовый пакет буквально преследовал Штирлица в первые месяцы его пребывания в Германии. Что-то еще он оставил в те далекие годы в славном городе Урюпинске, но что, Штирлиц вспомнить не мог, потому что друзья-чекисты избили его до потери сознания, и так замутненного после пяти литров пива.

— Если бы я послал Айсмана за пивом, — подумал Штирлиц вслух, — и он бы его не принес, я бы его убил.

С некоторых пор Штирлиц для конспирации думал вслух. Чего только не узнавали его соратники по партии о себе в такие минуты.

Привычно открыв ногой дверь в подъезд, Штирлиц начал подниматься по лестнице.

— Папаша! Закурить не найдется?

Штирлиц поднял взгляд. Три подростка с нашивками «Гитлерюгенда» сидели на подоконнике со смазливой девчонкой. Один из них брэнчал на гитаре. Опорожненная

бутылка дешевого вина валялась на полу.

«Тоже мне, пионеры!» — подумал Штирлиц, протягивая папиросу.

— А теперь спичку!

«Нарываются», — подумал Штирлиц, протягивая коробок.

— А что у тебя в рюкзаке?

— Пиво.

— Снимай рюкзак!

Штирлиц вздохнул и снял рюкзак, достал кастет, но подумав «Все-таки дети», положил обратно. Штирлиц любил детей.

— Долго еще ждать? — спросил обнаглевший юнец.

Звонкой оплеухой Штирлиц сшиб его с подоконника, ловко подхватил за шкуру и мощным пинком запустил его по лестнице.

Оторопевшие подростки хотели ускользнуть на верхний этаж, но ни один из них не покинул место инцидента без помощи Штирлица.

— Сколько лет? — спросил Штирлиц, взяв испуганную девчонку за подбородок.

— Семнадцать...

— Пиво будешь? Пошли.

В прихожей было накурено. Здесь же стояли черные лакированные сапоги с надетой на них фуражкой.

«Не иначе как Айсман, — подумал Штирлиц. — Больше трех бутылок не дам. Старая халява!»

Он пнул фуражку ногой, сдернул с вешалки грязные портянки Айсмана, и, прислушиваясь к доносившейся матерщине, прошел в комнату.

Айсман, упираясь пятками в свежую скатерть, развалился в кресле, обнимал двух красоток и рассказывал похабные анекдоты. В этом он был большой дока и порой смешил даже Штирлица, который, как чекист, стремился быть невозмутимым.

— Айсман! — рассвирепел Штирлиц. — Ты почему сам разулся, а баб не разул?!

— А может тебе их еще и раздеть? — отозвался Айсман.

Не отвечая, Штирлиц подошел к столу, спихнул ноги Айсмана, поставил на стол стакан из кармана и налил коньяка. Закусив огурчиком, который ему услужливо протянула одна из красоток, Штирлиц сказал:

— Сам раздену, если надо будет.

Тут в комнату вошла девушка с лестницы. Она тащила за собой громахающий рюкзак.

— Пиво! — возрадовался Айсман, вскакивая с кресла и, мгновенно растеряв свой respectable вид, в три прыжка оказался у рюкзака. — А это что за лапочка?

— Познакомься, — сказал Штирлиц. — Как тебя зовут?

— Елена, — пролепетала девочка.

— Елена — это хорошо! — довольный Айсман доставал бутылки и расставлял их на полу, как фельдфебель расставляет своих солдат на плацу. — Чисто немецкое имя. А вот это, — он указал на своих красоток, — Эльза и Гретхен, или нет, наоборот, Гретхен и Эльза. Или... Впрочем, это не важно.

Они сели за стол и стали пить пиво из бутылок. Штирлиц давно научил офицеров Рейха пить прямо из горла, ссылаясь на свои хорошие манеры.

Айсман занялся Эленой и полез к ней под юбку. Елена смущалась и создавала видимость, что ничего особенного не происходит.

— Люблю молоденьких девочек, — пояснил Айсман Штирлицу.

— А я люблю Фюрера! — флегматично сказал Штирлиц.

— И я тоже! — поддакнула Елена.

— Фюрера каждая собака любит. Ты меня полюби, — не унимался Айсман, пытаюсь раздеть сопротивляющуюся Элену, которая стеснялась Штирлица.

— Ну, — говорил Айсман, делая вид, что теряет над собой контроль. — В этом же нет ничего плохого. Вот был вчера в офицерском клубе, там такой стриптиз показывали, мы так нажрались.

— Подумаешь стриптиз! — сказала одна из красоток, кажется Эльза, оставив Штирлица на некоторое время в покое. — Я лучше могу!

— Посмотрим, — сказал Айсман.

«Опять бардак, — подумал Штирлиц. — А ведь хотел просто попить пива! В этой Германии все не как у людей...»

Штирлиц вздохнул, встал, подошел к радиоприемнику. Радио Берлина, охрипнув от чревоуещаний доктора Геббельса, передавало спортивные новости. Штирлиц покрутил ручку громкости, заглушив ржание Айсмана.

Репродуктор, подрагивая мембраной, бодрым молодцеватым фальцетом бубнил:

— Сегодня в семнадцать тридцать по Берлинскому времени состоится футбольный матч на кубок «Седьмая улыбка Евы Браун» между нашими любимыми командами «Морские львы» и «Небесный эдельвейс».

— Айсман! Ты любишь «Морских львов»? — спросил Штирлиц, возвратившись в кресло.

— Не пробовал, — всхрапнул Айсман, поглаживая колени Элены.

— Как я тебе нравлюсь, Штирлиц? — вызывающе помахала ножкой голая Эльза на столе. — Лучше мой стриптиз, чем тот, который видел Айсман?

— Не люблю стриптиз, — сознался морально устойчивый Штирлиц. — Люблю футбол.

— О! — воскликнул Айсман. — Женский футбол — это хорошо! Помню в Мадриде там были такие клевые телки! У одной во время игры порвались трусы. Весь стадион оборжался!

— Какой женский футбол? — поморщился Штирлиц. — Ему предлагают сходить на матч, а он хочет какие-то трусы!

— Отличная идея! — вскочил Айсман. — И как она пришла к тебе в голову? Я бы не додумался! А за кого будем болеть?

— Не знаю. Давай подкинем десять пфеннигов, — Штирлиц всегда называл немецкие пфенниги по-разному, всенародно объясняя это презрением к мелким монеткам, а на самом деле потому что не мог запомнить это слово. — Если орел — «Небесные львы», решка — «Морской эдельвейс».

— Монетка есть? — спросил Айсман у Элены. — О, отлично!

Он подкинул монету и полез доставать ее из-под дивана.

— Скоро там? — поинтересовался Штирлиц.

— У, черт! — запыхтел Айсман. — Я, кажется, застрял.

Женщины с радостным визгом, как будто они этого долго ждали, бросились к ногам Айсмана.

— А-а-а! — орал тот, отбрыкиваясь, и в конце концов вылез пыльный и озадаченный.

— Не нашел. Но, по-моему, это был орел.

— Елена! — скомандовал Штирлиц. — Достань!

Девушка полезла под диван. Айсман с вождением разглядывал ее стройные ножки и белые трусики.

— Что хорошо в женщинах, так это их нижнее белье, — шепнул он на ухо Штирлицу.

— Фу, — сказал Штирлиц. — Эй, под диваном! Сколько там пофингов?

— Десять пфеннигов!

Элена вылезла из-под дивана.

— Возьми себе на мороженое, — сказал добрый Штирлиц.

— А как лежало? — волновался Айсман, проявляя профессиональное любопытство. —

Орлом или решкой?

— Кажется, орлом.

— Я же говорил! — воскликнул обрадованный офицер. — И стоило проверять!

— Значит, — решил Штирлиц, — бодем за «Морских львов». Предлагаю сделать флаг.

Он поднял с пола юбку Эльзы, которая, сидя на столе, болтала ногами.

— Это, пожалуй, нам подойдет.

Айсман залез на окно, сорвал шторы, отодрал карниз.

— Древко для флага, — пояснил он.

Они раскрасили юбку в цвета любимой команды. Штирлиц свернул из жести огромный рупор. Айсман принес из туалета две мотоциклетные цепи.

— А с вами можно? — попросилась Гретхен, поправляя прическу перед разбитым зеркалом на стене.

— Нет. В футбол играют настоящие мужчины. Женщинам там не место.

— Вы же не играть идете, а смотреть, — капризничала Гретхен, — мы тоже хотим посмотреть! Ну, Штирлиц! Ну, Айсман!

— Может возьмем? — предложил Айсман шепотом.

— Женолюб! — так же шепотом ответил Штирлиц и громко спросил. — Кто тебе, Эльза, сказал, что мы не будем играть?

— Еще как будем! — пропел Айсман, проверяя цепи на прочность.

— Я не Эльза, я Гретхен, — закапризничала девушка. — Ну, Штирлиц! Мы хотим с вами сходить на футбол.

— Сходите лучше на стриптиз, — присоветовал Штирлиц, — ключи на гвозде, потом закроете квартиру. И чтоб везде навести полный порядок!.. Элена! Оставишь на столе свой телефон.

ГЛАВА 8. ФУТБОЛ

Они прогромыхали по лестнице и сели на мотоцикл Айсмана, отличающийся отсутствием глушителя и смрадным выхлопным дымом. Айсман заправлял его ворованным авиационным бензином и постоянно ругался с полицией. Полиция не любила Айсмана.

С треском они промчались по улицам. Штирлиц размахивал флагом и орал, вспоминая золотое детство:

*Я не люблю тех дураков,
Которые не любят «Львов»!
В Берлине нет покоя веков
Команды лучше «Морских львов»!*

Через пятнадцать минут они подкатили к разукрашенным воротам центрального стадиона имени речи Фюрера на пятом съезде НСДАП.

Тут же подскочил чернявый мужичок с пачкой билетов.

— Господа офицеры! Могу уступить два билета по двадцать пять марок.

— Спекулянт что ли? — подозрительно прищутив глаза, спросил Штирлиц. — Айсман, дай ему по чайнику.

Айсман махнул цепью, спекулянт рухнул на мостовую с разбитой головой.

Расталкивая толпу, приятели прорвались к проходной.

— Ваши билеты! — потребовал контролер с перебитым носом и фигурой боксера.

— Какие билеты! Не видишь, мы с флагом! Айсман, дай ему по чайнику!

— Проходите, не задерживайте! — вовремя сориентировался боксер.

— Дяденька, — подергал Штирлица за штанину мальчуган с перепачканным сажей лицом и в клетчатой рубашке. — Проведите на матч...

— Этот шкет со мной, — обронил Штирлиц.

К Айсману подскочили эсэсовцы.

— Слушай, Айсман, мы с тобой старые друзья. Драка будет?

— Штирлиц кастет взял, — доверительно сообщил Айсман. — Я тоже.

— А за какую команду он будет болеть?

— Флаг видишь?

— «Морские львы»? Ну, спасибо тебе, Айсман.

Эсэсовцы побежали на свои места, оповещая своих приятелей о полученной информации.

Штирлиц зашел на трибуну и выбрал самые лучшие места.

— Еврей? — спросил он у сидящего толстячка, который вдруг отчего-то оживленно замотал головой. — А почему не в концлагере? Айсман, непорядок!

— Аусвайс! — заорал Айсман, замахиваясь цепью.

— Я, я... — залепетал толстячок. — Садитесь, господин штандартенфюрер.

— Один, — проговорил Штирлиц, усаживаясь на освободившуюся лавку, — а занимает три места! Садись, Айсман.

Разложив цепи, Айсман сел.

— Пить хочется, — сказал он, поворачивая голову то вправо, то влево и как бы кого-то

высматривая в толпе. — Эй, шкет, сгоняй за пивом!

Паренек, которого Штирлиц провел через проходную, лихо козырнул и помчался в буфет.

— Быстро бегают, а? — Айсман пощелкал пальцами. — О, началось!

Штирлиц зорко смотрел, как на поле выбегают футболисты. Капитаны пожали друг другу руки. Штирлиц засвистел.

На противоположной трибуне забеспокоились эсэсовцы.

— «Морские львы»! — скандировали они, преданно глядя в сторону Штирлица.

На трибуне Штирлица моряки стали переругиваться с летчиками.

— «Морские львы» — самая лучшая команда!

— Для уборки сортиров, — отвечали летчики.

— Господа, вы все свиньи! И «Эдельвейсы» ваши тоже!

Прибежал шкет и доложил, что без денег пива не дают.

— А ты сказал, что ты от меня? — рассердился Айсман.

— Да, господин офицер.

— У, скоты! Пойду разберусь!

— Айсман, сиди. Сейчас начнется самое интересное.

Айсман выделил мальчику пять марок.

— Если хоть одну разобьешь, будешь иметь дело с гестапо!

Гестаповцы, постепенно занявшие места вокруг и разогнавшие штатских, подобострастно захохотали. Айсман победно приосанился, взял цепь, в очередной раз проверил ее на прочность и сказал Штирлицу:

— Хороша! Как девушка!

Заметив Штирлица, подбежал репортер в кожаной куртке, увешанный фотоаппаратами с длинными объективами, отчего он был похож на кактус.

— Господин Штирлиц, — он протянул микрофон, — как вы считаете, чем окончится матч?

Штирлиц повернулся к Айсману.

— Тут чем-то запахло! По-моему, вот от этого, в кожаном.

Штирлиц не любил репортеров после того, как они не упомянули, когда брали интервью у Фюрера, что легендарный труд «Майн кампф» был написан в соавторстве со Штирлицем.

Айсман отпихнул репортера, тот поскользнулся на арбузной корке и упал в первый ряд.

Раздался пронзительный свисток судьи. Футболисты начали пинать ногами мяч и друг друга. Моряки и летчики продолжали ругаться, переходя к все более замысловатым эпитетам. Гестаповцы осмеивали и тех и других, эсэсовцы обидно свистели. На матч никто внимания не обращал. Но перейти от оскорблений к делу никто не решался, пока молчал Штирлиц.

Айсмановский паренек принес пива и пять марок.

— Они сказали, что извиняются. Они не знали, что господин Айсман просит пиво для господина Штирлица.

— Молодец, — похлопал по зардевшейся от восторга щеке Айсман. — Вырастешь, гестаповцем станешь! Штирлиц, пиво пришло!

Штирлиц открыл о край лавки первую бутылку и запрокинул голову. Пока он пил, царило томительное молчание. Гестаповцы жадным взглядом следили, как бутылка

опорожняется.

— Угощайтесь, друзья, — сказал подобревший Штирлиц, оторвавшись от бутылки. Гестаповцы потянулись к ящику.

Репортер, выбравшись из первого ряда, пронзительно закричал, взвизгивая на каждой гласной:

— На стадионе пить спиртные напитки запрещено! Полиция! Тут распивают алкоголь! Гестаповцы щелкнули зубами, как затворами.

Штирлиц снова отнял бутылку ото рта, отер губы и проговорил:

— Он меня утомил.

— У, гад! — заорал Айсман и, размахивая цепью, бросился к репортеру, сигая через ступеньки. За ним летели негодующие гестаповцы.

Штирлиц встал на трибуне и начал размахивать флагом. Это был сигнал.

Началась всеобщая драка. Моряки месили летчиков, те — моряков, эсэсовцы и гестаповцы — и тех и других, и еще штатских. Каждый занимался своим делом.

Душа Штирлица ликовала.

Он схватил цепь, закрутил ее над головой, уподобляясь вертолету, и в несколько прыжков спрыгнул на поле.

Под руководством капитанов команды молотили по ненавистным рожам соперников и судьи.

Штирлиц пробрался к судье, поднял его за майку и прохрипел:

— Ты почему плохо судишь? И почему один? Должно быть три судьи! Где еще два?

— Их забрали на фронт! — страдал бедный судья, — не бейте меня по лицу, у меня дети и плоскостопие!

— Тоже мне, дальтоник! — воскликнул Штирлиц и, подхватив мяч, понесся к вражеским воротам. Долбанув вратаря по голове цепью, Штирлиц мастерски забил гол.

— Гол! — заревел он.

— Гол!!! — отозвался стадион.

На табло загорелась огромная цифра «1».

Среди дерущихся футболистов замелькала полицейская форма.

— Руки! — орал капрал. — За голову! Куда?!!!

Штирлиц полез на ворота. Четверо полицейских повисли у него на ногах, как кокосовые орехи. Штирлиц отбрыкивался и кричал:

— Скоты! Легавые морды! Ненавижу!

Со Штирлица стащили сапог, а он с ловкостью орангутанга залез на перекладину и стал бить цепью всех, кто к нему приближался.

На поле въехали еще четыре полицейских машины. На трибуне Айсман орал в рупор отборнейшие ругательства и, если бы не перевязанный глаз, сошел бы за Геббельса. К воротам Штирлица дюжие полицейские тащили брандспойт.

Неожиданно Штирлиц заметил на своем носке дырку, сквозь которую просвечивалась грязная пятка.

— Отдайте сапог, и вам ничего не будет! — крикнул он.

Десятка три полицейских окружили ворота.

— Слезай, хулиган!

Штирлиц спрыгнул и начал крушить цепью по наглým полицейским.

Побоище продолжалось минут пять. Штирлиц, к великому облегчению полицейских,

споткнулся, его повалили на траву, отобрали цепь и связали.

Перевернутого вверх ногами Штирлица понесли в машину, а он смотрел как на трибуне Айсман выламывает со своей бригадой скамьи и устраивает настоящую баррикаду. «Часов пять продержится,» — с надеждой подумал Штирлиц. Его бросили в машину вместе с десятком других правонарушителей. Через минуту машина быстро уехала с поля, так как майор, руководящий операцией, боялся, что пленных могут освободить.

ГЛАВА 9. ОШИБКА ТРЕЗВОГО ПОЛИЦЕЙСКОГО

В полицейском участке перед захваченными хулиганами извинились.

— Господа болельщики! Администрация просит прощения за отсутствие удобных одиночных камер. Не далее как вчера состоялась забастовка проституток Берлина, и камеры переполнены.

— Небось опять понизили зарплату, — мрачно сострил Штирлиц. — И куда только смотрит профсоюз? За какие-то вонючие десять марок обслуживать вшивых немецких солдат!

Майор, снявший фуражку и оказавшийся внезапно белобрысым и ушастым, вытер лоб рукавом мундира и с интересом посмотрел на Штирлица.

— Вас я буду допрашивать первым, — сказал он Штирлицу.

— Попробовал бы не допросить!

— Пожалуйста, пройдемся в мой кабинет.

Штирлиц, отталкивая конвоиров, послушно прошел в кабинет.

Майор сел за стол. Штирлиц посмотрел на висящий на стене портрет Фюрера и подумал: «Господи! И тут Фюрер! Прямо культ личности какой-то!»

— За кого болели, господин штандартенфюрер?

— «Морские львы».

— О! — восхитился полицейский. — Отто, два кофе!

Толстый бритый под машинку фельдфебель принес три кофе.

— Какой был счет, когда вас забрали?

— Один-ноль в мою пользу.

— Класс! — возрадовался майор. — Отто, две сигары! Однако, футбол нынче стал уже не тот.

— Да, — согласился Штирлиц. — Вот, я помню, был в Мадриде на женском футболе, там были такие клевые телки. У одной во время матча порвались трусы и отлетела застежка на лифчике. Весь стадион визжал от восторга.

Майор заржал, представив эту картину, и чем-то напомнил Штирлицу Айсмана.

— Да вы остряк, господин штандартенфюрер! Будьте любезны назвать свою фамилию.

Бритый фельдфебель с хлюпом допил кофе и застучал на пишущей машинке.

— Фон Штирлиц, — скромно сказал Штирлиц.

— Да вы действительно шутник! Ну, а на самом деле?

— Штирлиц.

— Слушайте, давайте оставим шутки в сторону. Я же на работе.

Штирлиц пожал плечами.

— Неужели вы думаете, — убедительно сказал майор, — что я не видел самого Штирлица? Да, я его не видел! Но много о нем слышал. Вот на днях, — майор невольно понизил голос, — 172-е отделение задержало Штирлица. Это был такой широкоплечий великан, светловолосый, с открытым честным выражением лица. Словом, истинный ариец. Мне майор 172-го отделения рассказывал, что Штирлиц там такое устроил, хуже, чем русские под Сталинградом! Его только сам Мюллер смог успокоить! Все мы очень любим Штирлица!

— Я рад, — сказал польщенный Штирлиц, — но Штирлиц — это все-таки я.

— Ну, батенька, у вас мания величия! Какой же вы Штирлиц? Вы же на него совершенно не похожи.

— А кто же я тогда? — спросил Штирлиц.

— Ну, не знаю... Но не Штирлиц, это точно! Посудите сами, сегодня вы скажете, что вы — Штирлиц, завтра — Адольф Гитлер, послезавтра — Эйфелева башня...

— А что, — сказал Штирлиц, гася бычок от сигары, — Эйфелева башня — в этом что-то есть... Но пока что я хотел бы остаться Штирлицем.

Майор нервно забарабанил пальцами по столу. Фельдфебель Отто наклонился к майору и жарко зашептал на ухо:

— Господин майор, среди помешанных психов и буйные встречаются! Его же в психбольницу надо — а ну как сейчас все начнет крушить!

Штирлиц равнодушно достал пачку «Беломора» и прикурил папиросу. Натренированное ухо русского разведчика легко могло расслышать любой шепот, но Штирлиц никогда этим не пользовался.

— Гм... — пробурчал майор, с опаской глядя на Штирлица. — Кстати, господин штандартенфюрер, работа у вас не из легких, наверное, сильно устаете... Я мог бы устроить вас на некоторое время отдохнуть в загородный пансионат. Представьте себе: свежий воздух, парное молоко к завтраку, никаких бомбежек... Там может и имя свое вспомните...

— Тс-с-с! — Отто из-за спины Штирлица поднес палец к губам и сделал зверское лицо.

— Парное молоко?... — задумчиво пробормотал Штирлиц, почесывая подбородок. — А пиво там есть?

— Конечно!

Майор энергично закивал головой, улыбаясь опасному собеседнику, и, чтобы не рисковать, тут же добавил:

— И вино! И водочка!

— Согласен, — сломался Штирлиц.

Через пять минут крытая полицейская машина уже везла Штирлица в пригород Берлина. Штирлица сопровождали два полицейских, удивительно похожих на Отто и, соответственно, друг на друга. Русский разведчик предложил им сыграть в очко и, когда машина подъехала к психиатрической лечебнице, выиграл семь марок.

ГЛАВА 10. ТРИ ГИТЛЕРА И ОДИН ШТИРЛИЦ

Кабинет главного врача психиатрической лечебницы имени Второго съезда НСДАП напоминал бы зал Дрезденской галереи, если бы не решетки на окнах. На обитых дубом стенах висело множество портретов: от лошади Александра Македонского до господ бога. Штирлиц с интересом осмотрелся.

Главный врач Арнольд фон Швацц в роскошном белом халате и внешностью мясника, с красной рожей, пропитыми глазами и в золотом пенсне на носу, встал, оперся на стол руками и дыхнул на Штирлица перегаром.

— Э... Как мне сказали, господин Штирлиц?

— Без сомнения, — уверенно подтвердил Штирлиц.

— А я — Арнольд фон Швацц, главный врач в этом заведении.

— Еврей? — прищурился Штирлиц.

— Что вы! Истинный ариец! Не обязательно ведь каждому врачу быть евреем.

— Вот и я думаю, — сказал Штирлиц, — почему это среди врачей одни евреи?

— Не все. У нас еще есть, например, три итальянца, два австрийца, японец и даже один уругваец, — заметил фон Швацц, улыбаясь. — Значит, вы и есть фон Штирлиц?

— Штандартенфюрер СС, — подтвердил Штирлиц. — Меня сегодня об этом уже раз десять спрашивали. Могу и морду набить!

— Послушайте, почему бы вам не быть Бонапартом? У нас по нему документации два ящика, вам и самому будет интересно почитать. Да и компания неплохая — Бонапартов у нас уже штук двадцать. Можно в футбол играть...

— На фиг мне ваши Бонапарты! — возмутился Штирлиц. — Я сам себе Штирлиц.

— Очень хорошо. Прошу вас, покажите язык... У вас в родне никто не болел венерическими заболеваниями?

— Нет, — признался Штирлиц.

— Вы алкоголик?

— Нет, конечно. Но привык пить, начиная с утра.

— Вот как? Мне нравятся такие пациенты.

Главврач залез в стол и извлек оттуда початую бутылку французского коньяка.

— Не откажетесь? Я так и думал... Мне презентовал ее один господин, который поначалу считал себя аргентинским шпионом, а потом переквалифицировался в Бонапарты. Давайте выпьем за то, чтобы каждый мог быть тем, кем он хочет быть.

— Например, Эйфелевой башней.

— Вот именно!

Покончив с оформлением нового пациента доктор фон Швацц проводил Штирлица к домохозяйке. Штирлиц получил полосатую пижаму с длинными рукавами и рулон туалетной бумаги.

— Возьмите еще рулончик, господин штандартенфюрер, — посоветовала сестра-домохозяйка, пожилая женщина с располагающей внешностью.

— Здесь что, плохо кормят? Как в Рейхе?

— Наоборот! Потому и советую. У нас вам будет очень хорошо! Вас будут прекрасно кормить, одевать...

— Что, и задницу у меня будете подтирать?

Сестра деликатно посмеялась незамысловатой шутке больного.

Обвешенного шестью рулонами туалетной бумаги Штирлиц проводили в его палату. Когда Штирлиц увидел в палате трех Фюреров в больничных халатах, он ничем не выдал своего удивления.

— Хайль Гитлер! — проорал он, вытаращив глаза и выбросив вперед руку.

— Хайль! — ответили трое одновременно.

У всех троих было бледное худое лицо, челка, спадающая на лоб, черные усики и тупое выражение лица.

— Узнаю моего любимца Штирлица, — сказал один из Гитлеров.

— Здорово, дружище Штирлиц, — воскликнул второй.

— Присаживайтесь, Штирлиц, — отозвался третий, отодвигая стул. — Мы как раз изволили нарисовать пулю, и нам не хватает партнера.

— Пробовали предложить Кальтенбруннеру (он в соседней палате), но этот гад зачитался порнографическим романом, — сказал второй Гитлер.

Штирлиц закинул туалетную бумагу в угол, где уже была свалена целая куча рулонов, и подсел к столу.

— Вас как различают? — спросил он. — По именам или по фамилиям?

Больные переглянулись.

— Гитлеры мы, — сказали они хором. — Адольфы.

— Отлично, — сказал Штирлиц. — Я буду вас по номерам звать. Ты, — он ткнул пальцем, — будешь Фюрер-Первый, ты — Фюрер-Второй, ты — Фюрер-Третий. Смотрите, не перепутайте!

— Не перепутаем!

— Так вот. Меньше, чем по пять пфеннигов, я играть не согласен, — сурово предупредил Штирлиц.

— Обижаете, — развел руками Фюрер-Третий.

Через полтора часа Штирлиц снял с вождей германской нации двадцать три марки и отправился спать.

— Чистое постельное белье — это хорошо, а то спишь постоянно, как в свинарнике...

Фюреры хотели что-то поддакнуть, но после произнесенных русским разведчиком слов тут же раздался его громкий храп.

Во сне Штирлиц гулял по вечернему Урюпинску и везде, куда только он не бросал своего спокойного взгляда, он видел Фюреров: гуляющих с Евами Браунами или с собакой, постригающих газоны или разговаривающих с Герингами. Со всеми Штирлиц здоровался по-простому, без всяких там «Хайль!» и вскидываний руки, и все отвечали ему вежливо:

— Добрый вечер, товарищ Штирлиц, не правда ли прекрасная погода? А не читали ли вы последний доклад Великого Сталина?

— Как же, как же, — отвечал Штирлиц. — Конечно, еще вчера взял и не прочитал этот самый доклад!

Штирлиц был совершенно счастлив. Потому что он был наконец-то на пенсии.

ГЛАВА 11. В ПСИХУШКЕ

Штирлица разбудил осторожный шорох возле кровати. Он приоткрыл веки и сразу же понял, что наступило утро.

Изящная медсестра, блондинка с роскошным бюстом, ставила на столик возле кровати Штирлица завтрак: крутое яйцо в блестящей подставочке, парное молоко в граненом стакане и дымящуюся чашку кофе.

— Не изволите ли откусать, господин Штирлиц? — томно спросила медсестра.

— Это что, завтрак? — поинтересовался Штирлиц. — А где прожаренный бифштекс? Где обещанная кружка пива?

— Ну, господин штандартенфюрер, — делая Штирлицу глазки, проворковала девушка. — Даже сами Адольфы Гитлеры не кушают по утрам мясо.

— Хм... Кстати, а где они?

— Умываются.

— Ишь, чистоплюи! — буркнул Штирлиц и подумал, что неплохо бы тоже умыться.

Русский разведчик сходил в ванную комнату, где налил на полу целую лужу, поиграв с фюрерами в войну. Они повеселились от души: обрызгали все стены и опрокинули друг на друга несколько ушатов воды. Наконец, мокрые и довольные, они вернулись в палату и изволили откусать. Штирлиц намусорил на пол скорлупой от яйца. «Могли бы и почистить,» — проворчал он. Одного яйца ему показалось мало, и он съел яйца Фюрера-Первого и Фюрера-Третьего. Второй Гитлер успел сожрать яйцо сам, за что получил от Штирлица подзатыльник.

— Обжоры! — ругался Штирлиц, — вас трое, а я тут один!..

После завтрака господин штандартенфюрер, отдыхая, прошелся по прекрасно ухоженному саду, впервые за последние десять лет понюхал розы, решил при первой же возможности подарить розы своей радистке. Потом вспомнил, что радистки у него нет. Тогда, огорчившись, разведчик нарвал роз и подарил их знакомой медсестре, ущипнув ее при этом за пышный зад. И вернулся в палату.

К приходу Штирлица Фюреры уже приготовили стол для преферанса и, коротая время, обсуждали, поймет ли Штирлиц медсестру, как, где и как скоро.

— А вот и Штирлиц! — Фюрер-Первый радостно запрыгал на стуле. — Мы намереваемся крупно отыгаться.

— На одну лапу играть собираетесь? — хмуро сострил Штирлиц. — Ладно, раздавай.

Фюрер-Второй начал раздавать карты. Фюрер-Третий, дрожа от нетерпения и подпрыгивая на месте, щипал себя за усики.

Во дворе зафырчал мотор.

— Еще кого-то привезли, — сказал Фюрер-Второй, кидая последнюю карту.

Штирлиц глянул в окно. Внизу стояла правительственная машина Гитлера с полным эскортом телохранителей. Сам Адольф Гитлер, размахивая руками, о чем-то разговаривал с перепуганным фон Шваццем.

— Э, — сказал Штирлиц. — Еще одного вашего привезли.

Фюреры, опрокидывая друг друга, бросились к окну.

— Никак Гитлер? — молвил Третий Фюрер.

— Почти как настоящий, — согласился Первый.

— И с ним еще толпа, — закричал Фюрер-Второй. — Геббельс, Геринг, Гиммлер...

— Сплошное «Г», — с неудовольствием заявил Штирлиц. — Не успели за стол сесть, они тут как тут.

Минуты через три Адольф Гитлер уже входил в палату к Штирлицу.

— Штирлиц! — не скрывая радости, бросился он к русскому разведчику. — Ну как же можно? У нас такие проблемы с русскими на фронте, такие непорядки в Рейхе! А вы тут в преферанс балуетесь!

— Вот именно! — поддакнули остальные Фюреры. — В преферанс балуетесь!

— Нет, это просто не по-партийному! — размахивая руками кричал Гитлер, взвизгивая в конце каждой фразы. — Я прошу вас: немедленно одевайтесь и поедem на шашлычок. Я приказал — коньяк уже разлили... Вы же знаете, какие скоты меня окружают! Им никому нельзя верить! — голос Гитлера снизился до шепота.

— Кальтенбруннер в соседней палате, — сказал Третий Фюрер, — такой гад. Все время французские порнографические романы читает, ни разу в преферанс с нами не сыграл.

— Может он не Кальтенбруннер, а марокканский шпион, — предположил Фюрер Второй.

— Или афганский? — подхватил мысль Фюрер Первый.

Штирлиц нахмурился: один из вышеупомянутых «скотов» — рейхсфюрер Геринг — показался в проеме двери. Челюсть Геринга отвисла на добрых два пальца. Озираясь по сторонам, Геринг увидел рулоны туалетной бумаги и, издав непередаваемый рык, устремился к ней.

— Штирлиц! Подарите!

Невменяемый Геринг опустился на колени, быстро запихивая туалетную бумагу под мундир.

— Да, мой Фюрер, вы правы, — согласился Штирлиц, с отвращением глядя на запихивающего рулоны за пазуху Геринга. — Я схожу за формой.

У порога его встретил улыбающийся во весь рот Арнольд фон Швацц.

— Ну, вы и шутник, господин штандартенфюрер, — обрадовался он при виде Штирлица. — Надо ж такое придумать: Эйфелева башня!

— Не подлизывайся, — сказал Штирлиц. — Здесь не так уж и хорошо. Пивом, например, так и не угостили.

— Это мы сейчас быстренько организуем!

— Потом, — махнул рукой русский разведчик. — В Рейхе нас с фюрером коньячок ждет, а смешивать — самое последнее дело.

— Да-да, вы правы, господин Штирлиц!

— Где моя форма?

— Одну минуту, медсестра вас проводит.

Штирлиц похлопал медсестру по пухлой щечке, и они пошли за формой.

Доктор фон Швацц вошел в палату и оторопел. На него смотрели сразу четыре Гитлера с неразличимыми челками, усиками и выражениями лиц.

— А-а... — ахнул главврач. — Господин... Фюрер...

— Да? — отозвались все четверо.

— Э-э... — пролепетал доктор фон Швацц и вывалился в коридор.

Он понял, что ему никогда не узнать, который из Гитлеров настоящий. Как можно было пускать великого Фюрера в палату к этим придуркам? Что же теперь будет? Это же конец

великому Третьему Рейху и его, Арнольда фон Швацц, карьере! Ведь теперь он не сможет выбрать настоящего Фюрера из этих четверых. Вдруг наружу выйдет не Адольф Гитлер, а сумасшедший!

Пот ручьем лил по лицу главврача.

— Как же быть? — мучился доктор. — Может приказать медсестре раздеться, а потом посмотреть на реакцию Фюреров. Настоящий Гитлер должен быть импотентом... А вдруг они все четверо — импотенты?

В конце коридора появился радостный Штирлиц. На его щеке красовался красный отпечаток женских губ. Разведчик насвистывал марш «Прощание славянки» и бодро делал отмашку рукой.

— Господин Штирлиц! — бросился к нему фон Швацц. — Помогите!

И фон Швацц стал на ходу объяснять ситуацию.

— Разберемся, — сказал Штирлиц и толкнул дверь палаты.

Адольфы сидели за столом и играли в дурака.

Штирлиц, не задумываясь, подошел к одному из них и, смешав карты на столе, заявил:

— Пойдемте, мой Фюрер, нас ждут дела в Рейхе.

— Как вы узнали его, господин штандартенфюрер? — шепотом спросил главврач.

— Какая ерунда, — отмахнулся Штирлиц. — Настоящий — это тот, кто в форме. А кто в халатах — те ваши.

— Ах! — радостно удивился доктор. — Ну конечно! И как я сразу не догадался! Заходите к нам еще, господин фон Штирлиц! Очень будем рады!

— Как-нибудь загляну. Будь здоров...

В дороге Фюрер стал снова жаловаться на своих соратников.

— Вы себе представить, Штирлиц, не можете, как они мне все надоели. Борман постоянно подкладывает на мой стол порнографические журналы, а этот, — Фюрер ткнул указательным пальцем в Геринга, сидевшего на переднем сидении, — постоянно уносит мои вещи. Якобы для будущего музея Адольфа Гитлера. А сам ходит в моем галстуке. Сегодня утром хотел подписать доклад — так обыскался пишущей ручки.

Геринг обиженно сопел, не поворачиваясь назад. Он боялся Штирлица.

— Да, этот Геринг — изрядная свинья, — поддержал Штирлиц любимого Фюрера и дал Герингу звонкий подзатыльник.

Мимо проносились берлинские улицы, а Штирлицу снова стало скучно. «Ностальгия», — подумал он, откинувшись на пахнущее крокодиллом кожаное сидение.

Но это была его работа. И, вздохнув, он заставил себя думать о Победе, о русских танках на улицах Берлина, а также о том, как плохо ему здесь, среди скотов, без радистки.

ГЛАВА 12. НОВАЯ РАДИСТКА

Встреча с новой радисткой была назначена на пляже. Предыдущая радистка Штирлица неожиданно ушла в декрет и ее отправили на Большую Землю. Штирлицу очень недоставало радистки, и в Центре было решено прислать ему новую.

Чтобы не привлекать внимания, Штирлиц не стал ходить по пляжу в мундире, а разделся и решил искупаться. Жаркое солнце поливало землю своими лучами, как кипятком, и от одной мысли о купании уже становилось легко и приятно на душе. Зажав двумя пальцами нос, Штирлиц нырнул в воду. Вода была теплая, прозрачная, и он несколько минут позволил себе понежиться. Штирлиц лежал на спине и слегка шевелил пальцами. Через час, посмотрев на часы, он вылез из воды, зашел в кабинку, выжал свои семейные трусы и причесался.

Он шел по пляжу, насвистывая, как было условленно с Центром, «Интернационал» и среди многих девушек пытался найти русскую радистку, полагаясь на свою интуицию. Интуиция Штирлица никогда не подводила.

Русская радистка стояла у пивного ларька в броско-красном купальнике со звездой на левой груди. В одной руке она держала газету «Правда», а в другой — чемоданчик с рацией и ситцевое платье.

Штирлиц три раза обошел вокруг пивного ларька. Слежки не было. Он не мог рисковать новым агентом.

Радистка Штирлицу понравилась.

— Вы не скажете, который час? — спросил он. Это был пароль.

— Я оставила часы в Москве, — с готовностью ответила радистка.

Штирлиц взял ее под руку, и они прогулялись по пляжу.

— Позагораем?

Радистка кивнула.

Они сплавали до буйков, позагорали, поговорили о погоде в Москве, отослали радиogramму в центр об успешном прибытии радистки, Штирлиц рассказал пару скользких анекдотов. Она деликатно посмеялась, и Штирлиц пригласил ее в ресторан.

— Одну минуту, я только переоденусь.

Штирлиц заехал домой и ровно через минуту вышел в черном, только что постиранном фраке. Этого с ним не случалось с 39-го года.

Когда цивильный Штирлиц с радисткой зашли в ресторан, по залу пронесся удивленный стон.

На полусогнутых подскочил развязный официант с еврейской физиономией.

— Вам как всегда, господин штандартенфюрер? Графин водки и банку тушенки?

Штирлиц наклонился к радистке:

— Хочешь тушенки?

Та отрицательно покачала головой.

— Наглец, — вскипел Штирлиц, — ты что, скотина, не видишь, что я с дамой?

Чтобы загладить свой промах, официант подхалимски захихикал и мерзким голосом спросил:

— У вас опять новенькая?

— Да. Новая радистка, — сказал Штирлиц. Он взял у дамы меню и грязным

обгрызненным ногтем отчеркнул добрую половину. — Нам этого... И еще...

— Понимаю, — понимающе ухмыльнулся официант и побежал на кухню.

— Что ты понимаешь, мерзавец? — закричал Штирлиц вдогонку, — коньяку мне и шампанского даме! И чтоб сию минуту! — он повернулся к радистке, — официанты в Германии такие свиньи, вы уж его извините.

И Штирлиц поцеловал радистку руку.

Весь зал сидел с отвисшими челюстями. Пакистанский шпион снимал это невиданное событие на киноаппарат. Агент гестапо ковырял пальцем в носу: «А что скажет по этому поводу Кальтенбруннер?»

Двое эсэсовцев, ожидая драки, достали недавно отлитые кастеты. Все находились в томительном ожидании.

Штирлиц заказал вальс «Амурские волны» и пригласил радистку на тур.

«Ну, сейчас начнется!» — потерли руки эсэсовцы. Теперь им было все ясно.

Но вальс кончился, Штирлиц проводил даму на место, а драки все не было и не было.

Завсегдатаи были совсем шокированы когда Штирлиц заплатил по счету и, подав даме руку, направился к выходу. Эсэсовец сказал, что это был не Штирлиц, а кто-то другой, агент гестапо возразил, и через минуту началась драка.

Машина Штирлица остановилась у дома, в котором Штирлиц снял квартиру для своей новой сотрудницы. Штирлиц помог даме выйти и они поднялись на третий этаж.

— Куда деть это? — спросила радистка, приподняв тяжелый чемодан с рацией.

— Положите на антресоль, — нежно сказал Штирлиц, — а я сварю кофе.

Радистка прошла в комнату, переделалась в форму лейтенанта войск связи, села к столу, достала наган и, разобрав, начала его чистить.

Вошел Штирлиц с подносом кофе и сел напротив.

Попив кофе, они послушали Чайковского.

— Ну мне пора, — заторопился Штирлиц. Ему не хотелось уходить, и он тянул время.

— Ну я пошел.

Радистка вздохнула.

— А может еще кофе? — спросил Штирлиц, робкий, как школьник.

Радистка кивнула, и он остался.

— Как вас зовут, — поинтересовался Штирлиц.

— Катя.

— Катюша, значит! Хорошее имя. Чисто русское. А меня Штирлиц.

И он пошел варить кофе.

ГЛАВА 13. ШТИРЛИЦ УСТРАИВАЕТ ВЕЧЕРИНКУ

«Операция «Игельс». Что, черт возьми, они имели ввиду? Что эти гнусные рожи задумали?»

Штирлиц сидел у себя дома, у камина, и курил трубку. На его коленях лежал томик Сталина, открытый на 57 странице. Штирлиц для конспирации делал вид, что читает. Никто не должен был знать, что он сейчас погружен в раздумья.

«А что если в войну должна вступить Япония или Уругвай?»

Штирлиц набил новую трубку, взял из камина уголек и, прикурив, стал пускать колечки. Он знал, что без его участия родине будет плохо.

«Эти негодяи что-то задумали и от меня скрывают. Даже Мюллер молчит. Надо их всех убрать, и все будет в полном порядке. А для этого надо собрать всю верхушку Рейха вместе, например, в церкви у Шлага, приманить их наличием женщин и водки и взорвать! Динамит у меня есть...»

В голове Штирлица нарисовался четкий план. Теперь он знал, что делать.

«А потом я узнаю, что такое операция «Игельс» и доложу Центру».

В дверь позвонили.

— Кто там?

— Свои!

«Айсман», — подумал Штирлиц.

Горничная открыла дверь.

— Здравствуй, милашка, — сказал Айсман и, похлопав ее по щеке, устремился в туалет. Из туалета донесся его облегченный голос:

— Между прочим, вы не слышали, Штирлиц, Борман налил в чернильницу Герингу серной кислоты, и тот испортил докладную Фюреру!

Айсман вошел в комнату, поправляя подтяжки.

— Понаставили, сволочи, платных сортиров за 10 пфеннигов, я и думаю, дай зайду к Штирлицу, — следуя примеру Штирлица, который никак не мог запомнить слово «пфенниг», все в Рейхе, и Айсман первый, называли мелкие монетки «пфеннигами», «пофингами» и «фенинами». — Где тут у тебя «Беломорчик»?

Штирлиц кивнул на сервант.

Айсман выдвинул ящик, положил пачку «Беломора» в карман мундира и достал папиросу из уже открытой пачки.

Горничная, прекрасно зная привычки господина штандартенфюрера, внесла поднос с кофе.

— Айсман, — спросил Штирлиц, — как вы относитесь к женщинам?

— Я к ним не отношусь, — сострил Айсман. — А когда?

— Например, в четверг.

— А где?

— В церкви моего пастора.

— В церкви? — с сомнением спросил Айсман.

— А что? — сказал атеист Штирлиц, — он к четвергу ее переоборудует, пригласим еще кого-нибудь, чтобы потом не было сплетен.

— Бормана будем приглашать?

— Обязательно. Без него скучно.

Айсман составил списки, кого приглашать, а кого не надо. Штирлиц одобрил оба списка, прекрасно зная, что те, кого не пригласят, явятся сами.

Когда Айсман ушел, Штирлиц снова потянулся за томиком Сталина.

— Интересно, что скажет по этому поводу Кальтенбруннер?

Часы пробили одиннадцать. Через пять минут к нему постучалась горничная, хорошо знающая привычки Штирлица.

ГЛАВА 14. КАК РАЗМНОЖАЮТСЯ ЁЖИКИ

Хитроумный Борман слюнявил химический карандаш и почерком Евы Браун писал послание Штирлицу.

«Дорогой Штирлиц! Я вами весьма интересуюсь. Приходите сегодня по адресу Штандарт-штрассе, 15. Нетерпеливо жду. Е. Б.»

— Краткость — сестра таланта, — порадовался Борман и, повизгивая от восторга, написал на конверте «Штирлицу».

Борман все тщательно обдумал. Эта шутка должна была стать апофеозом его творческой деятельности, его лебединой песней. По указанному адресу все было устроено так, что обратно Штирлица принесли бы на носилках. Борман тихо хрюкнул и представил в уме эту картину.

Причесанный Штирлиц с букетом роз и во фраке входит в дом номер 15. Дверь за ним закрывается. Штирлиц нежным голосом зовет в темноту: «Евочка!». И падает, поскользнувшись на натертом оливковым маслом полу. При падении он задевает за веревочку, и на него падает небольшая пудовая гиря. Большую Борман достать не смог. Двухпудовую, правда, он видел у Геринга, но тот, обозленный проделкой с чернильницей, выставил Бормана за дверь.

Итак, как только гиря падает на Штирлица, дверь автоматически запирается, срабатывает часовой механизм, и открывается газовая камера.

— Хы, хы! — зашелся от смеха Борман и осекся. — А что если Штирлиц не поймет, что такое «Е. Б»?!

Борман задумался.

— Штирлиц тогда никогда не пойдет по этому адресу...

Партайгеноссе представил, как в дом никто не входит, гиря не падает, газовая камера простаивает. А ведь на ее испытание Борман угробил половину 6 барака концлагеря «Равенсбрюк»!

С досады Борман чесал лысину до тех пор, пока его не осенило. Он снова обслюнявил карандаш, зачеркнул слово «Штирлицу» и подписал *«Штирлицу от Евы Браун»*.

— Теперь все в порядке!

Да, эта шутка должна была стать самой веселой шуткой Бормана.

Партайгеноссе встал и взглянул на часы. Пора было ехать на званный вечер, организованный Штирлицем.

Борман сел в машину, щелчком по макушке дал шоферу понять, что надо ехать. Машина поехала.

Подкатив к церкви, Борман открыл дверцу и, уже занося ногу на тротуар, обнаружил, что забыл письмо на столе.

«Вовремя вспомнил, — похвалил он себя, — грех еще жаловаться на память».

Ему пришлось вернуться за письмом, и поэтому он опоздал.

Штирлиц нервничал. Его настораживало отсутствие Бормана, который был ему необходим для начала задуманной операции. Рядом с задумчивым Штирлицем сидел Мюллер, проверяя на свет кружку с пивом.

— Что бы вы не говорили, Штирлиц, — скептически сказал он, — а баварское пиво в три раза лучше жигулевского.

— Ясный пень, — буркнул Штирлиц, — но где же Борман? Небось опять задумал очередную гадость!

— Ежу понятно, — согласился Мюллер, — он без этого не может.

«Причем здесь еж?» — задумался Штирлиц. Это слово он уже где-то слышал. И тут он догадался. Ведь «еж» — по-немецки «игель»! А «Ёжики» — «игельс»! А именно так называлась таинственная операция вермахта, над разгадкой которой он так долго бился. Штирлица сбило множественное число.

«Что-то связано с Ёжиками! Ну, теперь я у них все выпытаю».

— Ежу? — переспросил Штирлиц.

— Да, да, этому, с иголками...

— Кстати, Мюллер, а как же тогда размножаются Ёжики?

— Спросите у Кальтенбруннера.

— А он скажет?

— Никто не знает, что скажет Кальтенбруннер, — философски изрек Мюллер, — а все-таки, Штирлиц, что бы вы не говорили, баварское пиво даже в шесть раз лучше жигулевского.

— Ясный пень, — буркнул Штирлиц и замолчал.

Вокруг Штирлица кругами бродил восхищенный адъютант Гиммлера Фриц, старательно прислушиваясь к каждому слову своего кумира.

— Ясный пень, — конспектировал он.

Английский агент фотографировал из-за алтаря страничку записной книжки Фрица.

В зале было довольно-таки мало офицеров. Большинству захотелось попробовать себя в роли исповедников, и они разбрелись по комнаткам вместе с прихожанками пастора Шлага.

Остальные развлекались как умели.

Геринг и Геббельс раскачивали за руки за ноги Шелленберга, а Гиммлер считал:

— Айн, цвай, драйн!

Чем-то недовольный Шелленберг, крича, что он готов жизнь отдать за великого Фюрера, перелетел через алтарь и оседлал английского агента.

— Н-но! — заорал Шелленберг. — Эскадрон, за мной!

Английский агент для конспирации сделал вид, что он ничего не заметил.

Геринг и Геббельс оттащили Шелленберга от агента, и снова послышалось:

— Айн, цвай, драйн!

Агент предусмотрительно шмыгнул за портьеру.

Айсман и Холтофф поглощали огромный торт, запивая его коньяком.

— А!!! — раздалось над ухом Штирлица. Ни один мускул не дрогнул на лице русского разведчика. Ну, конечно же, это был Борман.

«Пора уходить», — подумал Штирлиц. Ему осталось увести Мюллера и пастора Шлага, и можно было взрывать.

Ковыряя в зубах, Борман позвал:

— Штирлиц, мне надо сказать вам нечто интересное...

— Борман, а как размножаются Ёжики?

Борман опешил.

— Ну, это... — он сделал неопределенный жест руками, — еж приводит ежиху, и это... — Борман повторил свой жест.

— Понятно, — кивнул Штирлиц, — вы тоже не знаете. А как вы думаете, где Ёжики

размножаются быстрее, в России или в Германии?

— Да не волнуйтесь вы, Штирлиц! Вывезут их всех из России! Уже эшелон едет.

Штирлиц откинулся в кресле.

«Эшелон! Вывезут из России! Да, но ведь тогда в России нарушится биологическое равновесие, и мы, русские, умрем с голоду!»

— Штирлиц, — бубнил Борман, — отойдем, мне надо сказать вам что-то важное...

— Отстань, — отмахнулся Штирлиц.

В его голове шла огромная мыслительная работа. Штирлиц понял, что спасти Ёжиков намного важнее, чем уничтожить кучку пьяных офицеров, которые и так когда-нибудь умрут.

Борман, видя что Штирлицу не до него, огляделся вокруг и заметил Фрица.

«Адъютант Гиммлера», — подумал он и позвал:

— Фриц! На минуточку!

И схватив пальцами за медную пуговицу на мундире адъютанта, жарко зашептал:

— Фриц! Вы хотите помочь Штирлицу?

— Ясный пень! Это мой лучший друг. Я с ним даже пил на брудершафт.

— Понимаете ли, у Штирлица связь с Евой Браун...

— Понимаю, — кивнул Фриц.

— А об этом проведал сам Кальтенбруннер. Может случиться беда. Надо спасти Штирлица!

— Я готов, — вытянулся Фриц.

— Передайте Штирлицу это письмо.

Борман оторвал пуговицу на мундире Фрица и тайком сунул ему за пазуху конверт.

Штирлиц пробирался к выходу.

Окрыленный Фриц догнал его только около двери.

— Господин штандартенфюрер, я должен...

— Ничего вы мне не должны! — оттолкнул его Штирлиц, — пьяная свинья.

На улице к Штирлицу пристал патруль.

— Позвольте документы, господин офицер! — сказал плешивый капрал.

— Да пошел ты... — Штирлицу было некогда.

Капрал открыл русско-немецкий разговорник.

— Похоже, что это Штирлиц, — произнес он, глядя вслед уходящему разведчику.

«Я — пьяная свинья?» — удивился Фриц, прислонясь к портьеру. У него стали заплетаться мысли.

Английский агент внимательно следил за происходящими событиями. Он вышел из-за портьеры и, оправляя передничек, кокетливо позвал:

— Господин адъютант Гиммлера, не могли бы вы уделить мне несколько минут.

— Извините, фройлен, мне надо спасти Штирлица.

Ударом профессионального боксера «фройлен» свалила адъютанта на пол. Потирая ушибленный кулак, агент присел над бездыханным телом и привычно ознакомился с содержимым карманов. Кроме письма, он прихватил двадцать пфеннигов, коробок спичек и гаечный ключ.

Прочитав письмо, агент поздравил себя с повышением и удачно проведенной операцией в Берлине. Не зря он столько дней был переодет женщиной.

На Штандарт-штрассе, агент быстро нашел дом номер 15.

— Вот и все, — сказал счастливый агент и зашел в дом.

Дверь за ним закрылась.

Это была самая удачная шутка Бормана...

ГЛАВА 15. ПЕРВАЯ ГРАНАТА

Штирлиц лежал на пригорке, на развилке железной дороги, и смотрел в бездонное голубое небо. Этот день мог стать последним днем в его жизни. Но Штирлиц был спокоен, потому что знал, что выполняет свой долг, долг не только перед Родиной, но прежде всего перед самим собой.

Штирлиц прикурил последнюю «Беломорину», смял пачку и протер ею ствол крупнокалиберного пулемета.

На горизонте показался эшелон с Ёжиками.

— А я так и не успел бросить курить, — вздохнул Штирлиц и щелкнул затвором.

Паровоз поравнялся со Штирлицем, и Штирлиц бросил первую гранату.

За окном шел дождь и рота красноармейцев.

Иосиф Виссарионович отвернулся от окна и спросил:

— Товарищ Жуков, вас еще не убили?

— Нет, товарищ Сталин.

— Тогда дайте закурить.

Жуков покорно вздохнул, достал из правого кармана коробку «Казбека» и протянул Сталину. Покрошив несколько папирос в трубку, главнокомандующий задумчиво прикурил от протянутой спички.

Через десять минут он спросил:

— А как там дела на Западном фронте?

— Воюют, — просто ответил Жуков.

— А как чувствует себя товарищ Исаев?

— Он опять совершил подвиг, — печально сказал Жуков.

— Вот это хорошо, — сказал Сталин, — я думаю, что его стоит повысить в звании.

— И я того же мнения, товарищ главнокомандующий, — поддержал вождя Жуков. —

Мне кажется, что он достоин звания группенфюрера СС.

— Группенфюрер? — задумался Сталин. — Это хорошо. У меня для него есть новое задание...

А за окном шел дождь.

Горе-писатели и их писанина

Критическая статья на роман «Штирлиц, или как размножаются Ёжики»

Доктор философских наук

Адам Арнольдович Кронштейн

В последнее время много развелось бумагомарателей, которые, взяв в руки обгрызенный карандаш и возомнив себя Ильфом и Петровым, поганят, я не боюсь этого слова, лучшие традиции советской литературы и пишут псевдо-романы, чуждые советскому народу.

Как вы уже догадались, я веду речь о романе «Штирлиц, или как размножаются Ёжики», который «создали» некто П. Асс и Н. Бегемотов.

Дабы вы прониклись моим негодованием, я постараюсь наиболее логично осветить, чем оно вызвано. Критическую статью я написал в форме письма к вышеупомянутым литераторам.

Неуважаемые господа Асс и Бегемотов!

Я построил свою критику в виде вопросов. Ответов от вас не требуется, ибо во-первых, и так все ясно, а во-вторых, у вас не должно быть слов.

Да, я имел несчастье прочитать ваш подлый роман, и уже с названия я понял, что он не имеет никакой художественной ценности, а с политической точки зрения является просто оголтелым происком идей империализма. «Штирлиц, или как размножаются Ёжики». Что за намеки! Вы хотите сказать, что Штирлиц был причастен к размножению Ёжиков? Или Ёжики своим размножением помогли Штирлицу в его работе?

Теперь о предисловии. Предисловие — от двух русских слов — «Перед» и «Слово», То есть то, что перед словами — это короткий рассказ о том, что будет, или чего не будет в книге. У вас же там герои Советского Союза Сталин И. В. и тов. Жуков (имя и отчество я забыл) ведут беседу о Штирлице. Кстати, почему Жуков назван «Жюковым»? Тут грамматическая ошибка. И вообще, здесь нет никакой исторической правды. Всем известно, что герой Советского Союза Иосиф Виссарионович Сталин, во-первых, курил не «Казбек», а «Беломорканал», как и Штирлиц, а во-вторых, никогда не был в то время (1943 год) героем Советского Союза, о чем в книге не сказано ни слова. И вообще, ваше предисловие надо было бы назвать прологом!

Особенно меня возмутила ваша донельзя неграмотная первая глава. Я поручил моему немецкому другу доктору философии Иосифу Кацману обегать весь Берлин, как восточный, так и западный, что он и сделал, но кабачка «Три поросенка» он не нашел. Были «Три селедки», но это не в Берлине, а в Подмосковье, и тот уже прикрыли. Это форменное безобразие. (Я имею ввиду вашу книжонку.) Почему наш русский разведчик пьет в вашей первой главе, извиняюсь, как лошадь? Он что, дома не напился? А в конце главы, когда Штирлиц засыпает, что он видит во сне? Не Родину, не Сталина, и даже не Ворошилова, а каких-то голых девок, к тому же наверняка немецких, т. к. русские девушки не опустили бы до купания в озере без купальников. Это клевета на советских девушек!

Вторая глава тоже возмутительна, как и все остальные! Мюллер показан таким добродушеньким папашей Мюллером. А ведь это был зверюга, гестаповец и садист. Все ходили у него под колпаком. Вот Борман показан хорошо, тут я доволен. Русского языка он действительно не знал. А вот как Штирлиц открыл его сейф? Я прочитал каждую страницу по два раза, но объяснения этому так и не нашел.

Впрочем, все это бледнеет перед третьей главой. Штирлиц в ресторане! Да еще и со шлюхой! Аморальщина! А как же моральный кодекс строителя коммунизма? Может вам его процитировать? Не бойтесь, не буду. Я думаю, вы и так осознали, что советский разведчик не мог идти в ресторан с проституткой. Ведь он мог заразиться СПИДом и не выполнить поставленной перед ним задачи! Наверняка, эта достойная женщина была агентом Штирлица. А вот официанты в Германии, действительно, редкостные свиньи — это я узнавал.

В четвертой главе фюрер изображен импотентом. Я пролистал двенадцатитомник профессора Блюмберга и трехтомник доктора Кацмана, лучших специалистов по Третьему рейху. У них есть ссылки на Геббельса, где тот называет Адольфа Гитлера отцом германской нации. А как он мог быть отцом, будучи импотентом? Не понимаю. Хотя, это его личные трудности.

Пятая глава обвиняет Штирлица в пособничестве фашистскому палачу Айсману при разгроме еврейского публичного дома. Протестую! Штирлиц был интернационалистом, и с таким же успехом мог разгромить и немецкий публичный дом. А почему Штирлиц называет Мадрид столицей Советского Союза? Это абсурд.

День рождения Штирлица, описанный в шестой главе, меня просто потряс. Вы что, принимаете своих читателей за дураков? Или за кретингов? Неужели вы думаете, что приличный человек не отличит Расула Гамзатова от Есенина? Это я про стихотворение в конце главы, которое вы почему-то приписываете Есенину. А «Капитанскую дочку» не Чехов написал? Про Чехова я пошутил. И еще, кто ударил Бормана в туалете? С этими туалетами я вообще запутался. И зачем Борман вышел в сад? Там что, тоже был нужник? Зачем он там, если есть туалеты в доме?

В седьмой главе вы совсем скатились до маразма. Вначале упоминаются какие-то господа Зенгель, Бользен и Бонзель. Кто это такие? Почему их нет в следующих главах? Зачем было вводить в роман новых героев, а потом их не использовать? Это литературно безграмотно! Дальше — больше. Штирлиц вспоминает, как его били чекисты. Вздор! ЧК — не «Гестапо»! У нас людей не бьют! Затем у вас проводится странная аналогия между «Гитлерюгендом» и Всесоюзной Пионерской организации им. В. И. Ленина! Я тоже в детстве был пионером, мы никогда не пили дешевое вино, не курили и даже не играли на гитаре. Как же эти фашистские дети могут быть похожи на Советских пионеров? И, наконец, совсем ужас! Просто низкосортная пошлятина, граничащая с порнографией! Айсман, голые красотки, женские трусы! Фу! Отвратительно.

Восьмая глава описывает футбольный матч. Цитирую: «— Еврей? — спросил Штирлиц...» Что это значит? Вы обвиняете Штирлица в антисемитизме! А ведь Штирлиц был коммунист, и, следовательно, интернационалист. Такого просто не могло случиться, а если и случилось, то, наверняка, русский разведчик конспирировался перед фашистами, ибо известно, что в нацистской Германии евреев сильно преследовали. И вам об этом следовало бы написать. А кроме того, Штирлиц не мог написать с Гитлером мерзкую книгу «Майн кампф»! Это же фашистская программная книга! Как у нас, коммунистов, «Капитал» классиков марксизма-ленинизма К. Маркса и Ф. Энгельса.

Девятую главу я не понял. Как это полицейские не поверили Штирлицу, что он — Штирлиц? У него ведь должны были быть документы. И можно было опять вызвать Мюллера, как в третьей главе...

Десятая глава — дурдом! Опять «— Еврей? — прищурился Штирлиц». Это уже было в

восьмой главе. Зачем повторяться? И три фюрера! Неужели они все были одинаковые? Одинаковых людей не бывает!

В одиннадцатой главе Штирлиц постоянно пристает к медсестре. Такого быть не могло! Это очень пошло. И потом, как умудрились перепутать фюреров? Психи были в халатах, настоящий Гитлер — в форме! Это младенцу понятно.

Глава двенадцатая, как и все прочие — возмутительная. Насколько я понимаю, в предыдущих главах действие происходило в Берлине. А тут вдруг появляется пляж! Разве в Берлине есть море? Кроме того, русская радистка не могла быть в купальнике со звездой на груди и держать в руке газету «Правда», ведь ее тут же раскрыла бы немецкая контрразведка. И почему не уточняется, какие скользкие анекдоты рассказал ей Штирлиц? Я очень люблю анекдоты, и мне было обидно, что ни одного анекдота не приведено. Если будете переписывать роман, то вставьте в это место какой-нибудь анекдот. Следующий вопрос: откуда эсэсовцы узнали о драке, для чего предусмотрительно отлили недавно отлитые кастеты? И кто такой Кальтенбруннер, чье мнение по этому поводу так всех волнует?

Тринадцатая глава хорошая, хоть и несчастливое число. Действительно, доктор Кацман мне рассказывал, что туалеты в Берлине платные, и если в кармане нет мелочи, то приходится искать подъезд. Слава Богу, в Москве до этого пока не додумались. Приятно также, что Штирлиц улучшает минутку посидеть с томиком И. В. Сталина в руках.

Четырнадцатая глава тоже ничего, по сравнению со всеми остальными. Но как все-таки размножаются Ёжики? Где Штирлиц достал баварское пиво? Что подразумевается под словами «Ясный пень»? Зачем английскому агенту был нужен Штирлиц и его связь с Евой Браун? Чьим агентом был адъютант Фриц? Разве «Ёжики» по-немецки «Игельс»? Неужели все русские Ёжики уместились в один эшелон? Неужели их у нас так мало осталось? Куда же смотрит охрана природы? И куда Штирлиц послал немецкий патруль? Как я уже писал, отвечать на эти вопросы не обязательно.

Последнюю, пятнадцатую главу вообще нельзя назвать главой. Это один абзац. Его и критиковать-то не хочется.

В эпилоге вы допускаете все те же ошибки, которые уже сделали в предисловии.

Вот теперь все. Надеюсь, что после этой принципиальной и умной критики вы уже никогда не осмелитесь взять в руки перо и сесть за другой, быть может еще более гнусный, роман.

Я понимаю еще, если бы «Штирлица» написал Юлиан Семенов, у него бы это получилось хорошо. И роман бы был хороший. Впрочем, у него и так есть роман, но называется он по-другому. А именно, «Семнадцать мгновений весны».

Так что я советую всем читателям, дабы избавиться от эмоционального влияния романа «Штирлица», достать что-нибудь из Семенова и тщательно прочитать. В отличие от негодяев Асса и Бегемотова это очень умный и хороший писатель!

Д-р А. Кронштейн
Берлин 15.12.86.

ПРОЛОГ

За окном стояла весна и рота красноармейцев.

Великий Учитель тихо отошел от окна, сурово посмотрел на развалившегося в кресле Жукова и причмокнув спросил, надеясь на положительный ответ:

— Товарищ Жюков, вас еще не убили?

— Нет, товарищ Сталин, — радостно ответил маршал.

Сталин еще раз подошел к окну, с любопытством посмотрел вниз, достал трубку и прищурившись сказал:

— Тогда, дайте закурить!

Георгий Константинович немного помедлил, потом подумал: «Давать или не давать? А если «давать», то что: «Беломор» или «Герцеговину»? «Герцеговина» — дороже!» — и, решив, что «Беломор» — дешевле, вытащил пачку и протянул ее Сталину.

Генералиссимус подозрительно посмотрел на Жукова, взял папиросу, разломал ее, забил трубку табаком, и, прикуривая, поинтересовался:

— А как там дела на Западном фронте?

— На каком фронте? — удивился Жуков.

— Ах, да... — задумчиво произнес главнокомандующий. — А как там чувствует себя господин Штирлиц? То есть, я хотел сказать, товарищ Исаев?

— Он много работает, — сказал Жуков сдавленным голосом.

— Это хорошо... У меня для нэго есть новое задание.

А за окном стояла весна и рота красноармейцев.

ГЛАВА 1. ВЕСНА СОРОК ПЯТОГО

— Господин Штирлиц!

— Да, фрау Заурих!

— Посмотрите на этот первый весенний цветочек!

— Послушайте, фрау, бросьте, бросьте...

— Зря вы так. Посмотрите! Какая прелесть!

— Гадость!

— А вам бы все тушенку, да водку!

— Да, где она — тушенка? В этой проклятой Германии не то, что тушенки — сала невозможно достать, — пробурчал Штирлиц, прищурившись от яркого весеннего солнца. — Кстати, дорогушечка, вы не могли бы достать хотя бы пару ящичков? Уж, больно есть хочется!

— Да где уж мне!

— Да, сейчас весна сорок пятого, а не осень сорок первого...

Штирлиц повторно прищурил глаза, посмотрел на небо так, как будто видел его в последний раз и, одевая перчатки, резко сказал:

— Хватит, поехали!

— Как жаль! А здесь так хорошо и красиво, — уныло пролепетала фрау Заурих и покорно пошла за Штирлицем.

— Красиво там, где есть тушенка, — пробурчал штандартенфюрер. — А есть она только в «Трех поросятах»...

— В «Трех поросятах?»

— Да... К вечеру там соберется веселая компания!

ГЛАВА 2. СКАНДАЛ В «ТРЕХ ПОРОСЯТАХ»

Полдень.

Кабачок «Три поросенка».

За одним из столиков — Геббельс и Борман. Пьяные в «доску».

— Только Маркс — истинный диалектик! — орал Борман, сотрясая своим голосом полки с водкой и самогоном.

— Ваш Маркс, Борман — жирная свинья, впрочем как и вы, — визжал Геббельс, истинный знаток трудов Ленина.

— Что вы сказали? Повторите!

— Что слышали!

— Ах ты, жирная харя, ты с кем разговариваешь?

— С жирной свиньей и скотиной, — прошипел доктор Геббельс.

Борман незаметно вздрогнул и ему показалось, что голова Геббельса чертовски смахивает на голову кобры, готовой броситься в атаку. Однако рейхсляйтер вовремя спохватился и обеими руками схватил Геббельса за горло и принялся яростно душить новоиспеченного защитника ленинских трудов. Геббельс, извиваясь как урюпинская болотная гадюка, вырывался и кричал:

— Только Ленин — истинный диалектик!

Подбежавший официант, с явно воронежской физиономией, убирая разбитые стекла и опрокинутые тарелки, шепнул Борману:

— За яблочко, рейхсляйтер, за яблочко его!

— Не учи меня душить, скотина! — заорал Борман и ударил несчастного кельнера в место чуть ниже пояса. От нестерпимой боли бедный парень взвыл и на чистом русском языке заорал:

— Фашистская сволочь и свинья!

Борман не обращал на него никакого внимания. Он весь был прикован к горлу Геббельса. Несмотря на то, что рейхсляйтер понял, что официант — русский шпион, он воспользовался его советом, в результате несчастный Геббельс уже не мог орать. И кто знает, чем бы все это окончилось, если бы в дело не вмешался штандартенфюрер СС фон Штирлиц...

Штирлиц, как всегда спокойный, вытащил из правого кармана мундира свой любимый кастет, сжал его в правой руке так, что его рязанская физиономия превратилась в рожу головореза гестаповских застенков и направился к дерущимся. Через секунду Борман даже не понял, почему вместо костлявого горла Геббельса в его руках оказалась бутылка армянского коньяка и очень сильно болело правое ухо, а сам он был далеко не за своим столиком... Расправившись с Борманом, Штирлиц принялся мутузить Геббельса с удвоенной силой опытного боксера киевского чемпионата по боксу. Когда Штирлиц понял, что гений нацистской пропаганды может не выдержать, он швырнул избитое тело за стойку бара откуда, кроме грохота, послышалась отборная русская ругань с нежным, украинским акцентом.

Неожиданно в кабачке появился Гитлер.

— Что вы себе позволяете, штандартенфюрер, — закричал он, увидев окровавленные руки разведчика — вы что сошли с ума? Или белены, батенька, объелись? Вы на кого руки

поднимаете?

— Но, мой фюрер...

— Молчать! Я вам запрещаю! Слышите, запрещаю говорить! Как стоишь, гад, перед фюрером!?

После последних слов посетители кабачка вскочили и хором заорали:

— Хайль Гитлер!

— То-то! — Фюрер радостно заморгал глазками. — Будете, впредь, хотя бы замечать любимого фюрера. Распустились тут без меня... Исаев, а что вы здесь делаете?

— Простите, мой фюрер, я не понимаю, — с физиономией напакостившего школьника пробурчал штандартенфюрер.

— Бросьте притворяться, И-са-ев, — по слогам произнес Гитлер. — Ну да ладно, вы, я вижу, трезвый, в отличие от избитых вами грязных свиней?

— Мой фюрер...

— Оставьте, товарищ, эпитеты и звания. Я тоже, как и вы, трезв как стеклышко. Давайте выпьем! Официант! Бутылку водки, банку тушенки и тарелочку супа. И быстро!

Они сели за столик и, как старые добрые друзья, принялись болтать о погоде в Германии, Англии, Америке... дойдя до России Гитлер загадочно улыбнулся и, приблизившись к Штирлицу, шепотом спросил:

— А, что господин Бользен, московский климат мягче, чем берлинский?

Штирлиц был непробиваем:

— В Москве, мой фюрер, слишком холодно...

Его оборвал кельнер:

— Ваш заказ, господа.

— Ты как обслуживаешь, скотина?! — заорал Штирлиц, увидев, что кельнер засунул палец в тарелку с супом.

— Простите, — извиняясь, пролепетал официант. — Палец нарывает, и доктор рекомендовал держать его постоянно в тепле.

— Свинья! В таком случае ты бы лучше заткнул его в свой жирный зад! — прокричал глава Третьего Рейха и вождь великой Арийской расы.

— Мой фюрер, я так и делаю, когда не обслуживаю клиентов.

Штирлиц встал. Достал любимый кастет и, схватив официанта за шкирку, вмазал ему по физиономии с такой силой, что тот вылетел из кабачка на улицу, разбив при этом изящную витрину.

«Что скажет по этому поводу Кальтенбруннер?» — подумал Гитлер.

— Не обращайтесь на него внимания, мой фюрер. Они здесь совершенно освинели. Эти сволочи совершенно забыли, что здесь им не сортир за десять пфеннигов и не народные магазины, — вещал Штирлиц, глядя на Гитлера и заставляя его краснеть. — Они забыли, мой фюрер, прежде всего самих себя.

— Хороший удар! — сказал Гитлер, приступая к супу.

Когда с супом было покончено, от тушенки осталась только банка, а от водки бутылка, очнулись Борман и Геббельс.

— Разрешите, мой фюрер, присоединиться к вам, — проговорил рейхсляйтер Германии. — Прошу прощения за мое хамское поведение. Но доктор Геббельс совершенно не может понять, что от меня сбежала моя любимая секретарша.

— При чем тут секретарша? — заурчал Геббельс. — Мы с вами были не согласны по

принципиальным вопросам диалектики.

— Оставьте ваши споры, господа и товарищи! — остановил их Гитлер. — Водка и тушенка вас помирят. Кельнер, еще водки! Еще тушенки!

Появившийся ниоткуда Мюллер, никого не спрашивая, сел за столик, щелкнув пальцем, подозвал официанта, что-то шепнул ему и, обратившись к Гитлеру, сказал:

— Мой фюрер, мы перерыли весь Берлин, перекрыты все основные магистрали и подъезды к городу, арестовано более пяти тысяч человек, убит мой хороший друг и соратник по борьбе, на ноги поднято все Гестапо и берлинская полиция, плюс ко всему этому, я уже третьи сутки не спал...

— Что все это значит, группенфюрер? — вскричал взбешенный фюрер.

— Это значит, мой фюрер, что секретаршу Бормана до сих пор найти не удалось! Вот.

— Какую секретаршу Бормана? — прохрипел Гитлер. — И причем здесь я?

— Как! Я думал, что вы в курсе, мой фюрер! Об этом весь Берлин знает!

— Фюрер не обязан знать о всех пропавших секретаршах Германии! — воскликнул взбешенный Гитлер.

— Успокойтесь, мой фюрер, еще немного и мы найдем ее, — как ни в чем не бывало, продолжал Мюллер. — Я бы просил вашего согласия на разрешение подключить к поискам товарища Исаева, то есть Штирлица — с ним дело пойдет быстрее.

«Ну почему же я импотент?» — безнадежно подумал Гитлер, а вслух сказал: — Да ради бога, только меня оставьте в покое, — и вырвал на стол.

Неожиданно вскочил Геббельс и закричал тонким писклявым голосом:

— Эта жирная свинья ничего не может делать! Он даже собственную секретаршу упустил!

Борман покраснел.

Штирлиц спокойно встал, достал из левого кармана кастет и вмазал Геббельсу по физиономии и по почкам. Шеф пропаганды свалился под стол и на него уже никто не обращал внимания, а Борман, в благодарность, заказал для Штирлица еще одну бутылку водки и банку тушенки.

Прошло тридцать минут и в кабачок нагрянули Шелленберг с Холтофом.

— Ну как? — спросил Мюллер голосом коровы, не кормленной третьи сутки.

— Глухо, — ответил Шелленберг голосом Мюллера.

— Глухо, — подтвердил Холтоф, подражая Шелленбергу.

Борман не выдержал и несчастный Холтоф получил страшной силы удар по голове бутылкой французского коньяка.

— Разгильдяи! — с раздражением в голосе сказал рейхсляйтер. — Если к вечеру вы не найдете мою любимую Анхен, к утру вы будете в казематах Мюллера, в местах, где воняют не только носки!

— Успокойся, Мартин, — потирая руки, пробубнил в доску пьяный Мюллер. — За это дело теперь возьмется Штирлиц. Вы же прекрасно знаете, что он прославлен у нас логикой и усердием.

— Будем надеяться.

ГЛАВА 3. НОВОЕ ЗАДАНИЕ

«Юстас — Алексу.

Гитлер доверил мне найти пропавшую секретаршу Бормана (она же моя связная с Центром). Приступая к этому серьезному заданию, прошу дополнительных санкций Центра на особые полномочия в обращении с Катериной, которая оставила свой боевой пост в трудную для нашей Родины минуту.

Юстас».

Штирлиц передавал эту шифровку третий раз. Ответа не было. «Уснули они там что ли? — думал он. — Ведь сегодня далеко не пятница!» И только поздно ночью он услышал долгожданные позывные. Диктор говорил их четким и ровным голосом, смысл которого понимал только он — Юстас.

«Алекс — Юстасу.

Юстас, вы — осел. Козлова никуда не пропала. Она получила новое задание. Попробуйте связаться с ней через нашего нового, присланного к вам агента. Оставьте в покое придурка Гитлера. У нас для вас есть новое задание.

По нашим сведениям среди высших руководителей Рейха ведутся подлые разговоры о поставке в СССР крупной партии шнапса. Вам необходимо выяснить:

- 1. Являются ли данные сведения — дезинформацией;*
- 2. Если это не дезинформация, выяснить, кто именно из высших бонс ведет двойную игру с Москвой и водкой, т. е. с шнапсом;*
- 3. Наказать виновных.*

Кроме этого, верните документы, пропавшие из сейфа Гитлера — люди волнуются...

Алекс».

Задание, полученное Штирлицем из Центра было сложным и необычным. Сложным — потому что он точно знал, что информацией о такой крупной партии шнапса может владеть только Геббельс — истинный знаток выпивки и украинской горилки; выходить же с ним на контакт означало — провал, так как после «Трех поросят» Геббельс совершенно перестал с ним разговаривать. Необычным — потому, что Штирлиц ненавидел шнапс (это знали и в Центре). Штирлица сильно удивил, тот факт, что именно ему было поручено такое секретное задание. И все эти обстоятельства, с которыми можно было бы смириться осенью сорок первого, совершенно выбивали его из сил весной сорок пятого, когда ему было глубоко наплевать на все задания.

— Они что, свихнулись там, что ли? — сурово произнес Максим Максимович. — Ведь сейчас весна сорок пятого!

Кроме этого, Штирлица не на шутку встревожило, что Анхен тоже получила задание, информацию о котором Штирлицу не сообщили. «Стерва! — подумал он. — Как она могла? Продаться этой жирной свинье! Убью!» Мысли не покидали его всю ночь. Но утром, решив, что задание Центра важнее сексуальных инстинктов, Штирлиц настроил рацию для вызова нового связного.

Шла весна сорок пятого...

ГЛАВА 4. МАРТИН РЕЙХСТАГОВИЧ БОРМАН

Вечером Геббельс получил письмо следующего содержания:

Мой друг!

Я вчера была в театре, где впервые увидела Вас! В этом письме я не в силах передать Вам все мои чувства любви и нежности, впитавшиеся в мою душу после Вашего выступления в театре. Ваш нежный голос проник в меня до такой степени, что я готова встретиться с Вами через неделю в 17.00 у Бранденбургских ворот возле здания «Берлинжилстройпроектсантехканализация» и передать Вам мою любовь.

Искренне Ваша Марта Зюгерс.

Марта Зюгерс (она же Мария Сукина) была новой связной Штирлица. Разведчик не нашел другого способа связаться с Геббельсом, как написать ему это письмо. Это было рискованным шагом, так как Марта была с Украины, и Геббельс мог бы это пронюхать в любой момент. Последствия всего этого Штирлицу представлялись довольно ужасными. Штирлиц понимал, что был на грани провала. Делу мог помочь только Мартин Борман, с которым у Штирлица были хорошие отношения. И полковник Исаев решил записаться на прием к Борману, предварительно написав следующее письмо:

Дорогой партайгеноссе!

Мне стало известно, из источников близких к журналистским третьих стран, что за нашей спиной ведется двойная игра: в Россию собираются поставить крупную партию шнапса. В этой аванюре, в этом грязном деле участвуют представители высшего командования, а также лица, известные не только мне, но и Вам, что меня, как офицера Рейха и патриота Германии, не может не волновать. Прошу помощи для обезвреживания врагов Рейха и нации.

Штандартенфюрер СС, Ваш Штирлиц.

Борман был удивлен, что Штирлиц не ворвался к нему в кабинет, как это он обычно делал, а записался на прием, как это делают все честные немецкие граждане. «Значит, — подумал Борман, — дело серьезное» Но так как Борман был мелким пакостником, он решил продержат Штирлица в приемной ровно столько, сколько не мог бы выдержать даже Кальтенбруннер. Последствия этого не заставили себя ждать: взбешенный Штирлиц выбил дверь и голосом загнанного зверя прохрипел:

— Господин рейхсляйтер! Я не могу больше, как свинья, ждать пока вы соизволите пообщаться с моей персоной, в то время когда за нашей спиной идет двойная игра!

— Успокойтесь, штандартенфюрер, прошу вас, садитесь, — спокойно сказал Борман. — Что вы имеете в виду под «двойной игрой»?

Штирлиц привычным жестом смахнул со стула кнопки, сел и положил на стол папку с письмом.

— Что это? — спросил мелкий пакостник.

— Прочитай, узнаешь! — грубо ответил Штирлиц.

Борман открыл папку и принялся за чтение письма. Читал он долго... Долго, то ли от того, что не понимал смысла написанного, то ли для того, чтобы подольше помутузить Штирлица с ожиданием ответа.

Прошел час. Борман читал.

Прошло два часа. Борман читал. Штирлиц полез в карман за кастетом.

Прошло два с половиной часа. Борман, синий от ударов, хрипя и проклиная все на свете, лежал под столом, не в силах подняться и вызвать охрану.

ГЛАВА 5. ОШИБКА ГЕББЕЛЬСА

После неудачной аудиенции с Борманом, Штирлиц решил пойти к Гитлеру. Письмо, как и в прошлый раз, он решил не писать, считая, что Гитлер и без письма поймет, где двойная игра, а где партия шнапса.

...Поздно ночью, когда в бункере Гитлера в очередной раз прорвало канализацию, а Ева Браун испытывала блаженство от чар любви с Геббельсом, и Геринг в третий раз слушал магнитофонную запись концерта ансамбля песни и пляски вооруженных сил СССР, появился неотразимый Штирлиц. Сдав дежурному два автомата Калашникова, армейский пулемет и две гранаты, он зашел в бункер Гитлера.

— Разрешите, мой фюрер? — спросил Штирлиц голосом преданной собаки.

— А, Исаев! Проходи! — радостно заморгал глазками Гитлер. — Максимыч! Какими судьбами?!

Ни один мускул не дрогнул на лице легендарного русского разведчика и, лишь машинально, его крепкая рука полезла в карман за кастетом. Гитлер это заметил и успел предупредить:

— Оставьте ваши выходки для Геббельса, штандартенфюрер!

— Прошу прощения, мой фюрер, но я как раз по поводу Геббельса. Эта скотина ведет двойную игру и пытается переправить крупную партию шнапса в Россию.

— Что это за бред, господин Исаев?! Объяснитесь! Какой еще шнапс?

— Мой фюрер, это не бред. Информация, которую я получил по хорошо проверенным каналам, не может быть подвергнута никакому сомнению, даже вашему, дорогой Адольф! — и Штирлиц вытянулся по стойке «смирно».

Гнев Гитлера превзошел все границы:

— Какое ты, русская свинья, имеешь право называть меня «Дорогой Адольф...»?! Это позволено только моей любимой Евочке Браун!

— Вы — слепец, мой фюрер. Ваша Ева сейчас в одной постели с вашим любимчиком Геббельсом!

— Молчать! Я вам запрещаю говорить, слышите, запрещаю! — прохрипел Гитлер, рыгая на Штирлица пену.

Прошло десять минут, Гитлер вызвал своего любимого адъютанта и они вместе со Штирлицем направились в апартаменты Евы Браун.

28 февраля 1945 года

(23 часа 17 минут)

Штирлиц ударом левой ноги вышиб дверь в спальню Евы Браун, которая спала в объятиях тощего Геббельса. Увидев своего милого Адольфа, она была удивлена, что он ворвался к ней без стука:

— Мог бы и постучаться.

— И ты смеешь мне такое говорить?

— А что, собственно, такое произошло?

— Молчать! Взять его! — показывая на Геббельса, закричал Гитлер.

Адъютант Гитлера, видя как беспокоен его шеф, ласково лизнул щечку фюрера и тихо прошептал:

— Дорогая, ну стоит ли волновать себя! Это все пустяки! Главное — наша любовь

вечна!

Натренированные уши Штирлица услышали это и советский разведчик был не на шутку смущен.

— Так! — уже более спокойно сказал Гитлер.

Штирлиц все понял. Достав из правого кармана свой любимый кастет, он привел несчастного доктора в чувства, напоминающие предсмертные судороги, надел на свою жертву наручники и совершенно голого потащил по темным коридорам бункера по направлению, которое было известно лишь Штирлицу и Мюллеру...

ГЛАВА 6. ПЫТКА НОСКАМИ

В застенках Гестапо, в камере нижнего яруса третий день шла пытка носками. Несчастливая жертва в виде доктора Геббельса, связанная по рукам и ногам, нюхала старые, грубые носки Штирлица и Мюллера. Мюллер, мастер своего дела, был неотразим:

— Кто из твоих сослуживцев участвовал в операции «Шнапс»? Кто подстрекал Даллеса и английских свиней к переправке партии в Россию? Отвечай, сволочь! — кричал Мюллер, подставляя носки к Геббельсу.

Геббельс молчал. Не помогал и любимый кастет Штирлица. Не помогли и портянки Гитлера, одолженные у него накануне. Геббельс был нестигаем:

— Я люблю любимого фюрера! Я был всегда предан ему.

Внезапно в камере появился Гитлер. Зажав нос, он подошел к Геббельсу, посмотрев на него с полным равнодушием и, обернувшись к Штирлицу, спросил:

— Ну что, Максимыч?

— Молчит.

— Молчит, — подтвердил Мюллер.

— А мои портянки? — спросил Гитлер.

— Не помогают, мой фюрер, — с сожалением в голосе сказал Штирлиц.

Гитлер устало посмотрел на Штирлица, перекинул взгляд на Мюллера и, плюнув в лицо Геббельса, спокойно произнес:

— Хорошо, развяжите его, мы его заставим заговорить. Максимыч, он поступает в ваше распоряжение. Разбудите его совесть! Объясните ему, что нехорошо торговать шнапсом, когда нам самим нечего пить!

— Слушаюсь, мой фюрер! — протараторил Штирлиц.

Гитлер ушел. За ним ушел Мюллер. В камере остались Штирлиц и Геббельс. И тут Геббельс не выдержал:

— Мой фюрер! Я все скажу, только уберите от меня эту русскую свинью!

Нервы стойкого разведчика не выдержали. Он достал кастет и принялся избивать отца немецкой пропаганды и агитации с такой силой, что его крики были услышаны Мюллером и Гитлером, которые быстро вернулись в камеру.

— Господин Исаев, прекратите! — заорал запыхавшийся Гитлер. — Я вам предоставил его не для мордобития.

— Но мой фюрер?..

— Молчать!

Геббельс со слезами на глазах подполз к фюреру и голосом забитого козленка заблеял:

— Мой фюрер, я во всем сознаюсь! Я все, все скажу! В операции «Шнапс» участвовал бригаденфюрер Шелленберг и некто пастор Шлаг. Клянусь родной Украиной — это правда!

— Клево! — обрадовался Штирлиц.

Гитлер заморгал глазками, поднял несчастного Геббельса с заплеванного пола, поцеловал его в щечку и тихо сказал:

— Вы всегда были преданы мне, мой друг. Я прощаю вас, — и, подумав, добавил: — Но только за операцию «Шнапс»! За ваши любовные похождения с Евочкой, вы еще ответите мне и всей Германии!

ГЛАВА 7. ВАЖНОЕ СОВЕЩАНИЕ

В бункере Гитлера после очередного прорыва канализации проходило важное совещание. Обсуждалось два вопроса: о безалаберном отношении к своим обязанностям сантехников рейхсканцелярии и алкогольном заговоре против фюрера и нации. На совещании присутствовали: штандартенфюрер СС фон Штирлиц, группенфюрер СС Мюллер, генерал Канарис, переодетые в немецкую форму русские, английские и американские разведчики, Гитлер, Гиммлер, Борман, стенографистки, другие официальные и случайно зашедшие лица. Кроме этого, на совещание были приглашены: пастор Шлаг, Шелленберг, Ева Браун, Марта Зюгерс, провинившиеся сантехники.

Гитлер был в бешенстве. Три стенографистки не успевали записывать его пространственную речь:

— В то время, когда Германия переживает тяжелые дни, а в моем бункере чуть ли не каждый день рвет канализацию, среди нас отыскиваются алкоголики, отказывающиеся думать о трезвых мыслях, рождающихся в умной голове великого фюрера для спасения бункера и нации... В то время, когда я всего себя отдаю народу, находятся двурушники в виде небезызвестного доктора Геббельса, пытавшегося переправить в Россию партию шнапса за рубли. Мало этого, нашлись дегенераты, готовые помочь этому грязному делу. Валютчики и спекулянты! Разгильдяи и бездельники! У меня больше нет слов для названия такого рода предателей! Но благодаря пытке носками и штандартенфюреру СС полковнику Исае... то есть, я хотел сказать, Штирлицу, заговор был раскрыт! Доктор Геббельс, как вы могли, батенька, дойти до такого? Что вы думали в тот момент когда вашими поступками руководила рука Москвы? И это после нашей многолетней дружбы!

— Мой фюрер, — рыдал Геббельс, — этого больше никогда не повторится!

— А вы, грязные свиньи, — продолжал Адольф Гитлер, подходя к Шелленбергу и пастору Шлагу. — Как вы могли предать родного фюрера, до какой же это степени надо докатиться, чтобы стать такими дегенератами как вы? Вы, подлые твари, стали прислужниками поганых вражеских разведок...

В углу, где стояли переодетые разведчики, послышался ропот возмущения и недовольства, даже Штирлиц нахмурил брови, но сдержал себя и не полез за кастетом.

Гитлер понял, что переусердствовал и попытался исправить создавшуюся ситуацию:

— Прошу прощения, — пролепетал он, — я хотел сказать «врагов нацизма и Рейха».

Наконец очередь дошла до сантехников. Увидев их, Гитлер был взбешен до крайности, не помог даже его любимый адъютант:

— До каких пор в моем бункере будет вонять городскими помоями? Твари! Твари и разгильдяи! — орал глава Третьего Рейха!

Его прервал Штирлиц:

— Мой фюрер, позвольте попросить вас передать этих подонков в мое распоряжение, я научу их ремонтировать не только японские унитазы!

— Если это не повредит нашей канализации...

— Смею уверить вас, что хуже вонять не будет! — прокричал Штирлиц и вытянулся по стойке «смирно».

— Я доверяю вам, мой друг, — спокойно сказал Гитлер и нежно, по отечески, похлопал Штирлица по щеке.

ГЛАВА 8. СКАНДАЛ В ЖКУ

В Берлинском жилищно-коммунальном управлении Ди Штиллештрасского района был переполох. В управление нагрянул штандартенфюрер СС фон Штирлиц. С собою он привез роту эсэсовцев и, скованных наручниками, провинившихся сантехников. Начальник управления Барбара Крайн была не на шутку напугана: Штирлиц зверствовал как мог, его ярости не было предела.

— Вонючие фашистские свиньи, — орал он. — В бункере из-за вашей безалаберности скоро придется ходить в противогазах. Я вас научу чистить сортиры...

— Но, господин Штирлиц... — пыталась оправдываться Барбара Крайн, от которой несло конским навозом.

— Молчать! — перебил ее Штирлиц. — Ты, девочка, видно не понимаешь, с кем имеешь дело?! — и Штирлиц, как бы подкрепляя свои слова конкретными действиями, принялся избивать несчастных сантехников.

Прошел час. Штирлиц устал и решил отдохнуть.

— Барбара, принесите мне кофе.

— Кофе нет, но есть отличный грузинский чай! Фрау Анхен привезла нам с фронта отличный чай!

Штирлиц подумал, что он уже когда-то слышал это имя. Память разведчика была на пределе. Но он не стал поддаваться первым чувствам и деликатно спросил:

— Послушайте, как вас там... Барбара, а какое настоящее имя этой Анхен? Может Катя Козлова?

— Простите, господин штандартенфюрер, не могу знать! — прочеканила Барбара. — Она у нас работает недавно. Но, впрочем, она скоро появится и, думаю, вы сами у нее спросите.

Штирлиц лениво взглянул на Барбару, опустил свой суровый взгляд на ее прелестные ножки и по-русски сказал:

— Изнасиловать бы тебя, крошка, но под двести семнадцатую можно залететь.

— Простите, я не понимаю! — промычала, испуганная Барбара, прекрасно поняв Штирлица.

— Тем хуже для тебя!

Штирлиц решил подождать, тем более времени у него было предостаточно, так как сантехники еще не очухались, да и сам он устал и решил поспать.

— Барбара, разбудите меня когда появится ваша Анхен, она меня очень интересуется... — зевая пробубнил Штирлиц и уснул.

А была весна и за окном управления стояла рота эсэсовцев...

Штирлиц проснулся и увидел глаза — это были глаза любимой Катюши.

— Любовь моя! — прошептала она.

— Солнце мое! — прошептал Штирлиц.

— Как я долго тебя не видела!

— Наверное, целую вечность!

— Любимый мой, люби меня! Я принадлежу только тебе!

И Штирлиц забыл все: и толстую свинью Бормана, и новое секретное задание Центра, и придурка Геббельса, и Барбару Крайн, подслушивающую под дверь.

«На каком это они языке трепятся?» — подумала Барбара.

«Что это за тварь там подслушивает под дверью?» — подумал Штирлиц и выстрелил в дверь: пуля прошла насквозь и угодила в нежное, молодое, нацистское сердце Барбары, которая успела прошептать:

— На русском! — и скончалась в предсмертных судорогах.

— Не обращай внимания! — сказал Штирлиц, целуя Катюшу. — И легендарные разведчики отдали себя в чары волшебной любви...

ГЛАВА 9. НА ГРАНИ ПРОВАЛА

Йозеф Геббельс пришел к Бранденбургским воротам в назначенный день, ровно в 17.00. Прошло полчаса. Марта не появлялась.

«Шо це такэ?! Письмо написано человеком, который, чувствуется, не обманывает!» — думал он, вспоминая все хвalebные в свой адрес слова и эпитеты.

И только через час он увидел направляющуюся к нему девушку.

«Ничего!» — подумал Геббельс, глядя на Марту.

«Ну, и придурок!» — подумала Мария Сукина, глядя на великого доктора Германии, а вслух сказала:

— Хайль! Это я писала письмо.

— Дорогая моя! Ну, сколько же можно ждать?!

— Прости меня и заткнись! — сухо оборвала она его.

Подхватив Марту за руку, Геббельс повел ее в кино. Шла картина «Девушка моей мечты». Геббельсу этот фильм ужасно не нравился. Но, что не сделаешь ради любимой девушки! И он терпел...

К утру на столе Гиммлера лежали фотографии со сценами «любовных» встреч.

Гиммлер с Шелленбергом потирали руки. Они были готовы растоптать бывшего компаньона, не брезгуя никакими средствами.

— Я представляю лицо фюрера в момент, когда он увидит эту кинолентку, — то и дело повторял Шелленберг. — Наш доктор теперь за все поплатится! Скотина!

— Послушайте, Шелленберг, но вы же, и только вы, были автором операции «Шнапс», — орал Гиммлер. — И если расследование зайдет далеко, то дело может дойти и до меня! А это, вы сами понимаете — стыд и позор!

— У меня есть надежное прикрытие.

— Что вы имеете ввиду?

— Я продумал все. Поставкой шнапса в Россию занимался генерал Вольф, не так ли?! Он и сейчас прорабатывает все детали этой операции с американцами, совершенно не подозревая о случившемся провале. Это первое... Второе. Через специально подобранных подставных лиц продуманы каналы прикрытия; последнее доверено Штирлицу, который, в соответствии с задуманным планом, выводит Шлага на связь с наиболее крупными швейцарскими ликероводочными комбинатами... И, наконец, самое главное, если операция «Шнапс» — провалена («Геббельс, конечно же, трус и подлый предатель!» — подумал Шелленберг) и, извиняюсь, придурок Геббельс вышел из игры, поставим в Россию, например, армянский коньяк, цистерны с которым давно стоят на границе Швейцарии с Германией и ждут своих российских потребителей.

— Это безумие, Шелленберг!

— Рейхсфюрер, нашим алиби будет являться генерал Вольф, который, в случае необходимости, выйдет из игры также как и доктор Геббельс...

— Ваше алиби, ваше... — оборвал его Гиммлер. — Неутомимый подхалим вытянулся по стойке смирно, давая понять любимому шефу свое бескомпромиссное согласие. Рейхсфюрер заметил это и не поленился похвалить своего любимчика:

— Молодец!

«Молодец — в смысле «дурак»!» — предположил Шелленберг, а вслух прочеканил: —

Рейхсфюрер, ради вас — хоть в Сибирь!

— Будет тебе еще Сибирь...

Неожиданно открылась дверь и в кабинет вбежал Штирлиц.

— Рейхсфюрер! — задыхаясь, заорал он. — Можете меня считать сумасшедшим, но с сегодняшнего утра — мы все «под колпаком» у Мюллера! Вы, надеюсь, знаете что это такое?! — Штирлиц сделал особо шпионское выражение лица.

— Что все это значит, господин Штирлиц?! — прямо глядя в честные глаза Штирлица, заорал испуганный Гиммлер.

— Объяснитесь! — подхватил подхалим первой гильдии Шелленберг.

— Я сегодня узнал от Кальтенбруннера о том, что Мюллер, негласно, снимает отпечатки пальцев со всех сотрудников аппаратов СД и Гестапо. Дорогой рейхсфюрер, что-то затевается! — шепотом пробубнил Штирлиц.

— Но почему же эта полицейская ищейка не сообщила об этом мне? — с удивлением прошипел Гиммлер.

— Этого я не могу знать! — устало промолвил Штирлиц.

— Шелленберг, а что вы думаете по этому поводу? — спросил Гиммлер, пытаясь хоть как-то решить идиотскую проблему.

— Я думаю, — с умным видом начал Шелленберг, — что в этом деле может быть замешан только Геринг, так как Геббельс вышел из игры, фюреру не до этого — у него проблемы в семейной жизни, а Борман занят своей пропавшей секретаршей.

Штирлиц загадочно улыбнулся.

— Кроме этого, — продолжал Шелленберг, — только у Геринга очень хорошие связи с Мюллером. Вы конечно же помните, господа, что именно Геринг в 1942 году достал Мюллеру открытку на «Мерседес» по цене, над которой можно было бы долго ржать, так как по тем временам это было смехотворно дешево.

Наступило молчание. Гиммлер и Штирлиц пытались анализировать все то, что сказал великий подхалим Германии. Штирлиц думал о том, что и в самом деле, Борману в это время было не до мелких пакостей. А у фюрера — разборки с Евой Браун. Значит, вполне логично допустить тот факт, что именно Герингу могла в голову прийти такая дурацкая мысль. Штирлиц также знал, что у Шелленберга имеются серьезные основания недолюбливать Геринга, так как последний, незадолго до Дня рождения фюрера, не достал Шелленбергу китайский гарнитур, хотя и пообещал. «Поэтому, — думал Штирлиц, — если подходить к делу с другого конца, то вполне возможно предположить, что отпечатки снимаются для выявления русского резидента в аппаратах СД и Гестапо. И, кроме того, удивление на этих двух гнусных рожах не что иное, как подделка, если не у Шелленберга, то у Гиммлера — точно!» И Штирлиц решил пощупать за «жабры» эту скользкую очкастую рыбку:

— Рейхсфюрер, у меня другая точка зрения!

— Другая? Какая же? — загадочно улыбнулся Гиммлер.

И по этой улыбке подлеца и негодяя, Штирлиц понял, что он был прав. «Да, они хотят вывести на «чистую воду» русского резидента!» — подумал Штирлиц и шепотом ответил:

— Я думаю, что Геринг и Борман задумали это вместе и пытаются найти след сбежавшей секретарши.

— Но не в Гестапо же?! — хором заорали Гиммлер и Шелленберг.

— Рейхсфюрер, дело очень тонкое. У Бормана есть все основания считать меня главным

похитителем его секретарши, так как именно я ее ему привел. Это знает и Мюллер. Поэтому то Борман и доверил это дело провести Герингу, а Геринг — Мюллеру, как своему старому другу. Мюллер же, рассказал Кальтенбруннеру, у которого я только что был.

— Но почему он вам раскрыл карты? — спокойно спросил Гиммлер.

— Очень просто, рейхсфюрер. Когда я зашел к нему в кабинет, то первое, что я увидел это колбасу и «анисовую», которые пожирал Кальтенбруннер. Я спросил у него вежливо: «Послушайте вы, слизняк из детской песочницы! Где вы достали «анисовую», в то время когда вся Германия страдает без выпивки?!» Вместо ответа, он вылил мне в лицо содержимое стакана (именно тогда я понял, что он лумзал «анисовую»). Я, как вы сами понимаете, не выдержал и достал свой любимый кастет... Что было дальше, вы, наверное, догадываетесь... Рейхсфюрер, простите меня, но я выбил ранее сказанные мною сведения от Кальтенбруннера!

— Вы — идиот, Исаев! — заорал Гиммлер.

— Дорогой Штирлиц, за вашу карьеру я больше не дам и ломанного гроша! — заскалил зубы Шелленберг и получил по ним от Штирлица тем же кастетом, каким был зверски избит Кальтенбруннер.

— Прекратите распускать руки! — заорал Гиммлер.

— Извините меня, дорогой рейхсфюрер, но я не сдержался... — убирая кастет проговорил Штирлиц.

— Значит, вы думаете, — не обращая внимания на стонущего Шелленберга, продолжал Гиммлер, — что все исходит от Бормана?

— Несомненно, рейхсфюрер! От этой жирной свиньи, сами понимаете, можно ожидать любую гадость! — прочеканил Штирлиц и коечего добавил в адрес Бормана, далеко не на немецком языке.

В углу послышались стоны, приходившего в сознание, Шелленберга. Гиммлер, с абсолютным безразличием, посмотрел на него, поднял вверх указательный палец правой руки и, махая им, загадочно прошептал:

— Господа! Не дадим жирным свиньям делать мелкие и крупные пакости в моем аппарате! Действуйте, Штирлиц!

Штирлиц вышел. Шелленберг, увидев это, уже вдогонку ему крикнул:

— Грязная, русская свинья!

Штирлиц, на его счастье, не слышал этого — Штирлиц неся по коридорам Гестапо к телефонам правительственной связи. Штирлиц искал мира с Борманом...

ГЛАВА 10. РАЗГОВОР С БОРМАНОМ

В пункте правительственной связи был бардак. Молодые офицеры СС в очередной раз отмечали День рождения Красной армии и Военно-морского флота. Телефоны, сделанные из слоновой кости, были замызганы тушенкой и остатками от рыбных консервов. В углу валялся седой лейтенант, рыгающий на портрет фюрера, который уже давно слетел со стены и лежал на полу. Небритый майор сморкался на один из пультов управления связи с бункером Гитлера. Три офицера, ни на кого не обращая внимания, соревновались в плевках по портрету Гимmlера, в результате, вместо изображения строгой физиономии отца полицейских Германии, виднелось грязное, свисающее пятно, от которого тошнило.

Штирлиц сделал вид, что случайно, заглянул в комнату.

— Это что за свинство?! — заорал он и достал свой любимый кастет.

Когда все офицеры были вышвырнуты, Штирлиц связался с Борманом:

— Послушай, Борман, давай мириться?!

— Кто это? — пробурчал Борман.

— Кто? Кто — идиот? Твой друг и соратник по борьбе! — возмутился Штирлиц.

— Какой еще соратник?

— Борман, хватит притворяться!

— Молодой человек, положите трубку и не мешайте работать. Здесь — Рейх, а не Гавайские острова!

— Борман, это же я — Штирлиц!

— Штирлиц?! — удивился партайгеноссе.

— Да ты что? Пьяный что ли?

— А-а! Штирлиц! Штирлиц — ты скотина и русский шпион!

— Ну, вот — узнал, наконец-таки! Борман, давай мириться?

— А ты больше не будешь драться?

— Больше не буду!

— Ну, тогда давай!

— Борман, — заговорщески начал Штирлиц. — У меня есть к тебе дело. Ты хочешь получить назад свою секретаршу?

— Анхен?

— Анхен, Анхен...

— Конечно же хочу! А где она? — причмокивая в трубку, спросил Борман.

— Жду тебя сегодня в 23.00 у Рейхстага, — вместо ответа сказал Штирлиц.

— Но, это же поздно!

— Ничего, ради Анхен — не поспишь! — Обрезал Штирлиц и положил трубку.

ГЛАВА 11. ОСКОРБЛЕННЫЙ РАЗВЕДЧИК

Когда Мюллер сверял отпечатки пальцев на стакане, оставленном Штирлицем после попойки в кабачке «Три поросенка» с отпечатками на русской рации, недавно найденной на помойке возле здания Рейхстага, его поразило их сходство. «Вот тебе, и друг детства!» — подумал Мюллер и вызвал своего адъютанта.

— Немедленно роту солдат на квартиру Штирлица! — нервно проговорил Мюллер.

— Простите, я не ослышался? На квартиру штандартенфюрера Исае... то есть Штирлица?

— Да, да, осел! Прочисти уши! Немедленно его арестовать!

— Слушаюсь, группенфюрер!

Мюллер потирал руки. «Ну вот, теперь он никуда не уйдет!» — радостно подумал он.

А Штирлиц в это время вместе с Борманом ехал в «Три поросенка». Друзья решили пропустить по стаканчику шнапса и отметить заключенную сделку: Штирлиц передавал Борману Анхен, а Борман в свою очередь — карту с указанием мест дислокации цистерн со шнапсом и армянским коньяком на границе Германии со Швейцарией.

Подъехав к кабачку, друзья увидели Анхен, стоявшую у входа и, видимо, давно ожидавшую их. Радости Бормана не было предела:

— Анхен, как я долго ждал вас! — вскричал рейхсляйтер, прижимая к себе русскую разведчицу.

Штирлиц видел это. Ревность взяла верх над Штирлицем и он прошипел:

— Партайгеноссе, будьте добры, документики!

— Они в машине, в бардачке, — прогнусавил Борман и пригласил Анхен в кабачок.

Штирлиц вытащил документы, на всякий случай, их перефотографировал, завел авто, и вскоре подъехал к одному из городских телефонных автоматов. Новое послание Центру на этот раз было сформулировано в форме отчета:

«Юстас — Алексу.

Ваше задание выполнено.

Операция «Шнапс» провалена. Виновные наказаны (Была проведена попытка носками, и не только...)

Документы, взятые в сейфе Гитлера, возвращены.

Отправляю вам карту дислокации спиртных напитков на территориях вражеских государств.

Жду вашего нового задания.

Юстас».

Ответ, как ни странно, пришел быстро:

«Алекс — Юстасу

Юстас, вы — осел. Какого черта, вы занимаетесь розыском дурацких карт, годных лишь сами знаете для чего...

За выполненное задание награждаем вас почетной грамотой.

Поручаем вам новое задание. Используйте свое влияние на фюрера для достижения следующих целей:

1. Выяснить, куда собирается эвакуироваться верхушка Третьего Рейха в случае разгрома Берлина.

2. Выяснить, в каких банках и под чьими именами находится золото партии (Бормана).

PS!: За драку, учиненную в некоем кабаке, объявляем вам строгий выговор с занесением в личное дело.

Алекс».

Прочитав шифровку, Штирлиц был возмущен до крайности:

— Это кто — осел? — орал он. — Это я — осел? До каких пор они будут издеваться надо мной? Выговор! Да плевал я на ваш выговор! Они сами не знают, чего хотят! Нет, сейчас далеко не осень сорок первого!

Штирлиц решил повести машину в какое-нибудь укромное местечко, где бы он мог успокоиться и спокойно поразмышлять о новом, «дурацком» задании Центра, и вообще о нужности его работы весной сорок пятого, когда Анхен, наверняка, втюрилась в Бормана.

ГЛАВА 12. СПЯЩИЙ РАЗВЕДЧИК

Штирлиц стоял на берегу Одера и смотрел в даль. «Нет, это не Волга», — подумал он и вполголоса запел:

*Летят утки,
Летят утки
И два гу-у-ся...*

Вдруг он замолк, увидев недалеко от себя толстенького человечка, сидевшего у самой воды и строящего песочные замки. Это удивило Штирлица, так как дул ветер и было ужасно холодно. Но он удивился еще больше, когда, подойдя поближе, увидел, что этот толстенький человечек был не кто иной как группенфюрер СС и глава Гестапо Мюллер.

— Группенфюрер, вы ли это?! — спросил Штирлиц.

Мюллер от неожиданности подпрыгнул. Увидев Штирлица, он покраснел, промямлил что-то невнятное, собрал кое-какие свои вещички, включая детский совочек, вскочил и бросился наутек.

— Эй, послушайте! Куда вы? — бросил ему вдогонку Штирлиц.

Но Мюллер бежал так быстро, что Штирлиц решил не преследовать его.

«Чудеса!» — подумал Штирлиц и направился обратно к машине. Но завести ее он не смог. Разведчика сморила усталость и он решил поспать. Штирлиц знал, что через двенадцать часов он проснется и начнет выполнять новое задание Центра.

...Прошло двенадцать часов. Но Штирлиц спал. Слишком напряженными были последние дни. И даже выработанная годами профессиональная привычка не могла пробудить его. Полковник Исаев спал! Он спал и даже не знал, что именно сейчас поднято на ноги все Гестапо, разыскивая его. Он спал и не знал, что перекрыты все границы, а пограничникам разосланы фотографии с его рязанской физиономией и пометкой «Особо опасный преступник». Он спал и не мог предположить, что Мюллер именно в эти минуты докладывает Гитлеру о разоблачении в аппарате СС русского резидента, а Шелленберг, моя ноги Гиммлеру, грызет себе ногти, получая по физиономии от своего шефа. Он спал и не видел, как Геббельс прыгает от радости и пьет, давно не первую, бутылку шнапса за здоровье Сталина, а Борман отдает последние распоряжения об устройстве русского резидента в одном из лучших концлагерей Германии.

В Рейхе Штирлица ненавидели все. Мало этого, многие догадывались о его, далеко не немецком, происхождении. Однако этот факт, который давно бы привел к провалу любого другого шпиона, не мешал полковнику Исаеву работать, отдыхать, любить Анхен, постоянно втюриваться в Еву Браун, ненавидеть Гитлера, жрать тушенку и успешно выполнять новые задания Центра.

ГЛАВА 13. ГЕРИНГ И ВКП(Б)

Геринг, как верно просчитал Штирлиц, был совершенно не причастен к снятию отпечатков пальцев в аппаратах СС и Гестапо. Он даже и не думал об этом. Геринг, который давно уже понял, что война проиграна, сидел у себя в кабинете и кормил русской селедкой любимую собаку, облизывая свои нежные, корявые, жирные пальчики. Несчастный Геринг, которого вчера на совещании у фюрера мерзко оскорбили, думал о том кошмаре, ожидавшем его, когда в Берлине начнет гроыхать русская канонада. Геринг решил спастись. Он давно предполагал, что Штирлиц — переодетый русский шпион. Более того, он точно знал, что не кто иной, как полковник Исаев, может помочь ему спасти свою шкуру. «Если Штирлиц — русский резидент, — размышлял Геринг, — а русские вот-вот будут в Берлине, то нет ничего проще, как вступить, пока не поздно, в их чертову партию. Сейчас или никогда!! Война проиграна. Лучше быть коммунистом, а не собачкой на побегушках у этого шизофреника». И он решил провести совещание среди офицеров, которым особенно доверял.

Когда все были в сборе, он решил отложить в сторону все нацистские словечки и без предисловий начал проводить первое, среди офицеров такого ранга, партийное собрание:

— Товарищи! — все были ошарашены. — Да, вы не ослышались — то-ва-ри-щи! Сейчас, когда ясно, что Германия со всеми ее шизофрениками и идиотами выходит из игры, а фанатик Гитлер утратил свое влияние в народе, я не вижу другого выхода, как сложить с себя всякие полномочия и вступить в нашу родную, ленинскую, народную партию!

В кабинете, где проходило совещание, прошел шорох волнения и недопонимания. Некоторые офицеры тут же покончили жизнь самоубийством. Послышались робкие крики:

— Это... предательство!

— Я, — спокойно продолжал Геринг, — как истинный патриот, и в душе с рождения коммунист, конечно же не могу прямо заявить о своем выходе из игры. Но, мои дорогие товарищи и друзья, если не сегодня — завтра будет поздно. По моим тайным каналам нам стало известно, что Борман собирается переправить все золото партии в свои надежные банки в Швейцарии, — слышались еще выстрелы и крики отчаяния. Геринг был непробиваем: — И нет никакой возможности воспрепятствовать этому. Товарищи, Борман слишком глуп для бегства из Германии, когда в нее войдут русские танки и слишком умен для того, чтобы мы могли его одурачить! Денег нет! Продолжать борьбу — полная бессмыслица! Быть верным идиоту и импотенту фюреру — значит стать таким же как он! Бежать из Рейха — догонят и, мало этого, изуродуют физиономию. В этой ситуации предлагаю следующее. Первое. Связаться со штандартенфюрером, простите, товарищем Исаевым (только дурак его еще считает офицером СС — каждому здравомыслящему солдату Германии давно ясно, что он никто иной, как советский шпион, простите, наш товарищ по партии). Второе. По моим каналам, из Москвы были переданы бланки заявлений для вступления в члены ВКП(б), мы размножили их. Я думаю, хватит на всех, — и, посмотрев на несколько наповал убитых офицеров, добавил: — И даже еще останется. Да, я предлагаю всем вступить в ленинскую гвардию, чтобы хоть на время спасти наши, давно никому ненужные, жизни.

Речь Геринга была равносильна ночному кошмару. Но те офицеры, которые решили сохранить себе жизнь, покорно взяли бланки заявлений и принялись их заполнять. Среди них был и сам Геринг. Когда все бланки были сданы, Геринг с важным видом встал и, как на

торжественных коммунистических собраниях, четко проговорил:

— Товарищи! Поздравляю вас со вступлением в ленинскую партию, партию мира и труда! Предлагаю выдвинуть в качестве кандидатуры на пост первого секретаря партийной ячейки нацистской коммунистической партии труда (НКПТ) себя. Будем голосовать или как?

Все офицеры хором ответили: «Или как!»

— Какие будут вопросы? — голосом бюрократа спросил Геринг.

Молоденький офицер поднял руку, встал и недвусмысленно спросил:

— Товарищ Геринг, я насчет партийных взносов. Зарплата, наверняка, будет маленькая, а платить, как я слышал, надо рублями, а нашими марками обклеиваются городские сортиры. Как быть?

— В свое время, мы подумаем и об этом, — пробурчал Геринг, махнув на всех рукой, давая понять, что партийное собрание окончено.

После долгих, продолжительных аплодисментов, все разошлись по домам.

ГЛАВА 14. ПРОВАЛ

Прошло двадцать семь часов и Штирлиц проснулся. Ни о чем не подозревая, он поехал к Мюллеру. Штирлиц намеревался получить хоть какие-нибудь разъяснения по поводу новых увлечений группенфюрера, свидетелем которых он вчера был на Одере. «Старик совсем свихнулся, — думал Штирлиц, закуривая «Беломор» и заводя мотор».

Подъезжая к зданию Гестапо, советский разведчик почувствовал что-то неладное, так как за ним, явно, была устроена слежка. Когда до Гестапо оставался всего один квартал, Штирлиц остановил машину. Взглянув в зеркало, он понял, что не ошибся — старенький «Москвич», преследовавший его, остановился метрах в двадцати от его новенького «Мерседеса». «Точно, следят, — подумал Штирлиц, выходя из машины и направляясь к «Москвичу», в котором сидели головорезы из подвалов Мюллера. — Четверо! — сосчитал Штирлиц и полез в карман за любимым кастетом».

Агенты Мюллера, которым было поручено следить за Штирлицем, не на шутку перепугались, так как лицо штандартенфюрера ясно говорило о его, далеко не мирных, намерениях и, естественно, бросились врассыпную. Штирлиц был неотразим. И когда он догнал одну из своих жертв, он принялся мутузить ее с такой силой, что крики несчастного были слышны даже в подвалах Мюллера, который незамедлительно примчался на помощь своему сотруднику.

— Господин Штирлиц, — запыхаясь проговорил Мюллер, — прошу вас, оставьте его.

Но Штирлиц был неумолим — в ход пошли ноги.

— Штандартенфюрер, немедленно прекратить! На вас люди смотрят!

Штирлиц был непробиваем:

— Группенфюрер, эта скотина следила за мной! Я пытаюсь выяснить, кто за этим, черт возьми, стоит!

— Это я ему приказал! — сказал Мюллер, но посмотрев на Штирлица, понял, что поторопился.

Штирлиц прекратил избиение.

— Вы?

— Да, я.

— Ах ты, старый, жирный свинтус!

И Штирлиц с тем же усердием, выдержкой и хладнокровием принялся избивать своего, уже бывшего, старого друга, который все же успел громовым голосом заорать:

— На по-о-о-мощь!

Через минуту к месту происшествия подбежала рота эсэсовцев, а Штирлиц, связанный, очутился в той же камере, в какой недавно сам пытал Геббельса.

Очнувшись, Штирлиц понял, что это был провал.

ГЛАВА 15. ПЕРЕГОВОРЫ В ШВЕЙЦАРИИ И СМЕРТЬ ПРОФЕССОРА ПЛЕЙШНЕРА

Генерал Карл Вольф чувствовал себя ужасно скверно. Его друг и соратник по борьбе — подполковник Фриц Гад, уже давно валялся в ногах своего шефа и храпел, облизывая грязные сапоги Вольфа. Кроме подполковника, в ногах у генерала лежали выпитые бутылки из под шнапса, пустые пивные банки, а также американский разведчик Даллес со своими помощниками. «Нет, Швейцария явно успокаивает нервы и деморализует энергию. Поэтому-то и переговоры заходят в тупик! Черт, ведь мы уже, насколько мне не изменяет память, пятый день пьем!» — размышлял Вольф, цедя холодненькое пиво, закусывая черной икоркой, намазанной на нежный, только что испеченный хлеб.

Генерал был прав. Переговоры между Германией и Америкой о поставке в Россию крупной партии шнапса зашли в тупик, и не только потому, что американская сторона не соглашалась с условиями Германии, а Вольф никак не мог сторговаться с Даллесом, но и потому, что особняк, в котором проходили беседы, находился как раз напротив одного из лучших баров Берна «Буль-буль». И само собой, высокопоставленные дипломаты, не смогли уйти от соблазна...

Пастор Шлаг, приехавший в Берн специально для сбора информации о ходе переговоров, был крайне удивлен тем обстоятельством, что на пленке, полученной им из самых надежных источников, не содержалось никакой полезной информации, так как на ней кроме фраз типа «Ты меня уважаешь?!» или «А я тебе говорю, пей!», ничего не было. «Что скажет по этому поводу Кальтенбруннер?» — постоянно спрашивал себя пастор, но зная, что он никогда этого не узнает, решил лично все проверить.

Увидев описанную выше картину, пастор был потрясен:

— Дети мои! — воскликнул он. — Надо меньше пить!

— Уйди старик, я сегодня грустен! — устало протянул Вольф и вырвал на Даллеса.

Ошарашенный пастор Шлаг вылетел из здания и направился на почту, где в особо зашифрованной форме передал в Берлин, бригаденфюреру Шелленбергу следующую телеграмму:

Бригаденфюрер!

Переговоры между Вольфом и Даллесом зашли в тупик по причине пьянства, организованного, как мне кажется, Вольфом. Прошу последнего немедленно вызвать в Рейх и провести с ним профилактическую беседу в одном из берлинских медвытрезвителей».

Шлаг.

Пастор ждал новых указаний и, с чувством выполненного долга, решил прогуляться по весеннему Берну. Он шел и, вдыхая аромат свободы и тепла, думал о великой Германии, которая будет также свободна, когда в Россию будет отправлена хотя бы небольшая партия шнапса.

Проходя по Цветочной улице, он увидел толпу возле дома, где в окне четвертого этажа стоял невзрачный старик, который совершенно безразлично смотрел вниз на любопытных швейцарцев.

«Странно, — подумал пастор, — что это он там делает?»

— Придунок, уже восьмой раз прыгает! — крикнул кто-то из толпы.

Старик еще раз посмотрел вниз, снял очки, закурил сигарету и легко, «рыбкой»,

прыгнул вниз. Собравшиеся ротозеи лениво подошли к неподвижно лежащему телу, кто-то пощупал пульс и сказал:

— Нет, все еще живой!

Старик встал, отряхнул с себя пыль и снова направился к дому, повергая толпу в изумление. Когда он опять показался на окне, внизу, кроме пастора Шлага, уже никого не было. Но старик был слишком упрям — он снова снял очки, закурил сигарету и также, не обращая внимания на суетливую жизнь, прыгнул вниз.

Когда Шлаг подошел к нему, он понял, что на этот раз старик был мертв. Пастор перевернул его к себе лицом и изумился — перед ним был профессор Плейшнер, агент Штирлица и Москвы.

— Ужасная смерть! — немного подумав, сказал пастор и ушел восвояси.

ГЛАВА 16. ГИТЛЕР ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ

Гитлер стоял на коленях перед Евой Браун и просил у нее прощение:

— Евочка, родная моя! Прошу тебя, помилосердствуй, душечка! Это все он, подлый Исаев вынудил применить к нему пытку носками!

— Не смейте говорить о Штирлице в таком тоне! — давая смачную пощечину Гитлеру заорала Ева Браун.

— Евочка! Я же люблю тебя! — продолжал Гитлер. — Ну, что тебе Геббельс или Штирлиц, ведь я, и только я, подарил тебе все твои счастливые ночи!

— Хватит говорить гадости, Адольф! — оборвала его Ева. — Доктор Геббельс не сделал вам ни малейшего вреда! Он такой милый... И даже если вы нас застали врасплох, то это еще ни о чем не говорит! Мы с ним обсуждали важные государственные дела, и поверьте, Адольф, эти «дела» важны не только для меня и него, но, прежде всего — для вас и для всей Германии!

— Евочка моя... — мямлил Гитлер.

— За, что мне такое наказание? — орала Ева Браун, сотрясая своим голосом бетонные стены бункера. — Мне, которая всю себя отдает ради того, чтоб этот придурок был счастлив?

— Евочка моя... — бубнил Гитлер, обнимая прелестные ножки Евы.

Вдруг в бункер вбежал запыхавшийся Борман. Увидев Гитлера, стоящего на коленях перед Евой Браун, он не удержался и заржал как спесивый мерин. Гитлер опомнился, встал, принял обычный для себя вид и подойдя к Борману, плюнул ему в лицо. Борман не ожидал этого и плюнул в лицо Гитлера, сказав при этом:

— Вот мы и квиты, мой фюрер!

— Что вы себе позволяете, господин рейхсляйтер? — вытирая физиономию и моргая глазками, закричал Гитлер.

— Ничего я себе не позволяю! — вытирая лицо и передразнивая вождя нации сказал Борман.

Но Гитлер сдержал себя, так как прекрасно понимал, что он во многом зависит от Бормана, у которого находилось практически все золото партии, поэтому он подошел к Еве и попросил ее удалиться.

— Я слушаю вас, господин рейхсляйтер! — сказал фюрер после того, как Ева Браун, заплаканная, ушла в свои апартаменты.

— Да, плохо вы обращаетесь со своей возлюбленной.

Гитлер стиснул зубы.

— Но я не за этим пришел!

— А за чем же еще? — ехидно спросил Гитлер.

— Дело в том, что мы, наконец, арестовали Штирлица!

— Как? Уже?

— Да, мой фюрер, он вот уже как два часа находится в подвалах старика Мюллера.

Гитлер недоверчиво посмотрел на Бормана.

— Что вы предлагаете с ним делать?

— А вы?

— Я, собственно говоря, хотел бы переговорить с ним. Можно? — Борман недоверчиво

посмотрел на Гитлера.

— Переговорить?

— Да!

— О чем можно разговаривать с этой шпионской свиньей? — с ненавистью произнес Борман.

— Есть о чем, — сказал Гитлер и вызвал своего любимого адъютанта.

ГЛАВА 17. ФАШИСТСКАЯ ТВАРЬ

Штирлиц лежал на грязной кушетке в камере третьего яруса Гестапо, в той самой, где недавно он устроил пытку носками над Геббельсом. Штирлиц смотрел в потолок. Потолок был серый, и казалось, такой же грязный как и кушетка, как и заплеванный, как будто специально кем-то пол, как и тускнеющие под замасленной лампой стены. «А это уже провал! — подумал Штирлиц. — И самое главное, Кэт окончательно втюрится в Бормана! Гад! Это все он подстроил — любитель мелких пакостей! Фашистская тварь! Как я их всех ненавижу!»

Штирлица терзали смутные сомнения относительно внезапного заключения его в ту же самую камеру, где он пытал доктора Геббельса, плюс еще ко всему, ужасно ныла разбитая во вчерашней драке челюсть. Но эти неприятности, которые, несомненно, привели бы любого другого разведчика в полное отчаяние, ни в коем случае не смутили Штирлица. Более того, он даже не поперхнулся, когда дверь в камеру внезапно открылась и на пороге стояли сияющий Мюллер и моргающий глазками Гитлер.

Гитлер брезгливо обошел камеру, с пониманием посмотрел на орудия пыток и, высморкавшись себе в рукав, обращаясь к Штирлицу, ехидно спросил:

— Что, голубец мой сизокрылый, попался?

Штирлиц решил идти напролом и вытянув правую руку вперед, как на параде заорал:

— Хайль Гитлер!

Мюллер был ошарашен и пробубнил что-то невнятное.

— Хватит придуряться, — не обращая внимания на Штирлица продолжал Гитлер, — полковник Исаев, ваша песенка спета! Вы разоблачены!

Мюллер повеселел.

— Мой фюрер, вы во власти грязных сплетен и слухов, которые преподносятся вам жирными свиньями, известными мне с детских лет, — с гордым видом сказал советский разведчик.

Мюллер побледнел.

— Послушайте, господин Штирлиц! — продолжал любимый фюрер. — Зачем притворяться? Признайтесь, что комедия с Геббельсом была устроена вами только для того, чтобы опорочить меня в глазах моей любимой Евочки, в то время когда вы, и только вы, делили с ней постель? Признайтесь, и вы будете прощены! Я хочу знать всю правду!

Глаза Мюллера сначала покраснели, потом побледнели, стали коричневыми и постепенно налились оттенком гнойного цвета, в результате чего лицо группенфюрера приобрело мертвецки пьяный вид, однако это не помешало ему тихо заметить:

— Мой фюрер, мы его обвиняем не в этом!

Гитлер был ошарашен.

— Только я, слышите, только я, знаю в чем его обвиняют! — заорал любимый фюрер и смачно плюнул в лицо Мюллера.

Штирлиц решил не упустить момента понравиться Гитлеру:

— Разрешите, мой фюрер?! — спокойно сказал он, взвешивая в правой руке свой любимый кастет.

— Только не больно! — равнодушно прогнусавил Гитлер, махнув рукой на Мюллера.

«Сейчас будут бить!» — подумал Мюллер и получил первый мощный удар в нос.

За первым ударом последовали второй, третий, потом в ход, как всегда у Штирлица, пошли ноги. Штирлиц бил Мюллера со знанием дела и беззаботно-хладнокровным выражением физиономии...

— Довольно! — сказал Гитлер, отрывая распоясавшегося Штирлица от Мюллера. — Итак, продолжим! Вы спали с Евой? Отвечайте?

— Мой фюрер, вопрос, как вы сами понимаете, слишком конфиденциальный. Пусть эта жирная свинья уберется отсюда! — показывая на Мюллера, сказал Штирлиц.

Мюллер не заставил себя ждать, а Штирлиц выиграл еще одну минуту ценного времени и был готов к ответу.

— Ну, так как? Будете говорить? — спросил Гитлер прямо глядя на Штирлица.

— Мой фюрер, прошу меня простить, но все это — чистая правда! Да, я любил и люблю Еву. Кроме того, ночи, проведенные с ней, были прекрасны!

— Что вы сказа...

— Да, мой фюрер, эти ночи мне не забыть никогда!

Фюрер расплакался. Штирлиц принялся его успокаивать. Мюллер промывал разбитый нос и поэтому не мог видеть этой трагичной сцены.

«Ну почему же я импотент?» — думал Гитлер.

«Потому что ты придурок!» — думал Штирлиц, поглаживая черный чубчик на голове Гитлера.

Прошло несколько минут и Гитлер взял себя в руки. Вытерев сопливым рукавом пиджака слезы, он спросил:

— А что она говорила обо мне?

— Вам надо лечиться, мой фюрер!

— Да, она права! — сказал глава Третьего Рейха и покрасневший вышел вон.

Дверь тут же, чьей-то подлой рукой была заперта на ключ.

Штирлиц подошел к двери и попробовал ее толкнуть — дверь не поддавалась. Тогда Штирлиц со всей силы ударил по ней ногой — дверь не поддавалась. Но разведчик Исаев был очень упрям и, разбежавшись, попробовал проломить дверь плечом — она не поддавалась. «Закрывается!» — подумал Штирлиц.

Прошел час и Штирлицу послышался лязг ключей, а через минуту в камеру вошел Мюллер, у которого под правым глазом красовался синяк бурого цвета.

— Штандартенфюрер, вы свободны! Я только что получил приказ фюрера о вашем освобождении!

— Скотина, ты мне еще ответишь за все! — заорал Штирлиц, ясно понимая, что никто иной как Мюллер запер дверь.

— Вы забываетесь, Штирлиц! Я старше вас по званию и, в конце концов, по возрасту!

— Да, пошел ты! — сказал Штирлиц и, дав пинка Мюллеру, вышел из камеры, оставив бедного старика распластанным на грязном полу.

ГЛАВА 18. ВОСПОМИНАНИЯ

Штирлиц решил отдохнуть и поэтому направился в свой любимый кабачок «Три поросенка». Заказав, как всегда, три банки тушенки, пачку «Беломора» и бутылку водки, он сел за свой столик и принялся с животным аппетитом ухлестывать тушенку, чем обратил на себя внимание не только посетителей кабачка, но и фрау Заурих, которая играла в покер со старым, тускнеющим генералом.

— Господин Бользен, можно с вами посидеть? — спросила фрау Заурих, подсаживаясь к Штирлицу.

— Валяйте! — процедил Штирлиц и выпил стакан водки.

— Вы плохо выглядите!

— Хорошо, что еще живу!

— Трудное время?

— Гадкое время!

— Родные едят?

— Едят!

— Все хорошо?

— Да, ну их! — махнул рукой Штирлиц.

— Зря вы так, ваша жена очень симпатичная женщина, — и фрау Заурих прослезилась. — Тогда, в тридцать третьем, она была так добра ко мне. Вы помните, в то время меня бросил мой неповторимый Герберт.

— Успокойтесь, найдете себе другого.

— Да, где уж мне!

— Не расстраивайтесь! Жизнь прекрасна! — сказал Штирлиц и выпил еще один стакан водки.

— Расскажите что-нибудь о себе, господин Бользен. Вы так интересно рассказываете.

Штирлиц недоверчиво посмотрел на Заурих. Особой враждебности он к ней не испытывал. Открыв еще одну банку тушенки, Штирлиц налил водки, выпил, закусил и рассказал вот такую байку:

— В 1922 году, когда наша революция, как вы знаете, победила, ЧК меня направила на работу в Кремль для выявления особо опасных врагов советской власти среди членов политбюро. Да, это было в 1922 году. Москва! Эх, фрау Заурих, знаете ли вы, что такое Москва?! Именно тогда я впервые увидел товарища Ленина. Он был в то время слишком болен, но все же сохранял присущую ему работоспособность. Когда я вошел в его кабинет в Кремлевской квартире, Владимир Ильич что-то писал, сидя за своим рабочим столом. Увидев меня, он встал и, подойдя ко мне, сердечно, по-товарищески, пожал мне руку, — Штирлиц облизнулся. — И прямо глядя в мои честные глаза, мягко спросил:

«Товарищ Исаев, вы к нам, как мне сказал Феликс Эдмундович, присланы для оперативной проверки?»

«Да, Владимир Ильич!» — ответил я ему.

«Ну что ж, батенька, тогда приступайте к работе! Может начнете с меня?»

«Ну что вы, Владимир Ильич...» — прошептал я краснея.

«А вы, батенька, не смущайтесь! — засовывая пальцы в жакетку, сказал он. — Время сейчас такое! Доверять никому нельзя! Даже мне! — И Владимир Ильич улыбнулся. — Ах,

фрау Заурих, какая это была улыбка! — Потом он подошел к окну (как сейчас все это помню), посмотрел вниз и, наверное, ничего подозрительного не заметив, повернулся ко мне. — «Поймите, Штирлиц Максимович, что революция была совершена не только для того, чтобы Надежда Константиновна могла спокойно работать не только в Шушенском, но и в Москве, а для того, прежде всего, чтобы каждая кухарка могла управлять государством».

«Я понимаю, Владимир Ильич...»

«Ничегошеньки вы, батенька, не понимаете! Революция порождает не только своих героев...»

И Владимир Ильич гордо посмотрел на меня.

«Революция, милый мой человечисце, плодит еще и бездарных, глупых людей, которые потом перерастают в наших потенциальных врагов! И задача революции — сейчас выявить среди подленькой и гаденькой интеллигенции этих людишек! Если мы этого не сделаем сейчас, то потом, в будущем, с нами сделают тоже самое наши враги!»

Он подошел к сейфу, открыл его, вытащил оттуда графин, наполненный какой-то белой, прозрачной жидкостью, достал два граненых стакана, поставил все это на свой рабочий стол и, прямо глядя в мои глаза, спросил:

«Пить будете?»

«Пить?» — переспросил я его.

«Да, батенька, пить! И не что-нибудь, а настоящую воронежскую самогоночку! — И Владимир Ильич облизнулся. — Мне ее вчера прислали из коммуны «Заря коммунизма».

«Но, у вас же ранение, Владимир Ильич!»

«Пустяки! Забудем про это!»

И я, фрау Заурих, даже находясь на работе, не сдержался. Выпить с Лениным! О, для меня, молодого сотрудника ЧК, это было величайшей честью! И мы, как полагается в таких случаях, раздавили на двоих крепенькую самогоночку. Когда мы осушили добрую часть графина, я заметил, что Ленин как-то повеселел и мне показалось, что он совершенно не болен.

«А что, батенька, — спросил он у меня, — не махнуть ли нам на рыбалку?! Вот так — все бросить и на рыбалку! А?»

«Но революция, Владимир Ильич...»

«Ах, да, да — революция! Да кому она нужна, эта революция!» — Ленин налил мне еще стаканчик. — «Революция нужна прежде всего идиотам и бюрократам, вроде Троцкого. Кстати, товарищ Исаев, займитесь им!» — И Ленин что-то черкнул в свою записную книжку. — «Понимаете ли, его нужно расстрелять, а еще лучше повесить вверх ногами!»

А глаза — такие добрые, добрые... Нет, фрау Заурих, Ленин — это был человек! Человек с большой буквы!

— Я слышала, — проснулась фрау Заурих, — что он был импотентом?

— У каждого свои недостатки... — задумчиво произнес Штирлиц и выпил последний стакан водки.

ГЛАВА 19. ГЕРИНГ — АГЕНТ ШТИРЛИЦА

Геринг вызвал к себе Штирлица. Правда, сделать это было делом нелегким. Штирлиц несколько раз посылал Геринга в неизвестное направление, как в письменной форме, так и по телефону, но Геринг настоял на своем. Штандартенфюрер согласился встретиться с ним только после того, как Геринг пообещал ему достать ящик отличной французской тушенки. Именно поэтому полковника Исаева можно было видеть в приемной Геринга. Когда Штирлица пригласили, наконец, в кабинет маршала авиации, он зашел туда с явным намерением набить кому-нибудь морду, что ясно было выражено на лице разведчика и по приготовленному для этой процедуры любимому кастету.

— Здравствуйте, товарищ Исаев! — дрожащим голосом, на ломаном русском языке произнес Геринг.

— Прекратите, господин маршал, издеваться!

— А я, дорогой мой, и не издеваюсь! Я вам не маршал, а ваш товарищ по партии! — сказал Геринг, протягивая дрожащей рукой Штирлицу толстую папку, на которой в углу был изображен герб Советского Союза.

— Что это?

— А вы посмотрите!

Просмотрев содержимое папки, Штирлиц опешил и даже спрятал свой любимый кастет.

— Как? Вы секретарь НКПТ?

— Именно!

— Поздравляю вас, товарищ Геринг! Давно пора!

— Означают ли ваши слова, что я и мои доверенные офицеры приняты в ВКП(б)?

Штирлиц загадочно улыбнулся.

— Дорогой мой! — начал Штирлиц. — Партия — это не сброд психов вроде придурка Рибентропа или фаната Геббельса! Партия — это организация в которой действует единый Закон — Закон Братской Любви! — И Штирлиц еще раз вспомнил Ленина.

— Я понимаю...

Партия — это сила класса и дело класса! Вот, что такое партия! — Штирлиц принял особо бюрократическое выражение лица. — Я, конечно, со своей стороны, еще раз просмотрю все эти бумаги и постараюсь что-нибудь для вас сделать.

— Хорошо! Два ящика тушенки! — начал торговаться бывший маршал авиации Германии.

— Как! Вы мне пытаетесь всучить взятку?

— Ну, что вы, товарищ Исаев...

— Именно взятку!

— Три ящика!

— Дело очень сложное... — промямлил Штирлиц.

— Четыре!

— Конечно, надо подумать, обмозговать столь щекотливое дело.

— Четыре ящика и триста пачек «Беломора»!

— Хорошо! Но товар вперед! Вы мне товар — я вам партийные билетки! По рукам?

— По рукам! — сказал сияющий Геринг, провожая Штирлица до двери.

— Да, чуть было не забыл, так как вы теперь наш человек, даю вам первое партийное задание.

— Я вас внимательно слушаю, товарищ Исаев.

— Подготовьте документы, раскрывающие всю деятельность Бормана. Особенно меня интересует вопрос, связанный с золотом партии. Кроме этого, постарайтесь выяснить куда верхушка собирается смыться, когда здесь будут наши.

— Но, штандартенфюрер...

— Никаких но!

— Я просто хотел сказать, что это задание не совсем для нашего управления... — уныло пролепетал Геринг.

— Вы что, отказываетесь? — закричал возмущенный Штирлиц.

— Товарищ Исаев, мне, как коммунисту, будет стыдно перед самим собой и перед моими новыми товарищами по партии в случае, если я не смогу выполнить задание такой важности. Вот поэтому, я обеспокоен критерием фрустрационной толерантности психологического воздействия на диалектическую концепцию влияния на массы в нашей умирающей Германии.

Штирлиц опешил и, простояв в нерешительности двадцать минут, сказал:

— Как понос изо рта, господин фельдмаршал! Вы далеко пойдете по нашей иерархической лестнице, идите по ней и никуда не сворачивайте, как завещал великий Ленин!

— Слушаюсь, товарищ полковник!

— Выполняйте задание! — четко сказал Штирлиц и вышел из кабинета.

ГЛАВА 20. ПОСЛЕДНЕЕ МГНОВЕНИЕ ВЕСНЫ

Вольф возвращался из Швейцарии на поезде «Берн — Берлин», у которого был отцеплен последний вагон, а вместо него была прикреплена цистерна с отличным армянским коньяком — все, чего сумел добиться от американцев Вольф. Гиммлер знал это и готов был сгореть от стыда. Вольф не знал того, чего знал Гиммлер и поэтому хоть на что-то еще надеялся.

Но ни Карл Вольф, ни Генрих Гиммлер, ни Вальтер Шелленберг даже не могли предположить, что в тот момент, когда поезд «Берн — Берлин» прибудет в конечный пункт своего назначения, в Берлине уже будет гроыхать русская канонада, а цистерна с армянским коньяком войдет в историю, так как в ней вся элита Германии вместе со Штирлицем благополучно переправится на Кубу, где окончательно наступит разгром Третьего Рейха.

За окном стояла весна, радистка Кэт и рота красноармейцев.

Товарищ Сталин отошел от окна, посмотрел на наглого Жукова, мирно похрапывающего в кресле, разбудил его и спросил:

— Простите, не найдется ли папироски, товарищ Жюков?

Жуков злобно взглянул на Верховного, для виду порылся в карманах и не найдя ничего, кроме носового платка и рубля мелочью, ответил:

— Папиросы уже того... кончились!

Сталин протяжно вздохнул, опять подошел к окну, открыл ставни и, обращаясь к радистке Кэт, сказал:

— Товарищ девюшка, не найдется ли папироски для товарища Сталина?

Катюша порылась в карманах и найдя пачку «Беломора», протянула ее Сталину, заметив при этом:

— Я не девюшка! Я Катя Козлова!

— Хорошо Катя, товарищ Берия займется вами и выяснит кто Катя, а кто Козлова! — пригрозил главнокомандующий и с грохотом закрыл окно.

— Товарищ Сталин, дайте закурить! — неожиданно сказал Жуков, увидев у генералиссимуса пачку «Беломора».

Сталин ухмыльнулся, протянул Жукову папиросу, погрозил ему пальцем и, прикуривая трубку, поинтересовался:

— А как там дела на Западном фронте?

Вместо ответа Жуков уставился в потолок.

— Ах, да... А как там чувствует себя товарищ Исаев? Он по-прежнему много работает?

Жуков злобно взглянул на Сталина.

— Это хорошо. У меня для нэго есть новое задание.

А за окном стояла весна, радистка Кэт и рота красноармейцев...

ПРОЛОГ

За окном шел снег и Юрий Гагарин.

Никита Сергеевич отошел от окна, посмотрел на обрюзгшего Брежнева, мирно похрапывающего в кресле, разбудил его и, тупо уставившись в глаза будущего генерального секретаря ЦК КПСС, спросил:

— Леонид Ильич, вы все еще спите?

Брежнев слегка приоткрыл левый глаз и, глядя в пустоту, сказал:

— Сплю, Никита Сергеевич! Сплю, дорогой мой человек, спю!

Хрущев хмыкнул, зевнул и, качая головой, тихо прошептал:

— Ну, что ж, тогда спите дальше.

Леонид Ильич открыл оба глаза, равнодушно посмотрел на Хрущева и через пару минут уснул легким детским сном, с похрапываниями, охами и вздохами.

Хрущев еще раз подошел к окну, посмотрел на Юрия Алексеевича Гагарина, шагающего кругами по Красной площади, беззвучно открыл ставни и, когда первый космонавт поравнялся с ним, великий прародитель кукурузы поинтересовался:

— Юрий Алексеевич, лапочка, а вам не надоело?

— Чего не надоело? — удивился космонавт.

— Ну, это?

— Чего это?

— Ну, в том смысле... шагать! Шагать вам не надоело, погодка-то холодная?!

Юрий Алексеевич остановился, посмотрел на Хрущева, ухмыльнулся и, сделав злобное лицо, закричал так, что из окон ГУМа высунулись любопытные физиономии, в очередной раз посмотреть и послушать первого космонавта:

— Нет, Никита Сергеевич! Конечно же не надоело! Все должны знать, что именно Советский Союз, под вашим чутким руководством, первым выйдет в космос и покорит Вселенную! Слава КПСС!

— Ну, что ж, тогда шагайте дальше, — равнодушно сказал Хрущев и закрыл окно.

Неожиданно проснулся Брежнев. Глядя в честные и простые глаза Хрущева, он спросил:

— Что случилось, Никита Сергеевич?

— Ничегось, Леонид Ильич, спите!

— Все шагает?

— Шагает...

— Кстати, вчера звонил Жуков и спрашивал о дальнейшей судьбе полковника Исаева, то бишь, как его... Штирлица.

— Какого еще там Штирлица? — удивленно спросил Хрущев.

— Какого? Какого? — передразнивая Хрущева, пробурчал Брежнев. — Того самого!

— Ах, да! — Первый на минуту задумался, еще раз посмотрел на Брежнева, плюнул на пол и, вдруг, начал плясать украинского гопака, напевая при этом:

— А мы дадим ему новое задание! А мы дадим ему новое задание...

А за окном шел дождь и Юрий Гагарин...

ГЛАВА 1. ДУРДОМ И МАРТИН РЕЙХСТАГОВИЧ БОРМАН

Мартин Рейхстагович стоял в очереди за колбасой и проклинал тот день, когда он решил вновь отправиться вместе со Штирлицем в Россию. Дул московский холодный ветер, доставляя Борману немало хлопот, так как его старый, уже давно изношенный костюм рейхсляйтера пришел в состояние тряпки, выброшенной после мытья особо грязного пола. И только колбаса еще хоть как-то ободряла мелкого пакостника.

Колбаса! При этом слове Борман приходил в состояние транса и всегда зажимал глаза, вспоминая старую добрую Германию. Очередь двигалась медленно, что Бормана очень сильно раздражало. Раздражало его и то, что колбаса, ради которой он так долго искал деньги, попрошайничая в подворотнях и на вокзалах, проносилась мимо в сетках, авоськах и сумках ее счастливых обладателей, дождавшихся своей очереди.

«Гады, подлые гады! — думал Борман. — Никчемные людишки! Знали бы они, кто сейчас стоит вместе с ними...»

Когда перед Борманом оставалось три человека, колбаса кончилась. Бывший рейхсляйтер взвыл и, расталкивая толпу, бросился в магазин. Голод сморил мелкого пакостника и убил в нем рассудок. Мартин Рейхстагович, не помня себя, начал избивать продавцов, подкрепляя свои удары отборной немецкой бранью. Было бы ясно, чем бы все это закончилось, если бы появился Штирлиц. Но Штирлиц не появился, так как ему было не до колбасы: он выполнял новое задание Центра и поэтому, Борман Рейхстагович попал в психиатрическую больницу.

Дул холодный московский ветер. Из окна дурдома были очень хорошо видны окрестности. Борман стоял возле окна и смотрел на этот странный и чуждый ему город. Рядом с ним стояли: седеющий старик, называющий себя Наполеоном, молодой человек — Трижды Герой Мира, а также Президент Рузвельт, Премьер Уинстон Черчилль, Капитан Флинт и много других знаменитостей.

Мелкий пакостник долго доказывал медперсоналу о своем арийском происхождении и, видя, что ему верят только потому, что считают его идиотом, он больше уже не убеждал в этом никого, тем более, что его признания сулили немало неприятностей: Президент Рузвельт, узнав, что к ним прибыл Борман, вlepил ему пощечину, подкрепляя ее словами:

— Грязная фашистская сволочь! Я тебя научу любить Америку!

Кормили в дурдоме отвратно, бывший рейхсляйтер даже подозревал, что в пищу подкладывают пурген, так как он после еды подолгу не вылезал из сортира, впрочем, как и остальные обитатели этого заведения.

Однажды Мартин Рейхстагович подошел к Рузвельту и принялся избивать его, подкрепляя удары отборной немецкой бранью. Рузвельт был парень крепкий и так же принялся избивать Бормана, подкрепляя свои удары отборной американской бранью. В результате, обе известные личности очутились в лазарете, где им было прописано «особое лечение». Именно тогда Борман понял, что единственный выход из этого ада — побег.

ГЛАВА 2. НЬЮ-ЙОРКСКИЕ ПРЕЛЕСТИ И НОВОЕ ЗАДАНИЕ ЦЕНТРА

Штирлиц уже третьи сутки был в состоянии высшей степени трезвости. Полковник Исаев выполнял очередное задание Центра. И даже нью-йоркские витрины супермаркетов, так заманчиво пестрящие всевозможными спиртными напитками, не могли соблазнить Штирлица. Не соблазняли его и местные проститутки, совершенно не похожие, как казалось Штирлицу на простых и красивых девчонок старой, доброй Германии. Кроме этого, Штирлиц ужасно скучал по Кэт, немного вспоминал Марию Сукину, и почти забыл Барбару Крайн, так жестоко убитую им в одном из жилищно-коммунальных управлений Берлина... Но вся эта лирика совершенно не касалась нового задания.

Задание, данное ему Центром, было в высшей степени сложным. Штирлиц несколько раз перечитывал только что полученную шифровку:

«Алекс — Юстасу.

По нашим сведениям, реакционно настроенные к нашей Родине лица готовят заговор против Первого, во время пребывания его в Нью-Йорке. Готовится провокация с целью оскорбления советского лидера во время его выступления на трибуне Организации Объединенных Наций.

Вам необходимо выяснить:

- 1. Являются ли наши сведения подлинной информацией.*
- 2. Если «да», то кто за этим стоит.*
- 3. Наказать виновных.*
- 4. Сообщить по второму каналу связи о выполнении задания.*

Алекс».

В Нью-Йорке шел дождь. Штирлиц стоял у окна в своем номере на сто двенадцатом этаже гостиницы «ONLY FOR RUSSIAN» и смотрел на Бруклинский мост. Вдали виднелись небоскребы, заманивающие к себе своей роскошью. Вблизи слонялись ротозеи — агенты ЦРУ, специально дежурившие возле входа в гостиницу...

Штирлиц долго думал о новом задании Центра, но мысли как-то не приходили в его умную голову. Легендарный советский разведчик устал. Время брало свое.

Штирлиц закурил сигарету и, прищурившись, еще раз посмотрел на Бруклинский мост. Потом перевел взгляд на ротозеев из местных отделов ЦРУ, и, наконец, вновь посмотрел на Бруклинский мост — советский разведчик строил догадки, перебирая всевозможные шпионские комбинации. Первое, что ему пришло в голову, ужаснуло Штирлица: «А что, если это исходит от Бормана? Такие пакости похожи на его почерк... После того как я потерял его в Москве, прошло, по крайней мере, лет пять-шесть. — Штирлиц глубоко затанулся, мельком подумав об исключительно хорошем качестве здешнего табака. — А что, это мысль! Надо послать Центру шифровку с запросом о местонахождении Бормана...»

Штирлиц вызвал связную и продиктовал очередное послание Центру:

«Юстас — Алексу.

Приступая к новому заданию и понимая его сверхсекретность и важность, прошу Центр сообщить мне о местонахождении бывшего рейхсляйтера Германии Мартина Бормана.

Кроме этого, прошу выслать по восьмому каналу связи ящик тушенки — здешняя

*слишком противна.
Юстас».*

ГЛАВА 3. НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ ХРУЩЕВ И ЛЕОНИД ИЛЬИЧ БРЕЖНЕВ

Никита Сергеевич Хрущев сидел в своем любимом кресле и готовился к предстоящему выступлению в ООН. Хрущев писал доклад. Настроение у него было ужасное, так как доклад не получался: слова слипались друг с другом и, вместо простых, понятных каждому простому человеку, фраз, получались громоздкие словосочетания, очень похожие на ругательства. Но Никита Сергеевич не унывал — советский лидер был твердо уверен в том, что все равно его слушать никто не будет, он также не забывал и о том, что из Главного управления разведки ему сообщили о готовившемся публичном оскорблении советского лидера в Нью-Йорке.

«Як хватили, — думал Хрущев. — Оскорблять меня! Я им покажу «Кузькину мать»! Гхады! Проклятые капиталисты! Ишь че удумали?!»

Постепенно Хрущев пришел в состояние бешенства. Решив, что дальше работать бесполезно, он открыл бутылку виски и, прямо из горлышка, выпил добрую ее часть.

В это время в дверь постучали и в кабинет Первого вошел Леонид Ильич.

— Никита Сергеевич, — сказал он, протягивая Первому мятую бумажку, — шифровка от Штирлица из Нью-Йорка.

— Якая еще там шифровка? — удивился Хрущев.

— От Штирлица.

— От якокого еще там Штирлица?

— От полковника Исаева, — поправил Брежнев.

— Ах, да! Цэ по поводу новохо задания!

Прочитав шифровку, Хрущев взревел, и так как рядом никого больше не было, решил спустить свой гнев на Брежнева, чего тот, естественно, не ожидал и был сильно удивлен тем обстоятельством, что получил смачный удар в физиономию, в область, чуть правее левого глаза.

— Ой! — вскрикнул Брежнев. — За что же, батенька, вы меня так?

Никита Сергеевич не ответил и вlepил охающему Брежневу мощную пощечину.

Леонид Ильич не выдержал и метким ударом в челюсть свалил Первого на пол, оставив его лежать в таком состоянии до того момента, пока тот не очухался.

— Простите, Леонид Ильич, нервы!

— Нервы! Нервы! У всех — нервы! Но нельзя же, милый мой, так!

— Конечно же нельзя! Но вы послушайте, чехо вин пишет! «Пришлите ящик тушенки», так как «здешняя», видите ли, «противна»!

— Что же здесь непонятного? Человек хочет есть!

— Вы так думаете? — удивился Хрущев.

— Конечно. Империалистические продукты надоели советскому человеку и он тянется к простой, понятной пище!

— Хорошо! Вышлите ему этот ящик! Бог с ним! Но при чем здесь Борман? Мы же ему дали задание выяснить, кто намеревается меня оскорбить?

— Штирлиц — умный человек. Если он просит сообщить ему о местонахождении Бормана, значит последний замешан в деле, — глубокомысленно изрек Брежнев.

— Вот оно что? — удивился Хрущев.

- Вот оно что! Вот оно что! Заладили! Бормана искать надо!
- Бормана? — переспросил Никита Сергеевич. — Но кто такой Борман?
- Вы тупеете на глазах, дорогой мой человек! Борман — это Борман!
- Ах, да! — вспомнил Хрущев.
- Ах, да! Ах, да! — передразнил Брежнев. — Какие будут указания?
- Какие указания? Какие указания... Найдите этого, как его... Бормана!
- Это все?
- Все!
- Гениально!
- Послушайте, товарищ Брежнев, хватит паясничать! — заорал Хрущев.
- Слушай-ка ты, кукурузная свиноматка, прекрати на меня орать!
- Чавось? Чехо ты сказал?
- Заткни пасть!
- Свою заткни!

И тут нервы Хрущева, и так расшатанные нелепой шифровкой, не выдержали. Хрущев вцепился обеими руками в горло будущего Генерального секретаря. Но Брежнев был парень крепкий и, четким ударом по почкам, заставил Никиту Сергеевича взвыть:

— Я тебе покажу «Кузькину мать»!

Но дать ответный удар Никита Сергеевич уже не мог. Он упал к ногам Брежнева и уснул.

Леонид Ильич плюнул на распластанное тело и тихо вышел из кабинета, отправившись выполнять указания Первого.

А за окном шел дождь и Юрий Гагарин.

ГЛАВА 4. ПОБЕГ

Мартину Рейхстаговичу приснился ужасный сон. Как будто он купался в молочных реках старой доброй Германии, а за ним следила притаившаяся в кустах Ева Браун, пытаясь пристрелить его из снайперской винтовки. В момент выстрела Борман проснулся... После этого отвратительного сна рейхсляйтер почувствовал себя довольно скверно. К тому же, ему не давал покоя синяк под правым глазом, доставшийся от Наполеона во время традиционной очереди в сортир. Кроме этого, покой Бормана нарушала задница, истыканная уколами со всевозможными успокаивающими средствами. Зад у Бормана болел, но это обстоятельство, мешавшее ему спать на спине, было лишь маленькой долей тех больших неприятностей, которые он мог бы приобрести, если бы его побег не удался. План побега был, как и все гениальное, до безумия прост. Борман должен был заманить в сортир главного врача, где его поджидал бы Рузвельт с кирпичом. Все было бы хорошо, если бы Борман не узнал от того же главного врача о том, что было сделано с парнем, называющим себя «Трижды Герой Мира», который пытался совершить побег, но безуспешно. Парня поймали на Курском вокзале, когда объявившийся «Трижды Герой Мира» пытался требовать от милиционера свои ордена, якобы украденные у него неким перуанским шпионом. Но представитель власти оказался далеко не глупым человеком и воспринял все всерьез, в результате чего «Герой Мира» очутился в том же заведении, откуда бежал. Здесь ему были оказаны почести, соответствующие его положению. Он был отправлен в лазарет, где ему каждый час вводили в заднюю часть тела дистиллированную воду, посредством шприца и длинной иголки.

Думая о своем заде, Борман, как бы мысленно, чувствовал зад этого парня. Это Мартина Рейхстаговича очень сильно беспокоило. Однако, мысль о побеге не покидала его, тем более, что некий старик из второй палаты, называющий себя Уинстоном Черчилем, пообещал устроить над Борманом суд и привести в исполнение приговор, который уже заранее был вынесен — двадцать пять ударов в нижнюю челюсть, посредством, специально приготовленного для этой экзекуции, кастета. Кастетов же Борман не любил.

Поздно ночью, когда обитателям дурдома снился семнадцатый сон из одного достаточно известного сериала о советском шпионе, Мартин Рейхстагович решил на побег. Он давно думал над планом Рузвельта — план был хорош, но Рузвельта не хотелось брать с собой. И поэтому, Борман приготовил новый план побега.

Ночью, ударом ноги вышибается окно в процедурном кабинете и через него готовится выход во двор, посредством мощнейшего удара по стальной решетке, прикрепленной к окну.

Окно находилось на четвертом этаже. Это долго смущало мелкого пакостника, так как он с детства боялся высоты. Но после долгих размышлений, он нашел выход — из пододеяльника, простыни и наволочки должна быть скручена неплохая веревка.

Дул холодный московский ветер, его порывы достигали стальных прутьев решетки, издавая таинственный свист, который будоражил мелкого пакостника, рождая в нем чувство страха. Но страх предстоящей экзекуции был несоизмеримо больше и поэтому, Борман решил идти напролом.

— Сейчас или никогда! — прошептал он и ударил табуреткой по голове невинного санитаря так, что тот не успел даже ойкнуть.

Мартин Рейхстагович на минуту затаился. В палате был полумрак, и только огромная тень Бормана дрожала на стене в такт постукиванию зубов.

Отдышавшись, Борман поставил оглушенного санитаря «раком» и вместе с ним вышиб стальную решетку. Путь к свободе был открыт и Мартин Рейхстагович не заставил себя ждать.

ГЛАВА 5. УЗНИК БУТЫРСКОЙ ТЮРЬМЫ

«Никогда не прощу себе той гаденькой нелепости, которую совершил я на Кубе! Никогда, батеньки мои, никогда! Это же надо, заядрили его мать, поддаться такой ловушке! Я же еще с тридцать третьего знал, что Штирлиц — это не Штирлиц, а полковник, да какой там полковник, тогда он не был полковником... Не важно! Исаев — он и есть Исаев! Ну, хоть бы пива тогда дал! Ан, нет! Заколотил в ящик — и в Москву! И это та скотина, что всегда соблазняла мою жену! И это тот человек, которому я доверял и нежно, по-отечески любил! Гад! Тварь! Подлый трус и предатель, и еще этот... как его... злыдня... вот!» — думал узник Бутырской тюрьмы Адольф Гитлер.

Гитлер был не похож на самого себя. Его былые важные усы поседели и осопливились тринадцатилетним слоем грязи и пыли, оседавшей на бывшего фюрера с 1945 года. Пол в камере был грязный и скользкий. По стенам прокладывали себе караванные пути таинственные насекомые, неизвестные по сей день просвещенной науке. Весь вид Гитлера как бы сливался со всей этой грязью и зловонием. И только грустные глазки, горящие в таинственном мраке темницы, оставались такими же, какими они были тогда, в сорок пятом, когда фюрер стоял на коленях перед Евой Браун и просил у нее вечной любви, несмотря на свою импотенцию.

«Какая подлость с его стороны! — плакал Адольф. — Какая непροстительная самоуверенность с моей! Ну, хоть пива бы дал! Скотина! Russisch Schwein! Schwein! И это после всего того, что я сделал ему хорошего! Да я его бы мог сгноить в казематах Мюллера в один присест, как гноят меня здесь! А он, скотина, даже пива не дал!»

Гитлер посмотрел на алюминиевую кружку, стоящую рядом с парашей, и еще раз вспомнил о кубинском пиве, думая про содержимое этой кружки — тухлая вода, разведенная слабым раствором рыбьего жира, марганцовки, свежего парного молока и шампанского. Такую адскую жидкость, специально для Гитлера, придумал Сталин и ее, вот уже тринадцатый год, подавали к завтраку, обеду и ужину великого фюрера.

Но не только питье беспокоило Адольфа. Еда, которой его пичкали все эти годы, была приготовлена на основании особых рецептов, разработанных Министерством здравоохранения еще в 1947 году. Автором и душой проекта был Штирлиц. На завтрак Гитлеру подавали полусвежую тушенку, пропитанную особым раствором рыбьего жира. На обед — суп из говядины, предварительно обжаренной в рыбьем жире. На ужин — свежую тушенку, пропитанную слабым раствором марганца, серной кислоты, мышьяка и другой гадости, о которой знал только Штирлиц.

Сталин, изучив рецепты полковника Исаева, присвоил ему звание Героя Советского Союза, с вручением ему золотой звезды и двух ящиков отборной «магаданской» тушенки, где на банке было выгравировано:

Made in Magadan

Special for shtandartenfurer SS fon Shtirlitz

Штирлиц тогда прослезился и, вытянувшись по стойке «смирно», прокричал:

— Служу Советскому Союзу! Слава ВКП(бе), Родине и Сталину!

За неправильное произношение слова «бе» и немецкий акцент в слове «Сталину», Штирлиц был отправлен на работу в Антарктиду, на поиск укрывшегося там троцкистско-зиновьевского блока.

Но таинственный узник бутырской тюрьмы всего этого не знал и поэтому, не мог насладиться тем обстоятельством, что Штирлиц чуть не окоченел во льдах Антарктики, откуда еле унес ноги в 1953 году, и то благодаря смерти Великого учителя.

В воскресенье десятого, ноября одна тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года, в полночь, дверь в камеру Гитлера открылась, и на пороге показался грузный человек, лет сорока, с физиономией головореза и руками, напоминающими пятидесятикилограммовые гантели.

— Гражданин Гитлер, на допрос! — заревел он голосом, из-за которого у несчастного фюрера произошел сердечный приступ.

Когда Гитлер очнулся, он почувствовал себя привязанным к стулу, увидел ту же наглухо физиономию, яркий свет и Никиту Сергеевича Хрущева, сидящего за большим письменным столом.

Гитлер сразу узнал его. Еще тогда, в 1955 году, когда он получил единственную посылку из Аргентины от Евы Браун, он увидел, как на обертке, в которую были завернуты бананы, красовалось простое лицо советского лидера с большим кукурузным початком в руках. Вот и сейчас, тоже лицо смотрело на унылого Гитлера, пронзая его гадкой улыбкой и безжалостью.

Хрущев встал, подошел к Адольфу Гитлеру, плюнул ему в лицо и сказал:

— Ну что, будем говорить?

Гитлер заморгал глазками и, плача, на русско-немецком языке сказал:

— Я не знаю, о чем говорить!

— Ах, ты не знаешь, собака?

— Клянусь Евой Браун!

— Он не знает!

Хрущев сделал невидимый жест, и Гитлер получил жесткий удар по почкам.

Никита Сергеевич застыл в улыбке и прорычал:

— Как я тэбэ нэнавижу! Ну что, будешь говорить?

— Буду! — простонал бывший правитель Третьего Рейха.

— То-то! Говори, скотобас!

— О чем говорить?

— Ах, ты не знаешь о чем говорить? — и Первый вновь сделал невидимый жест.

Гитлер взвыл и громовым голосом закричал:

— На по-о-о-мощь!

— Ори, ори, арийская срака! Здесь тебе помогу только я! Ну что, будешь говорить!

— Буду! — снова заблеял Гитлер.

Хрущев вновь встал, подошел к хныкающему Гитлеру и тупо уставился в его глаза. Ни капельки жалости не пробудилось у закаленного коммуниста. Было видно, что это ему даже доставляет удовольствие. Никита Сергеевич, после стычки с Брежневым, был ужасно зол и решил отыграться на несчастном узнике Бутырской тюрьмы. Поэтому, он опять плюнул в грязное лицо Адольфа и диким голосом закричал:

— Ховори, сволочь!

Фюрер вздрогнул и потерял сознание. Когда он пришел в себя, то снова увидел те же мрачные стены своей камеры, смазливую лампу, алюминиевую кружку с тухлой водой, тарелку с тушенкой и грузного парня с резиновой дубинкой и звериными глазами.

— Штирлиц — скотина и русский шпион! — прошептал Адольф Гитлер и во второй раз

потерял сознание.

ГЛАВА 6. СТРОГИЙ ВЫГОВОР

Штирлиц в сорок третий раз перечитывал только что полученную шифровку и никак не мог понять ее смысла.

«Алекс — Юстасу.

Юстас, вы — осел!

Алекс».

Сорок три сигареты были выкурены, бутылка отличного американского бренди выпита, двенадцать банок тушенки съедено, однако, смысл шифровки ускользал от Штирлица. Но помня о долге перед Родиной, Штирлиц вызвал связную. «Выдержка — оборотная сторона стремительности!» — подумал полковник Исаев и продиктовал Родине следующее послание:

«Юстас — Алексу.

Сам — дурак!

Юстас».

Центр не замедлил с ответом:

«Алекс — Юстасу.

Вы что себе позволяете?

Алекс».

Штирлиц опять ничего не понял, но помня о долге, ответил:

«Юстас — Алексу.

Пошел вон, дурак!

Юстас».

Центр молчал...

Центральное разведывательное управление США, перехватывающее все послания Штирлица Центру и Центра — Штирлицу, тоже ничего не понимало. Весь отдел дешифровки был поднят на ноги, но безуспешно. Глава отдела, Стерлядь Джекобс недоумевал: «Очевидно, русские придумали какой-то новый код. Все может быть! А может, просто игра? А может... Впрочем, не такие они тупые, чтобы дойти до такой степени»

Но раздумья Джекобса были прерваны неожиданным появлением его помощника.

— Мистер Джекобс, на проводе президент США...

— Что вы сказали?..

— Президент хочет с вами говорить.

Стерлядь вздохнул, машинально вытер пот со лба и взял трубку.

— Господин Джекобс?

— Да, господин президент...

— Вам было поручено выяснить смысл последних радиogramм русских.

— Да, господин президент...

— Вы на пути к разгадке?

— Да, господин президент...

— Вы думаете это серьезно?

— Да, господин президент... — Джекобс еще раз вытер пот со лба.

— Что вы заладили одно и то же? И вообще, вы там в своем уме?

— Да, господин президент...

— Да катитесь вы к черту! — сказал Дуайт Эйзенхауэр и повесил трубку.

— Да, господин президент, — сказал Джекобс и тоже повесил трубку.

Тридцать минут шеф отдела дешифровки сидел в оцепенении. Он второй раз разговаривал с президентом США и никак не мог овладеть собой. Кроме слов «Да, господин президент...» при звонках подобного рода он говорить не мог. Это его сильно удручало, и он каждый раз проклинал себя за это. И поэтому, когда снова вошел его помощник, взгляд Джекобса не предвещал ничего хорошего, а правая рука как-то произвольно сжалась в кулак. Джекобс встал, подошел к своему помощнику и врезал ему поддых. Парень взвыл и упал.

Через минуту Джекобс подошел к неподвижно лежащему телу и вылил на него графин воды. Когда тело очнулось, шеф отдела спросил:

— Ну, что там еще?

— Новая шифровка русских, — простонало тело, протягивая Джекобсу листок бумаги.

— Можете идти!

— Слушаюсь!

Джекобс сел за свой рабочий стол, закурил сигару и прочитал следующее послание Центра Штирлицу:

«Алекс — Юстасу.

1. Юстас, мало того, что вы — осел, вы еще и полный идиот. И это после стольких лет работы в разведке. Да вы представляете себе, что вы натворили?! Вы — дебил! Объявляем вам строгий выговор с лишением месячного пайка, а именно — тушенки.

2. Продолжайте работать по новому заданию.

3. Местонахождение Бормана пока неизвестно.

4. После выполнения задания, вам надлежит явиться в Москву. С вами хочет поговорить Первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев. (Кастетов с собой не брать!)

5. Первый очень недоволен теми эпитетами, которые вы послали ему в своих трех последних шифровках.

Подписал за пьяного Алекса — Брежнев».

Джекобс потерял сознание и упал под стол, где и пролежал до утра, несмотря на то, что ему вновь звонил президент.

Прочитав послание Центра, Штирлиц решил отдохнуть и прогуляться по Нью-Йоркскими улицам. Он в третий раз подошел к газетному киоску и попросил свежий номер «Правды». Киоскер — агент ЦРУ решился, наконец, спросить:

— Товарищ Исаев, вы третий раз смотрите газету и не покупаете ее. Почему?

Ни один мускул не дрогнул на лице легендарного разведчика. Пронзив своим коварным взглядом киоскера, он загадочно сказал:

— Я ищу некролог.

— Но некрологи же печатаются на последней странице.

— Тот некролог, который я ищу, будет на первой.

— Вы ждете смерти Хрущева?

Штирлиц не ответил, загадочно улыбнулся, снова отдал газету и ушел.

...В Нью-Йорке по-прежнему шел дождь, а в Москве дул холодный ветер, на Волге стояла прекрасная погода, на Дону тоже было все нормально, на берегах Лимпопо на солнышке грелись очаровательные крокодильчики, на Миссисипи дул легкий речной ветерок, в Австралии аборигены готовились ко сну, в Бразилии дикие обезьяны вообще

ничего не делали, в Китае рыбаки сетями вылавливали вкусенькую рыбку, в Антарктиде шло очередное заседание троцкистско-зиновьевского блока, и лишь советский лидер находился в состоянии высшей степени нетрезвости...

ГЛАВА 7. ЧЕГО НЕ МОЖЕТ УРУГВАЙСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

«Все бред, невысказанная никчемность и паразитарное осуществление конфиденциальной хаотичности социальной пошлости. Высшая степень идиотии — есть прагматическая необустроенность диалектики и ее связь с классами. Чистота — есть продукт дезинтарной антисанитарии марксистско-ленинской философии. А что есть деньги? Хрен без палочки! Что есть мысль? Одухотворенная чистота поноса без счастья! Построение здания — смесь бетона, слизи и грязи! Люди, жалкие людишки — бред. Все бред, и только бред» — размышлял Мартин Рейхстагович, прося милостыню, сидя у мавзолея на Красной площади.

Только здесь мелкий пакостник наконец понял разницу между рублем и долларом. Только здесь, он наконец ощутил разницу между ударом по левой щеке правым кулаком и ударом по правой щеке левым.

Люди шли и шли... Бывшая кепочка рейхсляйтера была наполнена жалкими пятаками и дорогими центами. Никто не обращал на него внимания. И все было бы хорошо, если бы Борман не решился закурить. Он забыл прочитать, висевший у ГУМа плакат с надписью:

На Красной площади не курят!

Борман закурил сигарету, вдохнул легкий ее аромат и даже не заметил, как получил поддых от мощного парня — агента КГБ, маячившего у него под глазами третий час.

— Ты что, скотина, по-русски читать не умеешь?

— А в чем, собственно говоря, дело? — спросил удивленный Борман.

— Он еще и спрашивает! — сказал не менее удивленный агент КГБ и вlepил очередную затрещину.

— Вы не имеете права! — запищал Борман.

— Имею, — сказал агент и мастерски врезал ногой в пах по-прежнему недоумевающему Борману.

— Да за что же, черт вас возьми?!

Агент КГБ, он же полковник срочной службы Григорий Мордобитов сделал довольную гримасу и надел на правую руку перчатку, предварительно вложив туда свинцовый кастет.

Борман видел все это и понял, что дело принимает серьезный оборот. Видели это и ротозеи, слоняющиеся по Красной площади, и молодые влюбленные парочки, зашедшие сюда, поглазеть на Ульянова-Ленина, и пенсионеры, и школьники, и студенты, и члены национальной Лиги Советского Союза «Ленин — не импотент, а просто больной человек!», и даже агенты ЦРУ, Великобритании, Франции, Германии, молодой еще тогда Республики Зимбабве и других разведок. Видел это и Юрий Алексеевич Гагарин. Все они собрались вокруг Бормана и ждали занимательного представления. Полковник Мордобитов не заставил себя ждать. Очередной удар он решил нанести в область, чуть ниже пояса. Борман взвыл и принялся материться на немецком языке. Мордобитов не знал немецкого языка, но его обучали в школе КГБ, где привили ненависть ко всем чуждым языкам, и поэтому, немного подумав, он повторно нанес удар в то же место. В толпе послышались радостные рукоплескания. Кто-то, очень порядочный на вид подошел к Мордобитову и крепко, по-товарищески, пожал ему руку, похлопав его по щеке и сказав:

— Вот такие мальчишки восславят нашу Родину!

Видя такую поддержку, Мордобитов зажал жалкое горло Бормана в своих руках и

принялся душить его. Изрыгая пену, Борман кричал:

— Помилосердствуйте, соотечественники!

Германские агенты молча стояли и не могли ничего сделать.

Гришка Мордобитов еще с детства был далеко не глупым парнем и решил отпустить несчастного, так как мог его задушить до смерти, и тем самым оградить себя от удовольствия издеваться над ним дальше. Положив несчастного лицом вниз, он врезал ему по почкам с двух сторон...

Неизвестно, чем бы это все закончилось, если бы в Кремле не открылась форточка и из нее не высунулась кричавшая лысая голова:

— Товарищи, дорогие мои, ну разве ж можно так?! По почкам же это очень больно! Надо просто, по морде, по морде и по-жестче!

Все были удивлены, узнав в кричавшем, Никиту Сергеевича Хрущева.

— А кого бьем? — спросила голова.

— Он курил на Красной площади, — крикнули из толпы.

— Так дайте ему еще и приведите ко мне на допрос.

— Слушаюсь, товарищ Первый секретарь! — сказал Григорий Мордобитов и мощным ударом в нижнюю челюсть заставил несчастного Бормана встать на колени.

— Я больше не буду! — заплакал мелкий пакостник.

— Там разберутся, — сказал Мордобитов и поволок за собой стонавшее тело...

...В кабинете Первого, кроме самого Первого, были Леонид Ильич Брежнев, Константин Устинович Черненко, Юрий Владимирович Андропов, Жуков, Микоян, Пельше, работники ЦК, секретари, секретарши, графин самогонки, икра черная, икра красная, икра баклажановая, рябчики в слоновом соусе, лягушати́на в масле, говядина в виде тушенки, суп с фрикадельками, суп гороховый, уха из отборных сортов осетрины, грибки, запеченные в сметанном соусе, цыплята табака, рагу из баранины, обыкновенные русские пельмени, две банки консервов «Завтрак туриста», кильки в томатном соусе, пакетик молока, бутылочка кефира, черный бразильский хлеб, израильский кофе, английское какао и нежный, ароматный Южно-Африканский черный чай. Проходило важное совещание на тему: до какой степени дошли советские граждане, что курят на Красной площади.

— Товарищи, оказывается среди нас есть такие товарищи, что нам совсем не товарищи, — начал Брежнев.

— Товарищи, моя однако, возмущается! — подхватил Черненко.

— Сажать таких надо! — задумчиво изрек Андропов.

— Может, позвать Штирлица? — помыслил вслух Жуков.

Пельше посмотрел на Хрущева, перевел взгляд на Брежнева и, остановившись на Жукове, спросил:

— А может?..

— Ни к чему! — ответил Жуков.

— А если попробовать?..

— Не выйдет!

— А может, попытаться?..

— А вот это рискните! — сказал Жуков, и Пельше вышел.

Через минуту он вернулся вместе с Григорием Мордобитовым и грузным человеком, лет пятидесяти, с окровавленной физиономией и грустным выражением лица.

— Это он? — спросил Жуков.

— Да это же Борман! — удивился Леонид Ильич и, подойдя к Мартину Рейхстаговичу, плюнул ему в лицо, от чего тот заплакал. — Скотина, да тебя же ищет Штирлиц!

Полковник Мордобитов, вытянувшись, строго, как на параде, отчеканил:

— Это я его нашел!

— Где? — спросил Жуков.

— На Красной площади. Он там курил и просил подаяние.

Неожиданно вскочил Хрущев. Услышав про подаяние, он швырнул графин с самогонкой в несчастного Бормана, закричав при этом:

— В камеру пыток его!

Леонид Ильич, решив, что дело может принять нежелательный для него оборот, сказал:

— Сергеич, этот человек связан каким-то странным образом с новым заданием Центра, порученным Штирлицу.

— Кто такой Штирлиц? — спросил Хрущев, повергая тем самым всех в удивление.

Брежнев с ненавистью взглянул на Хрущева и тихо сказал:

— Это не важно. Но этот человек может повлиять на исход вашей встречи в Нью-Йорке.

Никита Сергеевич подошел к дурно пахнущему Борману, тупо уставился в его глаза, плюнул в них и, обращаясь ко всем, спросил:

— Неужели эта шалава может повлиять на исход советско-американской встречи?

Все молчали.

Наконец, Леонид Ильич, решив, что надо продолжать совещание, сказал:

— Товарищи, как бы там ни было, мы собрались для того, чтобы выяснить, до какой степени могли прийти советские граждане, чтобы позволить себе курить на Красной площади.

В кабинете сразу произошло оживление. Приглашенные принялись за свои обязанности, с присущей им партийной честностью и демократическим централизмом. В результате, уже через десять минут все было съедено и выпито.

Никита Сергеевич, как всегда в доску пьяный, подошел к Жукову, обнял его и поцеловал в губы, причмокивая при этом:

— Как же я тебя люблю, дорогой мой Георгий Константинович! Нет, ты ответь мне! Слышишь, ты ответь мне! Неужели эта собака хочет меня оскорбить?

Странным образом, произнося эти пьяные слова, палец Хрущева показывал на Пельше.

— Ну что вы, Никита Сергеевич? Товарищ Пельше и в мыслях даже не держит против вас зла.

Пельше слышал все это. Он подошел к Жукову и, несмотря на то, что болел гриппом, плюнул в лицо маршала заразной жидкостью.

— Это кто — собака?! — заорал Пельше.

— Простите, я вовсе не имел в виду вас!

— Ты что, тварь, будешь мне лапшу на уши вешать?! — сказал Пельше и слегка врезал по физиономии Жукова.

Началась драка. Но это обстоятельство, которое могло привести в состояние транса уругвайское правительство, никоим образом не коснулось советского, так как драка возникла между всеми приглашенными, по причинам неизвестным никому.

Борман, видя все это, потерял сознание и его уволок на Лубянку полковник Мордобитов.

ГЛАВА 8. СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ

В то время, когда на Марсе красные пески заманивали к себе летящие мимо метеориты, на Венере парился известняк, на Меркурии плавился алюминий, а на Плутоне вообще ничего не происходило, в Самаре, близ деревни Переносово, шел снег.

Мюллер стоял и смотрел в бездонное голубое небо. Мюллер был грустен. Его любимый совочек неизвестно кем был украден. И вот он стоял здесь и проклинал всех и вся. Рядом с ним стояли: одноглазая каналья Айсман, неугомимый подхалим Шелленберг, Карл Вольф, полураздетый пастор Шлаг, в плавках и валенках молодой и загорелый Холтоф, исхудавший Кальтенбруннер, а так же одна из пропавших секретарш Бормана, красотка «Тетя Фига». Все они стояли и смотрели в бездонное голубое небо. Все они, еще вчера узники магаданской тюрьмы, а сегодня — советские граждане, стояли и молились небу, проклиная штандартенфюрера СС фон Штирлица.

Холтоф подошел к Тете Фиге и начал ее соблазнять:

— Дорогуша, отдайся, я все прощу!

Эlegantный Шелленберг, услышав это, залепил Холтофу пощечину, сказав при этом:

— Дорогуша, ты кому собираешься отдаться? Придурку в плавках или выпускнику Лондонского колледжа?

Тетя Фига удивилась и кокетливо произнесла:

— Господа, я вообще не собираюсь никому отдаваться. Я честная женщина и не могу работать в таких условиях!

— Какой слог! — закричал Кальтенбруннер и всем своим телом бросился на красотку.

— Ой! — закричала она.

— Все будет хорошо, — сказал Кальтенбруннер, облизывая девушку.

Шелленберг отошел в сторону, но Холтоф, не ожидавший такой наглости, попробовал вмешаться, за что получил профессиональный удар в висок от пастора Шлага.

— Побойся бога, сын мой! — умоляюще пролепетал пастор, нанося еще один удар, уже в челюсть.

Холтоф отошел в сторону.

Бывший генерал Карл Вольф, пока Кальтенбруннер наслаждался любовью красотки Тети Фиги, мочился в снег. Казалось, что из него выходили все запасы, накопленные за долгое пребывание в магаданских застенках. Прошло двадцать минут, но Карл Вольф продолжал мочиться на снег. Мюллер уныло смотрел на него и, наконец, не выдержав, сказал:

— А шли бы вы, дружище, в сортир.

Вольф очень культурно послал Мюллера на три буквы. Несмотря на свою тупость, Мюллер понял это и мирно потупил глазки.

А на Марс по-прежнему падали метеориты, Луна вращалась вокруг Земли, создавая на ней отливы и приливы, Сатурн извергал титановые газы, Уран спокойно вращался по своей орбите. И только Кальтенбруннер жадно впитывал в себя молодость, красоту и безумную страсть Тети Фиги. Снег, лежащий под ними, мирно таял, испаряя тепло и нежность жаждущих тел...

...Вечерело. Кальтенбруннер кончил, Вольф отмочился, пастор Шлаг продолжал молиться, Вальтер Шелленберг соблазнял Тетю Фигу, Айсман с Холтофом купались в

проруби, а Мюллер строил снежные замки. Никто и не заметил, как вдали показался самолет американской авиакомпании «RUSSIAN — THE BEST MANS IN WORLD». Самолет приземлился и из него вышла рота американских солдат под командованием майора в отставке, товарища Керенского.

— За мной! — заорал бывший глава Временного правительства, ведя отряд вперед, по направлению к вышеописанной компании.

Мюллер первым увидел направляющихся к ним вооруженных солдат.

— Амас! — крикнул он.

Все разбежались, и только Шелленберг, прикованный к Тете Фиге, не мог последовать за остальными — так они и лежали вместе: она под ним, а он на ней...

Керенский, подойдя к влюбленным, брезгливо посмотрел на них и сказал:

— Товарищи, ну как же можно в такой, черт подери, мороз заниматься любовью?

Вальтер уныло взглянул на длинное лицо говорившего, плюнул в него и ответил:

— А пошел ты к чертовой матери!

— Как? Вы же нас сами вызвали! А теперь посылаете черти куда!

Шелленберг удивленно посмотрел на Александра Керенского, представил в нем Александра Македонского, и в мгновение отцепился от красотки Фиги.

— Господа, это же американцы! Наше письмо дошло до них! Да здравствует американское правительство и героическая армия! — орал Шелленберг, на ходу застегивая ширинку.

Все снова сбежались и принялись целовать американцев. Мюллер прослезился и, не подумав, подарил Керенскому свою любимую ложечку, которая на цепочке болталась на шее. Тетя Фига тут же отдалась одному из солдат. Холтоф снял свои плавки и обменял их на отличные штаны, а у Айсмана от счастья лопнула повязка, и взору всех предстал совершенно здоровый глаз, пустивший скупую мужскую слезу. Пастор Шлаг, Кальтенбруннер, Карл Вольф и Вальтер Шелленберг не могли прийти в себя и лежали в бессознательном состоянии.

Прошел час, заревели моторы, самолет поднялся в бездонное голубое небо и скрылся в облаках, унося с собой жалких людишек, когда-то творящих политику Третьего и Четвертого Рейхов.

ГЛАВА 9. ШТИРЛИЦ И ПРЕЗИДЕНТ

Штирлиц мерным шагом шел по столице Соединенных Штатов Америки. Ничто не могло смутить советского разведчика. И даже форма полкового комиссара, надетая специально к празднику Советской Армии и Военно-морского Флота, нисколько не стесняла его — Максим Максимович Исаев был очень горд, идя по чуждым улицам империалистического города, тем, что жители Вашингтона смотрели на него, как на идиота.

Пройдя центральную улицу, Штирлиц вышел к Белому дому. Здесь он немного постоял, выкурил бразильскую сигару, затянул потуже ремень и маршем, с песней, направился к оплоту империализма:

*Мы красные кавалеристы, и про нас
Былинники речистые ведут рассказ
О том, как в ночи ясные,
О том, как в дни ненастные...*

Дуайт Эйзенхауэр, пьющий в это время утренний кофе, услышал песню и, высунувшись в форточку, с пятого этажа начал подпевать:

...Вэдии Бюдьенный нас смэлэе в бой

*Пусть гром грэмтит, пускай поджар кругомм
Ми беззавэтные герои всэ...*

Штирлиц тепло, по-товарищески помахал ему ручкой.

— Hello! — поприветствовал президент США.

— Good morning! — ответил на приветствие Штирлиц.

— How are you?

— Very well! Do you speak Russian?

— Yes. And are you?

— И я тоже!

— Вы очень похожи на советского разведчика, штандартенфюрера СС фон Штирлица.

Это вы?

— Нет, это не я. Я — полковник Исаев. Вы меня с кем-то перепутали.

— Говорите громче, ничего не слышно, — заорал президент, когда мимо Белого дома проезжал советский танк.

— Что?!

— Говорите громче!

— У вас тут наши танки ходят! — порадовался Штирлиц за свою Родину.

— Это подарок из Москвы.

— Говорите громче!

— Что?

— Говорите громче! — надрывал глотку Максим Максимович.

— Вы ко мне?

— К вам.

— По какому вопросу?

— Говорите громче!

— Что?!

— Говорите громче, ничего не слышно!

— Я тоже ничего не слышу! — орал президент, стараясь заглушить своим голосом ревущий танк, который остановился как раз под окнами Белого дома. Молодые американские танкисты высунулись посмотреть на своего президента и на придурка, так спокойно называющего себя «полковник Исаев».

Максим Максимович, решив, что в таких условиях вести переговоры с главой правительства США невозможно, вытащил из правого кармана галифе разрывную гранату, выдернул кольцо и с криком «Ура», бросил в танк.

Танкисты, как зайцы, разбежались врассыпную, а на месте, где раньше стоял танк, образовалась глубокая воронка.

— Отличные у вас гранаты, — угрюмо сказал президент и прикусил себе язык.

— Не жалуемся, — радостно сказал Штирлиц, вытирая сажу со лба.

— Так вы ко мне?

— К вам.

— По какому вопросу?

— Послушайте, господин президент, я в разведке не первый год, и не привык разговаривать с лицами вашего ранга, черт подери, стоя, как идиот, внизу, под окнами!

— Что вы предлагаете?

— Может, я поднимусь к вам, наверх?

— Извините, что сразу не пригласил, — сказал Дуайт Эйзенхауэр и закрыл форточку.

Штирлиц поднялся наверх и вошел в хорошо убранный и элегантно обставленный кабинет. Возле камина, на кресле, сидел немолодой человек, лет семидесяти, с очень яркими чертами лица и симпатичными ушами.

«Президент», — догадался Штирлиц.

«Штирлиц», — понял президент.

Два великих человека понимали друг друга без слов. Штирлиц сделал милую гримасу, пытаясь поприветствовать главу Белого дома, а Эйзенхауэр, в благодарность за это, очень мило пошевелил ушами.

«Хитрец», — подумал Эйзенхауэр.

«Хитрюга», — подумал Штирлиц.

Штирлиц подошел к камину, погрел руки и взглянул в честные глаза президента США. Президент ответил тем же. Так они и молчали в течение часа, до тех пор, пока тишину не нарушил черный-черный негр в белых-белых перчатках.

«Лакей», — сообразил Штирлиц.

«Штирлиц», — недвусмысленно подумал лакей.

«Откуда он меня может знать?» — подумал Штирлиц.

«От верблюда!» — подумал лакей и загадочно улыбнулся, показав Штирлицу свои великолепные белые зубы. Затем он тихим шагом подошел к президенту и что-то шепнул ему на ухо. Эйзенхауэр легким движением руки дал ему понять, что он может быть свободен и, обращаясь к Штирлицу, сказал:

— Мне только что сообщили, что пятнадцатого сентября к нам прибудет глава вашего правительства. Вы, наверное, по этому поводу пришли ко мне?

— Как вам сказать?

— Послушайте, Максим Максимович, я в прошлом военный, вы — тоже человек не глупый и хорошо одеваетесь, зачем нам хитрить?

— Я просто хотел сказать...

— Вот этого не надо.

— Ну, тогда...

— А зачем?

— Чтобы не осложнять...

— Об этом вы можете не беспокоиться, — сказал президент и закурил «Беломорканал», протягивая пачку Штирлицу; Штирлиц взял измятую папиросу и тоже закурил, с удовольствием вдыхая аромат близкого его сердцу табака.

— Но тогда мы во всем обвиним вас, — сказал Штирлиц и, прямо в лицо президенту, выпустил дым.

— Нас? — покашливая, спросил президент.

— А кого же еще?

— Вы хотите сказать, что Хрущев будет стучать своим ботинком по трибуне ООН и плевать в зал, а мы в этом будем виноваты?!

— С чего вы взяли, что он будет стучать? — недоумевая, спросил Штирлиц.

— А что же по-вашему он будет там делать? — высморкавшись, сказал Эйзенхауэр.

Штирлиц пренебрежительно посмотрел на него, тоже высморкался и ответил:

— Никита Сергеевич, расстрендить Кузькину мать, будет произносить речь за мир и процветание во всем мире!

— Какую мать?

— Кузькину мать!

— Вы что, надо мной издеваетесь?! — возмутился Эйзенхауэр.

— Простите, я не хотел вас обидеть, — потупив глазки, сказал Штирлиц. — Это русский сленг и любимое выражение Никиты Сергеевича.

— А-а-а! — протянул президент.

Прошел еще один час. Тот же лакей принес кофе. Штирлиц отпил глоток и его чуть не вырвало.

— Что это за гадостью вас поят?! — возмутился он.

— Это же кофе, — извиняясь, сказал лакей.

— Меня таким суррогатом даже в нацистских застенках не поили! — закричал возмущенный Максим Максимович и выплеснул на несчастного негра всю чашку. Тот что-то пробормотал на уругвайском языке с легким перуанским акцентом и, еще раз извиняясь, вышел.

Эйзенхауэр тоже извинился перед Штирлицем. Штирлиц простил ему и не стал доставать свой любимый кастет.

«Классно было бы, если бы я врезал ему!» — подумал полковник Исаев.

«Руки не доросли!» — подумал президент США, а вслух сказал: — Максим Максимович, мы с вами умные люди и зачем осложнять отношения из-за какой-то чашки кофе?

— Хорошо. Ну, допустим, вы все уже знаете. Допустим, вы даже знаете то, о чем я даже не догадываюсь. Допустим, Хрущев будет себя вести безобразно в зале ООН. Я здесь не за этим. — И Штирлиц протянул президенту шифровку с заданием Центра.

Эйзенхауэр внимательно прочитал уже знакомый ему текст и, усмехнувшись, сказал:

— Вы хотите найти Бормана?

— Вы умный человек. Мы прекрасно понимаем друг друга. Вы знаете, где он?

— Знаю, — сказал Дуайт, шевеля ушами.

Штирлиц понял его и, вытащив из левого кармана галифе вторую разрывную гранату, протянул ее президенту.

— Годится! — сказал президент, пряча гранату в бронированный сейф. — Борман находится в вашем ведомстве, в параллельной камере с Гитлером.

— Благодарю вас, — сказал Штирлиц и, чеканя шаг, вышел из кабинета.

Придя в свой номер, Штирлиц передал Родине следующее послание:

«Юстас — Алексу.

По моим сведениям Борман находится в Бутырской тюрьме. Прошу провести с ним оперативную работу и выяснить, связан ли он с американской разведкой.

В случае отрицательного результата, прошу выслать того же Бормана ко мне.

Извиняюсь за те оскорбления, которые я нанес Первому. Это была роковая ошибка. Впредь, такое не повторится. Даю слово.

Юстас».

ГЛАВА 10. РЕЦЕПТЫ ПАРТИЙНОЙ КУХНИ

В то время, когда Гитлер ужинал, Борман страдал от голода — Мартина Рейхстаговича уже вторые сутки не кормили. Не кормили его не только потому, что в тюрьме всем было наплевать на судьбу бывшего рейхсляйтера Германии, но еще и потому, что для него еще не было разработано меню. Сталин умер. Штирлиц был в Америке. А кроме этих двух людей, больше никому было придумать адского рецепта для особы такого ранга.

Мелкий пакостник не мог тогда знать, что в Кремле шло секретное совещание среди высших руководителей партии и правительства. Обсуждался единственный вопрос: «Чем кормить Бормана?»

Хрущев, который был мастак до всяких пакостей, был в роли предводителя:

— Товарищи, вопрос, как вы все понимаете, очень сложный. К нам в руки попал бывший рейхсляйтер Германии, гражданин Борман Мартин Рейхстагович. Сейчас он находится в Бутырской тюрьме, там же, где и гражданин Гитлер. С Гитлером все ясно, но чем кормить Бормана? Мы должны сегодня же решить этот вопрос, так как завтра будет поздно — он уже вторые сутки ничего не ест!

Хрущев вытер пот со лба, высморкался, налил себе стакан самогонки, выпил, рыгнул и пьяным взглядом окинул присутствующих: рядом с ним сидел Брежнев и что-то рисовал, Микоян играл в карты с Пельше, Андропов и Черненко играли в домино, и только Жуков сидел в задумчивости...

Казалось, что всем не было никакого дела до обсуждаемой проблемы. Хрущеву это не понравилось. Тогда он встал, взял в руки графин и запустил его в Пельше. Пельше ловко нагнулся, и графин пролетел мимо, разбившись о портрет Ленина.

— Никита Сергеевич, вы что себе позволяете? Вы что — против Ленина? Против партии? — заорал возмущенный Леонид Ильич.

Никита Сергеевич покраснел и сказал:

— Простите, я не сдержался...

— Вечно вы — «не сдержался», «не сдержался». Лечиться надо! — и Брежнев покрутил пальцем у виска, давая понять Хрущеву, что он полный идиот. — Ладно, что там у вас?

Первый секретарь еще раз повторил свою вступительную речь. Брежнев и все остальные очень внимательно выслушали ее. Слово взял Жуков.

— Товарищи, я предлагаю связаться со Штирлицем. Только он может решить эту проблему.

— Однако, мы и сами не дураки! Причем здесь какой-то Штирлиц! — сказал Черненко.

— Правильно, Константин Устинович, — подхватил Андропов. — Надо самим что-нибудь придумать!

— Товарищ Пельше, а что вы думаете по этому поводу? — осмелился спросить Хрущев.

— Я? Я того же мнения, что и Леонид Ильич!

Брежнев слегка улыбнулся и незаметным взглядом поблагодарил за такое доверие:

— Но пасаран!

— Но пасаран! — ответил Пельше.

Хрущев оскалил зубы и начал скрежетать ими, затем нажал кнопку под столом и вызвал дежурного охраны:

— Принесите еще графин самогонки!

— Слушаюсь, товарищ Первый секретарь! — ответил охранник. Через минуту он вернулся с бутылкой водки.

— Самогонка кончилась, товарищ Хрущев, осталась только водка.

— Как кончилась?! — удивился Никита Сергеевич.

— Молча!

— Что значит — молча?!

— А то и значит — молча! Пейте, что вам дают! Пока по голове не получили!

— Что вы себе позво...

Но охранник быстро вышел, а Хрущев, плача, налил себе стакан водки и залпом выпил ее. Брежнев брезгливо посмотрел на него и сказал:

— Никита Сергеевич, а у вас есть какие-нибудь предложения?

— Есть, батенька, есть!

— Ну, что ж, дорогой мой человек, мы вас внимательно слушаем.

— На завтрак я предлагаю давать кукурузный початок, настоянный на конской моче, — начал Хрущев. — На обед суп из кукурузы и конского навоза. На ужин — то же, что и на завтрак.

— Вы это сами придумали? — спросил Брежнев.

— Сам, батенька, сам! — и Никита Сергеевич налил себе еще стакан водки.

— Вы много пьете! — сказал Андропов.

— А ты мне не указывай! Слышишь?! Не указывай! Не указывай, я тебе говорю! Шо смотришь то, а?! Ты чего пасешь?! А мне плевать на твое мнение! Понял? Нет?! — и Хрущева вырвало на стол.

— Леонид Ильич, я прошу вас оградить меня от этих пьяных выходок! — закричал возмущенный Юрий Владимирович.

— Товарищ Хрущев, не забывайте, что вы — коммунист! — заорал Брежнев, залезая под стол.

— Простите, Леонид Ильич, я опять не сдержался.

В это время пришел Суслов.

— Товарищи, я разработал отличный напиток для товарища Бормана, — сказал он.

— Какой еще там напиток?! — спросил Хрущев, вылезая из-под стола.

— Здравствуйте, Никита Сергеевич! Чертовски отвратительная вещь!

— Что еще за вещь? — закричал Брежнев, высовываясь из-под того же стола.

— Здравствуйте, Леонид Ильич! Вещь — адская! Вам она не понравится. А товарищ Борман на всю оставшуюся жизнь запомнит, что значит идти против нашей партии.

— Мы вас внимательно слушаем! — сказал Леонид Ильич. — Вы присаживайтесь.

Суслов сел рядом с Андроповым, открыл папку, достал исписанный листок бумаги и сказал:

— Я назвал это «От Сулова — Борману»! Рецепт приготовления очень простой: литр «Пшеничной» водки смешивается с литром виноградного сока. Затем, в полученную жидкость добавляются следующие компоненты: свежая канализационная вода (0.25 литра), раствор новокаина (0.25 литра), перекись водорода (0.5 литра), гематоген (0.5 литра), коровья моча (0.25 литра) и, наконец, рюмка «Бургундского», соль, сахар, перец — по вкусу. Все это тщательно перемешивается и отстаивается. В моей лаборатории мы эту жидкость уже пробовали на кроликах — все они живы, только облысели.

Хрущева еще раз вырвало, Брежнев последовал его примеру. Жуков культурно вышел,

Пельше высморкался, Андропов и Черненко закашляли.

Первым оправился Брежнев:

— Ну, что ж, товарищи, Никита Сергеевич знает, как кормить арестованного, товарищ Суслов знает, как поить его. Я думаю, пора голосовать. Кто против такой кормежки, прошу поднять хвосты! — Брежнев оглядел присутствующих и улыбнулся. — Хвостов нет, значит все — «за». На этом и закончим.

...В полночь дверь в камеру Бормана открылась. Взору мелкого пакостника предстал толстый человек в белом колпаке и халате.

«Повар, — догадался Мартин Рейхстагович. — Ну, наконец-то, а то так и копыта отбросить недолго!»

— Твоя жратва! — брезгливо сказал повар и поставил миску с кукурузными початками и кружку с какой-то жидкостью, от которой исходило ужасное зловоние.

Повар вышел и поэтому не мог слышать звериного рева мелкого пакостника, который чуть не сошел с ума, выпив глоток напитка «От Сулова — Борману». Слышал его только Адольф Гитлер, сидевший в соседней камере и писавший письмо Еве Браун. Узнав знакомый рев, Гитлер насторожился. Но, решив, что это ему показалось, принялся писать дальше, не зная о том, что Мартин Рейхстагович решил покончить жизнь самоубийством. И кто знает, чем бы все это могло кончиться, если бы в Бутырскую тюрьму не приехал Леонид Ильич Брежнев, у которого созрел дьявольский план по смещению Хрущева с поста Первого секретаря ЦК КПСС.

ГЛАВА 11. РОКОВОЙ ИСХОД ВСТРЕЧИ С МЮЛЛЕРОМ

Успех любого предприятия зависит от конкретного участия в нем тех или иных индивидуалов. Индивидуалами рождаются, а не становятся. И поэтому, все то, что сделал Штирлиц для провала выступления Хрущева, было защитой как самого себя, так и Леонида Ильича Брежнева. Штирлиц давно понял, что новое задание Центра нужно истолковывать совершенно иначе.

24.05.59 (5 часов утра)

После очередной попойки Штирлиц решил опохмелиться. Но что-то не складывалось так, как хотелось бы. И поэтому, голова разведчика болела также, как и его мочевого пузыря. Не складывались не только обстоятельства, позволяющие сбить головную боль, разведчик не мог ощутить связи между Хрущевым и Эйзенхауэром, Борманом и Брежневым, и вообще, Москвой и Нью-Йорком. Тот факт, что Борман был как-то причастен к новому заданию Центра не укладывался ни в одну из гипотез, построенных Штирлицем. «Что, черт подери, эти злыдни задумали?» — подумал полковник Исаев и открыл еще одну банку пива.

Штирлиц знал, что Хрущев мог бы и без Брежнева начать переговоры с американцами. Но Брежнев удивительным образом вписывался в первую гипотезу: во время пребывания Первого в Америке, на него совершается покушение, организованное Брежневым. Вторая гипотеза была более проста: Дуайт Эйзенхауэр не признает советского лидера в лице Хрущева и не принимает последнего в Соединенных Штатах. Третья гипотеза была связана с Борманом: Борман приезжает вместе с Хрущевым в Америку и является его гидом; затем Борман, будучи не Борманом, а одним из деятелей ЦК, позорит советского лидера перед лицом капиталистической общественности.

Все эти три гипотезы были связаны с Брежневым и поэтому Штирлиц решил ставить карту на него. Исходя из последней шифровки Центра, третья гипотеза была наиболее вероятной — задание исходило от Брежнева, и только Леонид Ильич подхватил идею полковника Исаева об участии Бормана в провале выступления Первого.

— Да, это может плохо кончиться, — тихо сказал Штирлиц, стоя перед унитазом.

В Нью-Йорке шел дождь. Город готовился к приему советских гостей. Повсюду были развешаны плакаты с приветственными надписями.

Мюллер шел по Двенадцатой авеню и плевался. «Как они любят этих русских и как я их ненавижу!» — думал бывший шеф Гестапо и вождь Четвертого Рейха, разглядывая шикарный плакат с надписью:

Да здравствует Кукурузный король!

Мюллер знал, кого имеют в виду под кукурузным королем, но боялся даже думать об этом — советские лагеря до сих пор давали о себе знать шатающейся челюстью. И поэтому Мюллер сдержался и не плюнул на плакат. Он решил зайти в кафе и что-нибудь перекусить. Денег было мало, но на бутерброд с черной икрой и бутылку виски хватило. Он сел за дальний столик и принялся цедить бодрящий напиток. Когда бутерброд был съеден и выпита половина бутылки, в кафе появился штандартенфюрер СС фон Штирлиц.

Штирлиц не сразу признал в седом старике бывшего вождя Четвертого Рейха, но Мюллер понял, кто подходит к его столику и поэтому насторожился.

— Разрешите? — вежливо сказал Штирлиц, усаживаясь за столик Мюллера.

«Наверно, он меня не признал», — подумал Мюллер и кивком головы дал свое согласие. Штирлиц щелкнул пальцами, подозвал официанта, заказал три банки тушенки и бутылку водки и принялся жадными глазами рассматривать уставшее лицо Мюллера.

«Вот теперь точно! Сомнений быть не может — это Штирлиц! Тушенку и водку поглощает только он. Возможно, сейчас будут бить». — Мюллер тоже впилился в суровое лицо Штирлица и начал усиленно стучать зубами.

— Простите, может мы с вами где-нибудь раньше встречались? — начал Штирлиц.

Мюллер промолчал. Он боялся, что его голос может выдать его и поэтому решил занять выжидательную позицию.

Штирлиц повторил свой вопрос на русском языке. Мюллер промолчал.

«А с другой стороны, все равно я влип. От Штирлица вряд ли уйдешь. Он зануда известный», — подумал Мюллер и выпил еще одну рюмку виски.

Штирлиц повторил свой вопрос на немецком языке. Мюллер решил, что дальше молчать бесполезно и сказал:

— Да, это — я!

— Кто — ты?!

— Неужели, я так изменился?

— Я не понимаю, о чем вы говорите?

Вежливый Штирлиц сделал деликатный жест и слегка шлепнул подошедшего официанта, который принес его заказ. Открыв банку тушенки и налив стакан водки, полковник Исаев еще раз сказал:

— Дружище, я не понимаю, о чем вы говорите?

— Да это же я — Мюллер!

Штирлиц еще раз посмотрел на старика, засунул руку в карман, нащупал свой любимый кастет и сказал:

— Мюллер? Какими судьбами?! Ты в Нью-Йорке? Вот не думал?! Выпустили тебя, да?

Старые друзья обнялись. Радости Штирлица не было предела, а Мюллер, видя такой поворот дела, рассказал про свой украденный совочек, на что Штирлиц ответил:

— Дружище, а ты совсем не изменился! Все также возишься в песочнице?

— Да я...

— Да ладно тебе! — и Штирлиц похлопал старого друга по плечу. — Ты здесь один?

— Как тебе сказать...

— Говори все, без утайки. — Штирлиц опять нащупал свой любимый кастет. — А не то побью!

Мюллер давно заметил, как Штирлиц залезает в карман, где у него несомненно лежит кастет, и поэтому сказал:

— В Америку нас переправил товарищ Керенский.

— Какой товарищ?!

— Керенский. Это тот самый...

— А кого это «вас»?

— Кого, кого? Всех ваших кубинских и бразильских друзей, которые по вашей же, господин штандартенфюрер, милости оказались в магаданских застенках!

— И что, Кальтенбруннер с вами?!

— И Кальтенбруннер, и Холтоф, и Айсман, и даже красавица Тетя Фига — здесь, в Нью-Йорке.

Штирлиц задумался. Все это могло послужить неплохим козырем в игре, задуманной Брежневым. И поэтому полковник Исаев, закурив папиросу, сказал:

— Немедленно едем к вашим друзьям!

— Я не думаю, что это им понравится, — грубо промолвил Мюллер.

— А их об этом и спрашивать никто не будет, — грубо сказал Штирлиц и въехал кастетом по истрепанной физиономии Мюллера, повергая его в безграничное изумление. — Еще нужны объяснения?!

Мюллер расплакался.

— На Кубе — били. В Магадане — сломали челюсть. А теперь, здесь вы теребите мою физиономию. Как вам не стыдно?!

— О совести заговорил? А что ты думал тогда, в Германии, когда закрыл дверь после ухода Гитлера? А тогда, когда я томился в застенках твоего хренового Четвертого Рейха? Помнишь, собака?! — И Штирлиц вмазал еще раз.

Мюллер завыл, а Максим Максимович налил себе еще стакан водки.

— Ну что, я тебя убедил? — спросил он.

— Вполне.

— Тогда едем.

...Александр Керенский лежал в одной постели с Тетей Фигой. Керенский был стар, но красotka Фига не замечала этого. Этот мужчина заманивал к себе какой-то внутренней силой, порождающей неукротимую энергию молодого, влюбленного болвана, с которым спала красotka намедни.

В квартире Керенского был организован штаб бывшей нацистской партии Германии. Сюда съезжались все бывшие представители Вермахта.

— Так это все ваши штучки, товарищ-господин бывший глава Временного правительства? — На пороге стоял восхитительный Штирлиц с гранатой в руках.

— О, my God! — успел пропищать Александр Керенский. Граната разорвалась как раз под его задом.

Все остальные «рыбками» повыпрыгивали из окон четырнадцатого этажа.

— Развели тут бардак! — злобно прорычал Штирлиц, вытирая с мундира что-то похожее на кал.

То, что еще недавно называлось Сашей Керенским, висело на люстре и опарялось на Штирлица.

— Прекратите, товарищ Керенский, заниматься хреновиной! — грозно сказал Штирлиц.

— Максим ты не прав! Ты что наделал?! — прошипела губа бывшего главы Временного правительства.

— Я всегда прав! — сказал Штирлиц. — Что это вы тута развели? Фашистский гадюшник? Ты что же это, опять вдарился в политику?

— Максим... или как там тебя еще... Петька, Отто... или этот, ну как его — Штирлиц, ты, еще раз повторяю, не прав! У нас здесь был творческий вечер Александры Пахмутовой.

— Какой еще там Ахмутовой? Тут все видно невооруженным глазом — фашистский гадюшник тут у вас, вот.

Мюллер, торчавший у Штирлица все это время подмышкой, тихо шепнул:

— Товарищ Штирлиц, я забыл вам сказать, Сашка что-то знает про Хрущева, а точнее про его приезд в USA.

Рука Штирлица самопроизвольно полезла за кастетом.

«Сейчас будут бить!» — подумало тело и упало вместе с люстрой к ногам Штирлица.

Но Максим Максимович сдержался, что случилось с ним редко, и только тихо спросил, пытаясь настроить свой голос на добродушную волну:

— Что тебе, контра, известно про Хрущева?

Губа открылась и сказала:

— Пока ты здесь занимаешься погромом, лысый едет к ООН!

— Черт, не успел! — пробубнил Штирлиц. — Ну, не успел, так не успел... Ладно... Извините, что побеспокоил. Я просто так зашел.

ГЛАВА 12. ТАМ, ГДЕ БЕССИЛЕН МИНЗДРАВ

«А это уже серьезно!» — подумал Штирлиц.

Едкий смог от дымящейся сигареты глубоко проник в его легкие и разведчик косо посмотрел на грязный потолок.

«Да-а, видимо, это никогда не кончится...» — мрачно насторожился Штирлиц и сделал еще одно усилие.

Мирно капала вода из крана, по потолку мелькали гадкие тени. Штирлиц вновь закурил. Сигарета показалась ему менее приятной, однако он продолжал втягивать в свои легкие этот острый, едкий дым, пытаясь сбить ужасное напряжение.

...Прошло двадцать минут. Мускулы легендарного разведчика всех времен и народов были на пределе.

— Черт! — прошипел он. — Должен же быть в этом хоть кто-нибудь виноват?! Но кто? Кто? Кто эта собака?

Штирлицу показалось, что напряжение на минуту утихло, однако этот факт не помешал закурить ему третью сигарету и мускулы Максима Максимовича снова были на пределе.

— Скоты! — закричал он в пустоту. — Га-а-а-а-ды!

Что-то ужасное, отчаянное, жаркое, безвыходное было в этом крике. Но стены были глухи и помочь в этот момент Исаеву никто не мог, даже Минздрав, тем более, что последнему было далеко наплевать на временное напряжение мускул легендарного шпиона.

Вечерело. В номер Штирлица откуда-то из далекой России ворвались стихи великого Пушкина:

Вечер зимний, вьюга воеет,
Снег безжалостный идет...

Разведчик почувствовал жар и нестерпимую усталость. Ноги сводило судорогой. Со лба стекали холодные струйки пота. Штирлиц вдруг понял, что это конец.

«Говорил же Мюллер, предупреждал! — горько подумал он. — О-о-о! Как это все-таки жестоко! И самое главное — низко! Низко!»

— Да, поймите же вы, наконец! Я не выдержу этого! — прокричал Штирлиц.

Это уже был крик не человека, это был рев быка, которого вот-вот должны были зарезать. Это был крик дикого слона, увидевшего подлую кобру. Это был крик загнанной лошади, раненного кабана. Это был крик тигра, нечаянно наступившего на раскаленное золото.

«Да, Мюллер был прав, что нужно...» — Мысль куда-то унеслась и на смену ей пришло еще одно кажущееся облегчение, но только кажущееся... Прошла минута и Штирлиц вновь почувствовал что-то ужасное. Ему показалось, что его душит кобра. И тогда... он собрал все свои последние силы и закричал:

— Мюллер! Дружище! Ты был прав! Надо чаще принимать слабительное! Запор — вещь серьезная! — внезапно все кончилось и Максим Максимович почувствовал величайшее облегчение.

Штирлиц закурил пятнадцатую сигарету и с чувством выполненного долга развернул свежий номер «Morning Star».

ГЛАВА 13. ТАЙНАЯ СИЛА КАЛЬТЕНБРУННЕРА

Бронированный автомобиль Первого секретаря ЦК КПСС с огромной скоростью несся из международного аэропорта «Кеннеди» к Нью-Йорку.

Никита Сергеевич был очень хмур, настроение, в политическом и идеологическом смысле, было ужасным — мало того, что не было никаких вестей от Штирлица, а тут еще эта шутка с колбасой, которую советское правительство решило в качестве экстренной помощи отправить голодающему народу Кубы; вместо того, чтобы принять ее и поблагодарить кого следует, кубинский лидер, а именно — Фидель Кастро, прислал лично Хрущеву следующую нагло-оскорбительную телеграмму:

Все в порядке. В вашем кале глистов и иной заразы не обнаружено.

«Скоты, — думал Никита Сергеевич. — Он хочет сказать, что мы им не колбасу выслали, а гавно. Следовательно и все, что мы делаем для их сраной Кубы — тоже понос. Ну, я им покажу Кузькину мать! Я им дам котях! Я вам такой Карибский кризис устрою, что до конца жизни Бермудский треугольник помнить будете!»

Суслов, сидевший рядом с Первым, противно чмокал губами и внимательно перечитывал засаленные листки бумаги.

«Не замышляет ли этот гений сапога и гороха против меня какую-нибудь пакость! — с ужасом подумал Хрущев и легко, ради проверки, врезал своему ближайшему соратнику по челюсти.

— Суслов, твою мать! Ты енто о чем думаешь?

— О вашем докладе в ООН, Никиточка Серге-е-е-ич!

— О моем докладе?

— Угу!

— Ну, и что же ты там, смерд, надумал?

— А ничего... Так... кое-какие замечания... вообще-то все нормально, есть слог, стиль, другие подобные штучки...

— Шож тебе еще, псина, надо?

— Никищ, а ты не обзывайся! Че обзываешься-то? Вот ты пишешь «вжопу вас всех без хрена с палочкой...» или «А на срать я хотел на весь ваш империализм...»

— Ну...

— Баранку гну! Тупак безграмотный! «В жопу» пишется отдельно, а «насрать» — вместе!

— А пошел ты! — зевнул Хрущев и лениво отвел взгляд к окну.

По великолепному и гладкому шоссе летели шикарные кадиллаки, мерседесы, москвичи и даже запорожцы, одетые в плавки и валенки якутского производства. Вместе с ними довольно быстро двигался и бронированный «запорожец» советского правительства, управляемый лиловым негром в белых перчатках.

Никита Сергеевич немного позавидовал этой веселой стране, увидев такое обилие шикарных машин, и впал в уныние, но вспомнив, что сегодня он им задаст «жару», пришел в свое обычное состояние. Шофер — лиловый негр в белых перчатках непринужденно вел бронированный «Запорожец» к Белому дому, туда, где Хрущева должны встретить так, как этого заслуживает особа такого ранга, как глава правительства Великого Совдепа. Этот факт Хрущева на минуту развеселил, но посмотрев на угрюмого Суслова и на грузного лилового

негра, товарищ Первый снова впал в уныние и скуку.

«Эх, Федя, Федя! Ну разве ж можно так шутить! — подумал Хрущев. — Ну, неужели для этого мы тебя засылали на Кубу?»

— А что, Штирлиц встречался с Федькой-то? — спросил Никита Сергеевич у Сулова.

— А как же, благодаря Федору Макаровичу и была отправлена вся верхушка Третьего Рейха в места, не столь отдаленные; Штирлиц руководил этим делом, Федька помогал.

— А теперь позорит нас на весь мир.

— Это вы про колбасу?

— А про что же еще то? Про ее родимую!

— Не знаю, как можно спутать колбасу с калом?

— А какая колбаса то была? — Никита Сергеевич вытер свою потную лысину замасленной рубашкой Сулова.

— «Останкинская». Зажрались! А помните, когда мы послали... дай бог памяти, четыре года назад, Шампанское в Англию? Что они нам сказали?

— Ну, чего? Не помню я!

— Як же ты не помнишь, Никита?

— А-а! — рассмеялся Хрущев. — Они нам прислали заключение медицинской экспертизы Центральной Лондонской клиники, как шаз помню:

Уважаемый господин Хрущев!

Вашу мочу мы подвергли тщательному анализу. Все в норме. Сахара нет, белков нет!

— А ты говоришь — колбаса! Над нами весь мир ржет! Придурок ты! — Сулов не на шутку рассвирепел.

— Это кто — придурок?! Ты кому такие вещи говоришь?

— Тебе, тварь!

— Ну ты, фраер, заткнись, шаз как дам больно!

— Господа, — на чистом русском языке проговорил шофер. — На вас же люди смотрят!

И действительно, по обеим сторонам автомобильной магистрали толпились любопытные американцы с цветами, Пепси-колой, сосисками, сардельками, тушенками, очаровательными проститутками и кубинскими сигарами.

У Хрущева засверкали глаза, когда он увидел транспаранты алого цвета с надписью:

Товарищи, через двадцать лет наше поколение будет жить при коммунизме!

Догоним и перегоним Америку!

— Сусликов, твою мать! Я не пойму, мы где: в Нью-Йорке, в Москве или еще где?!

— В Штатах мы, в них родимых. Просто эти проклятые капиталисты нашего языка не знают, вот и вывесили КПСС знает что.

— Издеваются, — пробурчал Хрущев.

— Что по этому поводу скажет Кальтенбруннер! — неожиданно для себя и для Хрущева сказал Сулов.

— Чего?! — хором прокричали Хрущев и лиловый негр.

— Ой, простите, товарищ Первый секретарь. Это у меня так... просто вылетело, сам не знаю, почему. Наверное, все из-за Штирлица! — и Сулов мирно потупил глазки.

— Смотри у меня, харя! Давно сортир не драил? — Никита Сергеевич зверским взглядом окутал Сулова и вlepил ему, просто так, наверное, для порядка, небольшую пощечину.

Сулов расплакался. Хрущеву снова стало скучно и противно, казалось, что этому

путешествию не будет конца.

«Ну, Федька, смотри у меня! Я умею сажать не только кукурузу! Я найду на тебя управу!» — Никита Сергеевич еще раз вытер свою лысину и мельком плюнул в морду Суслову, который удивился этому необычайно и заплакал сильнее.

— Плачь, плачь, срочная задница, Нью-Йорк слезам не верит! Эти сытые хари еще будут возносить меня на самые высокие пьедесталы! Я буду учить их строить социализм! — Хрущев посмотрел в окно и наивно заулыбался. Толпа скучных американцев не заметила его улыбки и продолжала с удивительным бесстрашием пожирать сардельки. — Сусликов, твою мать! А выпустили ли почтовую марку с моей ха... физиономией, в честь моего приезда в Штаты?

— Выпустили, выпустили, — заплаканным голосом сказал Суслов.

— Ну и что же?

— «Ну и что же?» — передразнил Суслов.

— Ты чо дразнился? А?! Я тебе спрашиваю, берут марки-то?

— Не-а!

— Чавось?

— Нет, говорю тебе, не берут! На хрена им, Никита, нужны твои марки! Их и приклеить то никуда нельзя!

— А шо ж, трудно сробить шо ли? Харькни, да клеи себе, на здоровье, хоть на задницу.

— Да плюют то не туда, куда надо...

Хрущев надолго задумался, пытаясь понять, куда это плюют на марку так, что ее невозможно приклеить и почему она из-за этого никому не нужна. «Не понятно, — подумал Хрущев. — Надо спросить у Штирлица. Но что бы по этому поводу скажет Кальтенбруннер? Стоп! Какой еще там Кальтенбруннер? Причем здесь он? И вообще, кто он такой?!»

— А кто такой Кальтенбруннер? — поинтересовался Никита Сергеевич.

— А бог его знает! — сказал приглушенный голос из багажника.

— Кто это? — хором спросили Хрущев и Суслов.

— Так это же я, Пельше.

— Пельше, твою мать, ты чего там делаешь? Полезай сюды! Ты то мне как раз и нужен. Шофер, останови машину! Эй вы, там, оглохли, что ли? Stop car! Stop! I sad, чувырло!

Автомобиль остановился, из багажника вылез дорогой товарищ Пельше. Через минуту с грохотом открылся капот и из-под радиатора начал выползать Борман.

— Здравствуйте, Никита Сергеевич! — поздоровался Пельше.

— Guten Tag! — поприветствовал Мартин Рейхстагович.

— Хиллоу, халлоу! — неохотно поздоровался Хрущев. — Живо в машину, тут люди кругом, еще покалечат не на шутку.

Автомобиль вновь тронулся, дорогой товарищ Пельше начал записывать очередное послание Центра Штирлицу:

«Алекс — Юстасу.

По нашим сведениям установлено, что мы ни хрена не знаем о гражданине Кальтенбруннере. Однако, среди членов ЦК, как зараза, распространяется страшная болезнь, суть которой состоит из двух вещей:

1. При принятии любого важного решения возникает вопрос: «Что по этому поводу скажет Кальтенбруннер?»

2. Кальтенбруннера никто не знает и в глаза его никогда не видели.

Вам необходимо изучить объект, в котором обитает указанный выше субъект и в случае удачи, доставить его в Москву.

Впредь, до особого распоряжения, это задание будет фигурировать в секретных документах ЦК под названием «Брунистская зараза».

Алекс».

— А что вы там делали, в багажнике? — спросил Никита Сергеевич. — И кто это с вами, говорящий по-перуански?

— Так работа же у меня такая, — гордо сказал Пельше. — А это Борман! И говорит он не по-аргентински, как вы изволили выразиться, а по-китайски. Он немец английского происхождения, бывший фашист и рейхсляйтер. Хотя Андропов говорит, что он наш человек и работает на его ведомство давно.

— А-а! — протянул Хрущев. — Это тот, который побирался у меня под носом! Дорогой товарищ Пельше, а на хрена он нам?

— Нужен, Никита, нужен! — Пельше тоже стало жарко и он открыл окно. — Я тебе потом расскажу.

Вдруг Пельше увидел плакат с надписью:

Колхозники Техасщины,

Мичиганщины и Примиссисипья!

Дадим трехлетку досрочно!

«Бред какой-то!» — подумал дорогой товарищ Пельше и закрыл окно. От этого плаката ему стало как-то холодно, в глазах появился туман.

Когда автомобиль главы Советского правительства подъехал к Нью-Йорку, Пельше торжественно обратился к Хрущеву:

— Никита, помни, что ты представляешь великую страну! Веди себя достойно, кедами по трибуне не стучи, гопака не пляши! Не матерись... И вообще, веди себя в рамочках.

— Ты кого это, срака срачная с хреном безмозглым, учишь? — культурно оборвал его Хрущев. — Я без тебя знаю, как мне себя вести с этими проклятыми янки.

Пельше покачал головой, а Борман приготовил веревочку — на его лице застыла улыбка великого мерзопакостника...

Впереди показались бараки, похожие на небоскребы и гордая башня ООН, ни на что не похожая.

ГЛАВА 14. НАД ЧЕМ СМЕЮТСЯ ШПИОНЫ

В эту ночь Штирлиц не спал. Великое потрясение постигло легендарного разведчика. Чудовищные душевные муки одолевали его четкий и холодный рассудок. «Что делала эта грязная фашистская сволочь под карбюратором? Что эти злыдни замышляют? На кого делать ставку? На лысого или на толстого? И что, наконец, означает эта шифровка?» — думал он, сидя на унитазе и читая вечернюю «MORNING STAR».

Но Родина ждала твердых решений от своего кумира и Штирлиц ровно в три часа ночи вызвал радистку.

«Юстас — Алексу.

Все в порядке, против вас никто ничего не замышляет, можете спокойно работать. Товарищу Федору Остаповичу Русову объявлен строгий выговор и лишение квартальной премии, и вообще, этого Кастру мы поставили на вид. Так что все негры довольны. Кроме этого, я лично заставил его сожрать сто килограммов «Останкинской».

Кальтенбрунер находится в Берлине, вся информация о нем у товарища Хонекера (говорят, что он, Хонекер, голубой, но мой вам совет: не верить этим слухам. Вы меня понимаете?). В случае необходимости, готов вылететь за ним немедленно».

Юстас».

Через пять минут в номере Штирлица раздался телефонный звонок и кто-то, голосом Никиты Сергеевича, прошипел:

«Алекс — Юстасу.

Ответственность за провокацию при моем выступлении в ООН полностью ложится на вас.

В случае каких-либо инцидентов — получите по рожге.

За поклеп на моего друга, товарища, партнера и брата — товарища Хонекера ответите по всем статьям, в том числе и по двести семнадцатой.

Алекс».

— Слушаюсь, товарищ Первый! — отрапортовал Штирлиц, но, услышав короткие гудки, добавил: — Дебил, тебя еще, лысый, научат говорить со мной!

Молодая радистка услужливо на подносе принесла Штирлицу банку тушенки. Максим Максимович подобрел, Хрущев стал ему неинтересен.

— Тебя как звать то? — участливо спросил Штирлиц, поглаживая грязной рукой нежное бедро девушки.

— Так... Маруся же я.

— Маруся! Это хорошо! Ну что ж, Маруся, давай-ка займемся тем, чем все нормальное человечество занимается в это время! — полковник Исаев украдкой посмотрел на часы. Стрелки показывали 3.20. Штирлиц разделся и прижал к себе груди девушки, смущенная радистка кокетливо прошептала «Не надо!» и полностью отдалась.

В это время Шлаг, лежащий под ванной в номере Штирлица неожиданно для себя проснулся. Быстро умывшись, он здесь же, под ванной, одел новую сутану и пополз к Штирлицу.

— Ну, что ты вся сжимаешься, девочка моя, расслабься! — страстно шептал разведчик, облизывая девушку.

— Штирлиц! Вы слышите меня? — глухо проговорил пастор Шлаг, уже лежащий под

диваном влюбленных.

— Кто это? — насторожился разведчик.

— Это я, Шлаг, — пробубнил все тот же противный и глухой голос.

— Дебил, ты что здесь делаешь? — надевая штаны, спросил Штирлиц.

— Послушайте, я в разведке не первый год, — цитируя Штирлица, начал Шлаг. — Я не позволю оскорблять себя, как вы выразились, идиотом. Я к вам от Бормана и товарища Брежнева.

— Ты чего, папаша, совсем обурел?! Тоже мне святоша! — полковник Исаев машинально полез за кастетом.

«Сейчас будут бить!» — подумал пастор. Но удара не последовало.

— От кого? От Бормана? — Максим Максимович спрятал кастет и вытащил толстого Шлага за несколько уцелевших волос на его безобразной лысине. — Ну, чего надо?

— Послушайте, я все слышал и все знаю! Я ехал вместе с ними к ООН.

— Вместе с ними? Где же ты, дружище, там уместился?

— Пустяки! Но если вас это интересует, то в промежутке между аккумулятором и карданным валом! — гордо заявил пастор Шлаг.

— Да, тяжело, наверное, было. Ну, так что ж ты там, собака, слышал?

— Во время выступления вашего, ну, этого, лысого, тама, — пастор показал куда-то пальцем, — сработает одно из адских устройств Бормана. Кроме этого, Леонид Ильич передал вам вот этот пакет.

Штирлиц вскрыл большой конверт, в котором, кроме фальшивых долларов, лежало несколько исписанных листков бумаги и отпечатанная на пишущей машинке записка:

Максим Максимович!

Если вы хотите участвовать в финале, подложите эти бумаги к докладу Первого. За мной дело не станет.

Вы меня понимаете?

Ваш дорогой Леонид Ильич.

Полковник Исаев бегло прочитал указанные документы и от души рассмеялся. Взглянув на пастора, он прошипел:

— Что ты, собака, имеешь против моего любимого друга Бормана? А?! Иди и помогай ему! Чем больше сработает его адских устройств в ихнем гадюшнике, тем лучше!

Пастор, потянув за собой весьма длинную сутану, мирно удалился, не забыв отрапортовать:

— Служу полковнику Исаеву!

Штирлиц еще немного поржал, посмотрел на часы и принялся за прерванное важное дело. Маруся встрепенулась и ласково заморгала глазками.

ГЛАВА 15. КОНЦЕРТ ПО ЗАЯВКАМ ШПИОНСКИХ ТОВАРИЩЕЙ

— Дорогие мои! Товарищи ньюйоркцы, Нью-Йорки и граждане прилегающих улиц, кварталов, округов, районов, городов, селений и прилегающих к ним штатов! Я пришел сюды не для того, чтобы восхвалять вашу страну! Нет! В жопу всех вас, дорогие мои! Насрать мне на ваш проклятый капитализм! Я здесь для того, яночки родные мои, чтобы прославить свою страну! — Никита Сергеевич дрожащей рукой вытер потную лысину и тайком взглянул в зал ООН. Все были ошарашены. У Эйзенхауэра, сидящего в первом ряду, отвисла челюсть. Поборов невольное смущение перед таким сенсационным вниманием, Хрущев продолжил: — Я — человек простой, и не люблю громких фраз. Я вот тут когда ехал в Нью-Йорк, видел как ваши мерзкие челюсти поедали достаточно жирненькие сарделечки. Да, у нас этого нет, но я, товарищи янки, люблю социализм. Так вот, до каких пор, заедрени вашу мать и статую, вы будете порочить наше советско-социалистическое отечество? Вы — мелкие людишки и подлые подхалимы. — Хрущев уверенно показал пальцем в зал. — Вы — те, кто сегодня порочит меня, а завтра пьет со мной шнапс или водку. Вы — лицемеры и мерзопакостники. Вы — прохиндеи и политические проститутки. Вы — рогоносцы и скотобазы. Вы — гибриды мертвой кобылицы и живой курицы. Вы — голландские петухи, выращенные в Тюменской области на китайском корме...

Зал пришел в волнение, атмосфера становилась взрывоопасной. Господин Эйзенхауэр приказал своему помощнику принести ведро тухлых яиц и ящик прошлогодних помидоров.

— Скоты, вы хотите Кубу? Получите! — Никита Сергеевич скрутил две фиги на правой руке и показал это произведение залу. Все открыли рты. — Я вам покажу Кузькину мать! Я вам устрою капитализм в мировом масштабе! Мировой революции захотели? Вы ее получите! Это я вам обещаю.

Принесли помидоры и яйца.

— Вы — шпионы вражеских разведок, сейчас я к вам обращаюсь! Накось, выкусите! — произведение неформального искусства было изображено уже на двух руках. — Карибский кризис — это наша проблема, и не суйте свои грязные, вонючие срачки, а также гриппозные нюхательники туда, где и без вас воняет.

Первый помидор, брошенный «навесиком», мягкой посадкой приземлился на лысину Хрущева, струйки пахучей жидкости разбрелись по лицу и легко, мягко, и терпко стекали на доклад главы советского правительства. Послышался робкий смех, переходящий в оглушающий ропот. Пресс-атташе республики Зимбабве не выдержал и культурно вышел. Но он был один. Его никто не поддержал.

— Стыдно! А еще, президент! Тоже мне нашел солиста группы «Самоцветы»! Придурок, ты хоть знаешь, что по этому поводу может сказать Кальтенбруннер? — крикнул Хрущев, обращаясь к Эйзенхауэру, но вдруг, на минуту задумался, пытаясь понять, почему это он опять вспомнил Кальтенбруннера. И тут сработало одно из адских устройств великого мерзопакостника: трибуна развалилась и кто-то подлой рукой Бормана незаметно для всех стянул штаны Хрущева. Полуголый, в плавках «ADIDAS», Никита Сергеевич ничего не мог понять. Доклад он крепко держал в руке, но строчки сливались между собой и читать становилось все труднее. Зал ликовал. Один из представителей народной республики Ангола высморкался. Эйзенхауэр метким ударом бросил яйцо, удар оказался удачным и его яйцо

угодило прямо в левый глаз Хрущева. Но Никита Сергеевич, сделав вид, что ничего не произошло, продолжил:

— Товарищи! Вы думаете, что вам здесь концерт группы «Scorpions»? Нет, вы глубоко ошибаетесь! Шоу Бенни Хилла я вам здесь показывать не намерен! — зал рукоплескал. Второй представитель республики Ангола сделал изящную улыбку и показал первому представителю республики Южная Корея свои изящные белые зубы. — Таким поведением вы позорите прежде всего себя, а не меня. Наберитесь хотя бы такта и выслушайте до конца мой доклад.

— Какого конца? — кто-то крикнул из зала.

— Звери! — рыдал Хрущев.

Но никто его уже не слушал: яйца, помидоры, пустые банки из-под пива, бутылки, остатки сарделек и сосисок летели к трибуне. Никита Сергеевич чувствовал себя полным идиотом и гневно вспоминал Штирлица. В конце концов он решил, что пора сматываться и на прощание, сняв башмак фирмы «Salamandra», стукнул им по грязному полу и громко бросил в зал свою историческую фразу:

— Ну я вам еще покажу Кузькину мать!

Мелкий пакостник, стоявший на оконной перекладине тридцатого этажа здания ООН потирал руки. Прошедший день можно было считать удачным. Борман, раскрыв парашют, прыгнул вниз и полетел куда-то на северо-восток, где его ждал Штирлиц.

ГЛАВА 16. ВЕЛИКОЕ ПРИЗНАНИЕ ГИТЛЕРА

Холод, проникающий в полумрак Бутырской тюрьмы не был бы сильно ощутимым, если бы окно камеры Гитлера было нормальным, вместо этого на месте окна виднелась безобразная дыра, в которую проникали все атмосферные осадки, наблюдавшиеся в январе одна тысяча девятьсот шестьдесят четвертого года.

Адольф высунул свою изнуренную мордашку в эту дыру и увидел мрачные улицы чуждого ему города. Стало скучно и невыносимо, проступили еще несколько закругленных седин.

Внезапно в камеру вошел надзиратель. Злополучная баланда, которой пичкали несчастного фюрера, была поставлена на парашу.

— А твой друг, как его — Борман, уже на свободе! Один ты, придурок, сидишь тут. Ничего, скоро и твоя очередь.

«Es ist kalt!» — подумал Гитлер, а вслух сказал: — Как вы говорите? Простите, но я плохо понимать по-русски.

— Гитлер капут! — с издевкой сказал надзиратель. — Послушайте, товарищ фюрер, когда вас будут расстреливать, вас спросят, каково ваше последнее желание. Так вот, скажите, чтобы мне повысили зарплату; зовут меня Петя Рукомойников. Запомнила, фашистская?

— Хорошо... — прошептал Адольф Гитлер и принялся за баланду.

— Приятного аппетита! — С пренебрежением пожелал Рукомойников, когда увидел, что фюрер нечаянно засунул ложку в чан с дерьмом. — Да, холодновато здесь у тебя и окошко, я смотрю, не по сезону сделано. Эх паря, что ж ты полез-то в эту войну?

Петька закурил «Беломорину» и посмотрел на фюрера, устало пожирающего баланду.

Делать было нечего, но настроение было хорошее и располагало к беседе.

— Да, кстати, Гитлер Адольфович, вы вон на то окно, наверное, частенько смотрите? Небось, кроме этого здесь делать больше нечего? Ублюдкина-то знаете?

— Какого еще там Ублюдкина? — жуя хрен с сыром, спросил фюрер.

— Который жил как раз против нашей тюрьмы. Вон его окно.

— А-а, общались, батенька, мы с ним, общались!

— Ну так вот, — с хохотом произнес Петька, — теперь он живет как раз против своего дома.

Гитлер чуть не подавился и теперь уже рукой попал в чан с дерьмом:

— Как, и его забрали?

— Забрали!

— За что же?

— За общение с тобой, придурок! Эх, да ладно, че это я с тобой здесь треплюсь? Того и гляди еще и меня засадят в этот сортир...

Рукомойников вышел, оставив за собой свист ветра и унылую тоску. Гитлер доел баланду и вновь посмотрел на улицу. Ему стало немного жаль Ублюдкина — полулысого человека с бормановским типом лица. «Скотина, хоть бы пива дал! Вот интересно, что бы по поводу этого Ублюдкина сказал Кальтенбруннер?» Вспомнились строчки Пушкина:

Вечер зимний, вьюга воеет,

Гитлер пустил слезу и не услышал, как дверь в камеру открылась и на пороге, как Ёжик в тумане, проступил Брежнев. Посмотрев на фюрера, он, издеваясь, продолжил:

*Непогода важно стонет,
Песни зимние поет.*

Гитлер заморгал глазками и вытер слезу. Леонид Ильич подошел к нему и по-отечески похлопал его по щечке, заметив при этом:

— Мужайтесь, мой фюрер, сейчас я вас буду щиссен.

— Как? Уже?

— А вы как думали? Церемониться с вами что ли? Товарищ Рукомойников, зайдите сюда на пару минут!

Вошел Рукомойников, волоча за собой пулемет «Максим».

— К стенке, скотина! — крикнул он, прислоняя фюрера к параше.

— О, mein God! — всплакнул Адольф Гитлер и затряс коленками.

Рукомойников принялся налаживать пулемет. Когда все было готово, в камеру вошел пастор Шлаг; посмотрев на фюрера, он прошептал:

— Мужайтесь, сын мой, все кончено, Господь, надеюсь, простит вас за все грехи, что совершил ты, скотина, на этой грешной земле.

— Спасибо, отец мой! — ответил Гитлер и вытер слезу.

Рукомойников дернул затвор, Леонид Ильич поднял руку и приказал:

— Готовьсь! Целься! Огонь!

Прозвучала беспорядочная стрельба. Камера наполнилась густым дымом, завоняло порохом.

— Черт! — заругался Рукомойников, заставив перекреститься пастора Шлага. — Опять заело! Наверное, патроны сырые!

— Вечно вы, товарищ, подводите меня, — сказал дорогой Леонид Ильич и дал понять Шлагу и Петьке удалиться.

Гитлер пришел в себя и попытался понять, где это он — в аду или в раю. Увидев грязные стены, он понял что в аду. «А где же черт?» — подумал Адольф Гитлер, разглядывая среди густого дыма прислужника дьявола; вместо этого, постепенно вырисовывалась тускнеющая физиономия Леонида Ильича.

— Я здесь, мой фюрер! Мы решили вам дать шанс.

— О, mein God! Только не надо меня больше щиссен! Bitte! Я прошу вас!

— Хорошо, хорошо! А теперь, мой фюрер, слушайте меня внимательно. Чтобы спасти вашу жалкую шкуренцию, вы должны подписать этот документ.

Гитлер взял листок бумаги на котором по-немецки с баварским акцентом было написано:

Объяснительная

Я, Адольф Гитлер, бывший глава Третьего Рейха, будучи в здравом уме, без принуждения и пытки, в ясном сознании признаю, что Никита Сергеевич Хрущев был моим тайным агентом в Советской России в период с 1933 по 1945 год с подпольной кличкой «Лысый».

А. Гитлер

Январь 1964 года.

— А чего тут подписывать, это и так правда!

— Как? — изумился Брежнев.

— А вы не знали? Ну знаете ли, батенька, видно сразу, что вы в политике недавно, — сказал Гитлер и подписал документ.

За окном шел снег.

ГЛАВА 17. ГЕНСЕК В ОТСТАВКЕ! ДА ЗДРАВСТВУЕТ ГЕНСЕК!

Никита Сергеевич сидел в своем кремлевском кресле и занимался одновременно пятью делами: курил сигару, писал квартальный отчет, цедил виски, жрал половником черную икру и старался не замечать только что зашедшего к нему Брежнева.

«Тоже мне Цезарь,» — подумал Леонид Ильич.

— Ну что там еще? — спросил Хрущев.

— Все! — ответил сияющий Брежнев. — Король умер, да здравствует король!

Бумага, которую протянул Хрущеву Брежнев, воняла бытырским сортиром. Это Первый секретарь понял сразу. Но кроме этого, он отдал себе отчет в том, что пришел конец его политической карьеры. Документ, который прочитал Никита Сергеевич, был ужасным приговором.

— Брехня! — спокойно сказал Генсек. — Да, кстати, Леонид Ильич, я тут собирался в Сочи! Надо бы отдохнуть! Устал я от этой работы...

— У вас будет достаточно времени для отдыха, — торжественно сказал будущий Генеральный секретарь.

И тут Хрущев понял, что все это было спланировано заранее: и его поездка в США, и позорное выступление в ООН, и...

Никита Сергеевич нажал кнопку и вызвал секретаршу.

— Вот что, милая моя, закажите-ка билет на самолет в Сочи первым же рейсом.

— Все уже готово, товарищ бывший Первый секретарь, — сказала Катя Козлова, — заказное такси ждет внизу. Скатертью дорожка!

За окном шел снег и Юрий Гагарин.

Леонид Ильич лениво опустился в кресло и, крякнув, спросил стоящего у окна Черненко:

— Константин Устинович, а что, товарища Штирлица еще не убили?

— Однако, не знает моя? Надо у Пельше спросить! — ответил Черненко.

— У дорогого товарища Пельше?

— Да. А у кого же еще? На то он и Пельше, чтобы все знать.

— Пельше, Пельше... — генсек на минуту задумался и вызвал своего помощника.

Вошел аккуратный человек пожилых лет, очень похожий на Леонида Ильича, но с физиономией Бормана.

— Вот что, Мартин Рейхстагович, — сказал четырежды герой Советского Союза, — узнайте-ка, где находится товарищ Пельше и пригласите его к нам.

Борман покорно кивнул и вышел, не забыв при этом рассыпать канцелярские кнопки на стул, на котором обычно сидит Константин Устинович.

— Однако, не понимает моя, зачем нам Штииц? — сядясь на стул, удивился Черненко, и громко ойкнул от боли, поразившей его зад посредством кнопок Бормана. — Однако, Брежнев Леонидыч, этот фашист со своими кнопочными штучками мне порядочком надоел! Весь задник мой истыкан, как паровоз...

— До свадьбы заживет! Тем более все это мелочи по сравнению с тем, что я хочу вам сказать... Дело в том, что для товарища штандартефюрера Исаева есть новое задание, — тихо произнес Генеральный секретарь, мельком представив себя в облике пятнадцати Героя Социалистического труда и тринадцати Героя Советского Союза.

— И я того же мнения, дорогой мой товарищ Леонид Ильич.

А за окном шел снег и Юрий Гагарин.

Написав роман «Как размножаются ежики», мы не собирались возвращаться к этой теме, если бы не настоятельные просьбы одного московского издательства. Повинуясь им, мы приостановили свой роман этого десятилетия, именуемый «Поросята», и разродились «Корейским вопросом». Годы шли, мы постарели, постарел и наш герой. Теперь он стал пенсионером и от долгого проживания в нашей родной стране изрядно «осоветился». Это не свидетельствует о его падении, в какой-то мере и здесь происходит очередное становление нашего Штирлица. С годами образ его становится все более душевным, объемным и притягательным, на сколько бы лет он ни смотрелся. Мы будем признательны, если читатель не станет искать в этой части подобие нашей первой удачи (или неудачи). Или, более того, отголосок или альтернативу многочисленных продолжений, написанных известными и не известными нам авторами. Мы их все равно не читали. Думается, что у нас получился совершенно другой роман, также как и мы по каким-то причинам стали совершенно другими людьми.

П. Асс, Н. Бегемотов

ПРОЛОГ. СТРАНА РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА

За окном ходили кругами охранники и часы на Спасской башне Кремля. Все охранники были в милицейской форме и, чтобы не выделяться из толпы, имели хмурые и заспанные лица. Цоканье подкованных каблуков звучало гораздо громче тиканья часов, но внезапно часы встрепенулись и громко пробили полдень.

— Послушай, Сусликов... — молвил развалившийся в мягком кресле Генеральный Секретарь.

Суслов отвернулся от окна.

— Я не Сусликов, Леонид Ильич, я — Суслов, — вежливо, стараясь не обидеть лидера Партии, поправил Суслов.

— Послушай, Суслов, — не обиделся Леонид Ильич, — а как там поживает наш лучший советский разведчик Штирлиц?

— Он на пенсии, Леонид Ильич.

— Как на пенсии? — удивился Брежнев. — И сколько же ему лет?

— Около семидесяти.

— Мне тоже уже давно около семидесяти, а я все еще на своем посту! Если человек нужен Партии, Родине и делу Мира, какое право он имеет уходить на пенсию?

— Вы совершенно правы, дорогой Леонид Ильич!

— Надо найти товарища Штирлица. Для него нашлось новое, чрезвычайно важное задание!

— Будет исполнено, найдем! — подобострастно кивнул Суслов и вышел из кабинета.

А за окном отсвечивали на солнце охранники в милицейской форме и часы на Спасской башне Кремля.

ГЛАВА 1. РУССКИЙ РАЗВЕДЧИК НА ПЕНСИИ

— Максим Максимыч, твой ход! — азартно выкрикнул старик Панкратыч, взмахнув длинными руками.

Все пенсионеры терпеливо уставились на названного в ожидании — какую кость он выложит на стол?

Максим Максимыч Исаев был пожилым крепышом с открытым волевым лицом и бдительными глазами разведчика. Он действительно всю свою жизнь провел в контрразведке, более того, это был лучший разведчик всех времен и народов, человек-легенда. Расскажи об этом его партнерам по домино, они бы только посмеялись и не поверили. Легенда не может сидеть возле дома и курить со стариками на лавочке.

Выйдя на пенсию, Исаев до сих пор чувствовал себя засекреченным агентом. Никто из его приятелей пенсионеров не знал, кто он есть на самом деле. Бытовало мнение, что в годы войны Максим Максимович длительное время был в немецком тылу, поскольку, выпив, говорил исключительно по-немецки. Эта особенность, да еще сдержанный, невозмутимый нрав привели к тому, что соседи прозвали его в шутку «Штирлицем», на что Исаев никак не реагировал, потому что привык.

Штирлиц взъерошил свои еще густые волосы и, грохнув о стол ладонью, хрипло сказал: — Рыба!

Старики повскакивали с лавочек и стали обсуждать, как не надо было ходить до того, как Штирлиц сделал «рыбу». Штирлиц усмехнулся, встал из-за перекошенного стола, сколоченного под открытым небом из занозистых досок, собрал в карман со стола монетки, потянулся и захотел пива.

— Панкратыч, одолжи рубль до понедельника! С пенсии отдам, гадом буду!

— Извини, Максим Максимыч, — старик Панкратыч развел своими длинными руками, — я на мели.

— Все вы тут на мели, — буркнул Штирлиц, — как пароходы в луже!

Может быть у кого-нибудь здесь и был рубль, но просить его у бережливых стариков было бесполезно, поскольку отдавать долги Штирлиц считал ниже своего достоинства.

Легендарный разведчик взял свой костыль, прислоненный к дереву, и побрел домой, где, как помнится, у него стояло на балконе несколько пустых бутылок.

Лифт, как было заведено в стране развитого социализма, не работал. Штирлиц, болезненно кряхтя, стал подниматься по лестнице на пятый этаж. Проходя мимо почтового ящика, он даже не обернулся. Газет он не выписывал, потому что почту воровали, и не читал, опасаясь испортить зрение мелким шрифтом. Работая в разведке, он и тогда избегал всяческих шифровок и мелкого убористого почерка. А что касается писем, так их никто ему не писал, ибо Штирлиц был круглым сиротой.

Открыв отмычкой дверь своей квартиры, Штирлиц прошел на балкон, где, покопавшись в куче разного хлама, извлек пять пивных бутылок. У одной было отбито горлышко и Штирлиц, с сожалением покачав головой, запустил ею с балкона.

— Вот ведь зараза! — сердито молвил Исаев. — Тут едва на одну бутылку наберется, а мне хочется как минимум пять!

Как Герой Советского Союза, Штирлиц получал персональную пенсию, но и эта пенсия разлеталась в две недели. Ему вспомнилась его молодость, прошедшая в Германии

сороковых годов. Денег можно было стрелкнуть в Рейхе у любого, все знали Штирлица в лицо и давали не только быстро, но и как бы охотно. Да и «Центр» ежемесячно подбрасывал кругленькие суммы на вербовку агентов. Золотое время! А какое было в Германии пиво!.. Теперь там социализм, и пиво, наверно, тоже социалистическое...

Штирлиц сглотнул старческую слюну, побросал бутылки в авоську и неспешно двинулся в магазин. Бутылки он решил сдать, а на вырученные деньги посетить пивную «Красная шапочка».

Не так давно на город, как кирпич на голову, упала ранняя весна, апрельское небо все еще было затянуто свинцовыми облаками, но на деревьях уже проклевывались острые листочки, подобные зеленым буденовкам.

Штирлиц шел по улице, старательно обходя лужи, но не прохожих. Если кто-нибудь из встречных подворачивался ему под локоть, того Штирлиц с ворчанием толкал прямо в грязь:

— Ну, чего толкаетесь-то? Думаете, раз человек стар, то можно его и с асфальтом сровнять? А я за вас воевал! Кровь свою проливал на чужбине!

На вид Штирлиц вовсе не казался старым, а имел вид пьяного работяги. Возражать такому было опасно — кому охота нарваться на ответный поток матерной брани, а то получить по морде, на что советские работяги большие мастера? Глаза у Штирлица были задумчивыми — такой как даст по голове, очень даже запросто.

Постукивая костылем, русский разведчик вошел в винный магазин, где толпилась неорганизованная толпа галдящих граждан, прорывающихся к прилавку.

Костыль, кстати, у Штирлица был особенный. Его подарил знаменитому советскому агенту сам Никита Сергеевич Хрущев. Палка костыля была выполнена из красного дерева, внутри — полая и залита свинцом, а массивный загнутый набалдашник — из красной меди. Красный цвет очень нравился Штирлицу. Во-первых, красиво и по-пролетарски, во-вторых, не видно крови, если дать кому-нибудь по голове.

Не обращая внимания на очередь, словно он шел по пустынному пляжу, Штирлиц пробился к продавщице и уверенно выставил на прилавок свои бутылки.

— Куда без очереди? — препротивным голосом заорал на него здоровенный и красномордый детина с пудовыми кулаками. — В репу захотел, старикан?

— Это вы мне? — язвительно поинтересовался Штирлиц, становясь к нему в пол-оборота.

— Тебе, старый козел!

Штирлиц ядовито ухмыльнулся, давно уже на него так не нарывались.

— Я не козел! — процедил сквозь зубы вежливый Штирлиц. — Я Герой Советского Союза, ветеран войны! Мне не только можно, но и нужно брать все без очереди!.. Спасибо, милая, — Штирлиц принял от продавщицы мелочь и снова повернулся к здоровяку. — Понял, засранец?

— Все вы ветеринары! — не унимался здоровяк. — Небось в тылу отсиживался, да консервы американские жрал, а теперь без очереди лезет! У меня у самого отец воевал!..

Теперь, когда Штирлиц избавился от стесняющих его бутылок, которые в пылу спора могли разбиться, и засунул мелочь в карман, лицо его разительно изменилось. Прищурившись, словно прицелившись из нагана, он с размаху дал своим примечательным костылем в орущую красную морду. Удар профессионала тут же прекратил зловонные потоки брани, детина повалился на пол, и толпа стала спешно его затаптывать, чтобы оказаться поближе к прилавку. В который раз Штирлиц убедился, что костыль гораздо

сподручнее, чем любимый кастет.

Бывший разведчик не стал ждать, когда в винном начнется драка между агрессивными алкашами, и поспешно вышел из магазина. Лет двадцать назад, он, может быть, устроил бы там антиалкогольный погром, но сейчас решил не разминать свою жизнь на такие мелочи.

— Девяносто две копейки, — пересчитал он мелочь из кармана. — Всего на четыре кружки! Вот ведь черт, а до пенсии еще целая неделя!

Штирлиц еще что-то бубнил себе под нос, а ноги уже сами несли его знакомой дорогой в пивную.

Пройдя мимо двух розовощеких пионеров, Штирлиц посетовал, что подрастающее поколение совсем перестали воспитывать. Давно уже Штирлица не приглашали в школы на «встречу с ветераном», а эти встречи для него были небольшим подспорьем — во время рассказов можно было пить чай с пряниками и вареньем, таким образом сэкономив на обеде пару рублей.

Здесь мысли Штирлица автоматически вернулись к занимательному вопросу — почему ему платят такую маленькую пенсию? Ответ на этот вопрос Штирлиц знал. Лично ему могли бы дать любую, но тогда вокруг всем стало бы обидно и завидно, а это уже никак недопустимо в стране всеобщего равенства.

ГЛАВА 2. В ПОИСКАХ ПРЕМИИ

В пивной было грязно и накурено, но посетители этого уже давно не замечали. В воздухе висел тошнотворный запах: коктейль пива, воблы и пота отдыхающих тружеников. По облезлым и давно не крашенным стенам, ничуть не таясь, маневрировали когорты крупных тараканов. Посетители и тараканы мирно сосуществовали под одной крышей.

— Сегодня пиво разбавляют или не доливают? — деловито спросил Штирлиц, входя в заведение.

— Разбавляют! — ответили ему хором пьющие мужички. — И не доливают!

Штирлиц поприветствовал знакомых, которые пропустили его без очереди к пивному автомату, и налил четыре кружки.

Прихватив несколько соленых баранок, Штирлиц встал у дальнего столика, и только там как следует огляделся. Опять сработала его многолетняя привычка проверять, нет ли за ним хвоста.

Штирлиц глазом опытного резидента определил контингент посетителей. Слева от него четверо молодых парней потихоньку разбавляли пиво водкой и спорили о пост-модерне. Пятый, интеллигентного вида очкарик, что-то бурча себе под нос, чистил дохлого окунька, видимо, найденного здесь же. За соседним столом справа веселая компания обсуждала достоинства какой-то блондинки, с которой все находились в каких-то запутанных отношениях. В другой компании забавлялись тем, что по очереди рассказывали друг другу похабные анекдоты и громко ржали, поощряя друг друга, хотя почти все анекдоты были абсолютно несмешными. Изредка, правда, попадался хороший анекдот о разведчике Штирлице.

— Идет Штирлиц по коридору, а на встречу ему Борман, — взхлеб рассказывал один из компании. — Штирлиц, вы еврей? — спрашивает Борман...

«И это знают», — усмехнулся Штирлиц. Он уже давно привык к своей популярности и чувствовал себя народным героем. Однажды даже пошутил — «Народ и Штирлиц — едины».

Он отхлебнул от кружки большой глоток, потом повернул голову налево, улыбка сползла с его лица, Штирлиц остолбенел.

Возле самой стены, в полумраке, все такой же толстый, лысый, с отвисшими щеками и слюнявыми губами стоял... Борман!

От неожиданности Штирлиц икнул и залпом выпил кружку.

«Это Борман или только похож на Бормана?» — спросил себя Штирлиц.

Борман прислушивался к очередному анекдоту, тихо хрюкал и отпивал из кружки маленькими глоточками.

«Точно Борман! — убедился Штирлиц, услышав такое знакомое ему хрюканье. — Но что он тут делает? Неужели решил приехать интуристом? Нет, интурист не зашел бы в этот пивняк. Этот пивняк засекречен, его и местные-то не все знают... Неужели этот фашист живет здесь, в Советском Союзе?»

Ничего не подозревающий толстяк, в котором Штирлиц признал Бормана, достал кошелек и стал выуживать из него скомканный рубль, намереваясь взять еще пива.

«Умно, — похвалил Бормана опытный разведчик. — В то время, как этого гада ищут по всему белому свету, он прячется там, где его меньше всего будут искать! В Москве!»

Потрясенный ожившим призраком Бормана, Штирлиц выпил еще одну кружку, да так,

что и сам не заметил этого.

«И куда только смотрит КГБ? Оголтелый нацист, зарвавшийся убийца разгуливает по улицам, а всем по-фигу! Надо бы настучать, куда следует».

Штирлиц был патриотом. Решив заложить Бормана, он с хрустом надкусил баранку и запил ее третьей кружкой. На душе его потеплело.

«А что, хорошая мысль! — похвалил он себя. — Денег ни хрена нет. Если я сдам Органам такого важного преступника, неужели они не отвалят мне премию? Наверняка за такие вещи дают какую-нибудь специальную премию... Имени Павлика Морозова, например... А ведь я еще дома знал, что четырех кружек мне не хватит, надо по крайней мере пять! Вот ведь, как предчувствовал!»

Разведчик опрокинул последнюю кружку, наблюдая как по стенкам стекают остатки пива, и решительно выскочил из пивной. Конечно же, у него была уже не та хватка, что раньше, но профессионал и на пенсии остается профессионалом!

— Стоп! — осадил себя Штирлиц. — А вдруг, пока я буду бегать за чекистами, Борман возьмет и смоемся? Нет! Надо остаться и выследить, где эта свинья нашла себе логово!

Штирлиц присел на скамейку под деревом, закурил «Беломорину» и стал терпеливо следить за выходом. Ждать пришлось недолго. Минут через сорок Борман, ковыряя в зубах обгоревшей спичкой, вышел на свежий воздух и, покачиваясь, зашагал по улице. Штирлиц незаметно пошел за ним след в след, даже если Борман наступал в лужи.

Бывший партайгеноссе, как ни в чем не бывало, посетил продуктовый магазин, где без очереди, помахивая какой-то книжечкой, купил докторской колбасы, два пакета вчерашнего молока и черного хлеба.

Потом постоял у газетного стенда, читая статью в «Правде». Прочитав и неопределенно хмыкнув, сел в троллейбус и проехал ровно две остановки.

Размахивая сумкой с продуктами во все стороны и ни разу не обернувшись, Борман вошел в пятиэтажную «хрущеву», поднялся на второй этаж и скрылся в квартире.

— Квартира номер восемь, — запомнил Штирлиц и предусмотрительно записал номер на ладони. — Ничего не боится, гад! Ну-ну! Посмотрим, что ты запоешь на Лубянке!

Через полчаса Штирлиц был в своей альма-матер. Показав часовому удостоверение Почетного Чекиста, Штирлиц прошел в приемную, проскочил мимо изумленной секретарши и без стука вошел в кабинет какого-то генерала.

— Товарищ, вы кто? — строго спросил генерал.

— Я — Штирлиц! У меня дело особой важности! Пришел сообщить, что встретил в Москве бывшего партайгеноссе Бормана!

— Штирлиц? Вы — тот самый Штирлиц?

— Вот именно! Тот самый Штирлиц, и встретил того самого Бормана! Дайте мне двух чекистов с двумя заряженными наганами, через полчаса я приведу к вам этого фашиста!

— Одну минуту, товарищ Штирлиц, присаживайтесь...

Генерал взял телефонную трубку и набрал двухзначный номер.

— Юрий Владимирович? Задников вас беспокоит... Нашелся Штирлиц, которого вы приказали разыскать. Да нет, не из вытрезвителя, сам пришел! Так точно! Слушаюсь, будем ждать...

Штирлиц непонимающе посмотрел на генерала Задникова.

— Вам удобно? — спросил генерал, честно глядя на Штирлица. — Кофе хотите?

— Какой, в задницу, кофе, когда Борман на свободе?! Я его еще в годы войны два раза

пытался взорвать динамитом, а вы тут расселись, как на именинах!.. А так, кофе, конечно, хочу!

Генерал, не обидевшись на тираду Штирлица, нажал кнопку на селекторе и заказал:

— Три кофе.

— А третий кому? — спросил Штирлиц, закидывая ногу на ногу.

— Третий для меня!

В дверях появился суровый человек в штатском.

— Юрий Владимирович! — вскочил генерал. — Вот он, тот самый Штирлиц.

— Андропов, — представился шеф КГБ.

— Штирлиц, — разведчик пожал протянутую руку.

Генеральская секретарша внесла поднос с дымящимися чашечками кофе. Никто из мужчин не сказал ни слова, пока она не ушла.

«Немая, наверное», — подумал Штирлиц и с уважением посмотрел на Андропова.

ГЛАВА 3. БОРМАН НИКОМУ НЕ НУЖЕН

— Искренне рад, что лично познакомился с вами еще при жизни, — витиевато произнес Юрий Владимирович. — Вы ушли на пенсию во времена моего предшественника, я уж думал, не судьба! Для меня это большая честь — лично познакомиться со знаменитым разведчиком Штирлицем!

Юрий Владимирович говорил с такой неподдельной искренностью, что на мгновение у Штирлица даже промелькнула мысль — не хочет ли он взять у него автограф?

Андропов хотел, но потом решил, что автограф Штирлица можно будет выдрать из его досье.

— Да что вы все обо мне! — бросил Штирлиц. — Пора бы вам лично познакомиться со знаменитым фашистским палачом Борманом!

Выпалив последнюю фразу, Штирлиц осторожно отпил глоточек кофе. Кофе был ароматным и вкусным, как раз таким, к какому он привык в Германии.

— Что нам до Бормана? Борман нам ни к чему, — ласково покачал головой Андропов. — Нам именно вы нужны!

— Как это, ни к чему? — патриотично возмутился Штирлиц. — Ну знаете ли!..

— Борман был советским разведчиком, только еще более законспирированным, чем вы. Настоящая его фамилия Сидоров.

Штирлиц поперхнулся.

— Да, да, — подтвердил генерал. — Неужели вы думали, что в Рейхе на нас работал один Штирлиц?

— Честно говоря, я и до сих пор так думаю, — обидчиво сказал разведчик. — Кроме меня там были только идиоты и садисты.

— Многие только притворялись садистами, чтобы никто не заподозрил в них наших агентов. В нашем деле, знаете ли, приходится идти на компромиссы, — вежливо сказал Юрий Владимирович.

— Хитро! — признал Штирлиц. — А Адольф Гитлер не из наших?

— Гитлер? Нет. Даю вам слово.

— А я так и думал! — Штирлиц снова отпил кофе. — Ну, и зачем я вам понадобился?

— Для вас, товарищ Штирлиц, снова есть важное задание. Родина без вас, как без рук.

— В тылу врага?

— Нет. В тылу друга. Надо помочь корейским товарищам. У них там возникли бо-
льшие проблемы.

Штирлиц допил кофе и похвалил:

— Кофе у вас что надо!

— Турецкий, — доложил генерал Задников. — Еще изволите?

— Не откажусь, — и Штирлиц придвинул к себе чашечку генерала. — Ну, и какие у них там проблемы?

— Видите ли, сведения эти совершенно секретные! Даже я, руководитель Органов, не знаю в чем суть дела. Давайте, мы вот что с вами сделаем. Давайте, мы сейчас поедem в Кремль, к товарищу Брежневу, он вам все и расскажет. Он один в курсе дела.

— К Брежневу? Хорошо, поедem к Брежневу, — согласился Штирлиц, вставая. — Надеюсь, хоть там покормят.

ГЛАВА 4. ДЛЯ ШТИРЛИЦА — ЗАДАНИЕ, А ПОВАРУ МЕДАЛЬ!

Дверь была обита красным бархатом и позолочена. Сначала за нею послышалось чье-то посапывание, потом появился и сам Генеральный Секретарь в расшитой золотом косоворотке.

— А! Это и есть наш легендарный герой Штирлиц! — воскликнул Брежнев, горячо пожав руку разведчику и смачно чмокнув его в заросшую щеку. — Наслышан, наслышан! Совсем недавно смотрел про тебя фильм. Что-то ты не сильно на себя похож? Постарел, что ли?

— Старость — не радость, — нашелся Штирлиц и тоже звонко поцеловал Брежнева в щеку.

— Это точно, — осклабился Леонид Ильич. — А фильм хороший про тебя сняли. Правдивый. Сусликов!

— Я не Сусликов, а Суслов, — поправил Суслов.

— Да, Суслов. Надо бы дать этому артисту... как там его... ну, который Штирлица играл, звание народного...

— Да он и так народный.

— Ну, медаль...

— Медаль дадим, — пообещал Суслов.

— А настоящему Штирлицу, вот этому — Героя Советского Союза. Страна должна знать своих героев в лицо.

— Он и так Герой, — вставил Андропов.

— А, здравствуй, Антонов, я тебя что-то не сразу заметил, — Брежнев полез целоваться к руководителю КГБ. Андропов брезгливо уклонился.

— Ну, гости дорогие, — добродушно повел рукой Генеральный Секретарь, — раз вы все здесь, прошу за стол!

Гости прошли за красную дверь и оказались в другой зале. Не трудно было заметить, что длинный стол уже сервирован и накрыт роскошно.

Штирлиц прошел к столу и увидел в хрустальной вазе икру. Штирлиц уже давно не видел икры, поэтому, едва присев, сразу взял кусок хлеба и толстым слоем намазал бутерброд сначала черной, а потом красной. Симпатичная горничная, напомнившая Штирлицу одну из его многочисленных радисток, налила дорогому гостю душистой водки.

— Хорошо у вас тут, Леонид Ильич, — заметил Штирлиц, приподнимая рюмку. — Ваше здоровье!

— Непременно, — кивнул Леонид Ильич и, насупив могучие брови, тоже опрокинул рюмочку.

Штирлиц забрал у девушки бутылку и налил себе еще.

— И шнапс у вас ничего! — похвалил он. — Разве сравнишь с немецким! Помню, пили мы в Рейхе, ну такая гадость! Только у нас в России могут делать такой вкусный и нажористый!

— Из личных погребов, сам настаивал, — обрадовано засопел Брежнев. — Рекомендую отведать ломтик от поросенка. Смотри, какая румяная корочка!

Долго Штирлица упрашивать не пришлось. Он пододвинул блюдо с поросенком к себе и

приступил к его уничтожению. Поросенок, что и говорить, был восхитителен!

— Ваш повар — молодец! — с набитым ртом обронил Штирлиц.

— Ну так! — многозначительно молвил Брежнев, с умилением глядя на бывшего разведчика.

Было чему подивиться — Штирлиц поглощал провизию, не останавливаясь ни на минуту, даже чтоб откашляться. Он в два счета обглодал поросенка, сожрал целую вазу салата, похватал с китайского блюда пельменей, щедро запивал все это водкой. Последнюю он без особых раздумий, смешивал с армянским коньяком, ничуть при этом не страдая.

Брежнев, Суслов и Андропов смотрели на него с изумлением.

«Кто хорошо ест, тот хорошо работает». — думал шеф КГБ.

«Хорошо, что не Штирлиц у нас Генеральный Секретарь, — думал Суслов. — Штирлица бы народ не прокормил».

«Неужели народ у них так голодает?» — мог бы подумать Генеральный Секретарь, но не подумал.

— Да, повар-то у нас ничего! — после долгого молчания произнес Брежнев. — Сусликов!

— Я — Суслов!

— Повару надо дать медаль.

— Так точно!

Наконец, Штирлицу показалось, что он сыт. Разведчик потянулся, ухватил с вазы яблоко и отодвинулся от стола.

— Можно подавать десерт! — оглянулся он на горничную. — Мне тройной кофе в большую чашку. И чтобы ложечка была серебряная.

— Леонид Ильич, — сказал Андропов. — Надо бы поговорить о деле.

Штирлиц осоловело посмотрел на Андропова и мягко осадил шефа КГБ.

— О деле надо говорить после десерта, когда мы перейдем на мягкий диванчик и закурим гаванские сигары.

Андропов нахмурился, бросив осторожный взгляд на Брежнева.

— Дело говорит, — вяло кивнул тот. Андропов вздохнул.

Молоденькая прислуга унесла грязную посуду и объедки, сменила скатерть, заляпанную Штирлицем, и принесла десерт. Штирлиц получил заказанную чашку кофе, хлебнул, зажмурился от удовольствия и взял в ладонь огромный кусок шоколада.

— Помню, в столовой Рейха продавался отменный шоколад, — доверительно сказал он Брежневу. — Жаль вас там не было, а то попробовали бы.

— Сусликов...

— Суслов я, товарищ Брежнев!

— Ну, Суслов, какая, хрен, разница? — Брежнев глянул на своего соратника. — Слушай, может мне книжку написать о том, как я работал в немецком тылу с товарищем Штирлицем? Один из нас — резидент, весь такой засекреченный, работает под прикрытием, а другой у него — агентом. Или наоборот...

— Но вы же не работали в немецком тылу! — возразил Суслов.

— Я и на Малой Земле не работал, — возразил в ответ Леонид Ильич. — Подумай об этом, Сусликов... Хорошая книжка может получиться... Слышь, Штирлиц, анекдот знаешь?

— Ну?

— Идет по коридору Леонид Ильич, а навстречу ему — Пельше. «Товарищ Плейшнер,

вы, случайно, не еврей?» — спрашивает Леонид Ильич...

— Товарищ Брежнев! — снова возник Андропов. — Надо бы о деле поговорить, а то темнеет уже!

— О каком еще деле? — удивился Ильич.

— О секретном задании, которое надо поручить товарищу Штирлицу. Чтобы он его выполнил. Для корейских товарищей!

— Ах, да! Как же, секретное задание! — Брежнев с трудом поднялся с диванчика и взмахнул рукой. — Пройдемте, ребята, в мой рабочий кабинет. Слышь, Штирлиц, у меня такой кабинет — закачаешься!..

ГЛАВА 5. КОНТУРЫ ВАЖНОГО ЗАДАНИЯ

Все прошли в кабинет Брежнева. Это был просторный зал, в котором можно было бы давать бал-маскарад с фейерверком. В центре зала стоял уставленный чернильницами и телефонами рабочий стол Леонида Ильича. Телефоны эти никогда не звонили, а в чернильницах плескались дохлые мухи. На селекторе работала только одна кнопка, она нажималась, когда Генеральному Секретарю требовалось подкрепиться.

Вокруг этого удивительного стола стояли мягкие диванчики, на одном из которых тут же оказался Штирлиц. В зале царил приятный полумрак, в колонках тихо поигрывал старина Моцарт, навевая лирическое настроение. Штирлиц с громким хлопом отхлебывал из фарфоровой чашечки ароматный кофе.

— Ну, теперь можно и о делах поговорить, — разрешил он.

— Андреев, — сказал Леонид Ильич, обращаясь к Андропову, — Расскажи товарищу разведчику о деле.

— Но, Леонид Ильич, — Андропов вежливо улыбнулся, — это же дело государственной важности, о нем знаете только вы, так как оно чрезвычайно секретное.

— Что ты говоришь? — удивился Брежнев. — Что-то я о нем ничего не знаю! А почему?

— Понятия не имею, я думал, вы в курсе, — молвил Андропов, пожимая могучими плечами чекиста. — Разве корейский посол вам ничего о нем не сказал?

— Нет, — Брежнев сдвинул брови к переносице и пошамкал челюстью. — Ни слова не сказал, негодяй.

— Надо было ему иголкой под ногти, — добродушно посоветовал Штирлиц, — сразу бы все и выложил!

— Напрашивается вот какой вывод, — вмешался Суслов. — Задание настолько секретное, что о нем вообще никто не должен знать. Я думаю, товарищу Штирлицу имеет смысл направиться в Корею, встретиться там с товарищем Ким Ир Сенем и до тонкостей у него все разузнать. Тогда он сможет выполнить это секретное задание!

— Сусликов дело говорит, — похвалил Брежнев. — Андронов, надо бы Штирлицу выделить парочку помощников из твоего ведомства.

— Выделим, Леонид Ильич, — кивнул шеф КГБ. — Я Штирлицу готов десятерых дать! Заодно поучатся, как надо работать.

— Эй, остановите каток! — воскликнул Штирлиц, которому вовсе не улыбалось, чтобы за каждым его шагом следили молодцы Андропова. — Мне помощников не надо! Я плохо срабатываюсь с людьми, у меня характер скверный!

— Да будет вам, Исаев! У вас просто ангельский характер! — с глумливой улыбочкой заметил Суслов.

— И кроме того, — продолжал аргументировать Штирлиц, — я — профессионал! Зачем мне нужен кто-то еще?

— Ну и что? — спросил Брежнев. — Я тоже профессионал, но у меня есть помощники... Вот, Сусликов, например... Нет, Штирлиц, без помощников нельзя. Корейцы могут не так понять. Скажут, Брежнев такой жмот, людей для нас пожалел...

— Ну тогда, — Штирлиц пошел на компромисс, — давайте я возьму себе в помощь Бормана.

— Одного?

— Он десятерых стоит. Главное у Бормана — это воображение! К тому же, он мой старый знакомый, с ним мне будет намного легче выполнить такое тяжелое и ответственное задание.

— Борман... Какая странная фамилия, — протянул Леонид Ильич. — Он что, еврей?

— Нет, он немец, — сказал Штирлиц.

— Русский он, — добавил Андропов. — Сидоров его фамилия.

— Это хорошо, что не еврей. Ты, Штирлиц, долго жил в Германии, небось не любишь евреев-то? Все фашисты их страсть как не любили.

— Я интернационалист! — возразил Штирлиц. — Я никого не люблю!

— Значит, еврейский вопрос тебя не волнует?

— Ясный пень! Меня даже женщины уже не волнуют!

Глубокомысленно покачав головой, Брежнев обратился к Сулову:

— А этот еврей со сложной фамилией Солженицын, которую я никак не могу запомнить, пишет, что это очень животрепещущий еврейский вопрос в нашей социалистической стране... Вот ведь врун!

— Нас сейчас больше волнует корейский вопрос, — сказал Андропов, переводя разговор в деловое русло.

— Дык, кто спорит? — согласился Леонид Ильич. — Корейцы, они тоже, того... Как евреи...

ГЛАВА 6. РЕЛИГИЯ ТОВАРИЩА БОРМАНА

Штирлиц встретился с Борманом на Патриарших прудах. Приятели обнялись и сели на скамеечку. Предложение Штирлица Борман выслушал сдержанно и отреагировал на него престранно. Минут пять он отрицательно качал головой, потом стал ковырять в носу пальцем, но Штирлиц не терял надежды. Он чувствовал себя на подъеме.

В кармане разведчика хрустели две пачки полусотенных купюр, выданных во время вчерашней встречи. Одну из них ему торжественно и под расписку вручил шеф КГБ Андропов, другую сунул на прощанье в карман Леонид Ильич Брежнев. Этой, второй, особенно не терпелось в заточении, в кармане. Пора было пойти выпить пива, но Борман упрямылся, как осел в перегруженной повозке.

— Знаешь, Штирлиц, — Борман задумчиво посмотрел на поверхность пруда, по которой скользили два лебедя — белый и черный. — Если честно, мне никогда не нравилась эта работа.

— Да брось ты, Борман! Ты — самый классный агент! Я на любого в Рейхе мог подумать, что он русский агент, но чтобы ты!

— Это так, но ради того, чтоб так замаскироваться, приходилось каждый день изображать из себя ублюдка...

— Но у тебя это так хорошо получалось!

— Нет, Штирлиц, — Борман кинул лебедям кусок булки, и те начали из-за него драку. — И не упрасивай! Я с этим покончил. Работа на Органы — погони, перестрелки, убийства... Теперь это не для меня. Нам религия не разрешает убивать.

— Какая еще религия?

— Слышал о Кришне? Я тут познакомился с одним кришнаитом, очень симпатичная оказалась религия. Я теперь почти просветлился, полностью раскаялся и за старое не возьмусь.

Глаза Бормана при этих словах были предельно чисты, но Штирлиц, который листал дело на Бормана в КГБ, не поверил ни слову. Даже здесь, в своей родной стране, Борман не мыслил своего существования без каких-нибудь гадостей. Соседке снизу, которая с ним не слишком приветливо поздоровалась, он облил вывешенное на балконе белье фиолетовыми чернилами. Другому соседу, который распускал о нем слухи, утверждая, что в годы войны Борман работал на фашистов, однажды темной ночью проколол шины у старенького «Запорожца».

Жалобы на Сидорова попадали в милицию каждую неделю. А иногда приходили прямо на Лубянку, на что чекисты только посмеивались. Понятно, что жить рядом с Борманом-Сидоровым не сахар, но надо же ему где-нибудь жить!

Все это Штирлиц хорошо знал, но Борману говорить ничего не стал. Зачем сообщать человеку, что он у тебя на крючке?

— Харе Кришна! — воскликнул Штирлиц. — Кто говорит об убийствах? Специально мы убивать никого не будем. Война, слава КПСС, давно кончилась. Наша цель в Корее — просто оказать братскую помощь товарищу Ким Ир Сену. Ты только представь! Бесплатно съездим на Восток, посетим буддистские храмы, пообщаемся с настоящими кришнаитами!

— Ты серьезно?

— Ясный пень! — от нарастающего нетерпения Штирлиц вскочил. — Когда еще

представится такая возможность? Денег на билет у тебя все равно никогда не будет. А Корея — это, брат, родина учения Кришны!

— Не может быть! Однажды у меня была знакомая в общежитии, я ее консультировал по немецкому, так там было полно этих корейцев, и все жарили на кухне селедку. Ну и запах от нее, боже! И ни одного кришнаита среди них не было!

— Ты что, мне не веришь?

— Да нет, я верю... Штирлиц, я бы с радостью, но у меня семья, дети...

С понимающей улыбкой Штирлиц посмотрел на Бормана.

— У тебя четыре семьи, — уточнил он. — И в каждой дети. Но все семьи ты бросил и никогда не платил алиментов. И только с последней семьей живешь, так как у них квартира хорошая.

— Откуда?... — опешил Борман.

— Ты, профессионал, спрашиваешь у меня, профессионала?

— Понятно, — взволнованно засопел в ответ Борман.

— Борман, ты меня знаешь, и знаешь очень давно, я не люблю давить на людей! Но представь себе на минуту, что твои дети, которые давно уже не дети, узнают, где живет их драгоценный папаша, и приедут из разных городов к тебе, так сказать, погостить?

Борман содрогнулся, а Штирлиц стал ковать Бормана, пока тот был горячий.

— Что тут думать! Ты же не навсегда уезжаешь. За пару недель, я уверен, мы выполним задание, еще пару недель пошатаемся по храмам, пообщаемся с твоими кришнаитами, — Штирлиц щелкнул себя пальцем по горлу, — и вернешься домой к своей семье Сидоровых, как огурчик.

— Да стар я уже для всего этого...

— А вот этого возражения я категорически не принимаю! — строго прикрикнул Штирлиц. — Мы с тобой старые, закаленные большевики. В наши годы мы крепки, как дубы, не то что эта молодежь, которая уже в пятьдесят погибает от болезней. Комсомольцы хреновы!

— Твои доводы просто неотразимы, — признал Борман.

— Борман, ты еще этого не понимаешь, но ты мой единственный, последний друг. Кому, как не нам, взяться за это дело! Знаешь, я уже чувствую себя помолодевшим лет на двадцать! — Штирлиц молодежато вскочил со скамейки, задорно схватил камешек и запустил в окно проезжавшего мимо троллейбуса.

Не обращая внимания на звон разбитого стекла и пронзительную трель милиционера, Штирлиц резюмировал:

— Леонид Ильич Брежнев будет нами доволен!

— Видел я этого Брежнева в телевизоре, мне он совсем не понравился.

— Мне он тоже раньше не особо нравился, а на деле оказался чутким, душевным человеком. Встретил меня, как сына... И чтобы я не слышал о нем никаких гадостей! — пригрозил Штирлиц и показал Борману жилистый кулак.

— Да ладно тебе, Штирлиц, насрать мне на этого Брежнева! — Борман тоже встал. — Слушай, а что корейцы дадут Брежневу, если мы задание выполним?

— Да ничего не дадут! Для Брежнева главное — это дело Мира.

— Совсем съехал, — молвил Борман, но Штирлиц снова показал ему кулак, и Борман счел за лучшее сменить тему.

— Так когда, ты говоришь, мы едем?

— Завтра, — бросил Штирлиц. — Скажи, Борман, а пиво кришнаиты пьют?

— Пьют, — с достоинством отозвался Борман. — Это же не пристрелить кого-нибудь, а просто попить пива...

— Не вмазать ли нам в таком случае по паре пенных кружечек? — разведчик похрустел в кармане деньгами, выданными в КГБ, и извлек из пачки на свет полусотенную. — Видал?

— Ого! Отчего ж тогда не вмазать! — согласился Борман, и они направились пить разбавленное пиво.

ГЛАВА 7. КОРЕЯ — СТРАНА ИДЕЙ ЧУЧХЕ

В восемь утра Штирлиц и Борман были уже в Пхеньяне. Встретил их кореец, который отвез разведчиков в забронированный для них номер самой лучшей гостиницы.

Мальчики в расшитых золотом ливреях принесли в номер багаж — два златанных походных рюкзака. В рюкзаке Штирлица находилось снаряжение, необходимое для террористов и диверсантов, в том числе два килограмма пластиковой взрывчатки, стальные, остро отточенные ножи, три пистолета, патроны, консервы «По-флотски», десять банок китайской тушенки, и, кроме этого, три блока папирос «Беломор», три самых увесистых кастета Штирлица и карта Кореи с умными пометками Андропова, которую Штирлиц забыл выбросить в самолете.

Содержимое диверсионного рюкзака Бормана было покрыто густым и зловонным мраком. Зловонным от того, что от рюкзака чем-то явственно воняло, но чем — было непонятно.

Номер Штирлицу понравился. Пушистый ковер лежал на полу, по углам на мраморных подставочках стояли две пальмы в кадках, на стенках висели гирлянды живых цветов.

Усевшись за стол, друзья решили перекусить консервами, когда в номер вошли двое. От Советского посольства в Корею их встречал дипломат Петров, а от корейских товарищей — чекист Пак Хен Чхор.

Представившись, Петров стал сразу оправдываться.

— Извините, что не встретили вас в аэропорту, боялись, что вас могут вычислить южно-корейские шпионы.

— Да, ничего, — бросил Штирлиц, — присаживайтесь, порубаем консервов.

— Консервы — потом. Гостиница вас устраивает?

— Нормальная гостиница, — буркнул Штирлиц, переходя для разговора на мягкий диван. — А то я думал, привезут в какой-нибудь гадюшник.

— Чхангвансанская гостиница — самая лучшая гостиница в Корею, — гордо заявил корейский чекист Пак Хен Чхор. — Из ее окон открывается изумительный вид на фонтаны.

Борман, который по дороге из аэропорта внимательно высматривал кришнаитов и не обнаружил ни одного, спросил:

— Э... Товарищ Пак Хен Чхон...

— Называйте меня просто Пак.

— Товарищ Просто Пак, а где тут у вас собираются кришнаиты?

— Кто? — изумился Пак.

— Кришнаиты. Или, на худой конец, дзен-буддисты.

— Товарищ Борман, — сурово сказал корейский чекист, — у нас в стране народ, вдохновленный идеями чучхе, строит социализм. Ни кришнаитов, ни буддистов у нас нет и быть не может.

Лысая голова Бормана вопросительно повернулась к Штирлицу.

— Когда нам дадут задание? — тут же спросил Штирлиц.

— Чуть позже, — широко улыбнулся Пак. — На сегодня у нас запланирован ряд мероприятий. Я покажу вам нашу замечательную столицу, расскажу о Корею, мы посетим музеи боевой славы, преклоним колени перед памятниками наших социалистических завоеваний. Одним словом, вас надо как следует подковать в плане идей чучхе. И, наконец,

вечером мы посетим хороший ресторан, где поужинаем.

Штирлиц, который во время перечисления мероприятий мрачнел с каждой фразой, при слове «ресторан» захлопнул рот и взглянул на представителя Советского посольства Петрова.

— Это действительно хороший ресторан, — кивнул Петров. — Кормят там вкусно, как на убой.

— Я назначен вашим гидом, и если что-нибудь будет непонятно, я все толково объясню, — пообещал Пак.

— Где этот узкоглазый так хорошо насобачился говорить по-русски? — равнодушно спросил сам себя Штирлиц, не замечая что говорит вслух.

— Я учился в Москве, — ответил Пак на первый вопрос.

Через пять минут они спустились вниз, где их ждала черная лакированная «Чайка». Шофер с третьей попытки завел мотор, и представительная машина ровно помчалась по широким пхеньянским улицам.

— Корея расположена в восточной части Азиатского материка, — начал Пак свой долгий рассказ. — Она занимает Корейский полуостров, протянутый с севера на юг, с прилегающими к нему 4198 островами и островками.

— Сколько, сколько островков? — не поверил Борман.

— Заткнись, — процедил Штирлиц.

— Площадь Кореи составляет 222209 квадратных километров, из которых на северную часть КНДР приходится 122762 квадратных километра.

— Сколько, сколько километров? — не унимался Борман.

— На севере Корея граничит с Китаем и Советским Союзом. Климат типичный умеренный, среднегодовая температура воздуха — от 8 до 12 градусов, среднегодовое количество осадков — 1120 миллиметров.

— Штирлиц, — Борман наклонился к уху разведчика. — На хрена нам это все нужно?

— Ну ты спросил! Да для того, чтобы нас подковать, чтоб мы в лепешку расшиблись, выполняя для них секретное задание!

— Вот оно что! Это новые подходы, — покачал головой Борман и спросил: — Сколько, сколько миллиметров?

Пак отвечал на все вопросы Бормана, начиная уже недоумевать, насколько же эти русские могут быть такими тупыми.

— Пхеньян — столица Корейской Народно-Демократической Республики. Пхеньян находится на равнине, лежащей в устье реки Тэдон. Само название города означает «широкая земля».

— Широка страна моя родная! — глумливо пропел Борман.

— Верно подмечено, — подхватил Пак. — Великий вождь Президент Ким Ир Сен указывал: *«Пхеньян — сердце корейского народа, столица социалистической Родины, очаг нашей революции»*. А вот и первый объект, с которого наши советские друзья начнут знакомство с сердцем корейского народа!

Машина остановилась, Пак вышел.

— Я бы предпочел начать знакомство с ресторана, — хмуро бросил Штирлиц Петрову.

— Товарищ Штирлиц, не осложняйте международные отношения, — попросил Петров. — Корейский народ очень гордится своими памятниками, своим социализмом и своим Великим вождем. Кстати, не вздумайте назвать его просто Ким Ир Сенем. Надо

говорить: Великий вождь Президент Ким Ир Сен. На самом деле, это уменьшительно-ласкательный титул. Полностью он звучит так: *«Генеральный Секретарь ЦК Трудовой Партии Кореи и Президент КНДР, Великий вождь и любимый руководитель, товарищ Ким Ир Сен».*

Штирлиц злобно посмотрел на лоснящееся лицо представителя посольства. Петров был одет в строгий черный костюм, на лацкане пиджака краснели два значка — один с Ильичем в кепке, другой с портретом Ким Ир Сена в позолоченной рамке. Толстыми пальцами с коротко подстриженными ногтями Петров держал сигарету «Данхилл», которую время от времени подносил ко рту и делал легкую затяжку. У Штирлица так и чесались кулаки дать этому поганцу по раскормленной морде.

Русский разведчик пересилил себя, вздохнул, и вылез из «Чайки». Остальные последовали за ним.

— Монументальный скульптурный ансамбль на холме Мансу! — гордо объявил Пак Хен Чхор.

— Ансамбль песни и пляски, — шепотом съязвил неугомонный Борман.

— В апреле 1972 года корейский народ воздвиг этот памятник с единодушным желанием и стремлением передать навеки бессмертные революционные заслуги Великого вождя Президента Ким Ир Сена и завершить из поколения в поколение начатое им великое революционное дело чучхе!

Штирлиц посмотрел на памятник. Великий вождь в длинном плаще стоял на постаменте, положив левую руку на задницу. Другая рука уверенно указывала народу путь вперед, в светлое будущее. Монумент живо напомнил разведчику родные памятники Ленину. Слева и справа от памятника Ким Ир Сэну под гигантскими флагами был изображен корейский народ — с пулеметами, гранатами, ружьями. Суровые лица, казалось, говорили: «Смерть фашистским оккупантам!»

— Товарищ Пак, а что это за лозунг? — спросил Борман.

— «Чучхе и чхюлима», — прочитал Пак.

— А что это такое?

— Самостоятельность и независимость, — привычно перевел Штирлиц, хотя корейский язык никогда не изучал.

Пак уважительно посмотрел на русского разведчика.

— А на этих транспарантах? — любопытству Бормана не было предела.

— Я что тебе, нумизмат? — огрызнулся Штирлиц. — В смысле — полиглот... Спроси у Пака.

— Очень правильный вопрос! — вдохновился Пак. — Я вижу, вы начинаете проникаться нашими идеями. Слева написано «Да здравствует Полководец Ким Ир Сен!», а справа — «Выгоним янки и объединим Родину!».

— А что, разве Корея оккупирована американцами? — поинтересовался Борман.

— Конечно! Это Южная Корея! Там засели империалисты, они мешают объединить нашу многострадальную Родину, наши южные соотечественники от этого сильно страдают. Но мы не должны терять надежды. Вот что сказал по этому поводу наш любимый товарищ и дорогой руководитель Ким Ир Сен: «Все соотечественники на Севере и на Юге Кореи должны с уверенностью в скорейшем объединении Родины настойчивее вести священную патриотическую борьбу против империализма США, за спасение Родины и самостоятельное воссоединение страны!»

— Это ты наизусть? — изумился Борман.

— Конечно, — серьезно кивнул стриженной головой товарищ Пак. — Я знаю все речи и изречения нашего любимого вождя...

— Да, корейцы — умный народ, — покачал головой Штирлиц. — Но не все...

— Я вообще-то хотел спросить, не написано ли где-нибудь среди этих лозунгов, как пройти в туалет? — сказал Борман, скромно потупившись.

Петров подпрыгнул на месте и выронил сигарету, а Пак сначала сделал вид, что не понял по-русски. Борман повторил свой вопрос снова, и, наконец, его отвезли к уютному подвальчику.

Через пять минут бывший партайгеноссе выскочил из подвальчика с вытаращенными глазами.

— Что с тобой? — спросил Штирлиц.

— Штирлиц, ты мне не поверишь! — захлеб сообщил Борман. — У них там в сортире стоит столик из слоновой кости, а на нем живые цветы и портрет какого-то корейца в золотой рамке!

— В туалете? — от изумления Штирлиц широко открыл рот, напоминая больного, пришедшего к дантисту.

— Что же тут удивительного? — вмешался дипломатичный Петров. — Это специальный столик для Великого и любимого вождя Президента Ким Ир Сена, вдруг он зайдет в этот туалет? Кстати, такие же столики стоят в автобусах и в метро, в любом из учреждений. Возле столика обычно ставят стул и места эти никем не занимаются. Великий вождь может в любом месте, куда бы он ни попал, присесть и отдохнуть, вдохнуть запах свежих цветов... И нечему тут удивляться!

— Потрясающе! — выдохнул Штирлиц. — Какая у вас богатая страна! В каждом сортире... В каждом автобусе...

— Пойдемте, товарищи, в машину, — устало сказал кореец Пак.

Все пятеро снова сели в «Чайку» и поехали дальше осматривать исторические места, отражающие славный путь революционной борьбы, пройденный корейским народом под руководством Великого вождя Президента Ким Ир Сена.

В музее революции Штирлица поразили шедевры корейской живописи — «Родной вождь, впереди линия фронта», «Лично взяв в руки пулемет», «Надо показать, на что способен кореец». Скульптура «Товарищ Верховный Главнокомандующий осматривает фронт» тоже была хороша.

Борману, напротив, не нравилось ничего! Увидев замечательный плакат «Четвертуем американский империализм везде в мире», он с характерным для него похрюкиванием предложил империализм не четвертовать, а сразу же кастрировать.

Раз десять Штирлиц порывался сбежать, но бдительный Петров вежливо ловил его за руку и напоминал о ресторане, который они посетят после осмотра. Впрочем, как бы ни был Петров бдителен, где ему было уследить за Штирлицем! Каждые десять минут русский разведчик отворачивался и прикладывался к фляге со старорусской водкой.

Даже Борман этого не замечал, он продолжал веселиться от души. На Тэсонсанском кладбище революционеров Борман осведомился, не продают ли здесь пиво. Осматривая Выставку Дружбы между народами, спросил, есть ли в Пхеньяне публичные дома. Вопросы бывшего партайгеноссе вызывали зубовой скрежет у товарища Пака, а Петров стал опасаться, что после этой экскурсии Корея пришлет Советскому правительству ноту

протеста и начнет строить капитализм.

Целый день «Чайка» моталась по улицам корейской столицы. Русским разведчикам показали Университет имени Ким Ир Сена, Высшую партийную школу имени Ким Ир Сена и Стадион имени Ким Ир Сена. Пак предлагал показать еще и Площадь имени Ким Ир Сена, но Штирлиц отказался наотрез, пригрозив, что в этом случае пристрелит своего гида, как бродячего музыканта.

Наконец, когда уже стемнело, уставших до полусмерти Штирлица и Бормана, у которых в голове уже все перемешалось, привезли в ресторан «Чхонрю», напоминавший большое красивое судно, что стоит на реке Потхон.

— Это лучший ресторан Пхеньяна! — похвалился Пак Хен Чхор.

Петров шепотом прокомментировал:

— Нас поведут в зал «для дорогих товарищей». Обедать в этом зале — большая честь. Я прошу, ведите себя как следует! Прошу не только от себя лично, но и от всего советского посольства, — попросил Петров, прижимая обе руки к груди.

— Меня еще будут учить, как себя вести в ресторане! — возмутился Штирлиц. — Да я в ресторанах жрал больше, чем ты, Петров, за свою жизнь просто завтракал, обедал и ужинал!

За время экскурсии представитель посольства ужасно надоел разведчику. Несколько раз Штирлиц уже поднимал костыль, но, уважая «дипломатическую неприкосновенность», сдерживался.

В любом из ресторанов, где бывал Штирлиц, обычно происходили драки. Почему? Это для Штирлица было загадкой. При виде этого ресторана «для дорогих товарищей» у разведчика также появилось предчувствие, что драки не миновать. А раз уж драка неизбежна, то Штирлиц дал себе слово при первой же удобной возможности дать этому неприятному Петрову по голове.

Гостей провели в зал и усадили за стол. Быстрые и услужливые официантки, ловко снуж между столиками, принесли на подносах дымящийся спецзаказ.

— Это еще что такое? — строго спросил Штирлиц, приоткрыв крышку на кастрюле и вдохнув аромат незнакомого блюда.

— Синсолло, — сказал товарищ Пак и облизнулся. — Всемирно известное корейское национальное блюдо. Дорогих гостей из-за границы всегда им угощают. Такой деликатес, вы пальчики оближете!

— Первый раз слышу, — сказал Штирлиц. — Но на всякий случай надо вымыть руки...

— А это — одно из любимейших блюд корейского народа — куксу. Его можно полить кунжутным маслом и специями, будет очень вкусно.

— На лапшу похоже, — заметил Борман, потирая руки. — Одна моя знакомая, я консультировал ее по немецкому языку, всегда варила мне после этого лапшу...

— После чего «этого»? — саркастически бросил Штирлиц.

Пак, произнося непонятные слова, показывал пальцем на расставленные блюда корейской кухни.

— Теперь, когда вы так все хорошо объяснили, могу я наконец начать есть? — спросил русский разведчик.

— Да-да, пожалуйста...

Борман с опаской смотрел на накрытый стол, потом наклонился к Штирлицу.

— Была у меня одна знакомая, жила в общежитии, там было полно корейцев, они так мерзко жарили селедку! Это такой запах!

— Да брось ты, забудь, — посоветовал Штирлиц. — А как тут у вас насчет выпить? Или в стране идей чучхе это не принято?

— Как же, как же! — воскликнул Пак, просияв. — Есть национальные напитки — камчжу, чхончжу, знаменитый ликер «камхорно», женьшеневая водка.

Борман взял бутылку водки. Внутри плавал корешок женьшеня.

— Не процедили самогон-то, — грустно сказал Борман. — У меня был приятель, врач из морга, так он очень любил пить спирт, в котором плавала разная заспиртованная гадость — лягушки, крысы...

— Фу! — передернулся Петров. — Я лучше выпью ликера.

— Ликер «камхорно» лекарственный, — похвалился Пак. — Он сделан из настоя свежей ююбы, нарезанной сушеной хурмы без косточек, имбиря, разделенного на шесть кусков яблока и груши без кожицы. При перегонке используют мед и воробейник красно-корневый. Крепость сильная, но нет едкого вкуса.

— Очень интересно, — сказал Штирлиц, наливая водки себе и Борману.

Приятели отведали корейскую кухню. Штирлицу особенно понравилось мясо, поджаренное на огне, напоминающее родной советский шашлык. Борман съел три огромных тарелки лапши куксу, отчего его живот раздулся, как у клопа. Всю закуску с непонятными названиями они щедро запивали корейскими напитками, впрочем, отдавая предпочтение женьшеневой водке.

— Знаешь, Штирлиц, — с набитым ртом проговорил Борман. — Мне начинает нравиться в Корее.

— Еще бы! — ответил Штирлиц. — Разве бы я посоветовал тебе что-то плохое? Слушай, Пак!

— Да, товарищ Штирлиц!

— Не пойми меня превратно, но я хочу выпить за здоровье Великого вождя Президента Ким Ир Сена! — Штирлиц поднял рюмку.

— Спасибо! — взволнованно воскликнул Пак. — За это только стоя!

Они встали и, со звоном сдвинув большие рюмки, выпили стоя.

— Хорошо пошла! — выдохнул Штирлиц. Его глаза светились молодым задорным блеском. Но из присутствующих один только Борман догадывался, что это предвещает.

— Еще по одной за то же самое! — сказал разведчик, подливая корейцу полную рюмку. — Отказываться выпивать за Ким Ир Сена нельзя! А теперь — за Корею единую и неделимую, от моря и до моря!

Кореец Пак склонился к уху Петрова.

— Похоже, товарищ Штирлиц проникся духом идей чучхе и вполне готов к встрече с Великим вождем.

Петров осоловевшими глазами глянул на Штирлица, пытаясь определить, действительно ли он проникся духом идей чучхе, потом кивнул.

На десерт принесли огромный торт, весь залитый кремом. В центре стояла шоколадная фигурка Ким Ир Сена.

— Этот торт называется «Корея»! — объявил Пак. — Подается только самым дорогим из «дорогих товарищей»!

— Чрезвычайно аппетитный торт, — добавил Петров и потянулся за фигуркой Ким Ир Сена. — Мне довелось попробовать такой только один раз...

Петров схватил жирными руками Великого вождя за ноги, поднес ко рту и с треском

откусил голову. Штирлиц, который сам любил шоколад, рассвирепел.

— Ах ты скотина! Откусывать голову Великому вождю товарищу Президенту Ким Ир Сэну! Пак, это ж святотатство! У, гад!

И Штирлиц, перегнувшись через стол, дал представителю посольства в измазанную шоколадом физиономию. Петров повалился на пол вместе со стулом.

— Я, собственно, не понимаю... — Петров, хватаясь за скатерть, сделал попытку подняться, но Штирлиц уже выскочил из-за стола.

— Он не понимает! — с благородным негодованием вскричал разведчик и, схватив Петрова за волосы, дал ему в живот.

Кулак разведчика был подобен молоту, Петров поперхнулся. Следующий удар по наковальне — в пах — заставил Петрова согнуться пополам. Штирлицу оставалось только развернуть бедного дипломата и наподдать ногой под зад так, чтобы советский представитель пролетел по залу, сбил с ног официанта и угодил головой в кастрюлю синсолло на одном из столов. Так Штирлиц и сделал.

Сидящие за столом корейские «дорогие товарищи» вскочили и, без расспросов, набросились с кулаками на Петрова. Официант, сбитый во время полета, облил других «дорогих товарищей». Здесь начали бить официанта. Две группы дерущихся быстро перемешались и вскоре мутузили друг друга. Все, как один, корейцы изображали из себя каратистов, высоко подкидывали ноги и издавали дикие вопли.

Через секунду весь зал был вовлечен в свирепую драку.

— Я так и знал, — сказал Штирлиц пьяному Паку. — По этим ресторанам ходят одни драчуны, и всегда какой-нибудь козел начинает потасовку. Как ты думаешь, Пак, надо их разнимать? Или, хрен с ними, пусть дерутся?

— У... — промычал Пак в ответ что-то неразборчивое и свалился под стол.

Штирлиц схватил костыль и бросился в толпу. Раздавая удары костылем налево и направо, от которых корейцы падали, как перезревшие груши с яблони, Штирлиц проложил себе дорогу на кухню. Костылем отодвинув в сторону ни в чем не повинного повара в белом колпаке, русский разведчик обнаружил на столе точно такой же торт под названием «Корея».

Он бережно взял фигурку Ким Ир Сэна и, вспомнив анекдот про Чебурашку и крокодила Гену, откусил вождю ноги по самую голову.

ГЛАВА 8. «ПРИДЕТ ШТИРЛИЦ И ВСЕ СДЕЛАЕТ»

Утром Штирлиц проснулся в своем гостиничном номере бодрым и свежим, ощущая, что вчерашняя разминка пошла организму исключительно на пользу. Он снова чувствовал себя молодым, как будто бы вернулся в сороковые годы, в Рейх, где вокруг были одни враги и надо было быть собранным, внимательным и готовым дать кому-нибудь в нос. Возникло даже ощущение, что сейчас откроется дверь, и в комнату войдет, поблескивая очками, папаша Мюллер...

Открылась дверь, и в комнату вошел Пак Хен Чхор, весь какой-то помятый, с красными глазами.

— Товарищ Штирлиц, — объявил он. — Пора ехать к Великому вождю Президенту Ким Ир Сёну.

— Отлично, — сказал Штирлиц, разминая кости. — Слушай, будь другом, разбуди Бормана, а то он спит, как из пушки, да еще и храпит, как на собрании! Опохмелиться, кстати, не желаешь? Я вчера прихватил из ресторана неплохой ликер.

— Спасибо, — благодарности Пака не было границ. Он подскочил к столу и приник к горлышку бутылки, чувствуя громадное облегчение. — Это вы грамотно прихватили, а то у нас до двух часов спиртное не купишь.

Пак сделал еще два глотка и посмотрел на Штирлица.

— Какие у вас мускулы, товарищ Штирлиц! — с уважением протянул он. — А по внешнему виду не скажешь, что вы такой культурист!

— Это от того, что веду здоровый образ жизни, — похвалил себя Штирлиц и изрек философски. — А внешность, она всегда обманчива!

Через полчаса их везли на той же «Чайке» к Ким Ир Сёну. Машина промчалась по улицам Пхеньяна, выехала за город и, не встречая ни единой машины, помчалась на всех парах. По краям дороги через каждые сто метров стояли корейские солдаты, похожие друг на друга, как из одной яйцеклетки.

Десять минут быстрой езды, и «Чайка» въехала на огороженную тройным забором с колючей проволокой территорию, где, утопая в зелени, виднелся трехэтажный особняк.

Дорогих гостей вывели из машины, и они тут же оказались в окружении откормленных охранников в бронежилетах и с автоматами.

— Извините, Штирлиц, — сказал Пак, — но перед тем, как мы войдем к Великому вождю, вас должны будут обыскать.

— Что! — возмутился русский разведчик, поднимая костыль. — Эти узкоглазые будут лапать меня своими руками?

Пак опасно покосился на страшное орудие Штирлица.

— Товарищ Штирлиц, я вас прошу! Так положено!

— Я входил без всякого обыска к Гитлеру, Сталину, Хрущеву и Брежневу!

— Ну, тогда хотя бы выверните карманы.

Штирлиц сплюнул и с презрением вывернул карманы, из которых посыпались стрелянные гильзы, рулон туалетной бумаги, два любимых кастета и незаменимый гаечный ключ, которым Штирлиц вскрывал пивные бутылки.

— Очень хорошо, — удовлетворился Пак и подал охране знак. — Пропустить!

Охрана расступилась, и партнеры прошли в дом.

— Штирлиц, мне тут не нравится, — прошептал Борман, ковыряя в покрасневшем носу.

— Мне тоже не нравится, — согласился Штирлиц. — Но мы идем в гости, а в гостях принято кормить. Когда я ходил к Брежневу, для меня накрыли такой роскошный стол! Кстати, Борман, не забудь поцеловать Ким Ир Сена.

— Зачем? — с отвращением прошипел Борман.

— У них, в высших кругах, так сейчас стало принято, целоваться! Можно вчасос.

Советских разведчиков ввели в огромный светлый зал. В центре, окруженный товарищами, стоял Великий вождь Президент Ким Ир Сен. Знаменитый корейский революционер, отец идей чучхе был в очках, в строгом черном френче и мешковатых брюках.

Борман, раскинув руки для объятий, полез целовать Ким Ир Сена. Президент испуганно отшатнулся, и на бывшего партайгеноссе тут же накиннулись охранники и заломили ему руки за спину.

— Ай! — только и успел сказать Борман.

— Эй, эй! — воскликнул Штирлиц, бросаясь выручать приятеля. — Он же просто поздороваться хотел!

Пак что-то залопотал по-корейски, после чего Бормана с большим неудовольствием отпустили.

— Ну и обезьяны, — проворчал Борман, потирая ушибленное плечо. — Хуже гестаповцев и эсэсовцев вместе взятых!

Чтобы разрядить обстановку, Штирлиц обратился к стоящему рядом с Ким Ир Сеном юноше с круглым луноподобным лицом и косыми глазами:

— Эй, мальчик! Сгоняй за пивом!

— Да вы что! — прошипел Пак, подпрыгнув от возмущения. — Это же дорогой товарищ и любимый руководитель Ким Чен Ир, сын и наследник великого Ким Ир Сена.

— Ах, сын и наследник! — Штирлиц помахал дорогому товарищу рукой. — Здравствуй, Ким Чен Ир!

Не отвечая то сердитому, то ласковому русскому, Ким Чен Ир опасливо отодвинулся за спины охранников, выглядывая из-за них своим луноподобным лицом.

— Пак, переведи ему, что случилось недоразумение, пусть Ким Ир Сен не обижается.

— Мне не надо ничего переводить, — сказал Ким Ир Сен по-русски. — Я и так все понимаю. До сорок пятого года я жил в СССР, для меня русский язык почти как родной.

— О, великий! — хором воскликнули корейские товарищи. — Он все знает, все умеет!

— Отлично, — Штирлиц подошел к Ким Ир Сену поближе. — О задании мы будем говорить до или после обеда?

Встав перед Штирлицем, широко расставив ноги и заложив руки за спину, вождь пристально изучал его лицо.

— Вместо обеда, — сказал наконец Ким Ир Сен. — Вот что я хотел вам сказать.

В прошлом году наш народ под руководством Партии своей героической борьбой еще ярче прославил честь и достоинство нашей Республики, срывая на каждом шагу лихорадочные происки империалистов и реакции, направленные против нашей Республики, против социализма.

В этом году мы должны непременно добиться фактического сдвига в обеспечении мира в стране и ускорении ее мирного воссоединения, активно воздействуя на современную ситуацию, развивающуюся в пользу объединения Родины.

ЦК Партии обратился ко всей Партии, ко всему народу с призывом, проникнувшись духом революционной борьбы в горах Пэкту, противопоставить контрреволюционным наскокам врага революционный натиск, добиться великого подъема в революции и строительстве...

— Ничего не понимаю! — возмутился Штирлиц. — Что вы мне морочите голову! У меня сейчас крыша поедет!

Ким Ир Сен невозмутимо посмотрел на разведчика.

— А мне сказали, что вы уже подкованы в плане идей чучхе! Ай-ай-ай! Никому нельзя верить. Товарищ Пак совершил непростительную для коммуниста ошибку!

— Оставьте товарища Пака в покое, — сердито буркнул Штирлиц. — Я приехал сюда выполнить задание и готов выслушать, в чем оно заключается. Это все, что я хотел бы здесь услышать.

— Хорошо, — ответил любимый вождь, что не предвещало, в общем-то, ничего хорошего. — Значит так, товарищ Штирлиц. Задание очень секретное. О нем никто, кроме нас, не должен знать. Наши чекисты обнаружили заговор с целью свергнуть народное демократическое правительство и присоединить Северную Корею к Южной. Были перехвачены шифровки, был схвачен южно-корейский агент, который ходил по улицам и ничего не делал, в то время как все корейцы строили коммунизм! Наши товарищи с ним поработали, агент, разумеется, раскололся.

Мы уже засылали в Южную Корею своих агентов, но специфика нашей страны состоит в том, что все эти агенты остаются у южан и не хотят возвращаться. Именно с этой целью мы попросили русских нам помочь. Вот ваше задание — вам надо внедриться в агентурную сеть в Южной Корее и уничтожить ее изнутри. Ваш профессиональный опыт, навыки работы в тылу противника прекрасно известны не только в Корее, но и во всех наших братских странах...

— Ну что же, во-первых, мне нужны будут деньги...

— К сожалению, денег для вас нет, — сказал Вождь Ким Ир Сен и широко развел руками. — Все средства нашего народа идут на строительство социализма!

— Как это нет? — удивился Штирлиц и задумался. — Ну, тогда мне потребуются ваши люди, агенты, специалисты подрывного дела...

Вождь отрицательно покачал головой.

— Товарищ Штирлиц, вы должны нас понять, все корейцы находятся на грандиозных стройках социализма.

— Послушайте, но когда нет денег и нет людей, нет и дела! — начал распалываться Штирлиц.

— Тут какая-то ошибка! Дорогой товарищ Брежнев по телефону мне сказал, что придет Штирлиц и все сделает! Тут приезжает Штирлиц и начинает мне, как вы там говорите? «морочить голову»! Вы что же, хотите сказать, что Генеральный Секретарь дорогой товарищ Брежнев мог меня обмануть?

— Денег нет, людей нет! — Штирлиц хмуро глянул на корейцев. — В сортир-то хоть сходить можно?

Судорога свела лицо Ким Ира Сена. Он молча развернулся и вместе со своими спутниками и охраной скрылся за дверью. Штирлица и Бормана вывели из зала.

— Вы совершили бестактность! — заявил Пак. — Будь вы корейцем, за такие вещи вас бы расстреляли!

— Ничего не понимаю! В этом здании нет сортиров? Что, «дорогие товарищи» в туалет не ходят?

— Туалеты здесь есть, но в них стоят золотые унитазаы, а садиться на золотой унитаз может только сам Великий вождь Президент Ким Ир Сен либо дорогой товарищ Ким Чен Ир. А для остальных туалеты во дворе!

— Пошли отсюда, Борман, — сказал Штирлиц, кося левым глазом на охранников. — Великий вождь дал нам важное задание, пора его выполнять!

С годами разведчик стал сдержаннее. В молодости он бы не сдержался и устроил бы здесь корейский погром. Сейчас лишь костыль, подрагивающий в руке, выдавал, что в голове Штирлица уже созревает план.

Борман пристроил извлеченную из носа соплю на тяжелую бархатную портьеру и согласно кивнул.

— Пойдем, Штирлиц.

ГЛАВА 9. «ШТИРЛИЦ ТРЕБУЕТ ПОЛИТИЧЕСКОГО УБЕЖИЩА, ИНАЧЕ ОН ЗА СЕБЯ НЕ ОТВЕЧАЕТ»

Вернувшись в номер, Штирлиц замахнулся костью и в раздражении запустил им в кадку с пальмой. Кадка, как кегля, упала с мраморной подставочки и покатила по ковру.

— Нет, ну какие сволочи! — злопыхал Штирлиц, шагая по номеру. — Не покормили, денег не дали, людей не дали!

Штирлиц был уверен, что номера прослушиваются, поэтому для конспирации перешел на немецкий.

— Ты знаешь, Штирлиц, — вяло молвил Борман. — Что-то мне не в кайф работать на этого Ким Ир Сена. Мне этот корейский вождь совсем не понравился. И это ради него я буду ходить по улицам ночью, кого-то перевербовывать, участвовать в перестрелках, экономить патроны, таскать на себе динамит, ни есть, ни пить, сидеть в засаде...

— Ты за кого меня вообще принимаешь! — возмутился Штирлиц. — Неужели ты поверил, что я стану на него работать? Мы действительно внедримся в южно-корейский заговор, но только для того, чтобы его возглавить и помочь совершить этот переворот!

— Доброе дело, — согласился Борман и с чувством пожал Штирлицу руку.

— Поедем в аэропорт, захватим самолет с заложниками и улетим в Южную Корею, чтобы оттуда руководить заговором!

Штирлиц вытащил из-под кровати два привезенных из Москвы рюкзака со снаряжением и открыл свой. Взяв все необходимое, Штирлиц и Борман прямо в номере надели противогазы и стали неузнаваемы. Спустившись вниз, Штирлиц дал костью по ненавистной голове швейцара, который как две капли воды был похож на Ким Ир Сена.

— За что ты его так? — поинтересовался Борман.

— А вдруг он работает на корейскую разведку?

Да, Штирлиц умел замечать за собой следы.

Борман встал посреди улицы и остановил такси. Штирлиц, угрожая таксисту костью, приказал ехать в аэропорт. Насмерть перепуганный таксист беспрекословно отвез страшных пассажиров, куда было сказано.

Выскочив из машины, Штирлиц рукояткой костью разбил стеклянную стену здания аэропорта. С ужасным стоном стекло обрушилось вниз, и еще долго сыпались осколки. Раздались милицейские трели, собралась толпа, но террористы были уже далеко.

Бодрым шагом, улыбаясь под резиной противогаза, Штирлиц приблизился к таможне и начал поливать людей в форме нервно-паралитическим газом. Через полминуты проход был свободен.

— Я ничего противозаконного не везу, — сняв противогаз, сообщил русский разведчик скорчившимся в неестественных позах таможенникам и вместе с Борманом прошел на летное поле.

Раздавая удары костью, Штирлиц прорвался сквозь толпу к трапу ближайшего самолета, залез внутрь и заорал:

— Без паники! Самолет захвачен!

Поднялась паника.

Пассажиры повскакивали с мест, симпатичная стюардесса упала в обморок, Борман, который влез за Штирлицем, передернул затвор автомата и проревел:

— Кто будет себя плохо вести, пристрелю!

Лицо у Бормана было такое, что пассажиры ему сразу же поверили и затихли. Стюардесса пришла в себя, и Борман, развалившись в кресле, приказал принести себе пива.

Тем временем Штирлиц прошел в кабину и показал пилотам гранату.

— Самолет захвачен! У Бормана в рюкзаке килограмм пластиковой взрывчатки!

Пилоты дружно заговорили по-корейски.

— Кто-нибудь по-русски говорит? — грозно спросил разведчик.

— Я стажировался в СССР, — испуганно привстал один из пилотов.

— Молодец, — похвалил Штирлиц.

— Вам куда? В Лондон, Париж, Тель-Авив?

— Столица Южной Кореи как называется?

— Сеул.

— Значит, нам в Сеул!

— А ч-черт! — расстроился летчик. — Мы и так туда летим.

— Заводи!

Самолет загудел моторами, побежал по взлетной полосе и поднялся в весеннее корейское небо.

— Двенадцать лет летаю из Пхеньяна в Сеул и обратно, — пожаловался летчик. — Хоть бы раз в Тель-Авив слетать...

— Ты что, еврей, что ли? — поинтересовался Штирлиц.

— Нет, я кореец.

— Вот и лети в Сеул, а то как дам по голове! — разведчик махнул рукой. — И передай по радиации, что самолет захвачен Штирлицем.

— Да вы что? — испугался летчик. — Давайте сначала границу перелетим и потом уже объявим о захвате. А то еще на границе собьют, им же на нас и на пассажиров насрать!

— А так не собьют?

— За что? Мы летим своим рейсом по расписанию!

— Ну, я вижу, ты лучше знаешь, чего делать, — одобрил Штирлиц. — Я схожу, посмотрю, не хулиганят ли в салоне.

В салоне довольный Борман пил пиво, а пассажиры дрожали от страха.

— Штирлиц, а мне понравилось захватывать самолеты, — сообщил партайгеноссе. — Пивка на халяву можно попить... Угощайся.

— И много тут пива?

— Много!

— Угощайтесь, друзья! — жестом добродушного хозяина предложил Штирлиц пассажирам. — Бесплатно!

— Кого стошнит в моем самолете, пристрелю! — пригрозил Борман.

Через час двадцать самолет приземлился в Сеуле. Упившиеся пассажиры заблевали весь самолет и спали, оглашая салон громким храпом. В воздухе витал густой запах пива.

— Слабаки, — презрительно махнул рукой русский разведчик. — Мы с тобой выпили раза в три больше, а свежи, как огурчики!

— Мы же профессионалы, — скромно потупился Борман.

— Кажись, прилетели, — Штирлиц выглянул в иллюминатор.

Самолет, захваченный террористами, был окружен полицией, солдатами и репортерами. Солдаты прицеливались в самолет из автоматов, а репортеры снимали все это на видеокамеры.

— Надо взять кого-нибудь из этих уродов, — Борман указал на пассажиров, — приставить револьвер к виску и, пригрозив пристрелить заложника, попросить политического убежища. А еще можно кинуть гранату...

— Умно, — кивнул Штирлиц и попытался разбудить ближайшего сонного пассажира. Эта попытка неудачно завершилась тем, что заложника снова вырвало, и у русского разведчика испачкался плащ.

— Ух ты сволочь! — возмутился Штирлиц и вмазал заложнику костылем. — Пойдем, Борман, для тебя есть работенка!

Штирлиц вышел на трап и, приставив к виску Бормана пистолет, прокричал:

— Мы требуем политического убежища! Иначе я пристрелю этого жирного ублюдка!

— Это же Штирлиц! — пронеслось по толпе агентов южно-корейской разведки и ЦРУ, которые окружили трап захваченного самолета. Штирлиц посмотрел вокруг...

ГЛАВА 10. В БУНКЕРЕ ФЮРЕРА

— Это же Штирлиц!

Штирлиц осмотрелся вокруг и с удивлением признал в одноглазом главаре ликующей толпы своего старого приятеля Айсмана!

— Ребята! — орал Айсман, сверкая золотыми зубами. — Это же старина Штирлиц! Дружище, какими судьбами?

— Привет! — Штирлиц помахал рукой, подражая одному своему знакомому по фамилии Адольф Гитлер.

В ответ раздался ликующий рев бесноватых эсэсовцев.

— Здравствуй, Айсман, — молвил Борман, спускаясь по трапу вслед за Штирлицем.

— О, Борман! — вскричал Айсман. — Я тебя не узнал. Что-то ты сильно изменился!

С криком «Штирлиц приехал!» налетел Холтофф, за ним еще толпа затянутых в эсэсовскую форму молодчиков, русского разведчика подхватили на руки и понесли к автобусу с фашистской свастикой на боку. Штирлица усадили на почетное сидение, дали в руки литровую кружку и налили баварского пива. Штирлиц сделал большой глоток, зажмурился от удовольствия и залпом выпил до дна. Эсэсовцы зааплодировали.

— Как здорово, что ты приехал! — радостно говорил Айсман. — Нам только тебя и не хватало! Ну, и тебя, конечно, Борман...

К Штирлицу сквозь толпу пробился эсэсовец с погонами штандартенфюрера.

— Штирлиц! Вы меня помните?

Штирлиц отрицательно помотал головой и взял еще одну кружку.

— Ну, как же! Я с вами ходил на футбол в сорок третьем году, помните? Мне тогда было десять лет... Вы меня за пивом посылали! Теперь я стал штандартенфюрером.

— Молодец, — сказал Штирлиц, подставляя кружку, в которую сразу два эсэсовца лили пиво из двух бутылок. — Я тоже был когда-то штандартенфюрером.

Штандартенфюрер расцвел от счастья.

— А я! А я! Штирлиц, меня вы помните? — закричал еще один. — Меня зовут Фриц, я был адъютантом Гимmlера! Вы — мой идеал контрразведчика!

— У меня тоже были когда-то идеалы, — философски изрек Штирлиц. — Айсман, а что, Гимmlер тоже ошивается здесь?

— Нет, Гимmlер уже умер.

— Повезло ему, — Штирлиц облегченно вздохнул. — Терпеть я не могу этого гада! Прибил бы я его...

Автобус заехал за железные ворота и остановился около трехэтажного кирпичного дома. Айсман достал из-под водительского сидения высокие гестаповские сапоги и протянул русскому разведчику.

— Это, Штирлиц, придется надеть.

— Зачем?

— Увидишь. Конспирация.

Штирлиц пожал плечами и натянул сапоги. По одному эсэсовцы вылезали из автобуса, забирались в канализационный люк и исчезали в его утробе.

— А это зачем? — любопытствовал Штирлиц.

— Конспирация, — лаконично ответил Айсман. — Чтобы северо-корейские и

советские шпионы нас не выследили. Мы сейчас отведем тебя в такое местечко, ты обрыдаешься!

— Ну, ну.

Минут десять все молча шли по канализации. Под ногами смачно чавкало и пахло. Штирлиц пожалел, что оставил в самолете противогаз. Борман, которому выдали дырявые сапоги, грязно матерился.

Наконец, идущий впереди эсэсовец стукнулся лбом о железную дверь и с упоминанием о Божьей матери возвестил, что они пришли. Немцы поднялись по лестнице наверх и очутились в небольшой комнатке. Штирлиц вылез из люка и огляделся. Чем-то это помещение было ему знакомо.

— Кажется, когда-то я здесь уже был, — сказал он.

— Точно! — восхитился Айсман. — Я всегда говорил, что у тебя феноменальная память! Это бункер Гитлера. Мы его разобрали и по кусочкам перевезли сюда, в Корею.

Айсман открыл дверь в соседнюю комнату и гостеприимно повел рукой.

— Проходите!

Вошедших оглушил звук музыки. Штирлиц узнал этот огромный зал, где когда-то проходили совещания у Гитлера. Хотя узнать было мудрено. В углу была оборудована сцена, на которой полуголые красотки танцевали канкан. По всему залу были расставлены столики, с подносами бегали официанты. Эсэсовцы за столиками резались в карты, а в центре — крутили рулетку.

— Господа! — громогласно объявил Айсман. — С нами Штирлиц!

Фашисты, побросав свои дела, бросились обнимать русского разведчика.

— Хайль Штирлиц! — возопили они.

— А я, я что говорил! — захлебываясь кричал Холтофф. — Еще вчера, помните, я рассказывал, что мне приснился сон, будто Штирлиц меня трахнул по голове бутылкой!

— Качай его, ребята!

Потом Штирлица и Бормана усадили за рулеточный стол. Услужливые официанты тут же поставили перед ними шнапс, пиво и закуску. Красотки, столпившись позади счастливых эсэсовцев, ссорились, кому первой спать со знаменитым разведчиком.

Все ждали, что Штирлиц произнесет тост. Штирлиц встал, прокашлялся и сказал:

— Ну, у вас тут — прямо Германия! Я оценил! Здесь, среди вас, я снова себя чувствую себя молодым, пьяным и веселым!

— Для этого мы и вывозили бункер фюрера, — прослезился Айсман. — Тут у нас не только ресторан, казино и публичный дом, здесь у нас и досье разные. Бог ты мой, есть даже коллекция Мюллера!

— Не верю! — пошутил Штирлиц.

— Прямо дом родной. Мы здесь и с агентами встречаемся, такой психологический эффект производит! А в подвалах храним оружие и взрывчатку. И все немецкое! Все вывезли из Германии! Даже пиво! — спешил поделиться новостями Айсман.

— Девочек тоже из Германии вывезли?

— Нет, — всхрипнул Айсман. — Девочки местные.

— Друзья! — сказал Штирлиц. — Я пробыл тут всего десять минут, но уже чувствую себя, как на Родине! За вас!

— Гип-гип, ура! — хором завопили эсэсовцы.

Штирлиц выпил шнапсу. Слуга-кореец налил еще.

— Мой корейский слуга Кан Дон Ук, — похвалился Айсман. — Золотой парень. За два месяца выучил немецкий.

— Уважаю, — сказал Штирлиц. — А чем вы сами тут занимаетесь? Корейский учите?

— Мы готовим заговор против Ким Ир Сена, — сказал Айсман. — Свергнем власть коммунистов и объединим Северную Корею и Южную.

— Парень, — спросил Штирлиц у корейского слуги. — Хочешь объединения Южной и Северной Кореи?

— Да, конечно, — сказал кореец. — У меня там семья.

— Хорошо, — Штирлиц доброжелательно кивнул. — Хочешь быть моим слугой?

— Хочу.

— Айсман, ты мне подарил своего слугу, — проинформировал друга Штирлиц.

— Бери, — Айсман махнул рукой. — У меня еще трое есть! И все трое — тоже золото!

— Садись, Кан, — предложил корейцу Штирлиц. — Слугой ты мне не будешь, я против этих господских штучек. Будешь моим адъютантом, но слушаться только меня, понял?

— Понял, господин Штирлиц! — ответил адъютант Кан, подобострастно глядя на Штирлица.

— Налей себе водки.

Кореец присел рядом и налил себе стакан шнапса.

— Значит, Айсман, вы затеяли заговор.

— Ну.

— И кто у вас главный? Гиммлер?

— Нет, Гиммлер умер. Это я уже говорил!

— Геббельс?

— Нет, Геббельс сейчас в США стал доктором-гинекологом.

— Геринг?

— Нет, он в Италии занимается производством туалетной бумаги.

— Засранец, — заклеимил Штирлиц.

— Не скажи, у него три больших завода.

— Тогда кто? Не Мюллер же?

— Нет, конечно. Мюллер во Франции снимает порнографические фильмы, печатает порножурналы и открытки. В основном черно-белые, но есть и цветные.

— Что, негры с белыми? И с китайцами?

— Ну так! — засмеялся Айсман. — Мюллер теперь у нас большой человек!

— А главный-то кто?

— Ты не поверишь, но это Кальтенбруннер. Говорят, он совсем не постарел. Правда, лично я его никогда не видел, ни в Рейхе, ни здесь...

— Я тоже, — сознался Штирлиц.

— Говорят, он сделал себе операцию по омолаживанию организма и не стареет, — доложил Холтофф.

— И сколько вас тут, немцев?

— Около сорока. Во время войны большинство из наших были в «Гитлерюгенде», а некоторые вообще еще пешком под стол ходили. Молодежь! — Айсман сосчитал по пальцам. — Да точно, если посчитать меня за двоих, то будет ровно около сорока человек! А если посчитать тебя, Штирлиц, меня и Бормана — можно сказать, что все сто! Мы, зубры старой закалки, каждый стоим двадцати человек!

— Отлично, — сказал Штирлиц. — К черту Кальтенбруннера! Заговор возглавлю лично я! Хватить тянуть кота за хвост!

— Хайль Штирлиц! — вновь завопили эсэсовцы, как заведенные.

— Правильно! — подхватил Борман. — Хватит на кофейной гуще гадить!

Борман только что вернулся из задних комнат, уже облаченный в эсэсовский мундир. Он сел между Айсманом и Холтоффом, и, глядя на них, Штирлиц испытал приступ сентиментальности. Бывало, как дашь кастетом по этим милым сердцу ромам!

— Теперь поговорим о деле, — Штирлиц хлебнул шнапса и закусил малосольным огурцом.

— Дела идут с трудом, — признал Айсман. — Мы завербовали кучу корейских агентов, но никто из них не хочет ехать в КНДР. Боятся, что их поймают и заставят строить социализм. А у нас такие планы! Можно взорвать дамбу, наслать на поля саранчу или подсыпать в колбасу крысиной отравы...

— Это все мелочи, детский сад какой-то! — Штирлиц встал. — Мой план лучше.

Эсэсовцы обратились в слух.

— Мы садимся на танки, едем к границе, быстро переезжаем ее, с налету захватываем город за городом! Пока коммунисты не опомнились, захватываем Пхеньян! И все, Корея наша! Преимущество моего плана — в его внезапности! Никто от нас такой наглости не ожидает, поэтому все должно получиться!

Штирлиц торжественно протянул руку, словно пытаясь ухватить за хвост грядущее.

— А народ Кореи встретит нас с распростертыми объятиями. С народом я уже договорился, — Штирлиц похлопал по плечу своего новоиспеченного адъютанта Кана. — Народ давно уже мечтает объединить страну!

Пораженные эсэсовцы восхищенно переглядывались.

— Я бы до такого никогда не додумался, — сказал Айсман, сверкая своим глазом.

— Когда выступаем? — спросил Холтофф.

— А чего ждать? — Штирлиц приложился к пивной кружке и осушил ее. — Надо действовать, пока шпионы не успели ни о чем настучать, пока северные корейцы ничего не подозревают. Наступление начнем прямо завтра, в воскресенье, в четыре часа утра!

В ответ эсэсовцы радостно завопили.

— Официант! Еще пива! — позвал Штирлиц.

— Господин Штирлиц, — подобострастно проговорил официант. — Прошу меня сердечно извинить, но пиво кончилось.

— Айсман, где тут у вас можно попить пивка?

— Да где угодно! Есть тут кабачок один под названием «Розовый бегемот». Там весьма неплохо.

— Пойдем туда! Надо к четырем утра как следует подготовиться!

— Ребята! — объявил Айсман эсэсовцам. — Все идем готовиться в «Розовый бегемот»!

С радостными возгласами бригада Айсмана потянулись на выход.

ГЛАВА 11. ДИКАЯ СТРАНА, ДИКІЕ ПРАВЫ

Из бункера выходили через парадный выход, чистыми и хорошо освещенными коридорами.

— Слушай, Айсман, — спросил Борман, обгладывая на ходу куриную ножку, прихваченную со стола. — Раз из вашего бункера есть отличный выход, через который мы идем, то за каким хреном мы лезли через эту вонючую канализацию?

— Борман, ты не фигу не понимаешь! Надо же было показать Штирлицу, как мы хорошо организованы, какая у нас классная конспирация! Скажи, Штирлиц!

— Ясный пфенинг, — согласился Штирлиц, которому выражение «ясный пень» уже приелось.

Фашисты погрузились в три грузовика и с песнями поехали в кабак. Айсман, любовно глядя на Штирлица, думал: «Надо бы мне тоже заказать трость с железным набалдашником!»

Грузовики подкатили к «Розовому бегемоту». Сквозь стеклянные витрины, исписанные иероглифами, проглядывался уютный зальчик. В зале гудели разноцветные пивные автоматы, стоящий за стойкой бармен подавал более крепкие спиртные напитки и закуску. Над входом светились два иероглифа. Сначала синим загорался один, затем зеленым другой, и, наконец, оба иероглифа загорались желтым цветом.

«Что все это значит? — удивился Штирлиц. — Неужели загорается — «Пива нет!», «Пива нет!»?»

Пиво и веселье в кабаке были в самом разгаре. Команда американских бейсболистов праздновала свою победу. Бейсболисты, все как на подбор здоровенные, мускулистые, лакали пиво, обнимали красивых корейских девушек и сквернословили. Упившийся тренер в одиночестве поднимал тосты за состоявшуюся победу, но его никто не хотел слушать.

Мимо ресторанчика, приплясывая и напевая «Харе Кришна! Харе Рама!», проходила толпа выбритых наголо кришнаитов в оранжевых одеждах.

— Штирлиц! — обрадовался Борман. — Это же кришнаиты! Я пойду пообщаюсь!

— Пообщайся, — разрешил Штирлиц. — Только много не пей!

— Да ты что? Мы поговорим о душе, о смысле жизни... Я давно уже хотел выяснить, кем я был в своей прошлой жизни.

— Смотри, чтоб тебя наголо не обрили! — пошутил Штирлиц. Эсэсовцы громко заржали, так как Борман уже лет сорок был лыс, как бильярдный шар.

Борман помахал друзьям рукой и побежал за процессией кришнаитов.

— Уйдет мой друг Борман в буддистский монастырь, — посетовал Штирлиц. — Окончательно просветлится, станет Бодисатвой...

— Какие ты умные слова знаешь, — удивился Айсман.

— Это меня Борман научил, — не стал скрывать Штирлиц.

Эсэсовцы завалились в кабак и быстро заняли все свободные места. Холтофф резво подбежал к пивному автомату и начал наполнять кружки, передавая их по цепочке из рук в руки. Кружки быстро заставили длинный стол, во главе которого сел Штирлиц.

— Штирлиц, скажи речь! — крикнул бывший адъютант Гимmlера Фриц.

— Что я вам, Брежнев, что ли? — откликнулся Штирлиц. — Я сюда не разговаривать пришел!

С этими словами русский разведчик выпил первую кружку.

Американцы испуганно замолчали, разглядывая черную форму со свастикой.

— Что здесь делают эти фашистские ублюдки? — громко спросил один из бейсболистов, самый здоровый.

Немцы не обратили на него никакого внимания, поскольку реплика прозвучала по-английски, и никто ее не понял. Пивные кружки продолжали быстро опустошаться.

— Ребята, мой рюкзак никто не видел? — спросил Штирлиц.

— Нет!

— Жаль, у меня там было три блока «Беломора».

— О! — застонали эсэсовцы. — Какой облом!

Штирлиц послал своего адъютанта Кана к бармену купить сигарет. Огромный бейсболист подставил пробежавшему мимо корейцу ногу, Кан споткнулся и растянулся на полу.

В зале повисла тишина. Эсэсовцы повернули головы к Штирлицу. Штирлиц встал.

— Я давно говорил, что американцы — это нация ублюдков, — процедил он. — Все отбросы общества в течении трех веков вывозились в Новый Свет! А теперь эти бандиты, адвокаты, наркоманы и гомосексуалисты хотят навязать свой вонючий образ жизни всему миру!

Эсэсовцы грозно взревели. Янки приготовили бейсбольные биты.

— Кан! — позвал Штирлиц.

— Да, хозяин, — отозвался Кан, потирая ушибленное колено.

— Ты можешь дать своему обидчику ногой!

— Спасибо, хозяин, — поблагодарил кореец и с диким визгом дал ногой американцу между ног. Бейсболист загнулся и упал на пол.

Американцы, размахивая бейсбольными битами, бросились на немцев. Эсэсовцы заняли круговую оборону и некоторое время кидали в противника кружками. Когда кружки кончились, американцы прорвались к фашистам и начали молотить их дубинками.

— Где мой револьвер? Ах, черт — забыл в бункере! — посетовал Айсман и заработал кулаками.

Холтоффу разбили голову, и он упал к ногам Штирлица, обливаясь кровью. Штирлиц встал и взял в руки костыль.

— Вот Холтоффа я вам никогда не прощу! — закричал Штирлиц ревнивым и страшным голосом, словно только один он на всем белом свете мог бить Холтоффа по голове.

Штирлиц, как приамурский тигр, напившийся валерьянки, прыгнул в толпу дерущихся.

Русский разведчик натренированным движением уклонился от дубинки, сунул костыль в живот одному американцу, дал по голове второму, третьего свалил всепоражающим ударом ноги, обутой в ботинок фабрики «Скорород». Смертоносные удары костыля обрушивались на бейсболистов с безжалостностью кирпича, летящего на голову прохожему с пятнадцатого этажа.

«Нет, точно заведу себе такой же костыль, как у Штирлица,» — еще раз дал себе зарок Айсман.

Очень скоро эсэсовцы из участников драки превратились в простых зрителей. В считанные секунды Штирлиц расправился со всеми американцами, и теперь они, залитые кровью и пивом, были разбросаны по всему залу. Лишь двое, самых притких, успели удрать и спрятаться в американском посольстве.

Нервно помахивая костылем, русский разведчик приблизился к тренеру, но тот только бессмысленно ухмыльнулся и протянул Штирлицу бутылку виски.

Запрокинув голову, Штирлиц отпил из горла пару глотков, глаза разведчика подобрели. Он похлопал тренера по плечу и сел рядом с ним за столик.

— Как там у вас в Америке дела? — спросил он. — Все ракеты сраные производите? Тебя как зовут?

— Донт андэстэнд, — широко улыбаясь, ответил тренер.

— Хорошее имя, — кивнул Штирлиц. — А меня — Штирлиц.

На улице завывали полицейские сирены.

— Штирлиц, — подскочил Айсман. — Бармен вызвал полицию! Вот ведь гад, а? А мы у него даже витрину не разбили... Пора сматываться!

— Зачем? — поинтересовался Штирлиц.

— Да ведь мы все оружие в бункере оставили, а у полицейских — автоматы!

— А где бармен?

— Вот он!

К Штирлицу вытолкнули забитого бармена с огромным синяком под глазом.

— Что ж ты так? — добродушно спросил Штирлиц и дал бармену костылем по голове.

Бармен свалился под столик.

— Кан! — позвал Штирлиц.

— Да, хозяин, — весело откликнулся Кан, который обыскивал американцев, выуживая из карманов зеленые банкноты.

— Встань за стойку и изобрази бармена. Когда войдет полиция, скажи, что все уладилось и дай им за беспокойство денег из кассы!

— Тут слишком много!

— Отдай тогда половину. А остальное заberi себе.

— Ну, Штирлиц! — восторгу эсэсовцев не было конца. — Ну, голова!

— И скажи, чтобы прибрали тут этих американских козлов! — добавил Штирлиц.

Адъютант Штирлица быстро уладил все недоразумения с полицией. Четверо корейских полицейских оперативно вынесли бесчувственных бейсболистов, с поклоном приняли от слуги Штирлица пачку южно-корейских вон и удалились.

В кабак, оглядываясь на отъезжающих полицейских, вошел мрачный Борман.

— О, Борман! Заходи! — обрадовался Айсман. — Кан, налей-ка Борману пива!

Борман прошел к столу и сел, подперев щеку рукой.

— Ну, и как тебе кришнаиты? — спросил Штирлиц.

— Полные козлы! — махнул рукой Борман. — Ни по-русски, ни по-немецки не рубят!

Лопочут что-то по-своему! Хари-хари, Рама-рама! Такие тупые!

Огорченный Борман выпил кружку пива.

— Тихо тут у вас, — сказал он, осматривая помещение. — В Германии давно бы уже была драка...

— Что ты хочешь? — пожал плечами Штирлиц. — Дикая страна, дикие нравы!

ГЛАВА 12. НОЧЬ ПЕРЕД ВЕРОЛОМНЫМ ВТОРЖЕНИЕМ

Разгоряченные эсэсовцы возбужденно обсуждали только что закончившуюся драку. Раненому Холтоффу перевязали голову, и он пил шнапс, на все лады проклиная обнаглевших янки.

— А здорово Штирлиц этому бейсболисту своим костылем! — кричал штандартенфюрер, который в детстве ходил со Штирлицем на футбол.

— Да, костыль — это грамотно! — завистливо качали головами эсэсовцы.

Айсман подсел к Штирлицу.

— И что нам теперь делать всю ночь? — спросил он, отхлебывая пиво. — До четырех часов еще куча времени.

— Ты меня спрашиваешь? — удивился Штирлиц. — Я только сегодня прилетел, ничего тут не знаю...

— Но ты же у нас теперь главный!

— Да, тут ты прав, — согласился русский разведчик. — Борман, что нам теперь всю ночь делать?

— Может, сначала в Южной Корее переворот устроить? — предложил Борман.

Айсман закашлялся пивом и жизнерадостно заржал.

— Ну, ты скажешь, как пукнешь!

— Сама по себе мысль неплоха, — сказал Штирлиц. — Там — коммунисты, тут — капиталисты, а где народ? Как обычно, в заднице! По идее, можно сделать переворот и здесь. Но сначала мы все-таки захватим КНДР, а потом объединим обе Кореи и отдадим народу!

— Точно! — вскричал Айсман. — Устроим в объединенной Корее Четвертый Рейх. Бункер у нас уже есть...

— Все-таки ты фашист, — покачал головой Штирлиц. — Слушай, Айсман, время идет, оружия нет, а скоро уже начинать.

— Никаких проблем. Эй, Фриц, Отто! — позвал Айсман. — Возьмите грузовик, пару-тройку ребяташек и сгоняйте за нашим вооружением!

— Есть! — отсалютовали эсэсовцы.

— Вернемся из Северной Кореи, захватим здесь сначала здание правительства, потом нападём на американскую военную базу под Сеулом... — планировал Айсман.

Тут в ресторанчик заглянул тощий кореец с косыми, как у зайца, глазами. Кан стоял за стойкой и не хуже бармена отпускал эсэсовцам спиртное. Убедившись, что в кабаке тихо и нет полиции, косой кореец подал знак, и в зал ввалились трое корейских верзил. Двое из них встали у дверей, а третий, с перебитым носом, подвалил к Кану и, вытащив пистолет, процедил сквозь зубы:

— Где наши деньги, приятель!

— Какие деньги? — невинно спросил Кан, перемешивая коктейль.

— Что ты придуриваешься? Давно в репу не получал?

— Вы что, рэкетеры, что ли?

— Долго я буду тут с тобой разговаривать? — вскипел корейский мафиози. — Хозяин требует деньги!

— Да пошел ты со своим хозяином! — сказал Кан. — Господин Штирлиц! У меня тут проблемы с мафией! Можно дать ему по голове?

— Можно, — разрешил добрый Штирлиц.

Кан немедленно достал из-под прилавка толстую бутылку бренди и обрушил ее на голову незадачливого рэкетира. Два мафиози, стерегущие вход, тут же убежали. Эсэсовцы с хохотом оттащили мафиози от стойки и, чтобы не вонял, пинком выбросили из ресторана.

— Захватим почту, после почты захватим телеграф, ну, а после телеграфа и сам телефон! — Айсман продолжал строить планы.

За дверью зафырчал грузовик. Запыхавшийся Фриц с тремя подручными стал перетаскивать в ресторан ящики с оружием. Весело переговариваясь, эсэсовцы вооружались. Хозяйственный Фриц привез пистолеты, автоматы, гранаты, три ручных пулемета, пулемет станковый, фаустпатроны и тяжелое противотанковое ружье.

— В этом ресторане устроим штаб, — командовал Айсман. — У кого есть карта Сеула? Надо повесить ее на стенку!

На улице завизжали тормоза. Пять машин, набитых вооруженными людьми, остановились у входа в «Розовый бегемот». Двое убежавших рэкетиров выскочили из первой машины и, размахивая короткими израильскими автоматами, бросились в ресторан. Вслед за ними из машин повылезали вооруженные до зубов корейские бандиты.

— Господин Штирлиц! — проинформировал Кан. — У вас проблемы с мафией!

— Дай им по голове! — распорядился Штирлиц, прибывая в это время к стене карту столицы Южной Кореи.

— Не могу! Их много, они вооружены!

Не ожидавшие встретить в кабаке вооруженных людей, рэкетир застыл в смущении у дверей. Штирлиц забил последний гвоздь, соскочил со стула и полюбовался своей работой. Оглянувшись на гангстеров, он спросил:

— В чем дело, ребята?

Вперед, вращая глазами, выступил самый главный. Ткнув в русского разведчика револьвером, он возопил:

— Этот бармен обидел нашего человека! Его надо как следует проучить!

— Этот бармен, — хладнокровно сказал Штирлиц, — мой адъютант Кан. Какие-нибудь еще проблемы?

— Этот ресторан должен нам за три месяца! — верещал кореец.

— А мне какое до этого дело?

— Бармен должен заплатить деньги, иначе мои люди тут все разнесут!

— Айсман, он меня утомил, — Штирлиц щелкнул пальцами.

По его сигналу Айсман выстрелил фаустпатроном. Раздался оглушительный взрыв, посыпались осколки стекла, всю мафию, стоящую у входа, разнесло на окровавленные куски. Остальные рэкетир залегли на другой стороне улицы и открыли пальбу по ресторану.

Эсэсовцы заправили в пулеметы длинные ленты и тоже открыли огонь. Мафиозные машины, прошитые трассирующими пулями, тут же взорвались. Айсман, озверевший от запаха крови, метал в мафиозную толпу гранаты, остальные стреляли из автоматов. Штирлиц стоял над своими солдатами, скрестив руки, как Наполеон.

— Так держать, ребята! Гаси их!

Окрыленные его похвалой, эсэсовцы за пять минут уничтожили всех рэкетиров, а

выстрелом из противотанкового ружья обрушили дом, стоящий напротив ресторана, который завалил все бранные останки.

— Знаешь, Штирлиц, что-то эти мафиозные рожи мне показались знакомыми! — задумчиво сообщил Айсман. — Кажется, это северно-корейские агенты, я их когда-то перевербовывал. Обычное дело, работать они не хотят, возвращаться домой тоже, вот и мародерствуют... Эх, надо было их с собой в Северную Корею взять, что-то мы с ними поспешили!

— Что было, того не воротишь!

— Да, тут я с тобой прав, — согласился Айсман.

Прерывая разговор, завывли сирены на полицейских машинах. Эсэсовцы, заняв круговую оборону, быстро переключились на стрельбу по новым мишеням. Холтофф с перевязанной головой уже поднял тяжелую связку гранат, намереваясь угостить ею полицейских.

— Подожди! — остановил его Штирлиц и взялся за мегафон. — Отставить! Мы армейское подразделение, да что там... Мы — армия! И если мы будем воевать с полицией, нам сочтут за каких-нибудь хулиганов! — потом Штирлиц повернулся в сторону полицейских. — Полиция может спокойно отсюда убираться, здесь она уже не нужна!

В квартале, освещенном пожарами, стало тихо. Воспользовавшись образовавшейся паузой, сообразительные полицейские спешно отступили. Бой затих.

— Айсман! — крикнул Штирлиц, взглянув на часы. — Уже два часа ночи! Пора выходить на марш!

— Штирлиц, — Айсман весело ржал. — Давай еще немножко здесь повоюем! Давно так не веселился!

— Айсман, — подбежал Фриц. — Эти козлы полицейские смылись! Будем их преследовать или еще кого-нибудь загасим?

— А, Штирлиц? — Айсман вопросительно уставился на русского разведчика.

— Нет, Айсман, тут мы больше никого гасить не будем! Как сказал Ким Ир Сен, «Объединение Кореи — это дело уже сегодняшнего дня!» Я в таком возбуждении от этой идеи, что просто не могу медлить! Я готов сегодня же пожертвовать тобой, Борманом, да и всем корейским населением ради этой великой Идеи! Так что, давай-ка выступать в поход на Пхеньян!

— Но четырех часов-то еще нет!

— Не стоит быть таким мелочным, когда речь идет о Корее, единой и неделимой от моря и до моря! Нам просто необходимо начать раньше, надо использовать волну энтузиазма, захватившую наших людей! А кроме того, пока мы доберемся до границы, как раз будет четыре часа!

— Отлично! — воскликнул просиявший Айсман. — Ребята! Возвращаемся в бункер, грузимся на бронетранспортеры и в поход!

— Гип-гип, яволь! — заревели кровожадные эсэсовцы, размахивая оружием.

— Подождите! — взмолился Борман. — Я как раз хотел попить чаю!

— Отставить чай! Вода нужна пулеметам! — оборвал его стенания Штирлиц.

— Какое насилие! — страдальческим тоном заявил кришнаит Борман. — Что скажет по этому поводу Кришна?

— Больше всего, меня интересует, что скажет по этому поводу Кальтенбруннер, — по сценарию отозвался Штирлиц.

ГЛАВА 13. В ДВАДЦАТИ СЕМИ КИЛОМЕТРАХ ОТ ПХЕНЬЯНА

В воскресенье, в четыре часа утра фашисты опять перешли границы дозволенного. На этот раз — корейскую границу.

На двух бронетранспортерах, трех грузовиках и автобусе эсэсовцы в полчаса разогнали пограничников, окружили и взяли в плен три дивизии, захватили военные аэродромы. На этих аэродромах Борман, во всеуслышанье объявивший себя пацифистом, лично уничтожил все самолеты, облив их бензином и бросив спичку. Армия «Центр», как назвал ее Штирлиц, быстро продвигались к столице Корейской Народно-Демократической Республики.

В Пхеньяне поднялась паника. Едва проснувшееся с утра правительство Ким Ир Сена никак не могло принять каких-нибудь мудрых решений. Любимый руководитель товарищ Ким Чен Ир предлагал, правда, партии поднять народ на священную войну, выработать программу борьбы с врагом, перестроить хозяйство на военный лад, мобилизовать силы и средства на защиту страны, организовать партизанскую войну в тылу врага, вывезти все заводы на территорию СССР, а какие нельзя вывезти — уничтожить, как и провизию с боеприпасами, в общем, уничтожить все возможное, чтобы ничего не досталось врагу.

Ответил ему сам Великий вождь, и ответил афористично: «Заткнись, урод!» Разобравшись с молодым и неопытным поколением, Великий вождь стал срочно готовиться к эвакуации. На самолетах Ким Ир Сен летать боялся, поэтому золото, драгоценности, деньги, картины, мебель и разное барахло грузили в личный бронепоезд вождя.

Между тем, немецко-фашистские войска захватывали город за городом, и везде их встречали как освободителей, увешивая солдат гирляндами ярких цветов. Занимая очередной населенный пункт, армия «Центр» внедряла «новый порядок» — канистры с бензином и весь алкоголь конфисковывались и сносились к боевым машинам. Пленных решено было не брать, разве поймешь, кто здесь «свой» и «чужой» — все поголовно корейцы!

Промедления возникали исключительно из-за Бормана, который вплотную занимался осквернением священных мест, связанных с Великим вождем. Под «осквернением», Борман понимал самые разнообразные вещи, которые обычному человеку просто не пришли бы в голову.

Покидая населенный пункт, Айсман под урчание моторов приговаривал к расстрелу евреев и коммунистов.

— Но только, чтобы не насмерть! — напоминал Борман.

Коммунистов, впрочем, уже не было ни одного — все они живо посжигали свои партбилеты и с южно-корейскими и нацистскими флагами восторженно приветствовали захватчиков. Что касается евреев, то и этих не было тоже, по крайней мере, никто в этом не сознавался.

Случалось, что как только армия «Центр» выходила из города, в нем действительно начиналась пальба. Это, пользуясь случаем, расстреливали друг друга сами корейцы. Но за что — было уже совершенно не понятно.

Оккупанты стремительно продвигались все дальше, к сердцу страны Чучхе — Пхеньяну. Бронетранспортеры оставляли глубокие гусеничные следы на свежевспаханной корейской земле.

На головном бронетранспортере ехал Штирлиц. В бинокль он осматривал окрестности

и, если видел неподалеку что-нибудь подозрительное, стучал по люку, давая Борману сигнал пустить туда снаряд. От взрыва снаряда корейцы разбежались, как кролики, и армия «Центр» успешно продвигалась дальше.

Наконец, упарившись в машине, Борман вылез из люка и присел на броню рядом со Штирлицем. Душа Бормана пела и он затянул песню:

Вставай проклятьем заклейменный...

— Совсем Борман съехал под старость лет! — воскликнул Айсман.

— Ой, простите! — смутился Борман. — Я хотел сказать: Гитлер зольдатен...

И все хором подхватили:

Гитлер зольдатен!

За двадцать семь километров от Пхеньяна в маленькой деревушке армия Штирлица наткнулась на брошенную машину с ящиками женьшеневой водки.

Эсэсовцы с радостными криками откупоривали бутылки и пили прямо из горла, тут же закусывая находящимися в бутылках корешками женьшеня.

— Пожалуй, пора делать привал, — решил Штирлиц.

— Точно! — согласился Айсман, осматривая добычу. — Вот оно — изобилие!

Расположились на постой в сельсовете, эсэсовцы освеживали пойманную на лугах живность и устроили грандиозный шашлык. Лучшие куски принесли Штирлицу.

— Борман, — спросил Штирлиц, откусывая мясо с шампура, — что мы сделаем с Ким Ир Сенем, когда захватим Пхеньян?

— Что за вопрос? Повесим!

— А как же религия? Ведь вам, кришнаитам, никого убивать нельзя?

— Так это не я, это же ты его повесишь! — резонно заметил бывший партайгеноссе.

Эсэсовцы доели шашлыки, допили захваченную водку и завалились спать. Заснул и Штирлиц, уставший после стольких бурных событий.

Ночью северные корейцы под руководством чекиста Пака ползком подобрались к деревушке. Часовых не было, нападения никто не ждал, пьяные захватчики храпели во сне, как младенцы. Корейцы повязали их сетью, погрузили в фургоны и увезли в тюрьму.

Штирлица и Бормана опознал лично товарищ Пак, поэтому их связывать не стали, а бережно перевезли в гостиничный номер, откуда они сбежали два дня назад.

Штирлиц мог бы запросто проснуться, но ему снился интересный сон, и он хотел его досмотреть. А Борман и не знал, что он спит, поскольку ему снился мавзолей с надписью «Штирлиц», возле которого Борман нес свою бессонную вахту, причем в двух экземплярах — по краям от резных дверей из красного дерева...

ГЛАВА 14. «И ОТ КОРЕЙСКОГО НАРОДА, В ЧАСТНОСТИ!»

Штирлиц проснулся на следующий день, ровно после обеда.

В кресле у окна сидел Пак Хен Чхор. Ковыряя в зубах зубочисткой, корейский чекист увлеченно читал речь Великого вождя Президента Ким Ир Сена, которую тот должен был произнести сегодня вечером в честь ликвидации опасного заговора и разгрома немецко-фашистских войск под Пхеньяном. Речь еще не была произнесена, но зато была уже издана и роздана самым преданным корейцам.

Штирлиц проснулся сразу же, как из ружья. Он свесил ноги и присел на кровати, хмуро взглянув на корейца, потом перевел взгляд на сопящего в соседней кровати Бормана.

— Борман, подъем! — скомандовал русский разведчик. Борман не отвечал. — Борман, танки!

— А! Что? Дайте гранату! — встрепенулся Борман и вскочил, как лунатик, не открывая глаз. — Мы где?

— В гостинице, — ответил Пак, откладывая речь и торжественно вставая. — Товарищ Штирлиц и товарищ Борман! От имени корейского правительства, от Великого вождя Президента и Победителя фашизма Ким Ир Сена, и от всего корейского народа, в частности, выражаю вам благодарность за раскрытие заговора против идей чучхе!

— А что, заговор уже раскрыли? — спросил Борман, продирая глаза.

— И еще как! И только благодаря вам, русским контрразведчикам! Вы — настоящие профессионалы! Я горд, что работал рядом с вами! Я восхищен! Как удачно вы завлекли заговорщиков в ловушку и напоили их до скотского состояния. Это позволило нам их обезвредить без всяких потерь. Кроме этого, вы выявили, как много еще было скрытых врагов народа у нас в стране! А как вы угнали самолет! Это просто класс! Отличный способ втереться в доверие к заговорщикам! Все наши чекисты были от этого просто в восторге! Мы теперь каждый раз так будем делать!

Штирлиц и Бормана переглянулись.

— Теперь ваши имена будут произноситься в Корее с трепетом, как «дорогой товарищ Штирлиц» и «дорогой товарищ Борман».

— Нет, только не это!

— Ничего, привыкнете. Итак, задание выполнено, вам пора возвращаться в Советский Союз, передайте привет и наилучшие пожелания дорогому товарищу Леониду Ильичу! А вот ваши билеты на самолет.

Пак вытащил из внутреннего кармана пиджака билеты и положил на стол.

— Ваш рейс в 20:00. А до рейса отдохните в номере! Сами понимаете, в стране военное положение, по улицам ходить опасно.

Товарищ Пак, как самый скромный из корейцев, не стал ждать ответных слов благодарности, раскланялся с русскими чекистами и ушел.

Штирлиц встал с кровати и, рыча от злости, хладнокровно расколотил костылем шкаф.

— Скоты! — кричал он, обзывая то ли эсэсовцев, которые ужрались до свинского состояния, то ли корейцев, которые этим так подло и не по-спортивно воспользовались.

Борман непонимающе повертел головой.

— Нас что, повязали? — спросил он. — А как же Четвертый Рейх?

— А пошел он, этот Рейх! — процедил Штирлиц.

— В общем-то ты прав, — глубокомысленно заметил Борман. — Я помню, и Третий Рейх плохо кончил...

Штирлиц понемногу успокоился, это было заметно по тому, что он перестал бегать по комнате и присел в кресло.

— Неудобно как-то получилось с ребятами, — сказал он, закурив свой дымный «Беломор», пачку которого обнаружил на столе. — Получается, мы их сюда заманили и предали.

— Точно, получается, — согласился Борман. — Вроде, как мы виноваты... Никогда себе не прощу! Надо было мне встать в караул!

— Ладно, не переживай. Я их освобожу, — решил Штирлиц. — Захватим еще один самолет, рванем назад в Южную Корею и организуем новый заговор!

— Отлично! — обрадовался Борман. — А я, пока ты будешь освобождать Айсмана и компанию, хочу сделать что-нибудь неприятное этому Ким Ир Сену.

— Что ты можешь ему сделать?

— Пройдусь по улицам и на каждой стене напишу: «Ким Ир Сен — дурак!»

— Ты умеешь писать по-корейски?

— Нет, а что?

— А по-русски здесь ни одна собака не читает.

— Да? Жаль. Есть еще вариант, можно наловить в этой гостинице клопов и тараканов, а потом проникнуть на дачу к этому Ким Ир Сену и...

— Не получится.

— Что? Думаешь я не проберусь к нему на дачу? Да меня никакая охрана не остановит! — запальчиво вскричал Борман.

— Не сомневаюсь. Но этих клопов и тараканов ты до вечера не наловишь, а нам надо наше дело повернуть до 20:00. Что же касается Ким Ир Сена, то он просто переедет на другую дачу, у него их, как собак нерезаных.

— Да, тут ты прав! — Борман хлопнул себя по лысине. — Тогда у меня есть еще одна мысль. Я тебе еще не говорил, лет пять назад я занимался чревоуещанием. У меня отлично получалось! Надо показать всему народу, кто такой этот Ким Ир Сен! Когда он будет выступать с трибуны перед народом о разгроме немецко-фашистских войск под Пхеньяном, а я как пукну за него!!!

— Да брось ты, Борман! Кого это здесь волнует?

— Думаешь? — задумался Борман. — Тогда придется действовать по старинке и вспомнить молодость... Наложу кнопок на стулья, разолью на полу масло и протяну веревку, а его золотые унитаза намажу казеиновым клеем. Да, казеин — это то, что нужно!

— Почему именно казеин? Почему не «Момент» или «Суперцемент»?

— Слово красивое...

Борман натянул пиджак, достал из своего рюкзака кнопки, бутылку с оливковым маслом, банку с казеином и выскочил из номера, наматывая на руку веревку.

— Борман! — крикнул вслед Штирлиц. — Встречаемся в аэропорту в 19:30! Не опаздывай!

— Да я не долго, — махнул рукой бывший партайгеноссе и скрылся в лифте.

— Ну, ну, — сказал Штирлиц и мстительно улыбнулся, похлопывая по ладони увесистой рукояткой костыля. — Кем я не хотел бы сегодня быть, так это товарищем Ким Ир

Сеном!

ГЛАВА 15. БРИГАДА АЙСМАНА С НОВА НА СВОБОДЕ

Штирлиц тоже прихватил веревку с крюком, как следует три раза зарядил маузер и, легко помахивая своей необыкновенной тростью, спустился вниз. Швейцар с перевязанной головой подобострастно поклонился Штирлицу.

Тут же подъехало такси, Штирлиц сел в машину и приказал:

— Синг-Синг! Корея! КГБ!

Смысленный шофер сразу все понял, и через пять минут Штирлиц уже стоял у величавой, но мрачной крепости из красного кирпича. Раньше это строение принадлежало наместнику японского императора, а теперь в нем была тюрьма для врагов корейского народа, а таких было немало. Впрочем, и крепость была немаленькая, места хватало всем.

Местные жители старательно обходили тюрьму стороной, а если шли мимо, то отворачивались, чтобы она не попадалась на глаза.

Около дверей дежурили двое часовых, с ними Штирлиц решил не связываться, опасаясь, что они каратисты. Он отошел в сторонку и ловко закинул крюк на крепостную стену. Проверив крепость веревки, Штирлиц полез наверх с ловкостью орангутанга, как влюбленный Ромео к своей подружке. Взобравшись на стену, Штирлиц притянул веревку и бдительно прислушался. Было тихо. Никто ничего не заметил.

По стене ходил часовой с перевязанной щекой, его Штирлиц быстро снял ударом костыля. Русский разведчик закрепил крюк за зубец стены и, бросив веревку в маленький крепостной дворик, так же осторожно спустился вниз. Здесь дремал еще один часовой, и Штирлицу пришлось снова поработать своим универсальным костылем, но уже более легко и непринужденно.

Взгляду разведчика предстал ряд дверей. Штирлиц стал проверять их по очереди, пока одна из дверей со скрипом не отворилась. Затаив дыхание, разведчик проник внутрь. Теперь он быстрым шагом, пригнувшись, как гончая, пошел по длинному темному коридору.

В конце коридора Штирлиц увидел свет из приоткрытой двери. Разведчик подкрался на цыпочках, осторожно заглянул в щель и неожиданно увидел Айсмана. Айсман был в одних кальсонах. Со стаканом водки в руке Айсман обращался с пламенной речью к сидевшим за столом троем корейцам в форме со звездочками на погонах.

— Так выпьем же за дружбу! — заплетающимся языком говорил Айсман.

Корейцы радостно кивали и пили за дружбу. Резким ударом ноги Штирлиц распахнул дверь и нанес три отточенных удара костылем. Корейцы, как мешки с картошкой, повалились на пол, Айсман недоуменно уставился на Штирлица.

— Штирлиц! — замычал он. — За что ты их так? Это же наши друзья!

— Какие еще друзья? — возмутился Штирлиц. — Я пришел вызволить вас из плена!

— Холтофф, посмотри, тут Штирлиц пришел нас спасать, — сказал Айсман, наклоняясь под стол.

Из-под стола показалась всколоченная голова Холтоффа.

— О, привет, Штирлиц! — пьяно молвил Холтофф. — Тебя нам как раз не хватало!

Попытавшись встать, Холтофф ударился головой о крышку стола и повалился.

— Айсман, я смотрю, вы тут совсем с ума посходили!

— Ничего подобного! — отозвался Айсман. — Мы теперь работаем на северо-

корейскую разведку, это — наши новые друзья.

— Хайль Ким Ир Сен! — вскинул руку Холтофф, лежа на полу.

— Сволочи! — вскричал Штирлиц. — Я тут лезу по стене, чтоб их спасти, а они... У вас уже ничего святого не осталось! Айсман, а как же наш план? Как же Единая Корея?

— Слушай, Штирлиц, ну что ты так завелся? Ким Ир Сен тоже хочет объединения Кореи! Мы ведь профессионалы! Какая нам разница, на кого работать! Главное, наш труд нужен людям...

— Гады вы, а не профессионалы! — с негодованием бросил Штирлиц. — Гады и предатели! Ладно вы на нашу Идею наплевали, так вы и меня предали!

И Штирлиц резко дал предателю Айсману поддых.

— Не говори так, Штирлиц, а то я заплачу... — Холтофф сделал попытку встать, но снова неудачно. — Нам просто сказали, что ты тоже работаешь на Ким Ир Сена, вот мы и решили...

— И ты поверил! — возмущенно воскликнул русский разведчик. — Только встань, я тебе дам по твоей тупой башке!

Холтофф предусмотрительно спрятался под столом. Айсман со стоном разогнулся.

— За что? — прохрипел он.

— Было бы за что, убил бы, — презрительно бросил Штирлиц.

Чтобы немного успокоиться, русский разведчик подошел к столу и налил себе водки. Отходил Штирлиц легко.

— Твое здоровье! — сказал он бледному Айсману и поднял стакан.

— Штирлиц, да ты присядь, тут еще два ящика водки! — известил русского разведчика Айсман, широко улыбнувшись.

— Не могу. Меня уже Борман, наверное, заждался. Нас Ким Ир Сен решил к русским забросить, билеты уже на руках...

— Ну вот! — обиделся Айсман. — Не успели встретиться, а тут!

— Ладно, встретимся еще! Давай на посошок!

— Давай, Штирлиц!

Простившись со старыми друзьями, Штирлиц покинул комнату, и отправился обратной дорогой.

Снова забравшись на стену, Штирлиц погорячился — выхватил маузер и выпустил в воздух всю обойму. Только тут в крепости завывла сирена, но русский разведчик преспокойно спустился по стене на улицу и пошел прочь, словно он тут совершенно не при чем.

Было 18:00. До аэропорта было ехать около часа. Ровно в 19:30 у него была назначена встреча с Борманом. Штирлиц не любил ждать, поэтому подвел свои часы на полчаса вперед...

ЭПИЛОГ. НАРОД НЕ ЗАБУДЕТ ГЕРОЯ

За окном ходили хмурые охранники в милицейской форме и часы на Спасской башне Кремля.

— Послушай, Сусликов... — Генеральный Секретарь, как всегда, ничего не помнил.

Суслов резко повернулся к Брежневу лицом. Челюсть Генерального Секретаря отвисла и придавала ему сходство с престарелым орангутангом.

— Я не Сусликов, Леонид Ильич, я — Суслов, — вежливо, стараясь не обидеть лидера Партии, поправил Суслов.

— Ну, Суйслов, какая, хрен, разница? — сказал Леонид Ильич. — Слушай, Суйслов, а как там поживает наш лучший разведчик Штирлиц?

— Он опять совершил подвиг, Леонид Ильич.

— Как, опять совершил?

— Так точно, Леонид Ильич!

— Это хорошо! Люблю, когда кто-нибудь совершает подвиг! Надо бы дать ему звезду Героя.

— Не стоит, Леонид Ильич. Он же совершил подвиг не для этого. К тому же, не на Родине, а в Корее. Если дать ему Героя, могут неправильно понять...

— Ах, в Корее! Тогда пусть дорогой товарищ Ким Ир Сен дает ему Корейскую звезду!

— Я с вами совершенно согласен, дорогой Леонид Ильич!

— А мы дадим звезду мне, — резюмировал Брежнев. — Ведь подвиг он совершил под моим чутким руководством.

— Мудрая мысль! — подхалимски воскликнул Суслов.

Брежнев подобрал челюсть и устремил свой мудрый взгляд в туманное коммунистическое будущее.

А за окном все ходили охранники и часы на Спасской башне Кремля. Кремлевские часы никогда не останавливаются...

**Книга пятая. ШПИОН, КОТОРЫЙ ЛЮБИЛ
ТУШЕНКУ**

ПРОЛОГ

За окном шел снег и XXVI съезд КПСС.

Леонид Ильич взял в руки книжку «Малая земля», пролистал ее, высморкался, снял очки и спросил:

— Константин Устинович, вы читали «Малую землю»?

— Однако, обижаете, читал.

— Ну и что?

— Нет слов, Леонид Ильич. Моя ее пять раз читал, на шестом жена оторвал, а то б моя читала и читала... Прямо бестселлер какой-то, во!

— Ну да?! Надо и самому как-нибудь прочитать, вот только все времени не хватает. А что же я у тебя спросить хотел... хм? Ах, да! Этого, с усами, еще не убили?

— Он, однако, без усов, но он жив, то есть, его не убили.

— Глубоко вы размышляете! Ну что ж, нет так нет. А где он сейчас?

— Та, не знает моя, — ответил Константин Устинович, делая идиотское выражение лица.

Брежнев нажал невидимую кнопку и вызвал своего помощника. Через минуту вошел Борман. Вытянув вперед правую руку, он прокричал:

— Хайль, дорогой наш товарищ и брат Леонид Ильич!

— Да ладно вам, — сказал Брежнев. — Бросьте в унитаз Евы Браун ваши кинчевские штучки! Вот что... Опять забыл...

— Про Штирлица... — напомнил Черненко.

— Да, про него. Мартин Рейхстагович, где генерал Исаев?

— Так ж в Бразилии он! Отдыхает...

— Это значит, мы здесь строим коммунизм, а товарищ штандартенфюрер отдыхает!

— Но... — хотел было возразить мелкий пакостник.

— Однако, это не по-партийному! — вставил Черненко.

— Да, это не по-коммунистически! Немедленно вызвать его в Москву! — приказал генсек.

— Я воль, мой Леонид! — прочеканил Борман и быстро вышел.

— Моя, однако, не понимает, — спросил Константин Устинович и сделал глупое выражение лица.

— Чего твоя не понимает? — передразнил его Брежнев.

— На фиг нам этот... Без усов?

Леонид Ильич задумался на пару часов, в течение которых он крепко выспался, потом встал с кресла, подошел к окну и сказал сурово:

— А мы дадим ему новое задание.

А за окном шел снег и XXVI съезд КПСС.

ГЛАВА 1. ИНТРИГИ БОГАТЫХ В ДЖУНГЛЯХ РЕСПУБЛИКИ МЕКСИКА

В местах, где водятся дикие обезьяны и живут аллигаторы, полным ходом шло строительство мексиканско-бразильской магистрали. Начальник строительства, он же известный предприниматель и глава концерна «Ревность — не порок», товарищ Луис Альберто был весьма недоволен тем обстоятельством, что некто Исаев из России соблазнял его, товарища Альберто, жену. Когда была пущена первая ветвь, этот Исаев подло увел Марианну в местную забегаловку под глупым предлогом «поесть тушенки!» и провел с ней всю ночь. Чем они там занимались, начальник строительства не знал, но догадывался. Его бразильская кровь кипела и болезненно выходила наружу. Частный сыщик, который специально был нанят для слежки за Марианной, в ту же ночь был кем-то зверски избит и объявлен врагом народа. Луис Альберто догадывался чьих это рук дело, но его гордая мужская натура не хотела давать этому инциденту публичную огласку. Поэтому, товарищ Альберто сделал вид, что ничего не произошло и дал ценные указания своему прорабу о начале строительства второй ветви.

...В прибрежном ресторане «Придуркис» города Лас-Упитанос к вечеру подавали русскую тушенку. В темном углу за отдельным столиком сидели двое — мужчина и молодая шикарная дама, достаточно хорошо одевающаяся, лет тридцати.

— Послушайте, мадам! Давайте без пошлости и лишних сантиментов! — вежливо сказал Штирлиц. — Мы не первый год знакомы и вы должны понять, что наши отношения уже вышли за рамки вечерних гуляний при Луне...

— Что вы хотите этим сказать? — вздрогнула Марианна.

— Не перебивайте, прошу Вас! — Вежливый Штирлиц щелкнул пальцами, подозвав тем самым официанта, и заказал пять банок тушенки. — Вы просто должны, дорогая, меня понять правильно! Марианночка, я человек не старый. Не скрою — и не молодой. Таких как ты за всю свою жизнь я перевидал не мало... Это и Кэт, и Анхен, впрочем, это не важно, мне знаете ли все равно... Сегодня — ты, завтра — Стефани из Австралии, потом... Любите ли вы меня?

— Я?! Да с какой стати! Я порядочная женщина! У меня муж есть.

— Жаль, очень жаль! Как говорят у нас в России: «Well not, so not!» И это ваш окончательный ответ?

Марианна моргнула глазками и почувствовала, что не может владеть собой — Страсть ласкала ее ранимое сердце. Этот суровый мужчина откровенно говорил ей о чем-то возвышенном. Но она прекрасно понимала его. Море чувств наполнило ее грустную душу. Ей казалось, что в этот миг она сделает все, чтобы согласиться. Но суровый облик мужа отталкивал ее в безграничную пропасть, в которой было все — боль, унижения и рабская покорность идеалам супружеского брака.

— Вы мне не ответили! — мягко пробубнил Штирлиц, взяв руку девушки.

— Я... — что-то тяжелое и непонятное заставляло ее молчать. Жизнь казалась ей слишком сложной. Смерть — ужасно простой. Нет, она не думала о пустоте! Не это двигало на нее страх. Страсть — вот то чувство, с которым она не могла бороться. Но эти глаза — глаза настоящего мужчины приказывали ей: «Покорись!» и она сдалась. — Хорошо! Где бланк?

— Он здесь, — сказал Штирлиц и вытащил из внутреннего кармана пиджака типовой бланк вступления в КПСС. — Давно бы так! И его заставим.

— Кого? Луиса?

— А ты как думала, крошка! — грозно сказал Штирлиц, взвешивая в руке свой любимый кастет.

А Луис Альберто в это время закладывал третью ветвь. «План — он всему план. Планы надо выполнять!» — постоянно себя подгонял дорогой товарищ Альберто. Несчастливая Ракелия смотрела на своего любимого Луисика и тайно, где-то очень далеко в своей душе жалела его, но не стеснялась, однако, замечать ему:

— Товарищ Альберто, вы бы, голубчик мой, не перетруждали себя! Ведь после ваших строек никакой любви!

На что великий строитель отвечал:

— Уйди, родная! А то плитой зашибу.

Такую грубость она прощала ему и продолжала любить с еще большим чувством ревности, тем более, поводов для этого было предостаточно: до приезда Штирлица, виллу Альберто посетила молодая артистка из России, представившись Донной Розой по кличке Альвадорес, она что-то спела о любви, по-женски посплетничала о диких обезьянах Бразилии и полностью покорила Луиса. В ту ночь Ракелия сидела на верхушке пальмы и наблюдала за окном товарища Альберто. То, что она видела было ужасным сном, напоминающим кошмар на улице Вязов: Донна вцепилась в горло Луиса и, похоже, ставила ему смачный засос, что сильно нравилось Луису, так как он в это время грубо лапал зад Розы. Эта сцена длилась достаточно долго, так долго, что Ракелия уснула, так и не увидев конца. Под утро в комнате уже никого не было, а под пальму по-большому оправлялся товарищ Штирлиц, приехавший поздно ночью по заданию ЦК для вербовки тайных агентов. Ракелия «рыбкой», как птичка, спорхнула вниз и с плачем поведала Штирлицу о своих душевных муках. Штирлиц пообещал разобраться, но с условием, что Ракелия вступит в партию и станет первым тайным бразильским агентом товарища Исаева. Ракелия была женщиной хоть и легкого поведения, но мозги в голове у нее водились, и поэтому она быстро согласилась, успокоилась и, как бы в доказательство своей преданности, отдалась Максиму Максимовичу в ночь, когда в Кремле шло заседание XXVI съезда партии.

ГЛАВА 2. ТУСОВКА ПАРТИЙНЫХ МАСШТАБОВ

Леонид Ильич проснулся и понял, что он заснул весьма некстати. Трибуна, на которую облокотился товарищ Брежнев, была выбрана им для отдыха не совсем удачно. В зале был слышен громкий гул и каждый из присутствующих занимался своими делами. Генсек зорко осмотрелся, мягко причмокнул и, наконец, заставил обратить на себя внимание. Воцарилась тишина, дорогой Леонид Ильич продолжил чтение:

— ...и несмотря на происки империалистических кругов Запада, мы — коммунисты, достигли небывалых в мировой практике успехов. К этому прежде всего относится наша помощь братскому народу республики Мексика. Дорогие товарищи! Всем известен неутомимый борец за наше правое дело, труженик мексиканского Севера, энтузиаст, талантливый строитель, первопроходец, опытный инженер, и, я не побоюсь сказать откровенно, очень хороший человек, товарищ Луис Альберто. Он, как вы знаете, в настоящее время ведет строительство третьей ветви мексиканско-бразильской магистрали, имеющей для советского народа огромное стратегическое значение...

Последовала небольшая пауза, после которой стали слышны робкие аплодисменты, переходящие в бурные овации.

Леонид Ильич крикнул, причмокнул, достал банку пива «Heiniker», открыл ее и, немного забрызгав свой блестящий в некоторых местах костюм, выпил. Рыгнув, генсек продолжил чтение:

— Друзья! Троцкистско-зиновьевский блок, угрожающий нам с Антарктиды, потерпел полный идеологический крах. Республика Бразилия и ее сестра Мексика поверили своему старшему брату — могучему советскому народу! И теперь, эти страны строят коммунизм вместе с нами. Откровенно говоря, наши успехи неоспоримы. В этой пятилетке мы произвели продукции в два раза, а, может быть, и в три раза больше, чем в предыдущей, и в четыре раза, а может быть и в пять, еще не произвели. Товарищи! Будем работать сегодня — лучше, чем вчера, а завтра — лучше, чем сегодня!

Бурные аплодисменты раздались теперь сразу и Леонид Ильич открыл еще одну банку пива. Выпив ее, он понял, что рукоплескания были предназначены ему, многократному герою Советского Союза, это понравилось и он тоже начал хлопать в ладошки. Неожиданно на сцене появилась группа «Самоцветы», зазвучали гитары, запели трубы, послышался хриплый голос певца:

*Я так люблю КПСС,
Что ненавижу я жену.
И хоть сидит она не здесь,
Я больше Брежнева люблю!*

Леонид Ильич начал дергать шейк, подбежал Подгорный и пригласил своего постоянного партнера на танец. Началась дискотека. Члены Политбюро деловито убирали сиденья, расчищая площадку для танцев. Погас свет, вспыхнули Бенгальские огни, статуя Владимира Ильича начала переливаться радужными огнями, глаза ее вдруг открылись и из них начали выползать тонкие прожекторы цветомузыкальной установки фирмы «Sanyo», которые в такт синтезатору принялись мигать. Хриплый голос продолжал петь:

*Сегодня лучше в мире нет,
И быть не может никогда,
Чем Ленина народный свет,
Товарищ Брежнев с ним всегда!*

Где-то в глубине зала старый развратник Пельше подбежал к скучающей в одиночестве Терешковой и грубо увел ее с собой. Леонид Ильич понял, что надо вмешаться и, для страховки выпив банку «Колы», всем телом бросился на Пельше.

— Ну ты, шкет, оставь девку в покое!

— Это ты мне?! — огрызнулся дорогой товарищ Пельше.

— Выйти хочешь?! Ты видно сегодня «кашки-борзянки» объелся? — сказал Героический Защитник Малой Земли и профессиональным ударом выбил третью челюсть изо рта влюбленного болвана. Болван ответил тем же.

Тусовка продолжалась и на двух драчунов никто не обращал внимания. Терешкова ушла с другим парнем, а генсек от кого-то получил мощный удар поддых. Это ему не понравилось, послышался мат, неясные высказывания о Малой земле, стоны Пельше и вялый хрип еще какого-то сосунка, очень похожего на товарища Кириленко, впрочем, это не помешало выйти на сцену группе «Коммтруд»; молодая солистка что-то прохрипела, и в стиле «рэп» выкинула неплохую, достаточно модную в то время, вещичку:

А мой муж бросил меня.

Ну и что?

А я партию люблю!

Вот это да!

А мой муж — гад!

А КПСС — класс!

Класс!

Ха!

Во!

Эй!

Каммон!

Тусовка продолжалась до утра. А утром съезд, а вместе с ним и товарищ Пельше, кончил... свою работу. Шел дождь (хотя некоторые историки утверждают, что шел снег), но куранты, не смотря ни на что, все-таки проббили десять ударов, последовало шипение «Интернационала», все устали, хотелось спать и трахнуть чего-нибудь на опохмелку. Товарищ Брежнев в обнимку с товарищем Андроповым уснули крепким сном и больше уже никогда не проснулись; делегаты разошлись по домам, в принципе, ничего особенного не произошло.

ГЛАВА 3. ЗУБНАЯ БОЛЬ ГЕНЕРАЛА ИСАЕВА

Сорок восьмая мама сидела на черной жесткой кушетке в кабинете зубного врача и с мощной энергией Чернобыльской АЭС проклинала своего восьмого мужа. Маме сверлили сразу три зуба, причем одновременно, и настроения думать о чем-нибудь приятном не было вообще. Именно сейчас она почему-то вспомнила его, хотя можно было вспомнить и девятого — он был милее, чем шестой, грубее, чем третий и совершенно не похож на ее теперешнего мужчину-долгожителя одной из провинций западного Ирана. Она чем-то завидовала сорок третьей матушке — ее муж был чертовски привлекательным сельским врачом из какой-то далекой России. И если бы не родство, она бы собственными руками задушила сорок третью. Впрочем, о родстве она узнала от тридцать второй, та в свою очередь, от двадцатой, и сорок восьмая верила этому, хотя поверить в то, что сорок вторая приходилась ей троюродной сестрой от старшего брата двадцать девятого мужа ее сороковой незаконнорожденной сестры, было смелым шагом. Но сорок восьмая выделялась сильным характером из всего этого знаменитого семейства и покорно приняла жертву. Но сейчас, когда ей сверлили челюсть, она ненавидела эту родственницу.

— Мадам, — оторвал ее от мысли один из трех врачей. — Будем ли мы дергать нерв?

Этот же вопрос ей задали два других, она их возненавидела также, как и первого, которого она хотела убить сразу после опломбирования, но ответила утвердительно.

И вдруг она вспомнила человека с усами. О! Это было прекрасно! Он был ее любовником еще во время двадцать четвертого замужества. Какие это были дни! Как долго, тихо, со скрипом, со стонами и счастливо тянулись уютные ночи. Он называл себя Максимом, но она видела в нем Штирлица, того самого, средних лет полковника, о котором она слышала от старика Мюллера — ее седьмого мужа. «Где ты, Отто?» — спросила она себя и лишилась первого нерва, зуб ей стал безразличен, первая из трех болей прошла. Почему-то она подумала о ревности, ей показалось, что сейчас ее бывшей возлюбленный трах-тарарах в одной постели с какой-нибудь там Марианной из Мексики или Розой из России, а может даже, с бывшей радисткой Кэт, которую она вообще не знала.

Но Штирлицу в это время было не до этого. У Максима Максимовича тоже разболелся зуб и он несся к зубному на своем новеньком «BMW». Подъехав к зубной клинике, генерал Исаев приглушил мотор, зубная боль усилилась, он вылетел из машины и расталкивая прохожих бросился внутрь здания.

В «зубовывивальную» была жуткая очередь. Это обстоятельство бывалого разведчика ничуть не смутило. Дав двум самым рьяным очередникам в морду, он с криком «Ура! За партию!» ворвался в кабинет. В этот момент сорок восьмая мама почувствовала легкое облегчение — третий нерв решил сам покончить с собой, она открыла глаза и почти потеряла сознание: Человек с усами стоял перед ней! Это было чудо! Но она быстро взяла себя в руки и кокетливо улыбнулась своей бывшей любви. Штирлиц сделал вид, что он просто так зашел.

— А, Максимушка! Ты ли это? — воскликнула больная.

— Сама видишь, что я! — грубо ответил Штирлиц. — Тебя, дуры, только здесь и не хватает! Зубы болят, а ты тут со своими мужеподобными выходками.

— Но я...

— Молчать! — приказал генерал Исаев. Зубная боль еще раз дала о себе знать и

Штирлиц машинально полез за кастетом.

«Что по этому поводу скажет Кальтенбруннер?» — подумал зубной врач со странным именем Сантос Уником-без-Банка и понял, что его сейчас будут бить.

Сорок восьмая под предлогом, что надо сходить в магазин — она там еще с утра заняла очередь, быстро удалилась. Уником-без-Банка был прав. Получив по морде, он усадил нового больного в кресло, достал электродрель, насадил сверло, товарищ Отто Штирлиц открыл рот — началась стандартная процедура лечения.

В это же время где-то в далеком городе Санта-Барбара шел проливной дождь.

ГЛАВА 4. ТАЙНА СОРОК ВОСЬМОЙ МАМЫ

Луис Альберто жестоко порол... Марианну кожаным сыромятным ремнем за неверность. Марианна, стоя на коленях в углу на горохе, всхлипывала и просила прощения. Ничто не помогло ей уйти от наказания: ни клятвы, не обещания в супружеской верности, ни партийный билет, выданный ей Штирлицем наемдни. Луис был неумолим. Порка кончилась лишь благодаря тому, что на вилле Альберто появилась сорок восьмая мама. Марианна, встав с коленок, была удивлена, что сорок восьмая вошла без стука.

Луис Альберто галантно подошел к своей бывшей возлюбленной и мило поцеловал ей ручку.

— Какими судьбами? — учтиво спросил он, вешая ремень на привычное для него место в прихожей.

— Штирлиц в городе! — почти прокричала мама.

— Как?! — ужаснулась Марианна.

— Да, милочка моя. Он сейчас в зубной клинике. Я только что еле ушла оттуда.

Откуда-то появилась Донна Роза, что-то фыркнула, напомнила о диких обезьянах Бразилии и, неожиданно для всех, спросила:

— Ну как он?

— Кто он? — мрачно спросил Альберто.

— Ну как же? Товарищ Штирлиц! — Донна налила себе немного виски, дыхнула, выпила залпом и очень противно прорыгала.

Марианна поморщилась.

— А ты что, корова, знаешь его? — Сорок восьмая мама грозно посмотрела на небрежную фигурку Розы.

— Это кто — корова? Ах ты распутница! Марианна, а знаешь ли ты, что вот эта тварь спала с твоим мужем?

Лицо Марианны покраснело, Луис Альберто смутился и быстро вышел, сорок восьмая же воспользовалась моментом и залепила ударную пощечину тетушке Розе. Донна вскрикнула, но не ответила; она налила еще виски и с мощным выдохом выпила, заметив при этом:

— Ты, милочка, руки не распускай. Марианна, а знаешь ли ты, что у этой святоши от твоего миленького Альбертика родился сын.

— Как! Мой муж — рогоносец?

— Да, да, девочка моя. Твой ревнивец скрывает это уже двадцать лет. Но мы то в России все знаем! Телевизоры, слава Богу, у всех есть. Насмотрелись ваших дебильных сериалов!

Сорок восьмая в этот момент была готова провалиться на месте. Как она возненавидела эту мерзкую русскую. Но она не искала теперь физической расправы:

— Вы все сказали? Ну, так вот послушайте меня! Завтра все газеты мира узнают, что Майоров Вихрь — плод твоей пошлой любви с товарищем Штирлицем.

Пустая рюмка выпала из рук Донны Розы и с шумом разбилась вдребезги. Роза была не готова к такому удару. Она встала на колени и дергая ляжками, подошла к сорок восьмой:

— Умоляю вас, как может умолять женщина женщину, не губите меня! Не дайте утонуть моей любви в чане с дерьмом. Если б вы знали, как я люблю Максима!

— Я тоже его люблю! — воскликнула сорок восьмая.

— И я! — почти вскрикнула Марианна.

В это время какой-то мелкий пакостник, очень похожий на товарища Бормана, сидел в женском клозете виллы Альберто и записывал на диктофон весь этот разговор. «Получится неплохое донесение товарищу Черненко!» — подумал мелкий пакостник и насторожился.

В дверь постучали, Марианна спешно открыла, вошла Ракелия.

— Что тут происходит? — спросила она, увидев коленопреклоненную Донну Розу.

— Да, ничего! Так, разговариваем! — ответила ей Марианна.

— Ну, ну! — Ракелия тихо прошмыгнула в комнату и со вздохом села в кресло. — Послушайте, а никто не знает, где сейчас может быть товарищ Штирлиц?

Три женщины одновременно вскрикнули, Роза деловито встала с колен, мелкий пакостник проглотил жвачку.

— Что с вами? — удивленно спросила Ракелия.

Донна Роза ответила за всех:

— А что тут удивительного! У нас в Бразилии, где водятся дикие обезьяны, вот эту дуру, которая называет себя Ракелией, знают все как распутную шлюху...

Ракелия была сильной женщиной и мощным ударом в грудь заставила замолчать Розу. Грудь упала и Ракелия неожиданно поняла, что перед ней мужчина:

— Так ты — «мужецко пола»! Ах ты развратник! Девки, бей его!

Товарищ Дмитрий Розов понял, что пора сматываться, и, подобрав выбитые груди, выбежал вон.

ГЛАВА 5. ДОНОС ПОД ДИКТОВКУ

Господин Кальтенбруннер, будучи главным советником товарища Хонекера, писал доклад. Рука дрожала и текст получался неровным. Что-то сильно раздражало Генриха. Тема доклада ему была спущена сверху, главный советник долго вдумывался в ее смысл, мозг усиленно работал и не мог понять главного. А главное было в названии: *«Враги социалистического Рейха и их связь со штандартенфюрером СС фон Штирлицем»*.

Генрих работал с таким напряжением, что даже не заметил, как к нему вошел его бывший шеф Мартин Борман. Рейхсляйтер вежливо чихнул, Кальтенбруннер поднял глаза, лицо его окаменело, голос поник и выплюнул древнее восклицание:

— Хайль, Гитлер!

— Какой еще Гитлер? — спросил Борман. — Тот что сидит в Бутырке? Чем вы тут занимаетесь? Антисоциалистической пропагандой?

— Нет... Но вы... Здесь... Я подумал...

— Что вы подумали?

— Я...

— Что нацизм опять пришел к власти? — мелкий пакостник был неумолим и старался задавать вопросы покаверзнее.

— Нет, просто, что-то нашло... Вот я и выпалил невесь знает что.

— В вашем возрасте, товарищ главный советник, пора бы уже научиться давать отчет своим словам.

Кальтенбруннер вовремя пришел в себя и холодно произнес:

— Я считаю, господин рейхсляйтер, что мои действия и поступки служат делу мирового пролетариата!

— Действия и поступки — это одно и то же! — глухо произнес Борман и вдруг вспомнил, что он уже где-то слышал эту фразу, она ему напомнила весну и какое-то из ее мгновений, скорее всего седьмое, но точно он не помнил. — И никакой я вам не рейхсляйтер. Зовите меня просто — Мартин Рейхстагович. Впрочем, я к вам не за этим пришел... Я сверху... Вы меня понимаете?! — Борман показал пальцем на потолок. — Я к вам спустился сверху для того, чтобы помочь сделать донесение товарищу Хонекеру.

И тут Борман включил диктофон. Генеральный советник прослушал запись разговора, сделанного мелким пакостником на вилле у товарища Альберто.

— Так что же это получается, — воскликнул Кальтенбруннер. — Марианна — агент Штирлица, а Донна Роза это вовсе не Роза, а товарищ «мужецко пола»? А на кого работает Ракелия и сорок восьмая, как ее там... мама?

— Вы коммунист? — неожиданно для себя спросил Борман.

— Я?

— Ну конечно вы.

— Вы меня обижаете! Конечно же коммунист.

— Тогда вы все должны понять сразу и без лишних объяснений.

— Но, простите...

— Мартин Рейхстагович...

— Но, простите, Мартин Рейхстагович, я хотел бы напомнить вам, что Штирлиц тоже коммунист и в партии он более нас с вами. Не нам судить о его действиях и поступках.

— Я вам сказал, — воскликнул Борман. — Это одно и то же. А опорочить его перед глазами мировой общественности мы должны. Директива спущена и не мне вас учить, что ее надо выполнять, и все тут! А, может, Генрих Кальтенбрунович, вы против партии?!

— Вы меня оскорбляете!

— Я? Да что вы! Уж не мне соваться в ваши дела. Но то что вы защищаете Штирлица наводит на всякие мысли... Впрочем, предателем вы никогда не были.

— Предателем? — оборвал его Кальтенбруннер. — Да я за свой партийный билет готов жизнь отдать! Я — коммунист до мозга костей!

— Ну, ну, друг мой, я погорячился. Впрочем, хватит дискуссий, посмотрим, какой вы коммунист. Итак, к делу, пишите.

Кальтенбруннер взял ручку и принялся записывать слова мелкого пакостника:

Полковник Максим Максимович Исаев находясь на ответственном задании в Мексике (или в Бразилии, точно пока не установлено) грубо нарушив партийную дисциплину и потеряв облик человека коммунистического труда, вел распутную жизнь с тамошними плохо одевающимися девицами подозрительной наружности. Снюхавшись с некой Марианной, означенный Исаев опорочил ее и по принуждению заставил вступить в партию. Этого ему показалось мало, и он завел связь с барышней легкого поведения, некой Ракелией, которая разоблачила нашего агента по кличке Голубая Розочка. Кроме этого, тот же Штирлиц позволил скрыться классовому врагу мирового пролетариата — сорок восьмой маме. Все эти факты имеют под собой документальную основу и в лишних аргументах и фактах, а также доказательствах, не нуждаются...

— Но это же не доклад! Это же донос, товарищ Мартин Рейхстагович! — Кальтенбруннер наморщил лоб и прекратил писать.

— Что вы имеете в виду, Генрих Кальтенбрунович?

— Я имею в виду текст, который вы только что продиктовали.

— Ах, текст! Так вот, друг мой! Или вы его подпишите, или положите партбилет на стол, или одно из трех! Вы меня давно знаете? Давно! Я, в отличие от вас и подхалима Шелленберга, не путаю действия с поступками! Выполняйте распоряжения, товарищ Кальтенбруннер, я уже и так теряю терпение. А может, меня осенила мысль, вам в морду дать?

Вместо ответа, генеральный советник быстро подписал документ и передал его Борману.

— То-то! А то не могу, не хочу! — Мартин Рейхстагович положил бумагу к себе в папку и поспешно вышел.

«Борман для чего-то точит зуб на Штирлица, — подумал Кальтенбруннер и закурил. — А впрочем, мне на это глубоко наплевать! Это их проблемы! У этих русских вечно что-то не так. Стоп! Причем здесь русские? Ведь Борман... значит Штирлиц все знает... А может это была проверка? Тогда я погиб».

Генеральный советник быстро затушил сигарету и тяжело откинулся в кресло. За окном шел дождь, не сулящий ничего хорошего. Старый партиец был подавлен и неожиданно понял, что его провели.

— Конечно провели! — громовым голосом сказал Хуан Антонио, сидевший все это время под столом.

— А-а, дорогой мой Хуан! Это вы?! Вечно вы неожиданно появляетесь! — Кальтенбруннер чихнул и с гордостью посмотрел на своего агента, специально

подготовленного для работы в Мексике. — Так вы думаете, что все кончено?

— Ну, это не совсем так...

— Говорите яснее.

— Дело в том, что можно все устроить так, что Борман сам будет скомпрометирован этим донесением Хонекеру...

— Неужели это возможно?

— Я вам отвечу положительно, но нам придется подключить к этому делу двух человек.

— Кто эти люди? — Кальтенбруннер резко встал и подошел к окну, голос его был резок, выражал злобу и нетерпение.

— Генрих Кальтенбрунович, их имена вам ни о чем не скажут, но только с помощью этих двух мы сможем обвинить мелкого пакостника в неверности его супруге и в предательстве коммунистических идеалов.

— Что вы все вечно тянете, дорогой товарищ Хуян Антонио, итак — их имена?

— Это товарищ Даниэла Лоренте и Мария Сорте...

— Но позвольте, — вскричал Кальтенбруннер. — Эту Сорте я прекрасно знаю и, если мне не изменяет память, она является второй дочерью Мюллера от третьего брака с этой, ну как ее...

— Долорес...

— Точно! С этой милой старушенцией.

— У вас хорошая память, дружище. Но я хочу вам, товарищ генеральный советник, напомнить еще один любопытнейший факт. Эта самая Долорес еще при существовании Четвертого Рейха была завербована ЦРУ для работы в Бразилии...

— В Мексике...

— Да, да, вы правы. Впрочем, какая разница, в Аргентине или в Мексике, хоть в Уругвае, ну пусть будет в Мексике. Хотя мне милее Венесуэлла. Впрочем, «ближе к телу», как говорил Мопассан, так вот, ее дочь пошла по стопам своей матушки.

— Как?! Сорте — агент ЦРУ?!

— Вот именно.

— Значит... Ага! У этой же Сорте дружеские связи с Джиной — женой Бормана. Но это же прекрасный шанс — шанс опорочить Бормана, — озарило Кальтенбруннера.

— Конечно, камрад генеральный советник! Две женщины, у одной из которых партбилет, а у другой — шпионские инструкции вражеского государства не могут не интересоваться наше ведомство, а тем более, наших коллег из Совдепа.

— Да, но тогда зачем нам эта... вторая, как ее там?

— Лоренте?

— Да.

— Даниэла Лоренте — наш тайный агент в Южной Америке, вступивший в контакт с Марианной, Ракель, сорок восьмой мамой и что самое важное, с этой Марфушей Сорте.

— А Борман ее знает?

— Кого?

— Ну не Марфушу же?!

— Нет, товарищ Кальтенбруннер, и даже не догадывается о ее существовании.

— Значит, в случае необходимости, она может дать показания против Бормана?

— Да, мой учитель! — Хуан Антонио вытянулся так, что товарищ Кальтенбруннер еле увидел его чудную головку, маячившую между потолком и люстрой ручной работы

семнадцатого века.

— Немедленно вызовите ее в Берлин! — строго приказал Кальтенбруннер.

— Она уже здесь! — Хуан Антонио подошел к старинному комоду, в одном из ящиков которого лежала свернутая калачиком Даниэла, нажал тайную кнопку, девушка вывалилась наружу и, вытянувшись по стойке «смирно», отрапортовала:

— Товарищ генеральный советник! Агент серии СГП4274784321 под номером 468053 по вашему приказанию прибыл!

— Вольно! — приказал Кальтенбруннер.

— Итак, вы все знаете. Ваша задача — опорочить товарища Бормана в глазах товарища Хонекера, товарища Штирлица — в глазах товарища Черненко. Вы все поняли?

— Так точно!

— Вы свободны. Ханс проводит вас. Ханс! Где этот развратник?! Товарищ Хуан, немедленно найдите его. А я пока свяжусь с Борманом.

Не знал Генрих Кальтенбрунович, что мелкий пакостник был не так глуп, чтобы уйти сразу после того, как он получил мерзкий донос; товарищ Борман подло подслушивал под дверь и все записывал на диктофон, адъютант Кальтенбруннера Ханс был рядом, но в бессознательном состоянии — Мартин Рейхстагович постарался на славу.

— А не надо со мной связываться! — дверь открылась и невозмутимый Борман резким ударом в нос дал понять Кальтенбруннеру, что тот окончательно проиграл.

— Я, пожалуй, пойду, — поспешно сказал Хуан Антонио, — я вспомнил, что у меня дома утюг остался включенным в розетку.

— Я прошу вас остаться! — сказал Кальтенбруннер. Из-за окровавленного носа его голос сделался более мягким.

Но товарища Хуана уже не было.

— Значит, вот как?! Значит — так?! — мелкий пакостник всем своим телом наступал на Кальтенбруннера. — Значит, опорочить меня?! Не думал, Генрих, не предполагал даже, что вы способны на предательство!

— Я... Я...

Удар поддых, мастерски сделанный Борманом, дал понять товарищу Кальтенбруннеру, что пора сматываться. Бывший рейхсляйтер понял это и схватил свою жертву за горло:

— Против моей миленькой Джины? Вот так, да?!

— Простите, я больше так не буду!

— Я тебя прошу! Я тебя так прошу, что ты у меня десять лет проведешь в реанимации и пять лет в морге!! — Борман любил душить людей, это занятие доставляло ему истинное наслаждение и всегда приводило в экстаз. Но прикончить свою жертву он не успел, откуда-то появился архитектор Мендисабаль и на русско-испанском языке отрапортовал:

— Товарищ Борман, я за вами! Четвертая ветвь магистрали построена. Товарищ Альберто ждет ваших новых распоряжений по поводу строительства пятой ветви.

Борман отшвырнул полуживое тело и посмотрел на уже немолодого человека — главного архитектора мексиканско-бразильской стройки:

— А при чем здесь я?! Пусть этим занимается товарищ Штирлиц.

— Штирлицу сейчас не до этого: он беседует с товарищем Хонекером, точнее они разговаривают о вас, мой лайтер.

— Как?! — вскрикнул Борман и вдруг обнаружил, что у него куда-то пропал донос и диктофон. — Свинья! Он опять провел меня!

— Простите, я не понял? — сказал Мендисабаль.

— Это я не вам! Что вы тут стоите? Не видите, я уже иду! Русская свинья!

— Что-о?!

— Я вам уже сказал, это не для вас! Скотина!

— Не понял!

— Да заткнись ты, дебил, это я уже вам! Идите, я за вами.

Там, где лежал Кальтенбруннер, послышался легкий смешок медленно переходящий в яростный смех.

ГЛАВА 6. МОЛЧАНИЕ ПОСРЕДСТВОМ ЭКЗЕКУЦИИ

Как и говорил Мендисабаль, Штирлиц был в кабинете у Хонекера. Речь шла о Бормане и Кальтенбруннере. Максим Максимович жрал тушенку, закусывал ее «Сникерсом» и доказывал товарищу Хонекеру о преимуществах лубяnskих казематов перед берлинскими тюрьмами. Последний доклад товарища генерального советника был как раз на эту тему, Кальтенбруннер предлагал построить новые камеры пыток и пару лагерей для алкоголиков, при этом он исходил из того, что сегодняшнее состояние тюрем социалистического Рейха было самым тяжелым. Борман был против такого подхода, как советский человек, он не мог простить Генриху Кальтенбруновичу непатриотичность по отношению к социалистическому Рейху.

— Товарищ Штирлиц, значит вы думаете, что все-таки прав Борман?

— Да, мой учитель! — ответил разведчик.

Товарищ Хонекер на минуту задумался и подошел к камину, почувствовав тепло, он неожиданно для себя предположил, что где-то там, в Антарктиде, сейчас заседает троцкистско-зиновьевский блок и людей пронзает жуткий холод. Но, вспомнив, что этот самый блок — враг мирового социализма, генсек отогнал от себя эти холодные мысли и, подойдя вплотную к Штирлицу, спросил:

— Значит, вы считаете, что Кальтенбруннер — предатель?

— Не думаю! — ответил Максим Максимович. — Хоть он и из бывших, но положиться на него все же можно...

— Но тогда только Борман?

— Нет... Не думаю.

— Но, простите, товарищ Исаев, Борман — это, как не крути, по вашему ведомству. Он — ваш человек!

— Ну вы загнули! — усмехнулся генерал Исаев. — Он, прежде всего, человек Черненко, это первое. А во-вторых, посмотрите на его последнее сочинение.

Товарищ Хонекер подозрительно посмотрел на Штирлица, взял из его рук листок бумаги и бегло прочитал донос Кальтенбруннера.

— Но, позвольте, — удивился генсек. — Ведь это же почерк Генриха!

— Когда вас бьют в нос и пытаются скомпрометировать вашу жену в пособничестве вражеским разведкам, вы и не такое напишите!

— А кто это... Марианна?

— Да, так, девчонка одна, по-моему из Мексики или из Бразилии, но что точно — из тех мест, где водятся дикие обезьяны.

— Так, все понятно, — легко усмехнулся Хонекер. — Значит это все — правда?

— Что — правда?

— Что вы ее знаете?

Максим Максимович вдруг понял, что разговор не складывается в его сторону и информация из доноса Кальтенбруннера-Бормана может попасть к Черненко или того хуже к товарищу Ваучеру Неприватизированному. Не долго думая, он, от нечего делать, вклеил дорогому товарищу Хонекеру легкий подзатыльник.

— Да как ты смеешь, холоп?! Я — генсек! — закричал глава социалистического Рейха.

— А я — Штирлиц! — спокойно сказал разведчик.

— Да вы, вы...

— Я, я.

Штирлиц подошел к окну и посмотрел сквозь грязное стекло. Перед ним простирался Берлин — город, в котором он когда-то проработал двенадцать лет и из которого еле унес ноги в сорок пятом. Сейчас Максим Максимович смотрел на эти странные новые, но до боли знакомые улицы почти родного ему города и страстно желал как можно скорее убраться отсюда снова. Мысли разведчика были прерваны ударом по голове посредством пустой бутылки из-под шнапса. Штирлиц обернулся и увидел перед собой подлого товарища Хонекера с разбитой бутылкой в руках.

— А это вы зря сделали! — сухо сказал разведчик. — Снимайте штаны.

— Простите, я больше не буду.

— Надо, товарищ Хонекер, надо, — сурово сказал Штирлиц, снимая ремень и ловко перебрасывая хрупкое тело дорогого товарища Хонекера на коленку. — Будем учиться.

...Порка длилась около двух часов. Товарищ Хонекер визжал, как ошпаренный поросенок и тягостно просил пощады. Штирлиц был неумолим. И только потерянное сознание дорогого ему генсека заставило бросить нагое тело.

«Хиляк, другие дольше держались!» — подумал Максим Максимович, заталкивая тело под диван.

— Если дашь делу ход, проведешь там весь свой остаток жизни.

Из-под дивана донесся жалкий стон и подхалимский примирительный плач.

В тоже время где-то в далеком городе Санта-Барбара выглянуло солнышко.

ГЛАВА 7. АМУРСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПАСТОРА ШЛАГА

В то время, когда на Марс перестали падать летящие мимо метеориты, на Венере перестал плавиться известняк, а на Меркурии застыл алюминий, в России пачками продавался заморский шоколад «Сникерс». Его рекламировали так успешно, что пастор Шлаг, путешествующий по БАМу, начал подумывать о том, что здешние христиане окончательно помешались на шоколадной стезе. Пастор ехал в поезде «Москва-Якутск» и, лежа на верхней полке, мирно созерцал вагонную суету. Пассажиры, все без исключения, с жадностью пожирали огромные порции «Сникерса» из-за чего в вагоне воняло «Красным Октябрем» и чем-то еще, похожим на тот запах, который был в бункере Гитлера, когда Рейх изнемогал от канализационных отбросов. Когда Шлаг уже было начал рыгать, к нему обратилась проходящая мимо буфетчица:

— Товарищ, батончик «Сникерса»?

— Дочь моя, — сказал пастор, стараясь придать своему голосу мирный тон. — Шла бы ты отседова подобиру, поздорову, пока я добрый.

— Грубиян! — громко сказала буфетчица. — Ему как лучше, а он меня на хрен посылает.

Несколько пассажиров подошли к буфетчице и купили весь шоколад.

— Нет, вы только посмотрите на этого бугая! — не унималась буфетчица. — «Сникерс» он не любит!

Несколько рабочих БАМа, услышав такую наглость, подошли к пастору и за сутану стянули его вниз.

— Ты что ли не любишь «Сникерс» — спросил один из рабочих.

— Сын мой, — начал пастор, — мне по положению не полагается этот продукт. Я человек верующий и не могу питаться дьявольской пищей.

— Ненавижу тех, кто ненавидит «Сникерс»! — крикнул второй рабочий, тот, что был покрепче и поздоровее первого. Завернув Шлага в его же сутану, он открыл окно и, дождавшись, когда поезд проезжал по мосту через озеро Байкал, выкинул огромный сверток.

Очнувшись, пастор понял, что он тонет. Плавать он не умел, но вовремя вспомнив про что-то, о чем говорил ему Штирлиц еще в Бразилии, Шлаг вдруг понял, что утонуть он не может, исходя из определения своей сущности. Поэтому он быстро всплыл и течение понесло его к берегу.

«Интересно, — подумал пастор. — А водятся ли здесь крокодилы?»

Но крокодилы и другие бразильские обитатели в Байкале не водились, поэтому тело грузного Шлага благополучно пришвартовалось к пристани города Тындым-Амура, где совсем недавно был построен очередной кирпичный завод «Унитрон».

Выйдя на берег, путешественник разделся и хотел уже было высушить свою сутану, как вдруг заметил, что она замерзла и что над ним бессовестно ржут местные жители.

— Ты что здесь, на курорт приехал? Однако здесь солнце плохо светить. Простыть можно! — щебетал низенький человечек, очень похожий на товарища Ким Ир Сена.

— Сын мой, — жалобно произнес пастор, — помоги мне. Всевышний отблагодарит тебя и воздаст семье твоей по заслугам за помощь ближнему.

— Я — Бискек! А ты кто?

— Зовите меня, дети мои, Шлагом!

— Очень хороосо, Срак, иди за мной! Моя будет помогать тебе.

Процессия, состоящая из местных чукчей, медленно пошла по пристани. Впереди шел пастор Шлаг, за ним Бискек и еще человек сорок, очень похожих на него. Где-то вдали дымились трубы кирпичного завода «Унитрон».

Вселенная поражала своей бесконечностью!

ГЛАВА 8. УДАР ПО ПАРТБИЛЕТУ ТОВАРИЩА БОРМАНА

— Ну, в общем так, — сказал Константин Устинович. — Или вы мне этого Штирлица в Москву доставите, или одно из двух.

— Из каких двух? — глупо спросил Борман.

— Мартин Рейхстагович, однако, вы не дерзите! Не любит партия тех, кто дерзит ей. Здесь Кремль, а не публичный дом для голубых чукчей! Я вас быстро отучу водку пьянствовать! А может, дорогой мой товарищ, вы пьяны? То-то я смотрю на вас — нос красный, как огурец! — зверствовал Константин Устинович, сидя за рабочим столом, нервными движениями включая и выключая настольную лампу.

— Даю вам слово коммуниста, что не пройдет и трех дней, как товарищ Штирлиц будет в Москве, и не просто в Москве, а в Кремле, и не просто в Кремле, а в этом кабинете!

— Ты у меня смотри, задница, — серьезно сказал генсек. — Я где нормальный, а где и беспощаден! У нас, коммунистов, с фашистами разговор короткий! Не сдержите слово — положите партбилет на стол! — Константин Устинович очень подозрительно посмотрел на бывшего рейхсляйтера Германии. — Тем более, прошлое ваше, однако, у меня начало вызывать серьезные беспокойства...

— Я...

— Молчать! Или я сейчас начну зверствовать! Товарищ Ваучер Неприватизированный мне мн-о-о-го рассказывал о ваших похождениях в нацистской Германии и о вашей подлой связи с известной операцией «Шнапс» и, поверьте, факты, однако, которые он мне предоставил, достойны моего, однако, внимания. А это, Мартин Рейхстагович, вам боком чревато. Так что вечером, на рассвете третьего дня с утра в четверг после вторника к обеду, чтоб Штирлиц был здесь! Вы все поняли?

— Да, товарищ Генеральный секретарь, — сказал Борман и тихо удалился из кабинета.

Через час Мартин Рейхстагович своим корявым почерком писал послание Центра Штирлицу:

«Алекс — Юстасу.

По нашим непроверенным данным в Москве объявился вражеский шпион троцкистско-зиновьевского блока. Нам известно, что этот шпион имеет паспорт с пропиской в Тындым-Амуре. Вам необходимо:

1. Временно приостановить деятельность по вербовке мексиканско-бразильских агентов.

2. Явиться в Москву для получения подробных инструкций.

Алекс».

Плюнув на законы конспирации, Борман той же ночью передал послание по факсу в места, где водятся дикие обезьяны и живут аллигаторы.

В ночь, когда просто Мария просто спала с Хуаном Антонио, а Марианна в очередной раз наказанная, униженно просила прощения у Луиса Альберто, под пальмой, где спал штандартенфюрер СС фон Штирлиц, зазвонил телефон. Максим Максимович неохотно снял трубку и грубо спросил:

— Чего надо?!

— Примите факс! — ответил Борман вежливым женским голосом.

Штирлиц нажал кнопку «START» и через минуту получил послание Центра. Прочитав его, он понял, что ничего серьезного не случилось и перевернувшись на другой бок, уснул крепким сном профессионального разведчика.

На тихий городок Санта-Барбара обрушился шторм. И через неделю местное правительство получило официальный документ из Ливии об объявлении войны.

ГЛАВА 9. РЕЗИДЕНТ ГОСПОДИНА МЮЛЛЕРА

— Вечно у вас нет денег, дружище! Вы только и умеете, что просить...

— Послушайте, я не прошу, я просто хочу взять в долг.

— Вы и так мне должны. Послушайте, Айсман, а хотите сто миллионов в год? — засветились глаза у Мюллера, а Айсман сглотнул слюну.

— Сто миллионов, вы не шутите?!

— Мне сейчас не до шуток, господин Айсман.

— Ну конечно же, группенфюрер!

— Тогда поезжайте в Россию и все!

— В Россию? — удивленно спросил Айсман; черная повязка на левом глазу вновь лопнула и оба совершенно здоровых глаза налились гневом.

— Не удивляйтесь! Возьмете там кредит в пять миллионов для покупки кирпичного завода «Унитрон», соберете, подключите, конечно, все просто — кирпичные заводы «Унитрон» — это путь к процветанию вашей семьи!

— Вы наверное спятили, господин управляющий?

Вместо ответа, Мюллер подло усмехнулся и пропел отрывок из популярной песенки эпохи XXVI съезда партии:

*Если Родина прикажет,
Если партия пошлет...*

— Куда пошлет? — оборвал его Айсман.

— Не туда, куда вы думаете!

— А куда я думаю?

— Ну ладно, хватит паясничать. В общем, дружище, разговаривать с вами я долго не намерен. Поедете в Россию с официальным визитом, построите там завод, заработаете деньги и отдадите ваш долг. Не бойтесь, в кандалы вас не закуют. У них скоро перестройка и будет не до вас.

— Но я...

— Никаких разговоров! Сегодняшним рейсом отправляйтесь в Москву.

Айсман прослезился и упал на колени:

— Господин Мюллер, не губите! Ведь это же я помогал создавать ваш банк! И про золото Бормана я вам рассказал, вы забыли? Не губите, господин управляющий! Пожалейте мою семью. Только не в Россию!

Мюллер нажал невидимую кнопку и через секунду плачущего Айсмана выносили два здоровых негра, которым было глубоко наплевать на чувства бывшего друга Штирлица и нынешнего советника по финансовым вопросам «Muller Bank Inc»

ГЛАВА 10. ШЛАГ, ТОВАРИЩ БИСКЕК И ТОВАРИЩ СКОТОВ

Шлаг бредил. Его бред состоял из немецких ругательств, адресованных какому-то шпиону. Чукчи, сидевшие возле кровати пастора, ничего не могли понять. Директор одного из кирпичных заводов «Унитрон», он же вражеский агент троцкистско-зиновьевского блока, товарищ Скотов Инком Банкович все записывал на потайной диктофон. Прошло два часа, пастор Шлаг открыл глаза.

— Я в аду или в раю? — спросил он.

— Вы в Тындым-Амуре, друг мой, — ответил Скотов.

— А-а-а!

— Жив! Жив! — обрадовались чукчи.

Бискек гордо подошел к больному и сказал:

— Это моя вас спасла! С вас сто рублей!

Пастор нахмурился, денег у него было мало и он не знал, где они.

— Я за него заплачу! — сказал Инком Банкович.

Шлаг в знак благодарности подарил агенту вражеского блока обворожительную улыбку и показал три уцелевших, после последней встречи со Штирлицем, зуба.

— Не меня, товарищ Срак, благодарите, а партийный комитет нашего завода, который я здесь представляю! — отрапортовал товарищ Скотов.

— Сын мой, и вы, дети мои грешные, да будете вы жить вечно в сердцах потомков ваших! — ответил Шлаг.

— Товарищ Бискек, у меня к вам просьба. Как только Сраке станет легче, найдите упряжку и собак для перевозки ее, то есть, я хотел сказать, его к нам на завод. Договорились?

— Хоросо, товарищ Скотов! — замер чукча, отдавая честь.

— Ну вот и славненько! — Инком Банкович незаметным движением руки выключил диктофон и тихо вышел. Его ждала рация и родная Антарктида. Уже через час тайный агент передавал на родную Антарктиду первые сведения об операции с кодовым именем «Вербовка пастора Шлага».

В Санта-Барбаре шла кровавая резня; ливийцы шли напролом.

ГЛАВА 11. ИНТРИЖКА ТОВАРИЩА ШТИРЛИЦА

Борман был ужасно доволен тем обстоятельством, что Штирлиц, приехав в Москву, выбил ему только два зуба, а не три. Те два были старые и уже давно требовали замены, а вот третий был здоровее и крепче, чем те два, и был очень дорог Борману. Хотя те два и сидели в челюсти достаточно прочно, Штирлиц умудрился все же выбить их одним ударом, а тот третий он оставил в покое. Впрочем, Максим Максимович не ограничился выбитыми зубами и наставил Борману еще и рога, соблазнив его милую жену. Но Мартин Рейхстагович простил все эти мелкие неприятности своему лучшему другу, и Штирлиц, после долгих переговоров, согласился выполнить задание Центра и даже удостоил Бормана чести поселиться в правительственной квартире, которую год назад выделили Мартину Рейхстаговичу за его особые заслуги перед партией и правительством. Все это мелкому пакостнику нравилось, хотя эта самая честь была весьма обременительной. Тушенки разведчик поедал очень много и Борману по несколько раз в день приходилось стоять в длинной очереди в кремлевском буфете за этим ценным для Штирлица продуктом.

В то утро в Москве шел дождь и очередной Пленум партии. Штирлиц лежал на диване и лениво пожирал тушенку. Борман, в форме официанта, вежливо обслуживал своего кумира.

— А вот скажи мне, Борман, ты всегда был таким? — вдруг спросил Штирлиц, издавая рыгающий звук.

— Простите, Максим Максимович, я не понимаю.

— Чего ты не понимаешь?

— Каким я был?

— А каким ты был?

— Каким?

— Это я тебя, дурак, спрашиваю: каким?

— А-а! Каким я был, таким я и остался! — радостно сказал Мартин Рейхстагович, мельком подумав, что он где-то уже слышал эти слова.

— Вот дурак, — сказал Штирлиц, — с ним серьезно разговаривают, а он песенки распевает.

— К чему вы клоните, штандартенфюрер?

— Я, дружище, клоню к тому, что пора бы выбить твой третий зуб!

— Нет! Только не это!

— Или будешь прямо отвечать на поставленный вопрос, или лишишься третьего зуба, или одно из трех!

— Просто мы работаем для вас, товарищ Тихонов, то есть, я хотел сказать: товарищ Штирлиц.

— То же мне, Визбор нашелся! А кто это — мы? А впрочем, не важно... Видите, можете ведь! — Штирлиц стал добр и по-товарищески похлопал Бормана по небритой щеке. — А раз вы работаете на меня, то будете выполнять следующее мое предписание.

— Я весь в ушах, то есть, я хотел сказать: я вас внимательно слушаю, товарищ генерал.

Штирлиц недоверчиво посмотрел на бывшего рейхсляйтера Германии и невольно пожалел этого тучного старика. То, что хотел он ему поручить, было опасным и смелым предприятием, но бывалый разведчик знал, что Борман, даже при всем своем слабоумии, сделает все так, как ему прикажут. Поэтому Максим Максимович, отбросив все сомнения,

спокойно сказал:

— Дружище, есть мнение, что товарищ Черненко больше не способен руководить государством, а тем более заниматься партийными делами.

Сразу после этих слов за окном прогремел гром и начался страшный ливень. В комнате стало темно и душно. Борман дрожащими руками включил торшер.

— Мнение? — загадочно прошептал Мартин Рейхстагович.

— Именно!

— А товарищ Ваучер в курсе этого?

— Нет! — протянул Штирлиц. — Скажем так: Нет! Вы меня понимаете?

— Да, товарищ Штирлиц! — лоб Бормана, и без того красный, покраснел еще больше, холодные струйки пота текли по всему лицу и делали из его физиономии морду немецкого солдата, застигнутого врасплох по большому в деревенском сортире одного из районов Запорожья.

— Я рад, дружище, что вы все понимаете! Мне очень приятно работать с вами. Обещаю вам, как коммунист, что после выполнения моего задания, я лично вставлю в вашу вонючую челюсть все недостающие зубы.

Борман поблагодарил Штирлица за такую высокую честь, как мог, вытянулся и, как на параде, прокричал:

— Позвольте узнать суть этого задания?

— А суть, дружище, как и все гениальное, проста. Вам необходимо отправить товарища Черненко в психиатрическую лечебницу.

— Мне? Но как?

— Вы тупеете на глазах? Завтра, как вы знаете, в Кремле банкет. Так?

— Так.

— Все, само собой, напьются, в том числе и Константин Устинович, вы тоже будете там. Разыграйте комедию, что ему сделалось плохо, наберите «03», вызовите «Скорую» и отправьте этого жителя Крайнего Севера куда следует. Главное, не меняйте свой голос, когда будете говорить по телефону; у вас это, кстати, очень плохо получается.

— Я все понял! Во сколько начало операции?

— Об этом мы вам сообщим дополнительно. Слушайте все указания товарища Ваучера Неприватизированного! — сухо сказал Штирлиц.

— Простите за нескромный вопрос, штандартенфюрер, а кто это — «мы»?

— Мы — это мы, мы — это те, кто верен идеалам коммунизма и нашей партии.

Борман понимающе кивнул.

— Еще тушенки? — вдруг спросил он.

— Пожалуй! — удивленно ответил Максим Максимович и понял, что кандидатура мелкого пакостника — наиболее подходящая для выполнения этого задания; товарищ Ваучер был прав.

ГЛАВА 12. УДИВЛЕНИЕ ГОСПОДИНА АЙСМАНА

Друг Штирлица Айсман остановился в «Национале», хотя Мюллер советовал выбрать «Космос», но астрономию Айсман не любил с детства и решил, поэтому, снять номер поближе к Кремлю. В тот же день он попросил принести в его апартаменты свежие московские газеты и, найдя объявление о продаже заводов «Унитрон», позвонил по указанному в одной из газет телефону. В трубке раздался молодой женский голос:

— Пароль?

— Кто вас знает?

— Нас знают все! Кирпичный завод «Унитрон» слушает!

— Я хочу заключить с вами контракт на покупку партии заводов!

— Очень хорошо, товарищ Айсман, — ответила девушка. — Купить у нас заводы не просто, а очень просто! Мы вас уже давно ждем.

— Как?

— Молча, разумеется. А не хотите ли «дольчики»? Чертовски хороши!

— Какие еще там «дольчики»? Я только что приехал в Москву.

— Очень хорошо! Мы вас ждем через час. Пропуск на ваше имя уже заказан.

«Чепуха какая-то!» — подумал посланник Мюллера и повесил трубку.

Через минуту раздался телефонный звонок. Сняв трубку, Айсман услышал все тот же женский голос:

— Площадь Революции, дом два; улица Ботаническая, семнадцать; Варшавское шоссе, дом одиннадцать. Спасибо!

В дверь постучали и вошел негр в форме офицера внутренних войск Китайской республики.

— Вам письмо из ЦК.

— Положите на стол и идите, — сказал Айсман. Раскрыв конверт, он прочитал следующее:

Господин Айсман!

Зная ваши великие заслуги в налаживании торговых сношений между нашими странами, мы решили пригласить вас на банкет, посвященный Дню Рождения Меня. Жду вас сегодня вечером в Кремле.

С уважением ЦК КПСС.

— Ну и страна! — воскликнул господин Айсман. Повязка вновь лопнула, глаза покраснели. — Не успел приехать, как они уже все знают! Немыслимо!

ГЛАВА 13. АГЕНТ ТОВАРИЩА СКОТОВА

Пастор Шлаг проснулся от невыносимой жары. Открыв глаза, он увидел товарища Скотова и какого-то человека в белом халате. «Тот второй, наверное, доктор...» — подумал Шлаг и попробовал встать с постели.

— Я не доктор, — сказал человек в белом. — Я товарищ Мамонов.

— Что? Мамонов? Ни черта не понимаю! Где я? — пастор перекрестился и внезапно испытал нестерпимую боль в ушах.

— Вы на одном из кирпичных заводов «Унитрон», — сказал Инком Банкович. — В вашем распоряжении пять минут. Товарищ Мамонов, объясните этому типу что к чему.

— Ну вот что, дорогой товарищ Срак, — начал Мамонов, — в ваших интересах начать работать на нас, а не на Штирлица. Советую вам не отказываться. Здесь вас никто не услышит, а по морде я могу дать мигенько. Так что решайте.

— Но, позвольте, дети мои, я ни на кого не работаю! Я — турист, — пастор Шлаг встал и удивленно посмотрел на двух людей.

— Товарищ Мамонов...

Мамонов понял и в течение трех часов избивал пастора Шлага. Бил он его не больно, а очень больно, мастерски и с профессиональным чутьем.

Через пять часов товарищ Скотов лениво подошел к стонущему телу.

— Он жив?

— Жив, жив... — ответил пастор. — Я все понял. Что нужно делать?

— Давно бы так. Во-первых, вот это — ваш новый паспорт, — Ином Банкович протянул Шлагу паспорт на имя Сракина Пастора Пасторовича.

— Так что же, я теперь — гражданин СССР?

— Именно!

— Хорошо! Что вы от меня еще хотите?

— Вы знаете Штирлица?

— Ну как вам сказать? Его знают все.

— Но вы его знаете лучше, чем все. Не так ли?

— Если учесть то количество зубов, которое выбил мне ваш Штирлиц, то можно утвердительно ответить на этот вопрос.

— Итак...

— Да, я его знаю!

— Штирлиц сейчас готовит операцию по перетусовке в высших эшелонах власти. Как вы знаете, генсек не сегодня-завтра будет отправлен в психушку.

— Да-а?

— Хватит придуряться. Это знают даже местные чукчи. Но это не важно. На его месте, как вы, наверное, догадываетесь, будет товарищ Ваучер Неприватизированный.

— Разумеется.

— Очень хорошо. Теперь о главном. Вы должны убедить Штирлица, в том, что наш блок должен войти в состав нового правительства; иначе Неприватизированный генсеком не станет.

— А что это за блок? — наивно спросил пастор.

— Хватит придуряться! АТЗ знают все!

— Вы говорите об Антарктическом троцкистско-зиновьевском блоке?

— Ну конечно же, вы не так глупы, как мне это думалось в самом начале...

— Да, товарищ Скотов, у меня есть еще один вопрос, можно?

— Пожалуйста.

— Каким образом, в случае если ваш блок проигнорируют, товарищ Ваучер не будет генсеком?

— А я вам отвечу. Когда-то жила-была одна маленькая ферма. А потом ее не стало, просто не стало и все. Так что, товарищ Сракин, запомните хорошенько и передайте Штирлицу — у нас очень длинные руки и большие связи в Кремле.

Жители Санта-Барбары не сдавались; ливийцы решили взять город измором.

ГЛАВА 14. ТОВАРИЩ ВАУЧЕР «ЗА»

В Кремле шел банкет. Оркестр играл легкую музыку, члены Политбюро галантно приглашали своих спутниц на медленный танец. Штирлиц ел тушенку большими порциями и опытным взглядом оценивал ситуацию. Если бы не сорок восьмая, Максим Максимович пригласил на вальс жену товарища Ваучера — очаровательную Горгону Путчеву. Но сорок восьмая была рядом и генерал Исаев решил не испытывать судьбу. Где-то в глубине зала кто-то в форме офицера Гестапо высоко запрокинув бутылку жадно пил шампанское. Штирлиц насторожился, узнав в этом человеке Айсмана. Подошел Борман и тихо шепнул:

— Все готово, штандартенфюрер.

— Что здесь делает Айсман? — сурово спросил Максим Максимович.

— Айсман? Он здесь? Ничего не понимаю! — мелкий пакостник нахмурил брови и сделал идиотское выражение лица.

Но тут швейцар доложил о приходе генсека. Оркестр прекратил игру, в зале воцарилась тишина. Константин Устинович быстро подошел к столу и пригласил всех к трапезе. Приглашенные быстро расселись, суетливо забегали официанты, Черненко принял первую рюмку водки.

«Одна есть!» — тихо сказал Борман.

— Коммуняки! — вдруг громко сказал Айсман. — Ненавижу!

Наступила мертвая тишина, все окаменели.

— Кого вы ненавидите? — вежливо спросил Пельше.

— Коммунистов! — с ненавистью произнес Айсман.

— Однако, это кто такой? Моя здесь ничего не понимает! — Константин Устинович строго нахмурился — генсек очень не любил тех товарищей, которые ненавидят коммунистов.

— Это мой друг Айсман, товарищ Генеральный секретарь, — ответил Штирлиц.

— Так утихомирьте его, — сказал Пельше. — Мало того, что он пришел в Кремль в нацистской форме, он еще и против партии выступает.

— Это вы мне? — рассвирепел друг Штирлица, залезая на стол. — Да я тебя...

Дорогой товарищ Пельше не успел опомниться, как почувствовал жгучую боль под ключицей.

Вдруг из-под стола вынырнул пастор Шлаг:

— Дети мои, побойтесь Бога!

— А это еще что за корова в чехле из-под танка? — сказал кто-то из гостей.

— Это тоже мой друг! — гордо сказал Штирлиц.

Константин Устинович, выпив вторую рюмку водки и набравшись смелости, прохрипел:

— Однако, Максим Максимович, или вы убираетесь отсюда вместе с вашими дебоширами, или одно из двух.

— Ах из двух?! — спокойно сказал Штирлиц. — Очень хорошо. Айсман, вы берете на себя левый фланг, я — правый, пастор, ваша задача — никого не выпускать.

Айсман все понял и первой его жертвой стал товарищ Кириленко, который навсегда потерял свои передние зубы. Штирлиц же спокойно надел перчатки, вложив в них по кастету. Константин Устинович, поняв, что его сейчас будут бить, закричал:

— Мартин Рейхстагович, врача — мне очень плохо.

— Костя, хорошо, я сейчас, — сказал Борман и подошел к телефону.

Началась резня. Особенно досталось членам ЦК, так как странным образом, именно они попадали под руку Штирлицу. Айсман же с хладнокровием избивал членов Политбюро, Шлаг — всех остальных.

— Бей их, ребята! — кричал Штирлиц.

— Коммуняки! — с каждым новым ударом повторял Айсман.

— Штирлиц, а этого тоже? — постоянно спрашивал пастор и получая утвердительный ответ профессиональными ударами выбивал челюсти у своих жертв.

Прошло три часа. Мордобитие закончилось. Появился товарищ Неприватизированный с Борманом.

— Здравствуйте, Максим Максимович! — поздоровался Ваучер.

— Товарищи, хочу вас поздравить! Только что, подавляющим большинством голосов на пост генсека был выбран дорогой нам товарищ Ваучер Неприватизированный, — гордо сказал Борман.

— А где товарищ Черненко? — наивно спросил пастор.

— Вы знаете, я вам скажу откровенно, по состоянию здоровья он освободился от занимаемой должности! — товарищ Неприватизированный снял очки и подал руку Шлагу. — Так что теперь я команду парадом. А что у вас здесь произошло? Кровь... Все избиты...

— Как вам сказать, — смущенно проговорил Айсман, — мы решили немного размяться, впрочем среди этих свиней могли быть и вы.

— А знаете, я скажу просто, — промычал Ваучер, — надо во всем искать компромисс...

— Оставьте его, Айсман, придет и его время, — сказал Штирлиц. — Пастор, вы что-то хотели сказать?

— Да, штандартенфюрер, мне только что сообщили о том, что есть мнение о том, что троцкистско-зиновьевский блок должен войти в состав нового правительства.

— А я не против. Сегодня же выйдет постановление! — поспешно сказал Ваучер. — А вообще, знаете ли, я за многопартийность.

— Еще бы! — сурово сказал Айсман. — Был бы ты против! Штирлиц, а может для профилактики?

— Как знаете... — бросил Штирлиц и удалился, захватив с собой Шлага и Бормана.

Все спокойно было в Санта-Барбаре, голод сморил всех; ливийцы ушли, а откуда-то с северо-востока появился штандартенфюрер СС фон Штирлиц.

За окном проехала «Скорая помощь» и пустая бочка пива, разрисованная в клеточку.

Штирлиц проснулся от большого шума. «Черт, где это я? — подумал он, увидев над собой мрачный потолок. — Главное, не потерять бдительность. Если подойдут немцы, я — Штирлиц, если войдут наши, я — Исаев. Блин! А что делать, если появятся американцы?» Полуоткрытый глаз советского разведчика лениво блуждал по странному помещению. Рядом была немыслимая для Штирлица суета.

Молодой человек, лет тридцати, подошел к Штирлицу, слегка пнул его ногой и по-русски спросил:

— Ну как ты?

«Значит я на Лубянке!» — подумал Максим Максимович и хотел уже было полезть за кастетом, но его не нашел, вместо него в кармане брюк сильно поношенного костюма фабрики «Красный богатырь» лежала пустая бутылка из-под водки. Это обстоятельство сильно удивило опытного разведчика. Он посмотрел на сияющего молодого человека и узнал в нем Айсмана, правда повязки на его лице не было.

— Айсман, ты что здесь делаешь? Как себя чувствует товарищ Ваучер? — спросил Штирлиц.

— Сам ты Айсман! Во нажрался то! Славка, ты что, вообще или как? Ты хоть помнишь что-нибудь?

— Славка, Славка... Славка? О, господи, так что, это все сон?

— Закусывать надо! — пренебрежительно сказал Куравлев и быстро удалился.

Подошел Броневой, весьма изумился, посмотрел на протрезвевшего Тихонова и поучительно сказал:

— Послушай, Вячеслав Иванович, ты хотя бы здесь, в студии, не напивался до такой степени, что сам себя не помнишь. — Левый глаз Леонида был подбит и выглядел очень неприлично. — Видишь, твоя работа! Тоже мне, разведчик! Алкоголик несчастный! Тебе директора вытрезвителя играть, а не шпиона!

— Лень, прости, а?! Ну, понимаешь, сильно в роль вошел. Вот и...

— Так, все! Снято! Товарищи артисты, костюмы чтоб все сдали сегодня, до трех дня. Товарищ Тихонов, вы протрезвели? Ну, слава Богу! Бог даст, пригласим вас на съемки в «Семнадцать мгновений весны-2», а пока идите и проспите еще раз! — громко сказала Татьяна Лиознова, подойдя к Тихонову. — Товарищи, ну что вы столпились? Все! Расходитесь! Фильм снят! Всем спасибо! Премьерный показ — через месяц!

А за окном студии проехала «Скорая помощь» и пустая бочка пива, раскрашенная в клеточку.

**Книга шестая. ШТИРЛИЦ, ИЛИ
ВТОРАЯ МОЛОДОСТЬ**

ПРОЛОГ

За окном лоснящегося на вечернем солнышке «Мерседеса» проносились кооперативные палатки и разряженные девицы, мечтающие подсесть в какую-нибудь красивую машину.

Спикер Верховного Совета оторвал взгляд от окна и, втянув носом полосу кокаина, пронзительно высморкался в белоснежный платок.

Товарищ спикер (в те времена спикеры были еще товарищами) имел довольно-таки интеллигентное выражение лица и неполноценное чувство юмора: на заседаниях он отпускал такие остроты, от которых одна половина депутатов покатывалась со смеху, а вторая половина морщилась от нанесенной обиды. Поскольку половины время от времени менялись, спикера в Верховном Совете не любили.

Спикер почмокал губами и положил платок в карман заграничного костюма.

— А что, товарищ генерал, хорошая стоит погодка! Девушки на улицах прямо-таки цветут!

— Так точно, товарищ спикер, — отрапортовал генерал, глядя, правильно ли шофер крутит баранку. — Погодка стоит, и все остальное тоже стоит, особенно, когда девушки цветут.

Генерал тоже имел чувство юмора и любил пошло пошутить, щедро приправив свою речь матерком. Он считал, что эта привычка очень подходит к его новой должности вице-президента. У генерала были густые пышные пшеничные усы и выправка потомственного военного, что очень нравилось случайным женщинам.

— Ты не в курсе, землю крестьянам дали? — поинтересовался спикер.

— Да не хотят крестьяне землю брать!

— Почему?

— Говорят, дорого.

Спикер помолчал. Общаться с генералом ему было трудно, да и не о чем, а разговор надо было поддерживать, чтобы не обидеть вице-президента, поэтому спикер говорил о том, о сем, что случайно приходило в голову.

— Товарищ вице-президент...

— Мы здесь свои люди, приставку «вице» можно и опустить, — заметил генерал.

— Ну, как вам будет удобнее, — вежливо отозвался спикер. — Президент, а нашли ли наши партийные миллионы?

— Нет еще. Я дал задание своим людям этим заняться, они сказали, что обязательно займутся.

— А что замышляет товарищ Ельцин, временно исполняющий обязанности Президента?

— Как всегда, полон необъяснимых загадок, — неопределенно пожал плечами красивый генерал. — Мало его в реку бросали...

— А что это вчера за шумная толпа собиралась возле «Белого дома»? Может, провокация?

— Да нет, это молодежь собралась брейк потанцевать, а для этого наша площадь очень удобная.

— Надо что-то с ними делать, отвлекают от заседаний. Может, танками их подавить?

— Нельзя. Демократия, мать ее...

— Кстати, вчера анекдот в Верховном Совете рассказали. Идет, значит, Штирлиц по

рейхсканцелярии...

— А чем сейчас занимается товарищ Штирлиц? — перебил собеседника генерал. — Он еще жив, как думаешь?

— Говорят, жив.

— Наверно, совсем старик уже, — вздохнул вице-президент. — Как нам его не хватало в Афгане, одному Би-Би-Си известно! Вот ему бы поручить разыскать партийные миллионы...

И генерал задумчиво уставился в окно.

А за окном проносились кооперативные палатки и покрашенные, как на похоронах, посиневшие на осеннем ветру девицы.

ГЛАВА 1. КИТАЙСКИЕ ШПИОНЫ В ЛУЖНИКАХ

Штирлиц подъехал на вещевой рынок в Лужниках на новеньком «Ниссане» в сопровождении автобуса, груженого ОМОНовцами. Айсман выскочил первым и услужливо открыл для Штирлица дверь. Исаев вышел, прикурил свой неизменный «беломор», взял протянутый Айсманом мегафон и приказал ОМОНовцам построиться.

Переругиваясь и передергивая затворы автоматов, молодцы нехотя подчинились. Штирлиц прошелся вдоль строя.

— Шнурков! — позвал он.

— Я! — возник перед Штирлицем бравый капитан ОМОН.

— Почему у тебя люди в таком отвратительном виде? Сапоги не чищены, форма рваная, морды небритые...

— Так ведь государство зарплату не платит уже месяцев пять, — потупился Шнурков. Сам Шнурков был в идеальной форме, потому что подрабатывал в частном агентстве Штирлица на полставки.

— Эй, белобрысый! — воскликнул Штирлиц. — Что у тебя в карманах? Граната?

— Нет. Свое, — ответил рязанский паренек.

— Орел, — похвалил Штирлиц.

— Рад стараться!

— Орлы! — объявил Штирлиц, прохаживаясь перед строем. — Мое частное разведывательное управление получило информацию. Наш осведомитель говорит, что в Лужниках прячутся двенадцать китайских шпионов. За каждого шпиона плачу двадцать долларов.

— Так точно, господин Штирлиц! А откуда вам известно, что именно двенадцать?

— Я своих информаторов не выдаю, — ответил Штирлиц.

Информатор Штирлица был нищим, изображающим из себя безногого и безрукого на Казанском вокзале. Вчера он прислал к нему мальчонку с запиской, в которой сообщал, что видел недавно в Лужниках китайского шпиона, с которым познакомился еще двадцать лет назад в Венгрии, но все равно узнал.

— Почему его называют Штирлицем? — шепотом спросил белобрысый у своего соседа.

— Кликуха такая, — со знанием дела отозвался тот. — Они очень любят фильм «Семнадцать мгновений весны». Раньше у них была мафиозная группировка, потому и клички такие остались — Штирлиц, Айсман...

— Смирно! — гаркнул капитан Шнурков. — Приказ ясен? Выполнять!

ОМОНовцы, расталкивая торговцев пуховиками и «сникерсами», бросились на рынок искать китайских шпионов.

Айсман подошел к Штирлицу.

— По двадцать баксов за шпиона? Не много?

— Справедливо, — ответил бывший разведчик. — Комиссионные десять процентов. Мы-то их в КГБ по двести сдаем.

Штирлиц не любил шпионов. В какую страну ни приедешь, всюду путаются под ногами, смешивают карты, просто мешают работать. Русский разведчик питал к ним профессиональную неприязнь и поэтому подписал с Комитетом Государственной Безопасности договор, по которому его частное агентство вылавливало шпионов, а Комитет

платил деньги.

— Пошли, Айсман, мне надо перчатки купить, — бросил Штирлиц.

— Сейчас, машину закрою, а то угонят.

Штирлиц и Айсман пошли на рынок и остановились возле одного из узкоглазых торговцев.

— Почем пуховик?

— Одиннадцать тысяч, — ответил продавец.

— А перчатки? Это натуральная кожа?

— Коза, коза, — ответил вьетнамец. — Холосая коза! Семь тысяч!

— Можно померить?

— Мозно, — заулыбался вьетнамец. — Только тогда восемь тысяч!

Штирлиц одел перчатки и, любуясь, размял пальцы.

— А можно попробовать?

— Сто? — не понял вьетнамец.

Штирлиц с разворота ударил его морде и пояснил Айсману:

— Не люблю спекулянтов! Ну ладно семь, восемь тысяч, но стольник — это наглость!

«Какая ловкая игра слов!» — про себя восхитился Айсман и поинтересовался у Штирлица:

— Штирлиц, а как мы отличим китайских шпионов от простых спекулянтов, приехавших из Китая?

— Какая нам разница? — логично ответил Штирлиц. — Мы их сдаем в КГБ, а там пусть КГБ и разбирается.

— Да, но тогда наши ребята отловят больше двенадцати шпионов. Куда будем девать излишки?

Штирлиц задумался.

— Сейчас посмотрим. Эй, вставай! Я тебя вовсе не больно ударил, хватит притворяться!

Ты — китаец?

— Нет, я вьетнамец, — просюсюкал узкоглазый. — Бели пелчатки бесплатно! Подалок!

— Взятка! — сообщил довольный Штирлиц. — Взятку дают, когда боятся. А чего ему бояться, если он не шпион?

— Классно рассуждаешь, — восхитился Айсман. — Прямо как Борман. Мне этот китайский шпион сразу показался подозрительным.

— Давай оттащим его к автобусу...

Упирающегося вьетнамца оттащили к автобусу и прицепили наручниками к радиатору. Покупатели сразу налетели на освободившийся прилавок и начали растаскивать пуховики.

— На кого работаешь?

Вьетнамец, пряча голову под руками, молчал.

— Отвечай, когда тебя спрашивает штандартенфюрер СС фон Штирлиц! — возмутился Айсман.

— Ладно, Айсман, к чему такие громкие слова? В КГБ заговорит.

Через полчаса вернулась бригада ОМОН. Все китайские шпионы были отловлены, а продаваемый ими товар конфискован ОМОНовцами для последующих поисков секретной информации или шпионского оборудования. Шесть лишних шпионов пришлось отпустить, но товар им не вернули. Довольные ОМОНовцы галдели, обсуждая, как будут делить конфискованное.

— Рацию нашли? — спросил Штирлиц.

— Никак нет, — вздохнул капитан Шнурков. — Два килограмма героина нашли, а рации нет.

— Да, обидно... Хотя, кому теперь нужна рация!

— Это точно, — согласился Айсман. — Дешевле информацию с «челноками» передавать.

— Господин Штирлиц, — осмелился спросить капитан. — Эти задержанные говорят, что они никакие не шпионы, а простые «челноки».

— Ты прав, — сказал Штирлиц Айсману. — Значит, мы задержали того, кого надо.

— Грузите! — махнул рукой Айсман.

ОМОНовцы затолкали бедных торговцев в автобус, Штирлиц выплатил Шнуркову комиссионные, и автобус уехал.

— Ты что, доверил ОМОНу сдавать шпионов в КГБ? А деньги?

— Деньги я заранее взял! — Штирлиц похлопал себя по карману. — Заводи, Айсман, пора возвращаться в ШРУ. И так уже целое утро работаем!

ГЛАВА 2. УТРАТА БОЛЬШОГО ЧЕРНОГО ПИСТОЛЕТА

На трамвайных путях радио в «Ниссане» защелкало и запищало. Просморкавшись, прокашлявшись и пару раз пукнув в микрофон, диктор сказал:

— А теперь последние новости! На торгах в среду акции частного агентства ШРУ достигли двенадцати ваучеров за одну акцию. Может кончиться соль и спички, могут упасть акции любой преуспевающей фирмы, но шпионаж и шпионы будут всегда! Это вам не фирма «МММ», которую знают все! Что такое ШРУ, чем оно занимается и как расшифровывается, не узнает никто и никогда!

— Правильно говорит, — проворчал Штирлиц. — Секретная служба должна работать скрытно, так, чтобы комар клюва не подточил! Пастор Шлаг гениально придумал акции выпускать. Работы никакой, а деньги текут.

Айсман, нацепив на нос черные очки, вертел баранку и вместе с радио насвистывал популярный в шестидесятые годы рок-н-роллерчик. Штирлиц лежал на заднем сидении, пытался уснуть и ворчал, когда машина попадала на канализационные люки, которые в России почему-то располагают прямо на шоссе.

Проезжая мимо водочного магазина, Айсман встрепенулся и притормозил, потому что вся улица была заполнена народом и проехать мимо, не задавив человек десять, было проблематично. Толпа с любопытством смотрела как около двадцати рэкетиров злобно избивали дубинками продавцов ликеро-водочных изделий.

— Интересно, сколько они запросили с этого магазина? — пробормотал любопытный Штирлиц. — Айсман, надо им помочь.

— Рэкетирам?

— Да нет! Продавцам!

— А зачем? Все равно они все скоро сопьются.

— Слушай, кто, как не мы, будет восстанавливать в городе порядок? У ментов своих делишек навалом, гебисты провокациями разными друг с другом занимаются...

— Ну, в общем, да...

— Сбегай-ка быстренько в подсобку, найди директора и спроси, сколько он нам выплатит за регулирование этого мордобоя.

Айсман вылетел из машины и побежал, расталкивая толпу праздных зевак и собравшихся алкоголиков, в подсобку. Через минуту, когда рэкетеры загасили всех продавцов и разгоняли собравшуюся толпу, Айсман вылетел из магазина с криком:

— Штирлиц! Пол-лимона!

— Тогда пойдешь, скажи им, что магазин охраняется ШРУ.

— Есть!

Айсман поправил повязку на глазу и подошел к рэкетирам.

— Привет, негодяи. Агентство ШРУ. Что здесь творится?

— А тебе какое дело? — грубо отозвался бандит с густыми черными усами. — Вали отсюда, козел, пока не огорчили.

— Хм... — Айсман задумчиво вытащил из-за пазухи мотоциклетную цепь. — Кажется, я сказал тебе даже больше, чем ты того стоишь.

— Сейчас ты у меня договоришься, козел! Я тебе второй глаз выбью, — пообещал

бандит и угрожающе двинулся в сторону Айсмана. Через секунду бандит уже лежал на асфальте, обливаясь кровью и выплевывая свои прокуренные зубы.

Айсман профессионально завертел цепью над головой и бросился на остальных негодяев, направо-налево раздавая болезненные удары. «Моя школа», — с гордостью подумал Штирлиц, любуясь на старого друга из машины.

Все это время Штирлиц старался определить главного зачинщика, чтобы проучить, как следует попинав ногами. По своему опыту, Штирлиц знал, что после этого остальные разбегутся сами. Но остальные почему-то не разбежались. Наверное, главного зачинщика среди них не было.

Айсман запыхался, но уложил почти всех. Тут из подъехавшего фургончика выпрыгнули еще четверо зятянутых в кожу бандитов, в руках которых оказались полыхающие огнем обрезы.

Штирлиц, терпеливо наблюдавший за побоищем, выхватил пистолет и выстрелил первым, уложив одного из нападавших. Айсман тоже достал маузер, подаренный ему Штирлицем, и вступил с бандитами в озлобленную перестрелку.

Шестнадцать поверженных рэкетиров Айсман сложил возле входа в магазин и уже направился к директору водочного магазина, чтобы получить заработанные деньги, как какой-то шум заставил его насторожиться. Из-за угла выскочил здоровяк кавказской национальности на вонючем мопеде. Усатое лицо со сломанным носом злобно скалило белые зубы.

— Стой, где стоишь, пока стоишь! — с густым кавказским акцентом крикнул кавказец и подрулил к Айсману. — Ты кто такой? Отвечай быстро, тогда, может быть, немножко жив останешься!

Айсману этот вопрос явно не понравился. Он хотел дать обидчику по голове, но вместо этого получил по голове сам. Здоровяк набросился на Айсмана и начал пинать его ногами. Штирлиц в машине оторопел.

«Ничего себе! — подумал он. — Какой-то урод мочит моего Айсмана!»

И Штирлиц вылез из машины.

— Эй! — крикнул он кавказцу. — Ты кто такой, чтобы на агентов ШРУ наезжать?

— Я — Гиви Гмертошвили из группировки «Бородатого»! — отозвался тот, не переставая колошматить Айсмана. Айсман выронил маузер и закрыл лицо руками.

— А я — Штирлиц из группировки полковника Исаева, — сообщил Штирлиц и прицелился в кавказца из пистолета.

Услышав имя противника, Гиви перестал бить Айсмана, схватил его маузер и, оседлав мопед, спешно уехал. Штирлиц пару раз выстрелил ему вслед, но пистолет оказался не заряжен.

Охающий от боли, Айсман поднялся и, хромя, подошел к Штирлицу.

— Эта сволочь отняла у меня твой маузер, — простонал Айсман. — А ведь тебе его подарил сам Феликс Эдмундович! Это же исторический маузер! Почему ты его подарил мне, а не сдал в музей?

— Не паникуй, — спокойно сказал русский разведчик. — Я тебе еще один маузер подарю.

— А надпись?

— Выгравирруем!

Подъехавшая милиция начала грузить преступников в «воронок». Благодарный

директор магазина отсчитал Штирлицу деньги.

— Эту сволочь, этого Гиви, я повешу на тридцать втором телеграфном столбе от Казанского вокзала! — решил Айсман. — Штирлиц, если мы сейчас за ним погонимся, может поймает?

— Ну его на фиг! Сам придет, когда жрать станет нечего, — ответил Штирлиц и устремился в кооперативный туалет под названием «Розочка». Айсман задумчиво посмотрел ему вслед.

— Поехали домой, в ШРУ, — раздраженно бросил Штирлиц, вернувшись из туалета. — Называют туалет «Розочкой», а пахнет, я извиняюсь, дерьмом!

— Ну, — рассудительно молвил Айсман. — Это же не цветочный магазин, люди туда, я извиняюсь, по-большому ходят, а не розы нюхать.

— Вот и я говорю, назывались бы тогда просто «Сортир». Или «Говномолотилка», на худой конец.

— Надо было им это предложение в жалобную книгу вписать, — всхрапнул Айсман.

«Ниссан» выехал на проспект и на всех парах помчался к частному агентству ШРУ. Штирлиц снова лежал на заднем сидении, смотря в потолок машины. Ему не нравилось, что бандиты так распоясались в его родном городе. Кстати, и морда кавказского негодяя показалась ему чрезвычайно знакомой.

Штирлиц напрягся и стал копаться в своем прошлом.

Воспоминания Штирлица перенесут нас на несколько лет назад, отчего текст истории будет еще более запутанным, зато потом все станет окончательно понятным.

ГЛАВА 3. МОРАЛЬНОЕ ОПУСТОШЕНИЕ

Плохо быть больным, старым и никому не нужным. Хорошо быть здоровым, богатым и всеми уважаемым. Кто спорит?

Штирлиц поднялся с потертого кресла и встал на колени, чтобы заглянуть под диван. Где-то должна была оставаться бутылка водки, на полстакана должно хватить. Штирлиц пошарил рукой под диваном, но кроме пыли и прошлогодних окаменевших носков ничего не нашел.

«Да, ситуация, — подумал отставной разведчик. — И что теперь прикажете делать? На паперть идти или на панели лежать?»

Кряхтя, Штирлиц поднялся и, покачиваясь, прошел на кухню. Чистой посуды оставалось все меньше и меньше, так что приходилось есть постоянно из грязных тарелок. Он открыл холодильник и зачарованно уставился в его зловонную пустоту. Последняя банка тушенки, которую он специально оставил к празднику 7 Ноября, стояла пустой и старательно облизанной.

«Не иначе, как провалы в памяти, — посетовал Штирлиц. — Видимо, встал я еще ночью и во сне выпил водку и закусил тушенкой... Но почему тогда я голоден и у меня нет похмелья?»

Штирлиц недвусмысленно выругался. Слова, сказанные им, так и остались в его комнате, не вызвав ни у кого никакого протеста или ассоциаций. Штирлиц был одинок и никому не нужен. Вдобавок к этому, он был стар и в плохом настроении. В этот момент в дверь несколько раз позвонили.

«Может быть, сосед? — предположил Штирлиц. — А что, если он даст мне взаймы, а еще лучше просто так? Тогда я назову его хорошим человеком... Или, по крайней мере, хорошо подумаю об этом кретине...»

Опираясь на свой костыль, Штирлиц прошел в захлавленную прихожую и осторожно открыл дверь. На него смотрели два раскормленных мордоворота. Один — кавказец, со жгучими черными глазами, другой — блондинчик, глаза чистые, как слеза самогона. У обоих руки засунуты в карманы.

— Пенсионер Исаев?

— Допустим, — по привычке Штирлиц не любил отвечать на слишком прямо поставленные вопросы.

— Дело есть.

— Ну, проходите.

Штирлиц впустил двоих в свою квартиру, оценивая, не агенты ли это какой-нибудь иностранной державы пришли отомстить ему за проведенную в молодости подрывную акцию.

— Гмертошвили, — с сильным акцентом представился первый, не протягивая, впрочем, руку. — А это мой помощник Шкафчик. Мы из Пенсионного Фонда.

— Гмерто... Как, как?

— Гмертошвили, — повторил кавказец.

— Странная кличка.

— Это фамилия.

— Все равно хрен выговоришь.

— Может быть. Товарищ Исаев, с вами произошла чудовищная ошибка. Вы какую пенсию сейчас получаете?

— Сто тридцать рублей... У меня персональная пенсия, но маленькая.

— Мы именно по этому поводу. Вам надо проехать с нами и сделать перерасчет. Вам будет положено пятьсот тридцать два рублика и тринадцать копеек, — порадовал Штирлица товарищ Гмертошвили.

— А тринадцать-то копеек за что?

— За выслугу лет, за участие в Великой Отечественной войне... Вы ведь участвовали?

Штирлиц широко улыбнулся.

— Ну ты спросил! Да я, как никто другой, поучаствовал! Если бы не я, война до сих пор продолжалась бы, и вся страна сидела бы на голодном пайке...

— Вот видите, Исаев, — кавказец почесал жирный подбородок. — Теперь правда восторжествовала, и вам сделают перерасчет. Будете жить, как барин.

— О! — восхитился Штирлиц.

— Возьмите с собой все документы, какие есть в доме, — сказал Шкафчик, осматривая квартиру. — Военный билет, паспорт, трудовую книжку... Хорошая у вас квартирка.

— Ничего, — согласился Штирлиц. — Сортир совмещен с ванной, балкон с мусоропроводом.

— Одевайтесь и не забудьте взять документы. — поторопил Гмертошвили. — Склероза у вас еще нет?

«Склероза нет, но появились провалы в памяти», — ответил Штирлиц и забыл сказать это вслух.

Он быстро собрался и нашел старый потертый портфель со своими документами. «Вот так живешь, живешь, и вдруг жизнь преподносит тебе очередной приятный сюрприз. Вернее, преподносит просто сюрприз, но на этот раз он почему-то оказывается приятным», — размышлял Штирлиц.

Они спустились по лестнице и вышли во двор, где стоял «Рафик» с наглухо зашторенными окнами.

Сосед, сидевший на лавочке, поздоровался со Штирлицем простуженным голосом и хотел напомнить о долге в двадцать рублей, но постеснялся мордастых спутников Исаева. Штирлиц принял загадочный вид, словно находился на секретной операции, и, не глядя на своего кредитора, важно сел в машину. Сотрудники Пенсионного Фонда последовали за ним. «Рафик» умчался и обратно Штирлица уже не привозил.

ГЛАВА 4. ПЕНСИОННЫЙ ФОНД

Машина остановилась у заброшенного трехэтажного здания, которое было предназначено на снос. Штирлиц и его спутники прошли через строительный мусор и спустились по загаженной лестнице в темный подвал.

Шкафчик открыл скрипучую дверь ключом. Перед глазами Штирлица предстал длинный, плохо освещенный коридор. Его повели, поддерживая под руки, вдоль редких оцинкованных дверей. Коридор был мрачным, местами в каких-то подтеках, с неприятным запахом, напоминая тем самым бункер фюрера в мае сорок пятого.

— Здесь находится Пенсионный Фонд? — спросил Штирлиц.

— Да.

— Странное место. Какие-то подвалы, казематы... Прямо тюрьма.

— Чтобы никто не узнал, — пояснил кавказец. — Представьте себе, сколько граждан сбежит в Пенсионный Фонд, если узнает, где он находится!

— Логично, — согласился Штирлиц, которого ни на минуту не покидало радостное настроение. — Если узнают, что тут повышают пенсию, очередь будет, как в Мавзолей.

Шкафчик хрипло хохотнул.

Штирлиц зашагал быстрее, помахивая впереди себя костылем, чтобы не наткнуться на какую-нибудь арматуру.

— Все, пришли, — доложил Шкафчик. — Стыдоба на месте?

— Куда он денется, — лениво отозвался кавказец.

Они остановились возле стальной двери. На этот раз Шкафчик приподнял возле косяка планку штукатурки, под которой обнаружился цифровой наборник, и набрал несколько цифр. Штирлиц, по своему обыкновению, произвольно запомнил: «24531961». Дверь отъехала в сторону. Штирлица провели в помещение, почти такое же мрачное, как и подземелье, по которому они только что шли.

— Дед, подожди здесь на стульчике, сейчас мы отметимся, и тебя со всей душой примут.

Гмертошвили и Шкафчик быстро скрылись за другой дверью, откуда сразу же послышались приглушенные и сердитые голоса.

Штирлиц присел на стул и осмотрелся. Окон в помещении не было. Вдоль стен стояло несколько стульев, в центре красовался бильярдный стол с тремя одинокими шарами. Штирлиц взял кий и стал гонять шары, стараясь попасть в какую-нибудь лузу, но все как-то не получалось.

«Интересно, о чем можно так долго и так скрытно разговаривать?» — подумал он и подошел к двери. Приложив свое ухо, Штирлиц стал подслушивать. Этого делать он никогда не любил, но к старости, определенно, приобретает дурные привычки.

Тут дверь внезапно распахнулась, и Штирлиц ввалился в другое помещение, похожее на ангар для подводных лодок. Здесь было просторно. Кроме двух уже известных Штирлицу мордovorотов, перед ним стоял человек в белом халате, броско заляпанном чем-то ярко-красным. Рукава халата были завернуты, большие руки, украшенные татуировками, напомнили Штирлицу руки гестаповских костоломов.

Гмертошвили, который как раз прятал в карман пачку десятков, сообщил:

— Главный не занят, старик. Тебя сейчас быстро примут и отпустят.

— Меня зовут Мавр Феоктистович Стыдоба, — представился мужчина в халате, перебрасывая на губах окурок гаванской сигары. — Как там наверху, старик, солнышко светит?

— Светит, но не греет, — ответил Штирлиц, которому в очередной раз не понравилось, что его называют то «дедом», то «стариком». Кому другому он уже давно дал бы в рыло, но эти товарищи обещали ему повысить пенсию...

— Понятно. Где его документы?

— У него.

— Документы на стол!

Штирлиц подошел к одному из столов, покрытых серым брезентом, и вывалил из портфеля кипу бумаг.

— Вам о повышении моей пенсии лично Леонид Ильич позвонил? — спросил он.

— Кто?

— Кто-кто! — передразнил Штирлиц. — Генеральный секретарь ЦК КПСС Брежнев!

Стыдоба покрутил пальцем у виска.

— Старикан, твой Брежнев давно уже дал дуба! Газеты надо читать!

— Что вы говорите? В последнее время я что-то политикой не интересовался, — оправдался Штирлиц. — Газеты у меня из ящика воруют, поэтому я их не выписываю. А кто теперь хозяин?

— Михал Сергеич Горбачев.

— Не слышал... Он как, ничего?

— А то! «Даешь новое мышление, товарищи!» — ошибаясь в ударении, процитировал Стыдоба жизненную позицию нового хозяина страны. — «Надо углубить, и тогда все сформируется». Ладно, некогда нам лясы с тобой точить, — Мавр Феоктистович начал перелистывать документы Штирлица.

Штирлиц от нечего делать посмотрел на соседние столы. Вдруг он отчетливо увидел, что из-под одного брезента выглядывают чьи-то грязные, посиневшие ноги. Бывший разведчик насторожился.

— Странный у вас Пенсионный Фонд. Очень похоже на морг...

— Какая тебе разница, дед? — грубо спросил Гмертошвили. — Тебе все равно на кладбище пора! Днем раньше, днем позже...

«Ловушка», — понял Штирлиц.

— Спасибо на добром слове, — сказал он и неожиданным прыжком метнулся к двери.

Гмертошвили хохотнул. Поигрывая ломиком, оказавшимся в его руках, злодей приблизился к разведчику. Шкафчик достал из-под стола тяжелую цепь.

— Стой спокойно, а то сейчас как дам по голове! — угрожающе сказал Гмертошвили, замахнувшись ломом.

Штирлиц вмазал ему промеж глаз своим костылем, кавказец отлетел и повалился на один из столов, опрокинув лежавший на нем труп. Мертвец упал на пол и застыл в позе, словно нищий, просящий на пропитание.

Здоровяк Шкафчик ударил Штирлица цепью по ногам, а потом по голове. Заливаясь кровью, Штирлиц упал, и Шкафчик уселся на него верхом.

— Мавр Феоктистович, давайте хлороформ! На этот раз прыткий попался, в десанте, наверно, служил!

— Скоты! — стонал Исаев. — Избивать старого больного человека!

Стыдоба приложил к лицу пенсионера грязный платок, обильно смоченный хлороформом. Через минуту Штирлиц уже ничего не чувствовал.

Гмертошвили наложили на нос компресс, а тело Штирлица перенесли на стол, освободившийся во время потасовки.

— Кто он такой? Что там у него в паспорте? — спросил Гмертошвили.

— Написано Исаев, а больше ничего не видно, — ответил Стыдоба. — Все кровью заляпано.

— Хрен с ним, какая разница! Брось документы в топку. Теперь его прошлое не имеет никакого значения.

— Это точно, — заулыбался Шкафчик.

Трое негодяев снова подошли к Штирлицу.

— Однако, слишком стар, может не вытянуть, — заметил Стыдоба, осматривая добычу.

— Крепкий старикан, — кавказец пощупал сломанный нос. — Попробовать можно.

— Попробовать, попробывать! Ты-то смотреть будешь, а мне работы на два часа! За две недели — двенадцать трупов, не могут перенести операцию, и все тут! Эх, какие при Брежневе были пенсионеры! Блеск! Взять, например, Толика... Здоров, как бык! Жалко, крыша поехала...

Стыдоба натянул резиновые перчатки и достал чемоданчик с инструментами. Штирлица раздели и протерли ребра на правой стороне спиртом. Хирург нашел в куче сваленных инструментов скальпель почище и сделал разрез, из которого волнами хлынула кровь. Кровь остановили, и Стыдоба достал капсулу, которую приложил к желудку.

— Подсосалась?

— Кажись, да, шеф.

Капсула со смачным хлопом вошла в желудок, Стыдоба удовлетворенно хмыкнул. Штирлица зашили.

— Может, хоть с этим повезет. Все органы у него в порядке.

— Наверно, вел здоровый образ жизни.

— Ясное дело, раз политикой не интересовался и газет не читал.

— Это точно. Есть еще такие старики, которые за собой следят, — сказал Стыдоба, ожидая, что его тоже похвалят, но двое сообщников промолчали. Тогда Стыдоба пошпионски пошутил: — Хотя как можно следить за собой? Это же извращение!

Негодяи достали бутылку водки и, посмеиваясь, стали без всяких тостов пить, не обращая никакого внимания на окружающие их трупы.

ГЛАВА 5. ШЕСТЬ МЕСЯЦЕВ В ЗАТОЧЕНИИ

Штирлиц очнулся в отвратительном настроении. Так часто бывает, когда просыпаешься в заточении на железной кровати. Он вяло откинул одеяло и обнаружил на себе полосатую пижаму заключенного.

При детальном осмотре на левой стороне живота обнаружился большой шрам, замотанный бинтами. Под бинтами болело.

«Распотрошили, — подумал Штирлиц. — Садисты».

На соседней койке лежал заросший, нечесаный парень, который что-то бормотал во сне. Целый час Штирлиц прислушивался, но так ничего и не понял. Наконец, парень проснулся. Он резво вскочил и, не обращая на соседа никакого внимания, начал бегать по комнате, распевая:

— Эх, долго ли, коротко ли, шел я по кривой дорожке, да пришел черт-те знает куда...

— Эй, гражданин! — окликнул Штирлиц. — Где я?

— Здесь, — беспечно ответил придурковатый парень. — В жопе.

Штирлиц встал и схватил паренка за грудки.

— Я тебя, кажется, о чем-то спросил!

Парень посмотрел на Штирлица мутными глазами.

— Только тронь, попробуй! Я драться не умею, я если бью — сразу насмерть!

Штирлиц дал ему по зубам, парень повалился на кровать и заплакал.

— Ну что, пацан, будешь говорить?

— Какой я тебе «пацан»? — захныкал сосед. — Мне восемьдесят два года! Я здесь уже пять лет сижу... Меня Толик зовут... Как там наверху? Говорят, какая-то перестройка? Кто нынче у власти?

— Свои, — лаконично ответил Штирлиц, отпуская уже поднятый кулак.

— Здесь тепло, кормят каждый день, — сменил тему паренек, перестав плакать, и радостно запрыгал на кровати. — Хочешь я тебе неприличную частушку спою?

— Одну?

— Ага.

Толик вскочил с железной кровати и вприсядку прошелся по комнате. Обнаружилось, что одна штанина обмотана у него вокруг ноги, вторая оторвана вовсе. Потанцевав, Толик встал, широко раскинул руки в стороны и прокричал в лицо Штирлицу:

— Триппер — это не болезнь, то ли дело сифилис! Моя Манька заболела, все клопы повывелись! И-эх!..

— Чудак ты первой величины! — заметил Штирлиц, вытирая непрошеную слезу.

Да, тяжело жить рядом с придурком. Штирлиц вздохнул. Впрочем, это был не первый дурдом в его жизни.

Заскрежетали железные двери, в комнату вошел Шкафчик, одетый в белый халат.

— Здорово, старички. Пожрать вам принес...

— Ты санитар? — спросил бывший разведчик.

— Теперь санитар.

— Так бы сразу и сказали, зачем было лапшу вешать про пенсию...

Штирлиц нехотя поел. Потом Шкафчик нацепил на него какие-то датчики и полчаса снимал показания загадочных приборов. Закончив, он сделал Штирлицу укол, от которого

разведчик снова забылся. На мгновение ему показалось, что сквозь дымку и пелену сна над ним склонилось лицо Бормана. Штирлиц перекрестился и пробурчал ему «Сгинь, нечистая сила!» — и отключился полностью.

Дни Штирлица были пусты, как глаза обнищавшего наркомана.

Месяцев через шесть Штирлиц обнаружил, что у него обновилась кожа, осанка выправилась, стали слушаться руки и ноги. Да и шрам, оставленный подземельным хирургом Стыдобой, вскоре бесследно рассосался. Штирлиц подошел к зеркалу и уставился на свое отражение. Перед ним стоял молодцеватый офицер СС, правда в изношенной больничной одежде, но все равно — красавец штандартенфюрер!

— Едрена вошь, господин Штирлиц! — сказал русский разведчик зеркалу. — Видимо, придется нам еще повоевать.

Когда снова пришел Шкафчик, Штирлиц принял самый воинственный вид.

— По какому праву меня держат в заточении?!

— Помолчал бы ты, старик, по-хорошему, — посоветовал Шкафчик.

— Я — Герой Советского Союза! — возмутился Штирлиц. — И не позволю, чтобы со мной разговаривал в таком тоне какой-то коновал!

— Советского Союза больше не существует, — ответил санитар, поставил на столик скудный паек, зевнул и вышел, плотно закрыв за собой дверь.

— Зато герои пока не перевелись!

Штирлиц схватил столик и стал лупить им по стальной двери. Гул от раздаваемых ударов понесся по всей подземной лаборатории. Не прошло и пяти минут, как в комнату вошел, кто бы вы думали? Борман!

— Борман! — удивился Штирлиц.

— Здравствуй, Штирлиц.

— Ты куда пропал после Кореи? Я тебя искал, думал, сходим в пивняк, пиво попьем...

Штирлиц не кривил душой, он действительно разыскивал Бормана, чтобы взять у него в долг денег.

— Работал в аппарате на Брежнева, — важно молвил Борман, присаживаясь на койку. — Теперь вот участвую в секретном проекте ГКЧБ.

— КГБ? — переспросил Штирлиц.

— Нет. Главного Комитета Чрезвычайной Безопасности, это гораздо круче.

— Спасибо, что пришел меня освободить, — похвалил его Штирлиц.

— Видишь ли, отпустить тебя не в моей компетенции, — ответил Борман, осторожно отходя к стене на некоторое расстояние от Штирлица.

— Как это, не в твоей компетенции? А говорил, твоя новая контора гораздо круче КГБ?

— Понимаешь, когда тебя взяли, никто же не знал, что ты — Штирлиц. А теперь ты стал строго секретной информацией. Тебя уже никогда не выпустят отсюда, так что привыкай... Это дело государственной важности.

— Борман, сволочь! Где благодарность? Я выполнил уже около тридцати самых важных государственных заданий!

— Ну и что! — отмахнулся Борман. — Я бы и сам их выполнил, если бы мне их поручили!

— Ну, знаешь ли! — Штирлиц обидчиво отвернулся от Бормана, но тут же решил, что обижаться рано, надо выманить из бывшего партайгеноссе побольше информации. — Постой, я что-то не понял, а в чем заключается секретный проект? Я о нем ничего не знаю,

меня можно смело выпускать.

— Ты сам — часть секретного проекта «Вторая молодость», — объяснил Борман.

— Ничего не понимаю, это как-то связано с партийными миллионами за границей? — осторожно спросил Штирлиц.

— Да нет, при чем здесь партийные миллионы?

— Ким Ир Сен?

— Какой в задницу Ким Ир Сен? Он уже давно забыл про тебя из-за склероза. Хватит тебе, Штирлиц, на кофейной гуще гадить! Если хочешь знать о проекте «Вторая молодость», я тебе все расскажу, хотя тебе это не пригодится.

Борман присел на стул.

— Вот представь себе, человек трудится в поте лица всю жизнь, идет-идет по служебной лестнице, спотыкается, скатывается вниз, поднимается снова и вот — становится Генсеком. Потом он работает-работает и вдруг умирает от старости! Разве это справедливо? Сколько людей мы из-за этого потеряли! Поэтому нашему секретному отделению ГКЧБ было поручено заняться проблемой омолаживания: вставляешь в Генсека капсулу «Второй молодости», и он спокойненько работает дальше.

— Тем более, что в любой момент можно нажать на кнопку и убрать Генсека, если он станет делать что-то не так, верно? — обронил Штирлиц.

Борман ядовито хрюкнул.

— Ну... В сообразительности тебе, Штирлиц, не откажешь... Но кнопки возможны только если бы Генсеков резали, как тебя. Однако, руководители проекта хотят обходиться без операций. Им ведь тоже когда-нибудь понадобится... Проект «Вторая молодость» был предназначен для Брежнева, но ты, наверное, знаешь, не уберегли мы его, не успели. Зато теперь все отлажено. Посмотри на себя — ты живой и здоровый! Как огурчик!

— Что значит «отлажено»? — переспросил Штирлиц.

— Мы отлавливали никому не нужных пенсионеров, которых потом никто бы не стал искать. Документы уничтожали, так что человека, считай, что и не было. На них-то и проводили опыты, все равно ведь помрут! И государству польза, экономия на пенсиях, и нам удобно, — Борман заулыбался, что-то вспоминая. — Сначала ничего не получалось. Пенсионеры или просто загибались, или молодели, но впадали в старческий маразм. Вот, посмотри на Толика — этот хоть выжил. А ты, Штирлиц, пока наша единственная удача! Полный успех!

— Ну да, успех! Изрезали всего вдоль и поперек!

— Я же уже говорил! — обиженно воскликнул Борман. — Это только на первых порах резали. Сейчас мы работаем над созданием специальной таблетки. Уже почти закончили. Выпил одну — десять лет скинул, выпил две — двадцать. Стыдоба — гений!

— А ты — фашист!

Игнорируя замечание Штирлица, Борман хихикнул.

— Ты пойми, Штирлиц, я бы тебя выпустил, мне не жалко. Но тебя теперь изучать надо, чтобы других омолаживать. А выпусти тебя, так ты же можешь спутать Большую Игру. Кто знает, что тебе придет в твою умную лобастую голову?

Штирлиц пожал могучими плечами.

— Вот видишь! — воскликнул Борман и задумался. — Ладно, уговорил. Чего не сделаешь по старой дружбе. Дай честное слово старого коммуниста никому не говорить об этом секретном проекте, и я о тебе похлопочу.

— Я на сделки с предателями Родины не иду, — ответил морально устойчивый Штирлиц.

— Я — не предатель! — обиделся Борман. — Я работаю на представителей высшего эшелона власти!

— Вот и кати на своем паровозе в Тунгусскую степь! — ответил Штирлиц, лег на кровать и отвернулся лицом к стене, показывая, что разговор у него с предателями короткий.

Не тратя время на разговоры, Борман быстро ретировался за стальную дверь. Все равно он не собирался хлопотать, просто хотелось посмотреть на унижающегося Штирлица.

После разговора с Борманом Штирлиц тосковал до тех пор, пока у него не возник план. Он снова принялся бить столиком в стальную дверь, сопровождая свои удары громкими требованиями выполнить его личную просьбу.

Штирлиц злодействовал два часа, причем, орал он таким противным голосом, что достал даже Толика, который мучительно сочинял вторую неприличную частушку. Вдохновение у идиота ушло, оставив, впрочем, первую творческую удачу.

Наконец стальная дверь открылась и в проем заглянул Шкафчик.

— Ну чего тебе?

— Скажи, пусть мне вернут мои ботинки, у меня по ночам без них ноги мерзнут.

— Хорошо, — после минутной паузы ответил Шкафчик, — но только без шнурков.

— Это еще почему?

— Господин Борман сказал, что с тобой надо быть осторожным. Ты можешь веревочную лестницу сплести, как граф Монте-Карло, — ответил Шкафчик.

«Козел!» — подумал Штирлиц и прилег на кровать отдохнуть.

На следующее утро Шкафчик облазил всю помойку, пока не нашел грязные и дырявые ботинки Штирлица.

— На, дед, носи, — сказал он, бросая их в камеру через окошко. — Этим ботинкам, небось, лет триста.

Когда санитар ушел, Штирлиц кинулся к своим ботинкам. Это были та самая диверсионная обувка, в которой он побывал в Корее. Оторвав зубами подошву, Штирлиц достал то, что было под ней спрятано. Долгие годы в этой обуви у него сильно сбивались ноги, натерлись трудовые мозоли, и вот только теперь мучения Штирлица были вознаграждены. Исаев высыпал добычу на кровать.

Проявляя чудеса изворотливости и изобретательности, из каких-то безобидных винтиков и проволочек, он быстренько собрал мощную рацию, действовавшую на расстоянии до пятидесяти километров. Из-под другой подошвы Штирлиц извлек напильник, гвозди, четыре метра прочной веревки и свой самый любимый кастет.

Толик зачарованно смотрел за работой Штирлица.

— Штирлиц? Ты че удумал-то?

— Побег. Рванешь со мной?

— А куда?

— Туда, — сказал Штирлиц, кивая на потолок.

— А на фиг?

— А фигля!

— А че там делать-то? Жрать нечего. Да и найдут нас все равно эти гекечебисты...

— Я же тебе рассказывал, что я засекреченный супер-агент. Я так сбегу, что меня ни одна собака не найдет!

— Тогда как же ты сюда попал? — спросил Толик.

— Я был на пенсии, — ответил Штирлиц. — Ну, так как?

— Нет. Мне и здесь хорошо, — ответил Толик. — Буду и дальше косить под идиота, а меня будут кормить-поить. Я вот новую неприличную частушку придумал. Хочешь, могу спеть.

— Не хочешь бежать, сиди тихо, придурок!

Толик задумчиво посмотрел на своего сокамерника и покрутил пальцем у виска. Штирлиц менялся прямо на глазах. Например, на лице бывшего разведчика появилось злое и упрямое выражение, и он действительно стал похож на супер-агента.

— Прием! — сказал разведчик в рацию. — Как слышите меня, прием?

— Вам кого? — отозвался испуганный голос.

— Шлага!

— Какого «шланга», — ответил голос, в котором Штирлиц признал голос своего агента.

— Товарища Иванова! — поправился Штирлиц.

— Ах, директора! — обрадовался голос. — Он ушел кормить бегемота. Что ему передать?

— Директору или бегемоту?

— Директору...

— Пусть накормит бегемота как следует! — ответил Штирлиц и задумался: «Какие еще бегемоты?» — Прием, прием! Шлаг, это Штирлиц, отвечай немедленно, а то пожалеешь!

Рация замолчала, это опечалило супер-агента. Пастор Шлаг был единственным агентом Штирлица, который предположительно находился в Москве. Сразу после Кореи Шлаг приехал в СССР из ФРГ как турист, встретился со Штирлицем и, после недельной пьянки, попросил политического убежища и русскую фамилию «Иванов». Об этом писали газеты.

В пять вечера для вечерних экзекуций к подопытным заключенным снова пожаловал санитар Шкафчик. В руках у него был большой шприц с мутной жидкостью, который он нацелил на Толика.

— Снимай штаны, Толян, щас тебе успокоительное вколем! Ты, Исаев, тоже готовься.

— Послушайте, Шкафчик! — вежливо поинтересовался Штирлиц. — А что это вы все время одним и тем же шприцом колете? Вы про СПИД слышали?

— Тебя, старого козла, не спросили! — огрызнулся мордovorот Шкафчик.

Штирлиц ядовито усмехнулся.

— Ну ты и урод! — бросил он санитару. — Тебя надо было не Шкафчиком назвать, а, например, Лифчиком.

— Чего?! Нарываешься, козел? — рассвирепел грубый санитар. — А в рыло?

— Можно и в рыло, — не стал возражать Штирлиц и навесил санитару кастетом прямо в нос, отчего Шкафчик отлетел к стене, а потом, отпружинив, повалился было на Штирлица, но русский разведчик успел отпрыгнуть.

— В живых людей шприцом тыкать, да? — распалял себя Штирлиц. — Ах ты, фашистская морда!

Отдавшись волне энтузиазма, Штирлиц начал лихо пинать непрерывно поскуливающего санитаря ногами, приводя Шкафчика в неузнаваемое состояние. На помощь Штирлицу коршуном подлетел Толик, ударивший санитаря табуреткой по голове. Шкафчик затих.

— Что-то ты не подрассчитал, — заметил Штирлиц. — Он отрубился, и теперь ему не

больно.

— Я же тебе говорил, я, если бью, сразу насмерть!

Штирлиц, пожимая плечами, внимательно посмотрел на Толика.

— Ну что, идешь со мной?

— Не, — отозвался Толик, таким же коршуном возвращаясь в свое гнездо.

— Тебя же за этого раздолбая убьют...

— Меня-то за что? — справедливо возмутился Толик. — Я им скажу, что это ты его уложил.

— Логично, — согласился разведчик.

Штирлиц обыскал образовавшийся труп и достал тяжелые камерные ключи. Кивнув на прощанье своему соседу, легендарный разведчик вышел за дверь из мрачной камеры, в которой он провел шесть долгих месяцев.

Штирлиц помнил код стальной двери, через которую его когда-то привели в подземную лабораторию, чего тут не запомнить — год смерти Ленина, Сталина, первый полет Юрия Гагарина: «24531961».

— Эй! — раздалось за спиной русского разведчика, пока он набирал код. — Ты что тут делаешь?

Штирлиц обернулся и обнаружил перед собой доктора Стыдобу с пистолетом в руке.

— Доктор, вы — гений! — признал Штирлиц. — Я просто восхищаюсь вами!

— Хм, — Стыдоба скромно потупился. — Ну, что вы...

Возразить доктор не успел, потому что Штирлиц резко выбросил вперед руку и нанес гению сильный удар кастетом. Лицо Мавра Феокистовича превратилось в кровавую маску, и он упал бездыханный.

Стараясь не привлекать к себе внимания, Штирлиц вышел за дверь и плутал потом по подземным переходам всю ночь, выбравшись на поверхность только под утро. Эту дорогу он запомнить не смог, зато Бормана пообещал найти и пристрелить, как бродячего музыканта!

ГЛАВА 6. ПАРТИЙНЫЕ МИЛЛИОНЫ ПРОФЕССОРА ПЛЕЙШНЕРА

Штирлиц проснулся под забором, возле которого была свалена большая куча строительного мусора.

Оставшись без крыши над головой и без средств к существованию, Штирлиц приуныл, но ненадолго. В конце концов он получит «вторую молодость», крепкие мускулы и тридцатилетнюю внешность. А острый ум у него был всегда. Штирлиц снова был своим среди своих, но сейчас эти «свои» могли его забрать в любую минуту.

Разведчик стал снова вызывать пастора Шлага, но тот упрямо молчал, видимо, не на шутку перепугавшись от вызова Штирлица. Пообещав себе припомнить это пастору, разведчик осмотрел себя с головы до ног. В тюремной одежде он походил на бомжа, чем и решил воспользоваться.

Штирлиц поселился на Казанском вокзале среди нищих. Сначала у него возникли с ними некоторые разногласия, но двумя ударами своих кулаков, он быстро осуществил «мирное сосуществование». Вскоре он даже сдружился с нищим по имени Евлампий, который добровольно одалживал ему на ночь свою телогрейку.

Нищенствуя, Штирлиц уже через неделю набрал необходимую сумму, чтобы обновить гардероб и поселиться в «Метрополе». На этом Исаев простился со своими новыми друзьями.

В гостиничном номере Штирлиц смог наконец-то расслабиться. Через пару дней, смотря по телевизору «В мире животных», он понял, что упомянув о бегемоте, пастор Шлаг, проговорился. «Неужели кто-то доверил пастору быть директором зоопарка?» — покачал головой Штирлиц. Теперь он знал, в каком месте пастор Шлаг мог кормить бегемота.

Через двадцать минут обновленный супер-агент вышел из номера и быстрым шагом направился к Московскому зоопарку.

Если не считать женщин, то самой большой любовью пастора Шлага с детства были бегемоты. Изучению этих замечательных животных он посвящал все свое свободное время. В берлинском зоопарке было четыре бегемота, пухленький Шлаг часто ходил посмотреть на своих толстых любимцев и чем-нибудь их угостить. Он читал только о бегемотах и соглашался говорить только о них. Из-за своего необыкновенного увлечения Шлагу с большим трудом удалось окончить духовную семинарию. Хорошо еще, что и в Библии упоминались бегемоты.

Потом настала война. Фашисты зверствовали направо и налево, пастор попал в руки Гестапо, но его спас Штирлиц.

Работая на Штирлица, пастор Шлаг оказался в Москве, где и осел в виде «законсервированного специального агента». Долгие годы от Штирлица не поступало никаких известий, пастор Шлаг повеселел и решил наконец-то удалиться на покой. Он приложил все усилия, чтобы устроиться на работу в зоопарк и с годами дослужился до директора зоопарка, сменив свою фамилию на Иванова, чтобы не считали евреем. Выбирать ремесло, в общем-то, не приходилось. Шлаг хотел стать православным священником, но в Советской России те, у кого имелись деньги, были партийными атеистами, а у остальных денег не было, поэтому набрать для своей церкви прихожан пастору не удалось.

Когда Штирлиц вызвал его по экстренной связи, директор Иванов не на шутку

перепугался и в тот же день уничтожил опасную рацию, кинув ее в бассейн к бегемоту. Штирлиц был способен внести в его строгую и налаженную жизнь кромешный абсурд и идиотский бардак. Снова попадать в руки супер-агента пастору Шлагу не хотелось. Шлаг и так уже прожил долгую, полную опасностей жизнь и хотел умереть спокойной смертью, по возможности, среди любимых им бегемотов.

Штирлиц стоял возле бассейна и с доброй улыбкой кормил бегемота вкусными булками с маком. Заглатывая жратву, бегемот радостно похрюкивал и подмигивал Штирлицу своими хитрыми глазами. Бегемот был старым, как дедушкин шкаф, но глаза его смотрели на Штирлица с живой и неограниченной любовью.

Пастор Шлаг затравленно наблюдал за Штирлицем из-за кустов.

— Вот ты где, — не оборачиваясь, сказал Штирлиц. — Я тебя повсюду ищу.

Пастор Шлаг задрожал, как осиновый лист, в который вогнали осиновый кол. Он выполз из своего укрытия и виновато подошел к начальнику.

— Сбегай-ка за пивом, а то я поиздержался на твоём бегемоте. Прожорливый, как я в молодости. Вместе с пивом купи три упаковки «Педигри Пала», знаешь, такой корм для собак...

«Бегемот не ест собачью еду», — подумал пастор, но повиновался.

Через час они сидели со Штирлицем в дирекции зоопарка, и Штирлиц, молча глядя на пастора Шлага, обдумывал план предстоящей операции.

— Штирлиц, вы что-то опять замышляете? — поинтересовался пастор.

— Ага. Поживу пока у тебя. Кстати, попробуй, «Педигри Пал» с пивом — это просто класс!

Штирлиц всю захрустел собачим кормом.

— Сын мой, я не пью горячительных напитков.

— Бегемот мне твой понравился. А то бы я тебе все зубы выбил, — сообщил Штирлиц, посмотрев на пастора своими добрыми глазами.

— Они у меня и так вставные, — перекрестился пастор.

— С сегодняшнего дня будешь снова работать на меня. Вот возьми, отнеси на телеграф.

Штирлиц протянул пастору листок бумаги, после чего повалился на служебный диван и оглушительно захрапел.

В этот же день пастор дал срочную телеграмму в Швейцарию на имя профессора Плейшнера. Это был не тот профессор Плейшнер, который выпал из окна, нарвавшись на засаду, а его брат-близнец. Телеграмма была написана понятным, доступным языком, исключая неправильное или двусмысленное толкование, как это часто бывает, когда пользуешься шифровками.

«Профессору Плейшнеру от Штирлица. Загрузай два полных чемодана того самого, что мы клали в банки, и СРОЧНО вылетай в Москву. Если доружишь своей вставной челюстью, не задерживайся, иначе я за себя не отвечаю. Встречаемся в дирекции московского зоопарка. Пароль тот же. Твой начальник Штирлиц».

Выбравшись из застенков ГКЧБ и получив «вторую молодость», Штирлиц решил пожить в свое удовольствие.

Несколько лет назад, с блеском закончив операцию в Северной Корее, он по личному поручению Леонида Ильича занимался переправкой миллионов коммунистической партии в Швейцарские банки. Связным у Штирлица был профессор Плейшнер, который как раз и открывал для коммунистов счета. С годами все остальные агенты порастерялись, и номера

счетов знал теперь только профессор Плейшнер. И это знал Штирлиц.

Разведчик улыбнулся. Профессор Плейшнер вылетит в Москву ближайшим рейсом. У Штирлица длинные руки, что-то, а это Плейшнеру было прекрасно известно, и послушаться он не осмелится.

Вскоре у Штирлица будет два чемодана валюты и никаких хлопот.

Выйдя на свободу, знаменитый пилот Руст снова купил себе спортивный самолетик и полетел на Красную площадь. По привычке он приземлился возле Мавзолея, и его незамедлительно «завинтили».

— Люблю писать мемуары, — заметил пилот в интервью газете «Аргументы и факты». — У вас в Лефортово так хорошо пишется!

«Писателя» увезли в полицейской машине, никто и не узнал, что и на этот раз спортивный самолет Руста нес еще одного пассажира — профессора Плейшнера с двумя тяжелыми чемоданами.

Профессор выпрыгнул из самолета над московским зоопарком и стремительно полетел к земле. Основной парашют почему-то не раскрылся, а запаски не было, поскольку самолет был маленький, и Руст возражал против лишнего багажа. Плейшнер сильно ударился ногами, а потом головой, но это было ничего. Помня о том, как погиб его брат, профессор полгода тренировался по прыжкам с высоты без парашюта и приобрел стойкий иммунитет на падение, так что все кончилось благополучно, если не считать того, что от удара о землю у профессора выскочила вставная челюсть и, откатившись, упала в бассейн к бегемоту.

Отряхнувшись и отпугивая посетителей чернотой своего рта, профессор пошел к дирекции. Штирлиц встретил его объятиями и спросил:

— Чемоданы принес? Молодец! А почему без зубов?

— Там феть было шкажано: «шлично!» — отрапортовал самый быстрый агент Штирлица.

— Молодец, — Штирлиц похлопал профессора по плечу. — Садись, перекуси после дороги... Пастора Шлага возле бегемота не видел?

Поглощая предложенную манную кашу, Плейшнер отрицательно помотал головой.

— Шлушай, Штишлиш! Я жато ждешь такохо штрауша фидел! Штоит, понимаешь ли, а холову жарыл в пешок, и шо он там телает?

— Свои яйца ищет, — заметил Штирлиц, осматривая профессора Плейшнера. — Слушай, брат, ты, я смотрю, постарел еще больше, чем я!

— Да што ты Штишлиш! Ты фэфсе не поштафел!

— Еще раз, назовешь меня «Штишлиш», и я тебе все зубы вышибу! — пригрозил Штирлиц, которому уже надоело такое обращение.

В ответ профессор Плейшнер показал свой беззубый рот и радостно заулыбался. Это был первый раз, когда он не испугался угрозы Штирлица.

«Все норовят меня провести, — подумал Штирлиц. — Ладно, к чему ссориться с друзьями, когда можно жить дружно...»

— Пожрал? Давай вставай, выворачивай карманы.

— Да бфось ты, Штишлиш, ты мне што, не дофедяешь?

— Нет, — не стал скрывать русский разведчик, ставя профессора лицом к стене. — Ноги на ширину плеч, руки за голову... Так, это что такое?

— Это мне фафушка оштафила... — Плейшнер с жадностью посмотрел на извлеченные из его карманов доллары.

— Не может быть у таких, как ты, бабушек, — ответил Штирлиц, вычищая карманы профессора. — Садись.

Пристыженный профессор сел за стол.

— Эти деньги получишь на карманные расходы, когда я обменяю их на рубли, — Штирлиц открыл чемодан и бросил в него найденные у профессора две пачки долларов. — Не хватало еще, чтобы тебя посадили за валютные махинации. Сейчас здесь с этим строго...

— Шоглашен, — кивнул своей плешивой головой профессор Плейшнер.

— Будешь, как и раньше, работать на меня. Ставлю тебя на довольствие, деньги будешь получать только из моих рук. Если узнаю, что ты подрядился работать на кого-нибудь еще, во! — Штирлиц выставил перед профессором свой пудовый кулак. — Удавлю, гнида! Я твоих шуток не понимаю!

— Я шоглашен. У меня и план есть! Нато нам фирму офганизовать! Типа ШРУ!

— Вставь сначала зубы, потом поговорим...

ГЛАВА 7. ВСТРЕЧА В МОСКОВСКОМ ЗООПАРКЕ

Через день, когда профессору Плейшнеру вставили новые зубы, стало понятно, что он хочет сказать. У профессора были очень серьезные намерения. Насмотревшись за границей на коммерсантов, он хотел вовлечь Штирлица в частный бизнес.

— Нам надо открыть свою частную фирму!

— А чем мы будем заниматься?

— По своей специальности, шпионажем, — ответил Плейшнер. — То, что ты и я умеем делать лучше всего. Откроем свою фирму, типа ШРУ, тьфу, проклятая привычка! Я имел ввиду ЦРУ. Заживем, как американцы.

— Думаешь?

— Деваться просто некуда. Все равно эти деньги придется отмывать, — сказал умный профессор. — Все будут интересоваться — откуда у тебя деньги?

— Ну и пусть себе интересуются.

— Смотри, придет налоговый инспектор и посадит тебя в тюрьму. Вот чеченская мафия недавно украла несколько миллиардов по подложным чекам, смотри, Штирлиц, еще спишут на нас! Рано или поздно всегда приходит налоговый инспектор, это народная примета... А бывают еще рэкетеры...

— Пусть попробуют! — беспечно ответил Штирлиц. — Не боюсь я ни рэкетиров, ни налоговых инспекторов...

— Штирлиц, ты знаешь, как я уважаю в тебе честность и открытость, но ты ничего не смыслишь в делах! Сегодня ты прогнал одного инспектора, завтра приехала налоговая полиция. Сегодня ты пристрелил одного рэкетера, завтра наехала мафия. Это же гидра! Обрубаеть голову, вырастают семь других.

— Гидра капитализма, — проворчал Штирлиц. — Что ты предлагаешь?

— Выход только один, — увлеченно сказал умный профессор Плейшнер. — Надо открыть свою фирму, которая будет заниматься какой-нибудь ерундой и отмывать наши денежки. Вот пастор Шлаг нам заказ даст — на охрану бегемота в зоопарке.

— Да кому он нужен! — отмахнулся присутствовавший при разговоре пастор Шлаг. — Его уже даже государство кормить не хочет, денег не дает! Вы знаете, сколько он жрет?

— Пастор! Какой же вы тупой! Я же вам говорю, это будет фикция, понятно?

— Понятно, — ответил пастор Шлаг. — Фиктивный брак. Штирлиц женится на бегемоте.

— Сейчас как дам! — возмутился Штирлиц.

— Я пошутил, — пастор втянул голову в плечи. — А вы знаете, сколько он срет?

— Вот ведь свалился на мою голову, — простонал профессор, утомившись от тупости пастора.

— Это ты свалился на нашу голову! Жили спокойно, кормили бегемота, а ты как сиганешь с парашютом! Бедный бегемот проглотил твою челюсть, и теперь у него несварение желудка.

Штирлиц, тщательно все обдумав, посмотрел на профессора.

— Идея неплоха. Ты, Плейшнер, оказывается, умный мужик!

Профессор Плейшнер скромно потупился, напоминая теперь собой тупого-тупого

дегенерата.

Через два дня в дирекцию на имя Штирлица пришла срочная международная телеграмма от Айсмана:

«Встречай возле гостиницы «Метрополь» в шесть вечера. Целую. Айсман».

— Эконом хренов, — выругался Штирлиц. — Чего встречай, зачем?

Разведчик вышел на улицу и остановил такси.

— До Манежной площади.

— Сколько?

— Штуку дам. Туда пять минут ехать.

— Ты что, мужик, обалдел? Десять тысяч, не меньше! Знаешь, как бензин подорожал?

Еле сдерживаясь, Штирлиц переложил кастет из одного кармана в другой.

— Хорошо, пусть будет десять. Но только чтоб быстро...

— Быстро ты на метро доедешь! В центре сейчас такие пробки, минут сорок стоять придется, если не больше!

— Зачем мне тогда брать такси?

— Чтобы с ветерком прокатиться, — ответил наглый таксист.

«Пора устраивать таксистский погром», — желчно подумал Штирлиц, спускаясь в метро.

Возле гостиницы «Метрополь» суетилась пестрая толпа школьников, выпрашивающих у разодетых иностранцев валютную мелочь и жевательную резинку.

— Дяденька! Дай бубль гум! — пристал к Штирлицу мальчонка.

Штирлиц остановился и посмотрел на мальчика.

— Я в ГУМ не заходил, — сказал он. — И никакого «бубля» у меня нет.

— Я имею ввиду резинку, — пояснил пацан.

Штирлиц смутился. «Кажется, у ребенка раннее половое созревание. По идее, надо бы отвести его за руку к сексопатологу». Каждый день преподносил Штирлицу все новые незнакомые слова, но слово «сексопатолог» он уже заучил.

— Слушай, мальчик, тебе учиться надо, а не к мужикам приставать.

— Ладно, если бубль гум жалко, хоть денег дайте, — не отставал мальчишка.

— На, возьми! — молвил добрый Штирлиц, протягивая двадцать долларов. — Вырастешь, купи себе завод «Унитрон», делай кирпичи, чтобы не попрошайничать!

Мальчишка с репликой «Вот буржуй! Двадцать баксов!» отпрыгнул в сторону, чтобы «буржуй», не дай Бог, не передумал и не потребовал деньги назад. А на Штирлица тут же налетела толпа мальчишек.

— И мне! И мне! — кричали дети, голодными глазами глядя на Штирлица.

— Больше нет денег, — соврал Штирлиц, отбиваясь от настырных подростков. — Пошли вон, пионеры!

— Буржуй проклятый!

Осыпая Штирлица матерными ругательствами, дети побежали искать других буржуев.

Разведчик осмотрелся.

— Штирлиц! — раздалось откуда-то сбоку.

— Айсман!

Фронтальные друзья обнялись.

— Как доехал?

— Отлично! В самолете с нами летела такая шикарная стюардесса! Груды — вот такие,

ноги — вот отсюда начинаются, волосы такие длинные...

— А на ногах — кирзовые сапоги?

Айсман всхрипнул. Услышав что-то родное, к ним подошли два панка.

— Смотри, классно чувак под бундеса косит!

— Ну, блин, круто! Почти как Кинчев!

— Валите отсюда, уроды, — отозвался Айсман. — Мы фронтовики, вместе служили...

— Ясный пень, — отозвались молодцы, вспоминая присказку литературного Штирлица. — Ширнуться не хотите?

— Здоровье не позволяет.

Панки отошли по своим загадочным делам.

— Айсман, ты эсэсовскую форму хоть на ночь снимаешь? — пожурил товарища Штирлиц.

— Только, когда сплю один, — ответил Айсман. — Получил твою телеграмму и сразу к тебе приехал. Без тебя было так скучно. Жалко, ты с нами в Корее не остался, там были такие классные телки...

Штирлиц улыбнулся. Айсман был уже стар, почти как он до операции, но мысли старого фашиста текли все в том же направлении.

— Будешь на меня работать? — спросил русский разведчик.

— На КГБ или на ГРУ?

— На меня лично.

— Нет вопросов! Ясный пень! — радостно воскликнул Айсман. — Где я буду жить?

— Пока в зоопарке. Я сам сейчас там живу.

— В клетке?

— Нет, в дирекции.

— О! Ты стал директором зоопарка? Отличное прикрытие для агента.

— Не волнуйся, скоро снимем офис, переедем туда.

Теперь в дирекции пастора Шлага жили четверо.

Айсман профессионально наладил обмен долларов на рубли.

— Встретил одного бородатого в переулке, дал хороший курс! — рассказывал Айсман, выкладывая на стол тяжелый сверток с упаковками русских рублей. — Я все пересчитал, не волнуйся...

— Минус десять тысяч долларов, — прошепелявил Плейшнер. Теперь все траты профессор записывал в записную книжку. «Веду бухгалтерию», — объяснял он.

— Минус не надо, этот урод захотел меня «кинуть», подsunул «куклу», — Айсман с удовольствием употреблял новые для него слова. — Я его догнал, дал в рыло, отобрал и «деревянные», и «капусту».

Вскоре Айсман обменял по еще более выгодному курсу сразу полчемодана валюты, и партнеры задумались, что теперь делать дальше. В принципе, оставалось только следить за профессором Плейшнером, который работал в поте лица, официально регистрируя фирму «ШРУ». Именно так Штирлиц решил назвать свою шпионскую фирму, вспомнив однажды, как беззубый Плейшнер сравнил его с ЦРУ. Название Исаеву понравилось. Во-первых, звучит красиво, как и должно звучать приличное разведывательное управление, во-вторых, начинается на букву «Ш», как фамилия Штирлица и слово «штандартенфюрер».

В свободное время профессор Плейшнер занимался спортом, чтобы держать себя в форме. В основном, он ходил на лыжах, которые ему подарил пастор Шлаг. Витая в облаках

бухгалтерии, профессор даже не замечал, что на улице стоит весна и снег давно уже стаял.

Через две недели умный Плейшнер, раздавая во все стороны взятки, зарегистрировал фирму ШРУ и снял в доме на улице Никольской, что возле самого ГУМа и Красной площади, целый этаж под офис новой секретной службы. Для Штирлица наняли красивую секретаршу по имени Светлана, и работа началась!

ГЛАВА 8. ГЛАВНЫЙ АНАЛИТИК ЧАСТНОГО АГЕНСТВА ШРУ

Однажды, когда на улице светило солнце и чирикали птички, на этаже агентства ШРУ появился человек в костюме хорошего покроя. Он шел по коридору, заложив руки за спину, и вслух читал таблички. Чернокожий мужчина нес за ним объемный черный кожаный чемодан.

Возле двери с табличкой «Босс», человек остановился и вежливо постучал.

— Занято! — донеслось из-за двери.

— Здравствуй, Штирлиц, — сказал вошедший, открывая дверь.

— Мюллер? — не поверил своим глазам русский разведчик.

Они обнялись.

— Какие судьбами?

— Приехал специально к тебе, — ответил Мюллер.

— Ты классно выглядишь! — восхитился Штирлиц. — Прямо как в сорок пятом!

— Это «вторая молодость», — сообщил Мюллер.

— Как! И ты?

— Встретил, понимаешь, Бормана. Он мне все рассказал. И о тебе, и о таблетках. Когда ты бежал из их секретной лаборатории, то случайно убил их главного хирурга. А поскольку этот хирург никаких записок не вел, то его опыты больше никто повторить не смог. Остался только чемодан таблеток «второй молодости», которые доктор успел сделать. Осознав всю бесперспективность дальнейшей работы в этой лаборатории, Борман сбежал и прихватил с собой все таблетки. Сам омолодился и меня омолодил.

— Что это он так раздобрился?

— Это интересный вопрос. Понимаешь ли, Штирлиц, за ним теперь гоняется вся эта таблеточная мафия. Он просит у тебя защиты и политического убежища.

— Этот гнусный ублюдок? Предатель Родины и меня лично? Нет!

— За защиту он готов отдать тебе чемодан со «второй молодостью».

Штирлиц задумался. С такой кучей таблеток можно было омолодить всех своих людей — и Айсмана, и Плейшнера со Шлагом. Да, полезные таблеточки. Ради таких можно было бы потерпеть и Бормана.

— Ну, ладно, — согласился Штирлиц. — Пусть приходит, гад. Прощаю его только потому, что ты просишь. Пиво будешь?

— Сначала работа, — мягко ответил Мюллер. — Пойдем, присмотрим для меня кабинет.

Они вышли в коридор.

— Сколько у тебя комнат?

— Шесть, — ответил Штирлиц.

Мюллер заглянул в одну из дверей.

— Это туалет, — сообщил он с упреком и направился дальше. — Во! Здесь я и буду!

Штирлиц подошел к другу детства.

— А где для меня секретарша? Пусть она кое-что запишет...

— Секретарши для тебя пока нет. Секретарша у нас одна — моя.

— Давай свою. Ты же знаешь, я по-русски писать не умею.

— Света! — позвал Штирлиц.

Из одной из комнат вышла фигуристая блондинка. Мюллер осмотрел ее с ног до головы и одобрительно кивнул.

— Пишите, девушка. Вот здесь надо поставить рабочий стол с закрывающимися на ключ ящиками, за ним я буду заниматься делопроизводством. Сюда надо поставить пустые закрытые стеллажи, в них будут стоять мои досье. Кожаный диван для отдыха для меня — вон в тот угол, три мягких кресла — здесь, сейф поставим у окна, камин...

— Сейф? — переспросил Штирлиц.

— Натюрлих. Сейф я привез с собой... Так. Деньги есть?

— Есть, — ответил Штирлиц. — Тебе сколько?

— Сколько не жалко.

Штирлиц достал две упаковки рублей.

— Это будет авансом, — пояснил Мюллер, пряча деньги в нагрудный карман. — Завтра приду в это же время, вели секретарше привести рабочих, пусть они все сделают. Я остановился в гостинице «Москва», номер 2863 под своей фамилией.

— Под фамилией «Мюллер»? — спросил Штирлиц. — Тебя все будут принимать за еврея.

Улыбающийся Мюллер похлопал Штирлица по плечу.

— А я теперь и есть гражданин Израиля. Ты не волнуйся, дружище, раз я здесь, теперь все будет хорошо.

Штирлиц попытался посмотреть Мюллеру в глаза, но глаза бывшего шефа Гестапо каждый раз ускользали.

— Мюллер, а что ты будешь делать?

— Работать в твоём ШРУ.

— А что ты будешь делать в моем ШРУ?

— Анализировать информацию, вырабатывать стратегию, считать деньги, замышлять коварные планы... Одним словом, я буду думать.

— А я?

— А ты будешь бегать по городу и раздавать пули и оплеухи направо и налево. Не собираешься ли ты сказать, что можешь быть Аналитиком с большой буквы?

— Ладно, договорились, — согласился Штирлиц. — Ты как был, так и остался канцелярской крысой.

Лицо Мюллера расплылось в слащавой улыбке.

— Котом. Канцелярский кот — это лучше. И чтобы «блюдечко с молоком» было всегда вовремя, иначе, я не играю... Кстати, это Саид, — сказал Мюллер, кивая на негра.

Глаза негра были как у давешнего бегемота — маленькие и пронизательные. Уловив оценивающий взгляд русского разведчика, негр с достоинством поклонился.

— Тоже гражданин Израиля? — поинтересовался Штирлиц.

— Нет, я ему случайно жизнь спас. Летели в Москву, понимаешь, в самолете, он так боялся, так боялся! Я ему скормил полпачки снотворного, он отрубился и спокойно долетел до Москвы. Потому и не умер от страха. А у них принято за такие вещи быть по гроб жизни обязанным. Он теперь на меня работает. Один из самых преданных моих сотрудников. Пока единственный. Штирлиц, прошу как друга, к завтрашнему утру раздобудь для меня секретаршу. Но только умную и красивую. Хорошо бы брюнетку для разнообразия, потому что блондинка у тебя уже есть. И желательно с чувством юмора, — Мюллер перешел на

нравоучительный тон. — Знаешь, Штирлиц, даже очень красивая девушка бывает не лишена чувства юмора...

— Хорошо, — ответил Штирлиц и проводил Мюллера восторженным взглядом.

— Я позвоню Борману, он к тебе явится с повинной.

Мюллер ушел, сопровождаемый Саидом, который тащил его чемодан. Со своим чемоданом Мюллер не расставался никогда, так как боялся, что его могут украсть. В нем он сохранил свои самые любимые дела на сотрудников Рейха. Не беда, что Рейха уже давно не было, а сотрудники куда-то подевались. Хорошее досье все равно остается хорошим досье. Мюллер был счастлив. Теперь ему представилась возможность занять для своего собрания закрытые стеллажи в ШРУ.

Штирлицу он тоже был искренне рад, но постарался этого не показать, чтобы не смущать негра Саида.

Через полчаса в ШРУ заявился Борман. Несмотря на «вторую молодость», Борман был все таким же толстым и лысым. Смущенно поставив на пол чемодан, он подхалимски заглянул в честные глаза Штирлица.

— Прости меня, Штирлиц!

— Прощаю!

Борман радостно осклабился.

— Штирлиц, меня надо спрятать! За мной по пятам ходят агенты ГКЧБ. Если меня не спрятать, они меня как пить дать замочат. А если меня замочат, я не смогу быть тебе полезным. А если я буду тебе полезным, я тебе пригожусь!

— Ладно, — сказал добрый Штирлиц. — У нас в здании есть классный подвал, поставим раскладушку, будешь там жить.

— Спасибо, Штирлиц! А секретаршу мне найдешь?

— И ты туда же! — возмутился руководитель ШРУ. — Не успел начать работать, уже секретаршу ему подавай. Ты теперь не партайгеноссе, ты разжалован до рядового эсэсовца! Дослужись сначала хотя бы до штандартенфюрера!

Борман покорно согласился.

— Где мой подвал? — спросил он, поднимая чемодан.

— В подвале, — ответил Штирлиц. — А чемоданчик с таблеточками оставь здесь. Мюллер привезет сейф, будем хранить твои «колеса» под замком.

Обдумав запросы Мюллера, Штирлиц пришел к выводу, что за секретаршей ему придется специально ехать на «Конкурс красоты». Показав удостоверение почетного чекиста, Штирлиц в сопровождении успешного омолодиться Айсмана прошел в переполненный зал.

По сцене ходили длинноногие красавицы в купальных костюмах с фигурами «девушек с веслом» и с лицами продавщиц продуктовых отделов. В поисках потенциального спонсора девушки озабоченно стреляли глазами по комиссии, состоявшей из пяти пожилых мужчин и одной стареющей дамы в большом лиловом берете. Дама разглядывала их в лорнет и морщилась, видимо, не находя для себя ничего интересного.

Мужчина с плешивой головой задумчиво чесал в голове линейкой и ставил на фирменном листе бумаги оценки, выставяемые комиссией. По сцене с микрофоном в руках прыгал кучерявый, похожий на гомосексуалиста ведущий по фамилии Пруткин. Фамилия была написана на табличке, прицепленной к лацкану дешевого пиджака.

— Так! Все показали грудь! — командовал Пруткин, ощупывая показываемое. —

Быстренько, девочки, быстренько! Мамзель! Что вы копаетесь! Вы не у гинеколога!

— Уважаемый! Так и по морде можно схлопотать! — запротестовала девица басом, но Пруткин не мог уже остановиться. Он все щупал и щупал девицу за полную грудь, пока та не размахнулась и не вlepила ему звонкую пощечину.

— Нахал! — возмущенно воскликнула девица. — А похож на вполне приличного гомосексуалиста!

— Девушка! Где же ваша грациозность? — с упреком заметил на это Пруткин и распорядился: — Эту — убрать! Она совершенно лишена хороших манер!

Два мальчика в костюмах с голубыми блестками оттащили повизгивающую девицу за кулисы. В зале вяло пошумели, словно только этого все с таким нетерпением и ожидали.

Появившись на конкурсе, Айсман радостно потер руки. «Сейчас и этот попросит секретаршу», — Штирлиц вздохнул и вышел на сцену.

— Товарищ! Пройдите в зал! — приказал плешивый председатель, гнусая в микрофон. — Здесь конкурс только для девушек!

— Молчать, лысина! — огрызнулся Штирлиц. Он подошел к девушке в самом конце строя, которая ему понравилась с первого взгляда. — Как тебя зовут?

— Наташа.

— Тебе нравится в этом гадюшнике? — разведчик взял девушку за подбородок. — А может, ты хочешь работать на меня? Меня зовут Штирлиц.

— Хочу, — радостно согласилась Наташа.

— Что вы себе позволяете! — Пруткин запрыгал вокруг Штирлица, но тут на сцену забрался Айсман в своем неизменном эсэсовском мундире, и ведущий случайно наткнулся на его кулак. В зале весело захлопали, приняв это за новое шоу. Девушки с обнаженными грудями завлекательно улыбнулись Айсману.

— Сильно не бей, — посоветовал Штирлиц. — Не поймут...

— Не буду, — пообещал Айсман и, наподдав Пруткину ногой, принялся целовать конкурсанток, во всеуслышание оценивая их по пятибалльной шкале. Зал аплодировал Айсману.

Штирлиц оставил Айсмана веселиться, а сам повез девушку на работу.

Через полчаса новая секретарша уже находилась в офисе ШРУ и бойко стучала на пишущей машинке, а Штирлиц сидел в кресле напротив и смотрел на нее глазами влюбленного. Он твердо решил оставить Наташу себе, а Мюллеру сплавить Свету, девушку тоже аккуратную и очень увлекательную.

ГЛАВА 9. РАБОЧИЙ ДЕНЬ В ШРУ

Вы, наверное, не забыли, что мы вместе со Штирлицем делали экскурс в прошлое. Мы тоже об этом не забыли и потому возвращаемся в настоящее.

Штирлиц оторвался от своих воспоминаний и снова почувствовал себя в прокуренном «Ниссане».

— Айсман, мы тут так надымили, даже голова заболела. Открой-ка окно.

— Будет хуже, — буркнул Айсман. — Мы попали в самую зловонную пробку.

На шоссе стояли сотни гудящих легковых и грузовых машин.

— Это часа на четыре, — заметил Айсман. — Все из-за этого негра!

— Какого негра?

— Майкла Джексона. Приперся в Москву давать концерт, устроил вокруг стадиона очереди, как в застойные годы за колбасой, обесточил своей аппаратурой весь город, даже трамваи встали.

Штирлиц вздохнул. Он не знал, кто такой Майкл Джексон.

— Я бы на твоём месте пошел пешком. — посоветовал Айсман.

— Не солидно, — возразил Штирлиц. — Я, босс разведывательного управления, и вдруг — пешком! Да и лениво...

— Можно сыграть в «дурачка», — предложил Айсман, доставая засаленную колоду карт с голыми девками.

К пяти часам вечера, почти что в конце рабочего дня, партнеры наконец-то доехали до Никольской и, показав строгой вахтерше, которую нанял аккуратный Плейшнер, свои пропуска, прошли в ШРУ.

На стенах в приемной Управления были повешены портреты известных разведчиков и шпионов. На самом видном месте висел, разумеется, портрет самого Штирлица, основателя ШРУ. Он был одет в форму немецкого офицера с советскими орденами на груди.

Тут же висел типичный портрет китайского шпиона, поражающий разрезом и косоглазием своих глаз. В скобочках указывалось: «Тоже самое для корейских, вьетнамских и японских шпионов!» Почерком Бормана красной ручкой было приписано «Все они, жопы, на одно лицо!»

Перед дверью с надписью «Стукачи» сидела очередь из одиннадцати человек. За этой дверью находилось ведомство профессора Плейшнера, который записывал поступавшую информацию и выдавал под расписку деньги, небольшие, но советские. Потом все данные относили в кабинет Мюллера, который их многосторонне классифицировал и анализировал. Казалось, что в голове Мюллера находится супер-компьютер, поскольку в любой момент тот мог выдать любую нужную информацию.

Оставив Айсмана любезничать с Наташей, Штирлиц заглянул к Мюллеру. В приемной перед кабинетом главного аналитика ШРУ сидела секретарша Мюллера Света. Она увлеченно красила ногти.

— Светлана, когда ты занимаешься с Мюллером сексом, ты думаешь о чем-нибудь приятном?

— А я с ним ничем таким пока не занимаюсь! — отозвалась девушка. — Господин Мюллер любит долго и старомодно ухаживать. Целует ручки, водит в рестораны. Говорит, что вспоминает со мной молодость. Странно, он ведь совсем не старый...

— Молодец! — похвалил Штирлиц, чмокая ее в щеку. — Надеюсь, ты из не тех плодовитых девушек, которые могут забеременеть от простой ангины...

— Вот еще! Я просто так не беременею!

— Шеф у себя?

— Да. Но он очень занят.

— Он всегда занят.

Штирлиц вошел к Мюллеру, и ему сразу же бросился в глаза пудовый трехтомник «Методика устного счета в России», что в очередной раз произвело умиротворяющее впечатление: сразу показалось, что ты попал к профессионалу, который в два счета уладит все твои проблемы. Мюллер и правда был очень занят. С помощью лупы он разглядывал фотографию обнаженной девицы в газете «Московский комсомолец».

— Что новенького? — поинтересовался Штирлиц.

— Вот прочитал в газете... «Политический обозреватель Севостьянов считает, что в мире чем-то определенно пахнет». Этому я склонен верить. По части распознавания запахов в этой стране ему нет равных!.. Вот еще. «Заслуженный писатель СССР Нестор Филимонов написал разоблачающий роман. Пользуясь его разоблачениями, правоохранительными органами задержано 138 злоумышленников». Надо бы ему предложить с нами посотрудничать, ты как считаешь?

— Не люблю писак! — отрезал Штирлиц. — Именно от писателей в нашей стране такие нехорошие запахи, которые так хорошо улавливает твой обозреватель. Недавно полистал книжку «Новые похождения штандартенфюрера СС фон Штирлица», так там про нас, героев Второй Мировой Войны, такое дерьмо понаписано!

— Это они любя! — пояснил Мюллер. — Ладно, ты мне мешаешь...

Штирлиц пошел к себе и осторожно заглянул в дверь. Красивая брюнетка Наташа, личная секретарша Штирлица, сидела за столом и печатала на компьютере, который недавно заменил морально устаревшую печатную машинку.

Перед ней, задрав голову, как павиан, вышагивал Айсман. Он громко стучал по полу своими лакированными сапогами, сопровождая свою поступь быстрыми и загадочными вопросами, как на перекрестном допросе.

— Наташа, — спрашивал Айсман, — вы любите мармелад?

— Люблю, — отвечала девушка.

— А шоколад фабрики «Рот-фронт» любите?

— И шоколад тоже.

— Наташа, а вы любите государственные тайны?

— Нет.

— А личные?

— Послушайте, Айсман, что вы ходите все вокруг да около? Если хотите меня соблазнить, то зря теряете время! Я — секретарша Штирлица. А если нет, то зачем приперлись в кабинет босса и отвлекаете меня от работы?

Айсман схватил со стола дырокол.

— Давай, я тебе какой-нибудь документ продырявлю!

— Айсман, а вы умеете пользоваться дыроколом?

— Конечно! — обиделся Айсман. — Я точно таких же штук пять уже сломал!

— Ну-ну.

— Наташа, а давай все-таки переспим? Знала бы ты, как я люблю таких молоденьких

девушек, как ты! М-м-м, — промычал Айсман, вертя головой. — Молоденькие девушки — это как «шерше ля фам»!

— Не буду я с тобой спать, — отрезала Наташа.

— Это еще почему?

— Я — честная секретарша. Я буду спать только с боссом. А босс у меня — Штирлиц! — ответила девушка.

— Да он на тебя даже не посмотрит! — протестовал Айсман, пытаясь обнимать Наташу за плечи. — Полюби сначала меня, я у него самой близкий друг! Я с ним в такие истории попадал, закачаешься!

— И не проси, Айсман, — ответила Наташа, отмахиваясь от настырного Айсмана.

— Вот так всегда, — обиженно протянул Айсман. — То ли дело были секретарши у Бормана! Такие истинные арийки! Как я их любил! Жалко, что Штирлиц не дал Борману секретаршу.

— Я — чисто русская девушка. Я люблю Штирлица.

— Это тоже очень хорошо. И за это я тебя тоже люблю, — Айсман задумался. — Знаешь, Наташенька, я должен тебе признаться. Я еще и Свету люблю.

— Надо же! Айсман, да вы, оказывается, бисексуал!

Штирлиц вошел в кабинет.

— Айсман, там Мюллер завален работой, иди, завали его секретаршу. А мне — кофе, — сказал разведчик и уселся в кресло.

Айсман выскочил в коридор, откуда послышалась его заунывная немецкая песня: «Моя прекрасная Гретхен сегодня гуляла с другим...»

— Вечно припрется и мешает работать, — пожаловалась Наташа и пошла в соседнюю комнату, где у них была оборудована кухня с баром, варить кофе.

— В этом он весь, — согласился Штирлиц. — Пока не добьется, чего хочет, не отвяжется. Гестаповские привычки.

Наташа поставила перед боссом чашку ароматного кофе и тарелку с двумя сдобными булочками. Через минуту она снова печатала на компьютере.

— А на чем ты там остановилась?

— «Если в течении двух дней на наш счет не будет переведено полтора миллиона рублей, средства массовой информации будут оповещены о вашей антинародной деятельности...» — процитировала Наташа и пояснила. — Это для депутата Анатолия Ручконожкина. Взятся, мерзавец, торговать Родиной направо-налево! Таких стрелять надо!

— Да, рано еще Мюллера списывать на покой! Все про всех разнохает и в дело занесет, — похвалил Штирлиц. — Какой слог! А фотография этого Ручконожкина есть?

Штирлиц посмотрел на протянутый снимок.

— Ха! Я его знаю! Не ожидал снова увидеть. Это же Толик, мы с ним вместе в одной клинике лежали. Полный урод... Частушки петь любил. Надо с него обязательно получить эти деньги, а потом настучать на него в КГБ.

— Правильно, — одобрила Наташа.

— Давай, я тебе выпишу тысяч двести, купишь себе что-нибудь, — предложил Штирлиц.

— А что именно?

— Ну, что-нибудь в новом магазине Шварцкопфмана «Нижнее белье и другие сопутствующие товары».

— Спасибо, — секретарша благодарно захлопала ресницами.

— Наташа! Пойдешь со мной в ресторан?

— Пойду. Только вы должны побриться и помыть руки с мылом.

— Ты меня что, хоронить собралась?

— Ладно, договорились, — рассмеялась Наташа и снова застучала по клавишам.

Штирлиц решил не уподобляться Айсману и не мешать девушке работать. Он сделал вид, что просто так здесь сидит. Разведчик положил свои длинные ноги на самый краешек стола, чтобы не испачкать лежавшие на столе важные бумаги, и расслабился. Штирлиц прихлебывал из большой чашки сваренный Наташей кофе и смотрел в окно. Там догорал закат уходящего дня. Закат, правда, был виден плохо, заслоняемый мрачным зданием ГУМа. К тому же окна офиса выходили на восток...

Конечно же, Штирлицу хотелось обнять эту славную девушку Наташу, но он посчитал это аморальным. В этой стране он уже был однажды женат.

Незаметно для себя основатель ШРУ заснул. И видел он сладкий сон со сладкой парочкой. Этой парочкой были он сам и девушка Наташа.

По всем признакам сон обещал стать вещим.

ГЛАВА 10. ШТИРЛИЦ ВОЗВРАЩАЕТСЯ НА МИЛЫЕ СЕРДЦУ РУИНЫ

На следующий день Штирлиц оставил Айсмана копаться в забарахлившем «Ниссане», а сам решил съездить на свою старую квартиру, из которой его когда-то увезли Гмертошвили и Шкафчик. Вырвавшись на свободу, Штирлиц так и не удосужился зайти домой.

Штирлиц подъехал к дому на старом побитом «БМВ», который Плейшнер отобрал у кого-то за долги. Он остановился возле второго подъезда, вылез из машины и осмотрелся. Все оставалось таким же, и все напоминало ему о годах, прожитых в этом дворе. Вот справа стоят те же помойные ящики, доверху заваленные зловонными отбросами, слева — просто мусорная куча, которая росла год от года и, наконец, в ней стало вырисовываться какое-то архитектурное сооружение в стиле «модерн». Штирлиц мрачно вздохнул, широким жестом достал из кожаной куртки папиросу и прикурил от позолоченной зажигалки, выполненной по заказу Мюллера и подаренной Штирлицу им же на день рождения.

— Максим Максимыч! Ты ли это!? — раздалось от старичка, сидевшего на лавочке.

Штирлиц прищурился и опознал соседа по лестничной площадке — отставного партократа Илью Филимоновича Лизоблюдова. Как и всех своих соседей, русский разведчик его не любил, но Илья Филимонович, семеня своими короткими ножками, уже струился в сторону Штирлица.

— Привет, Филимоныч! Как жизнь?

— Да разве это жизнь! При Брежнев-то как хорошо жили, а теперь никому не нужен стал.

— Работать надо, — наставительно бросил Штирлиц.

— Кого! Я свое уже отбарабанил!

— А я вот нет.

— Максимыч, а здесь ты что делаешь? Где был-то столько лет? — по привычке старого стукача выпытывал Лизоблюдов. — Как я тебя ждал, думал, не доживу... Принес ли ты свой долг, что брал у меня пятнадцать лет назад?

— Принес, — неприязненно бросил Штирлиц, который никогда не любил попрошак. — Сколько я там тебе должен?

— Я тебе давал на три бутылки водки, если по три шестьдесят две, то почти двенадцать рублей. Значит, по теперешним ценам, семь тысяч двести тринадцать...

— На, возьми, — сказал Штирлиц, достал из своего бумажника две пятидесятитысячных купюры и протянул их старику. — Все, что могу. Сдачи не надо.

— Благодетель! — прослезился Илья Филимонович. — Никак разбогател?

«Столько лет стоял на стреме, меня ждал... — подумал про себя Штирлиц. — Совсем из ума выжил старик».

— Немного.

— Ну, как тебе наши руины?

— Они милы моему сердцу, — отозвался Штирлиц. — Слушай, а чего это ты называешь этот дом руинами? Выглядит, как и раньше.

— О! В нашем районе объявились террористы. В соседний дом они уже подложили бомбу, недавно взорвалась. Вот, посмотри...

Штирлиц посмотрел на руины соседнего дома. В общем-то, ничего примечательного. В

1944 году он видел кое-что и похлеще, правда, в Германии. «Ну, там во всем нас опередили», — пошутил Штирлиц про себя.

— Максимыч, а ты сейчас откуда прибыл? Из Южной Родезии? Такой загоревший, помолодевший!

Не отвечая, Штирлиц мягко разжал руки старика на своем плече, который, казалось, вцепился в свое прошлое, и неторопливо вошел в подъезд. Там тоже все было по-старому. Штукатурка на стенах осыпалась, а почтовые ящики выгорели от многочисленных поджогов. Штирлиц быстро поднялся пешком на третий этаж, предусмотрительно не пользуясь лифтом, который мог застрять дня на два, так что потом не вылезешь. Он позвонил в квартиру 47, где когда-то жил некоторое время.

Ему открыла незнакомая женщина, наставив на него газовый пистолет.

— Чего надоть?

— Исаев Максим Максимович здесь живет? — вежливо спросил Штирлиц.

— Нет здесь таких, и, сколько себя помню, не было!

— А соседи ничего не знают? Может, им документы какие передавали?

— Так я тебе и сказала! Ага! Умник! Я тебе про соседей расскажу, а ты их потом топором! Нет уж! Иди отседова, а то милицию позову!

Дверь захлопнулась перед носом разведчика. «И зачем я сюда приехал?» — подумал Штирлиц.

Спускаясь по лестнице, Штирлиц обнаружил своего бывшего соседа. Филимоныч лежал на ступеньках, в его тощей спине торчал большой топор, все вокруг было измазано и забрызгано кровью. Не пошли впрок старику подаренные деньги. Штирлиц брезгливо поморщился.

«Да, здесь пошаливают», — задумался он и решил взять это на заметку.

Подойдя к «БМВ» он почувствовал, что за ним следят. Разведчик прищурился — в одном окне показалась чья-то подозрительная голова в черных зеркальных очках. Штирлиц погрозил ей кулаком, а потом запустил в окно камнем. Всколоченная голова скрылась за подоконником.

— То-то, — буркнул Штирлиц, сел в свою машину и выкатил со двора уже совсем не милых его сердцу руин.

ГЛАВА 11. КОНТРАКТ НА СУПЕР-АГЕНТА

За Штирлицем действительно следили, но не та голова в очках, которую он вспугнул, и которая, кстати, принадлежала местному дворнику. Из своего «Мерседеса» за Штирлицем следил бандит Гмертошвили. Именно ему было поручено сесть руководителю ШРУ на хвост, следить за его передвижениями по городу, выявить всех связных в стране и за границей, а потом, по возможности, уничтожить.

Другой на месте Гмертошвили, побоялся бы брать заказ на Штирлица, но Гмертошвили не отпугнул даже труп его партнера Шкафчика, найденный в подземной лаборатории ГКЧБ. Официально Гмертошвили работал на мясокомбинате, но на самом деле был самым перспективным агентом секретной организации, именуемой Главным Комитетом Чрезвычайной Безопасности.

Сейчас Комитету было дано специальное задание — отыскать партийные деньги, которые в годы застоя были переправлены с курьерами за границу. Проблема заключалась в том, что эти деньги потеряли сами коммунисты. Бюрократическое устройство партии не позволяло однозначно сказать, кто именно открывал счета, и куда теперь делись эти деньги.

Когда пенсионера Исаева привезли в лабораторию «Вторая молодость» и опознали в нем русского разведчика Штирлица, бывший агент ГКЧБ Борман, еще до того, как он бесследно исчез в неизвестном направлении, высказал предположение, что Штирлиц вполне мог быть замешан в этом деле, а Борман ошибался редко, а где ошибался, там, скорее всего, просто хотел соврать.

Штирлиц сбежал, но после нескольких громких дел, раскрытых ШРУ, руководство ГКЧБ узнало, где он скрывается и поручило Гмертошвили вести слежку. Увидев, как Штирлиц дает старику деньги, хладнокровный Гмертошвили убрал Филимоныча, который мог запросто оказаться агентом Штирлица. Затем хитрый кавказец решил на всякий случай отвинтить у «БМВ» русского разведчика одно колесо, чтобы посмотреть, что из этого получится.

Справившись со своей задумкой, бандит подождал, пока Штирлиц отъедет на некоторое расстояние, потом завел «Мерседес» и устремился в погоню.

Пока все шло прекрасно — хваленный супер-агент даже не заметил, что на его хвосте повисла чужая машина, а одно колесо у него готово вот-вот отвалиться. От сознания своего величия Гмертошвили счастливо улыбался и напевал «Сулико».

Сотрудники ГАИ Портупеев и Фуражкин стояли на краю шоссе возле своего заляпанного грязью мотоцикла. Как говорили в народе, эти двое были неприхотливы и кормились прямо на асфальте. Портупеев останавливал машины, а Фуражкин штрафовал водителей, изобретательно находя, к чему придраться. Все автомобили тащились на предельно низкой скорости, наученные горьким опытом. Очевидно, в прошедшие дни эти гаишники их уже штрафовали. Тем более, что встречные машины предусмотрительно сигналили фарами: «Там засада!»

Портупеев мрачно курил, а Фуражкин листал газеты.

— А я думал, ты не читаешь газеты, — подколот напарника Портупеев.

— А откуда, по твоему, я узнаю, какие преступления совершаются в нашем городе? — возразил Фуражкин.

Все было спокойно, но вдруг бдительный Портупеев еще издалека заметил машину, на

большой скорости проехавшую на красный свет светофора.

— Нарушители! — закричал он в ухо напарнику, и оба быстро спрятались за мотоцикл.

Побитый «БМВ» беспардонно забрызгал мотоцикл грязью и промчался мимо. Фуражкин встал и отряхнулся. И тут следом за «БМВ» промчалась еще одна машина, забрызгав Фуражкина.

— Что у них тут, авторалли? — задумчиво произнес Портупеев, отслеживая, нет ли третьей машины.

— Догнать! — заорал Фуражкин.

Сотрудники ГАИ вскочили на своего железного трехколесного друга и помчались вслед за подозрительными машинами.

Штирлиц выехал на Кольцевую дорогу и на всех парах помчался в свой офис на Никольскую. Обгоняя по дороге встречные машины, он думал о том, что дань уважения прошлому успешно отдана, и теперь можно начать новую жизнь. Например, с Наташей. Вспомнив очаровательные черты лица девушки и ее шокирующе длинные ноги, Штирлиц не сразу заметил, что одно колесо его «БМВ» отвалилось и теперь катится впереди машины.

— Колесо! — вскричал Штирлиц, судорожно хватаясь за руль. Взяв себя в руки, русский разведчик ловко притормозил, врезавшись в стоявший на обочине автобус. От удара на капот посыпались осколки разбитых стекол, но «БМВ», разворотив автобусу весь бок, несся дальше. «Капиталисты проклятые! — в сердцах подумал Штирлиц. — Советская машина давно бы остановилась от такого удара». После аварии автобус развернуло, и в него со всего маху врезался «Мерседес» Гмертошвили.

— Кавказцы русских убивают! — завопил из автобуса истошный женский голос. — Бей черножопых, спасай Россию!

Налетели люди, Гмертошвили вытащили из машины и начали радостно бить.

Автомобиль русского разведчика летел дальше. Штирлиц приоткрыл дверцу и попытался притормозить ногой. Снова не подкачали удивительные ботинки, пошитые на секретной фабрике «Красный центрист». Машина Штирлица перевернулась несколько раз и остановилась, повалив несколько телеграфных столбов. Штирлиц с трудом вылез в разбитое окно и попал в руки подбежавших сотрудников ГАИ.

— Документы! — строго потребовал Штирлиц.

Оторопевшие Портупеев и Фуражкин безропотно протянули свои удостоверения.

— Свои, — отметил Штирлиц, проверив документы. — Закурить не найдется?

Штирлицу дали закурить, а потом повели в ближайшее отделение отпаивать горячим чаем с тульскими пряниками. Два часа Штирлиц озлобленно матерился на заграничные машины, собравшиеся вокруг него милиционеры уважительно кивали и приводили подходящие примеры из сводок происшествий. Выпив весь чай и сожрав все пряники, русский разведчик поехал домой — отлежаться.

ГЛАВА 12. АГЕНТ-ДВОЙНИК В МОСКВЕ

Американский агент Джек Клигенс курил возле метро «Баррикадная».

— Товарищ! Вы не подскажете, как пройти к «Белому дому»? — поинтересовался у него мужчина подозрительного вида с тяжелым чемоданом в руках.

Мозг Джека Клигенса заработал с быстротой вычислительной машины.

«Провокация! — сообразил Джек. — Намекает на то, что я из Америки! Сейчас сбегутся чекисты, у толстяка в чемодане найдется взрывчатка, скажут что я встречался со своим связным! Надо давать деру, а то завинтят!»

Агент профессионально навесил мужчине в челюсть и быстро ушел в сторону, игнорируя пронзительный свисток милиционера.

У правительства нефтяного государства Зизипод были свои проблемы.

Принц Абдулла Али Манай, наследник президента Зизипода, прибыл на очень важную конференцию по дружбе между развивающимися народами Третьего мира, которая состоялась в Москве. Как и пастор Шлаг, принц обожал бегемотов. Он всегда думал, что бегемоты в России не водятся, но когда в перерывах между заседаниями пошел в зоопарк и обнаружил бегемота, очень удивился.

Бегемот очень понравился Абдулле, такого раскормленного и ухоженного бегемота он еще никогда не видел. Надо заметить, что у принца в его родном Зизиподе этих бегемотов было просто завались, и непонятно, почему ему понравился именно этот. Но так уж случилось. Изнывая от любви к обнаруженному в зоопарке бегемоту, принц все время проводил возле его бассейна, и не ходил уже ни на какие конференции. Вскоре он понял, что если не получит этого бегемота в свою собственность, то умрет от тоски и печали.

Представители принца неделю ходили за пастором Шлагом с требованием продать принцу бегемота, предлагали до 10 миллионов долларов, но Шлаг ни за какие деньги не желал расставаться со своим любимцем и наотрез отказался. Тогда принц Абдулла Али Манай сделался совсем безутешным и обратился к своей контрразведке, чтобы они разобрались с этим делом.

В Москве в это время было много агентов Зизипода, как всегда в тех странах, куда приезжал Абдулла Али. Самым умным был бывший агент ЦРУ по имени Джек Клигенс. Он сам еще не знал, что работает уже не на ЦРУ, а на разведку нефтяной страны Зизипод. Подкупленное начальство в Лэнгли уступило услуги Клигенса арабам. Поэтому Джек очень удивился, получив шифровку, в которой ему предлагали выкрасть бегемота из Московского зоопарка для принца Абдуллы Али Маная, воспользовавшись услугами еще двух агентов Зизипода.

— Идет какая-то суровая игра, — задумался проницательный агент. — Ясно, что нефтяной принц со своими сексуальными пристрастиями потребовал выдать ему бегемота именно у ЦРУ, а иначе он перестанет качать нам нефть, прикажет взорвать все нефтяные вышки и откажется строить у себя капитализм... Потому-то меня и приписали к разведке Зизипода. Интересно, что скажет по этому поводу Кальтенбруннер?

Оправдав таким образом действия начальства, Клигенс встретился с пастором Шлагом и снова предложил деньги, но директор зоопарка оставался неумолим.

Покопавшись в архивах посольства, Джек выяснил, что только русский агент Штирлиц может запросто выбить из пастора Шлага этого долбанного бегемота, но как заставить

Штирлица это сделать, оставалось для американца загадкой.

Заваленный разными досье и сообщениями агентов, которых Джек направил следить за Штирлицем в поисках компромата, разведчик ЦРУ-Зизипода сидел в номере гостиницы «Россия» в удобном кресле и, отдыхая, смотрел порнофильм, который приобрел у какого-то небритого мужика в подворотне, чтобы скрасить долгие, тоскливые московские вечера. На экране развлекались две молоденькие девушки — блондинка и брюнетка. Девчонки были в розовом нижнем белье и целовались друг с другом до одурения.

— А говорили, у русских нет секса, — пробурчал Джек Клигенс, расстегивая ширинку.

Неожиданно к девушкам подошел Штирлиц, снимая на ходу портупею с маузером. Девушки взвизгнули от восторга и бросились ему на шею. Американский агент открыл от изумления рот и застыл с расстегнутой ширинкой. Это был тот самый Штирлиц!

— Вот он, компромат! — Агент бросился к видеомэгнитофону и вынул кассету, но остановился в задумчивости. — Интересно, считается это у них компроматом или нет? А вдруг это дезинформация, специально подброшенная для меня Штирлицем? Эти русские — такой коварный народ.

Джек Клигенс задумался. Жены у Штирлица нет, не пошантажируешь. На работе тоже ничем навредить нельзя, Штирлиц сам себе босс.

Но зато в голове американского агента созрел почти гениальный план. Следя за Штирлицем, Джек обнаружил Бормана, тот скрывался в подвале ШРУ, изредка выбираясь на прогулку по Красной площади и в ГУМ за продуктами питания и свежими носками. Насколько было известно Клигенсу, Борман что-то украл у секретной организации ГКЧБ, и теперь те разыскивали его по всему миру, чтобы пристрелить, как последнего музыканта. В отличие от Штирлица Бормана можно было пошантажировать!

— Надо украсть его досье! — решил Клигенс. — Борман будет работать на меня!

Агент хлопнул себя ладонью по лбу, сделал один короткий звонок по телефону и снова поставил видеокассету. После Штирлица на экране, как и обещал мужик из подворотни, были ослики, негры, гомосеки в военной форме на танках и портрет бывшего Генерального секретаря.

ГЛАВА 13. МЮЛЛЕР ВОЗИТСЯ С СЕЙФОМ

Штирлиц поднялся в свой офис, прошел в приемную к Мюллеру и внимательно осмотрелся. Вся мебель была на месте, дорогой электрический чайник кипел на столе, новые занавески, купленные недавно Светланой, пестрели розочками. Но что-то Штирлица все же насторожило...

И действительно! Секретарша Мюллера Светлана взасос целовалась с Айсманом. При этом они так увлеклись, что совсем не замечали своего босса. «А если бы вошел Мюллер?» — подумал Штирлиц.

— Эй, Айсман! — крикнул разведчик на ухо своему сотруднику. — Ты «Ниссан» починил?

— Починил, — ответил Айсман, отстраняясь от девушки. Девушка начала смущенно застегивать блузку.

— Секретаршу Мюллера вижу, а где же он сам? — поинтересовался Штирлиц.

— С Мюллером вышло приключение, — печально молвил Айсман. — Он отравился «Роялем».

— На хрена было клавиши грызть? Рояль покрыт лаком, лак — ядовитый, это даже ребенок знает!

— Да нет, Штирлиц, спиртом он отравился, — поправил его Айсман. — Помнишь, мы за одну услугу получили в водочном магазине! Такие иностранные литровые бутылки.

— Самогонку надо пить! — буркнул Штирлиц. — Аристократ хренов!

— Я ему то же самое сказал, но он ничего не ответил, — сказал Айсман. — Он как-то болезненно переживал свое отравление. Каждые десять минут бегал в сортир, сметая все, что оказывалось на его пути. Кстати, ты знаешь, что у нас в подвале прячется Борман.

— Знаю. А Саида ты не видел?

— Нет, он наверно за Мюллером ухаживает. Да, повезло человеку с этим негром... Штирлиц, почему ему всегда везет с сотрудниками? Все на него готовы работать. Почему на меня никто не работает?

Штирлиц развалился в одном из кресел.

— Айсман, я давно хотел тебя спросить, а смог бы ты за пятьсот тысяч пристрелить бродячего музыканта?

— Какого еще музыканта?

— Ну, такого грязного, нечесаного, панка какого-нибудь...

— Почему бы и нет? — удивился Айсман. — Я таких и бесплатно могу пристрелить. И даже зарезать, чтобы патроны не тратить. И даже руками задушить, чтобы нож не пачкать.

— А за двести тысяч — калеку, смог бы?

— Ну, ясно. Ему, калеке, одно облегчение.

— А за десять тысяч — адвоката?

— Нет вопросов! — ответил Айсман. — Адвоката — святое дело! Вот помню еще до войны в Мадриде... А почему ты меня об этом спрашиваешь?

— Это тест такой. Я тут недавно Мюллера тестировал, так он сказал, что ни по кому стрелять не станет.

— К врачу ему надо, — отмахнулся Айсман беззаботно.

— Может быть. А может, именно поэтому никто на тебя не работает, ты же всю

грязную работу готов сам сделать.

— Я не люблю стирать свои грязные носки, — виновато сознался Айсман.

В приемную Мюллера зашли Наташа и сам Мюллер с посеревшим лицом.

— Добрый день, партнеры! — поздоровался бывший шеф гестапо. — Негритоса моего не видели?

— Нет. Как твое пищевое отравление?

— Ерунда! Двадцать раз в туалет сбегал, и все прошло. Саид вот куда-то пропал...

— Замерз, наверно, — предположил Штирлиц. — Уехал на родину греться.

— Эх, — вздохнул Мюллер. — Ни на кого нельзя положиться.

— Зато на всех можно положить! — всхрипнул Айсман.

— Айсман, вы — пошляк! — бросил Мюллер. — Сердце что-то пошаливает. Возьму почитать что-нибудь из сейфа.

Мюллер пошел открывать свой сейф.

— Что новенького? — поинтересовался Штирлиц у Наташи.

— Говорят, что надо будет «закрепить тенденцию к стабилизации понижения инфляции», — процитировала Наташа.

— Это хорошо?

— Наверно. Доллар будет расти, а рубль падать.

— Это тоже хорошо?

— Конечно! Мы же храним доллары! — объяснила девушка.

— Нет, пусть лучше наоборот: рубль растет, а доллар падает. Я — патриот, — пояснил Штирлиц.

— Ладно, — хохотнула секретарша, — я им передам по факсу.

Штирлиц насупился.

— Наташа, от тебя я такого не ожидал...

Еще во время войны, работая в гестапо, Мюллер придумал для себя две заповеди, от которых никогда не отступался: «Не лезь со своим уставом в чужой монастырь через колючую проволоку» и «Не изобретай велосипед, если не сможешь его продать». Этого было вполне достаточно для всех случаев жизни. Мюллер никогда не жалел о том, что не придумал что-нибудь еще.

На рабочем столе Мюллера ждал неожиданный для него документ. Пастор Шлаг доводил до сведения ШРУ, что группа неизвестных лиц готовится похитить из вверенного ему зоопарка бегемота редкой породы. Пастор был в ужасе! Этот бегемот был единственным бегемотом в зоопарке, он был самым красивым животным в зоопарке, добрым, ласковым, прожорливым. Все посетители и сам пастор Шлаг очень любили бегемота.

«Вот уже несколько раз его предлагали продать, — сообщал в своем письме пастор Шлаг. — А теперь вокруг бассейна вертятся подозрительные личности. Предлагаю агентству ШРУ заключить контракт на охрану бегемота.»

Прочитав вложенный в письмо контракт восемь раз, Мюллер заучил его наизусть:

Этот документ понравился Мюллеру — во-первых, на этом можно «отмыть» немалые деньги, профессор Плейшнер очень обрадуется, во-вторых, это полезно с точки зрения рекламы. Мюллер представил себе заголовки в центральных газетах: *«ШРУ спасает редкого бегемота», «ШРУ не позволит кормить тигров с рук!», «ШРУ не дает в обиду слонов!».*

Мюллер задумался и нажал кнопку селектора, чтобы вызвать секретаршу.

— Светлана? Зайдите ко мне на минуточку.

К шефу вошла Света — длинноногая и уравновешенная блондинка с ослепительно голубыми глазами. Раньше она работала в парфюмерном отделе ГУМа, но Штирлиц сманил ее к себе, посулив большие деньги и деловые поездки за рубеж. Потом она перешла в ведомство Мюллера.

— Да, шеф? — спросила Света, остановившись перед Мюллером и оправив короткую юбочку.

Мюллер встал, обошел стол и приблизился к секретарше. «Все-таки есть у меня вкус, не то что у Бормана», — похвалил он себя и по-хозяйски похлопал Свету пониже спины.

— Это все? — удивилась девушка.

— Нет. Отошли Московскому зоопарку официальный ответ, мол, ШРУ берет на себя дело по защите бегемота, пусть пастор возьмет у профессора кредит на оплату услуг агентства.

— Хорошо, господин Мюллер, — ответила Света, ослепительно улыбнулась и вышла.

Мюллер радостно хмыкнул и подошел к любимому сейфу. Он достал ключ и вставил его в замок. Ключ застрял, Мюллер стал испуганно дергать за ручку. Бронированная дверца сейфа не открывалась.

Шеф гестапо занервничал. На часах был полдень, в своем сейфе он хранил сэндвичи, чтобы подкрепиться.

— Штирлиц! — прокричал Мюллер в селектор. — У меня сейф не открывается! Ты ко мне не заходил?

— На хрена он мне сдался? — отозвался Штирлиц. — Мы же не в Рейхе.

Сейф у Мюллера был особенный. Даже Штирлиц иногда не мог его открыть, хотя, надо признать, и не очень старался. В кабинет Мюллера завалились Штирлиц и Айсман с банками пива в руках. Все столпились возле сейфа.

Выяснилось, что сейф был кем-то аккуратно взломан, после чего замочные скважины были забиты жевательной резинкой.

— Американская, — определил Айсман, пробуя жевательную резинку на вкус. — «Вриглес Дабл Минт». Без сахара.

Стеная, Мюллер бросился пересчитывать досье. Досье на Кальтенбруннера, на Штирлица, на Айсмана и даже на покойного адмирала Канариса, теперь уже никому не нужного, были на месте. Не хватало только одного.

— Так и есть! — почти заплакал шеф гестапо. — Не хватает самого лучшего досье — на Бормана! Штирлиц, кто это мог сделать? Какая сволочь!..

Штирлиц задумался.

— Пропал Саид, пропало досье, — сказал он. — Как меня учили в школе разведчиков, два таких совпадения так просто не совпадают. Ясный пень, это Саид украл досье!

— Точно! — прозрел Мюллер. — Он же мне и пургена в спирт подмешал! Айсман тоже пил этот спирт, ему хоть бы хны! А я полдня из сортира не вылезал.

Да, в этом чувствовалось чье-то злостное и зловонное дыхание. Штирлиц вздохнул.

— Мне это не нравится!

— Мне тоже, — вставил Айсман. — У нас в подвале прячется Борман.

— Борман — наш человек, — отмахнулся Штирлиц.

— Да, но пропало именно его досье. Возможно, именно он его и украл.

— А тут еще у пастора Шлага какие-то неприятности с его бегемотом, — вспомнил Мюллер.

— Что, бегемоту тоже подмешали пурген?

— Нет, его хотят украсть. Надо бы тебе с ним повидаться.

— С бегемотом? — удивился Штирлиц. — Я его уже один раз кормил булками.

— Нет, со Шлагом.

— Сделаем, — сказал Штирлиц. — Я побеседую с пастором Шлагом, а потом мы все вместе встретимся в «Красной Шапочке» и там за обедом все обсудим.

Соратники Штирлица согласно закивали лысеющими от проблем головами.

ГЛАВА 14. САМЫЙ ЛЮБИМЫЙ БЕГЕМОТ

— Так что же у тебя случилось? — спросил Штирлиц пастора Шлага, который рыдал на плече русского разведчика.

— Они хотят украсть моего бегемота! самого любимого бегемота советской детворы! Мне за него денег предлагали, а я отказался!

Шлаг снова зарыдал, представив, что теперь он может остаться без бегемота и без денег, которые ему предлагал давешний мафиозный принц.

— С чего ты решил, что бегемота хотят похитить?

— Мне позвонил доброжелатель. Он сказал, что очень любит животных, и добавил: «Банда Бородатого решила украсть вашего бегемота!»

— А кто предлагал деньги? — подозрительно прищурился Штирлиц.

— Сначала какой-то иностранный принц, потом какой-то американец.

— Американец? — Штирлиц вспомнил, что жвачка, испортившая сейф Мюллера была именно американская. — Все ясно! Американец работает на этого принца, и оба они хотят выкрасть твоего бегемота.

— О! — пастор разинул рот от удивления, поразившись пронизательности великого разведчика.

— Американец был с бородой?

— Нет.

— Значит, приклеит. Спасем мы твоего бегемота, — пообещал добрый Штирлиц. — Это все?

— Нет, — пастор Шлаг замялся. — Тут приходил один кавказец, он меня пощупал.

— Что значит «пощупал»?

— Как в гестапо, — Шлаг пустил слезу. — Вы ведь знаете, господин штандартенфюрер, как я боюсь щекотки, я не выдержал и раскололся.

— Раскололся? А о чем он тебя спрашивал? Что ты можешь знать?

— Откуда у вас деньги. Я сказал, что их привез из Швейцарии профессор Плейшнер, — виновато ответил пастор Шлаг.

— Ну и что? — удивился Штирлиц. — Кому какое дело, кто мне и откуда привез деньги?

— Они подозревают, что это какие-то «партийные миллионы».

Штирлиц начал тревожно ходить по кабинету. Кажется, агенты ГКЧБ снова вышли на его след и интересуются партийными миллионами. Ну, ничего, он разделается с ними, как однажды разделался с пуэрто-риканским шпионом — в два счета. «Раз, два», — сказал он тогда следящему за ним латиноамериканцу и сбросил его с девятиэтажки.

— Да. Очень странная история, — сказал Штирлиц, обдумав сообщение пастора Шлага. — Какие партийные миллионы? Это просто мое наследство, которое мне завещал брат профессора Плейшнера перед тем, как выпасть из окна.

Штирлиц справедливо опасался, что загадочный кавказец разместил в кабинете директора некоторое количество скрытых микрофонов. В таком случае, считал профессиональный разведчик, лишняя дезинформация не повредит.

— Понятия не имею, — плакался пастор Шлаг, которому было наплевать на миллионы, когда могли похитить бегемота. — Если моего бегемота украдут, меня могут запросто

уволить с работы. И кому я потом буду нужен?

— Только о себе и думаешь! — возмутился Штирлиц. — Ты хоть понимаешь, что заложил меня какому-то кавказцу, и теперь мне грозит смертельная опасность? Наедут рэкетеры, попросят поделиться, придется их убивать. Ты, как священник, должен знать, что убивать грешно. Это на тебе будет мой грех!

— Но я же не знал, что это так серьезно!

— «Серьезно», — передразнил Штирлиц. — Совсем уже от рук отбился. Хватит, Шлаг, поработал ты под прикрытием, теперь пора потрудиться непосредственно в моей фирме ШРУ.

— ЦРУ?

— Нет, ШРУ!

— А как это переводится?

— А тебе-то не все равно?

Пастор Шлаг вздохнул.

— Штирлиц, я на все согласен, готов туалеты мыть в вашем ШРУ, только помогите мне спасти бегемотика. Пусть он умрет от старости на своей Родине, в моем зоопарке.

— Ладно, что-нибудь придумаем. Кстати, туалеты помыть после отравленного пургеном Мюллера нам не помешает. Берем тебя на полставки уборщицы.

— Штирлиц, вы уж постарайтесь. Этот бегемот — любимец московской детворы, если «Бородатые» его похитят, дети будут безутешны. И у них уже не будет счастливого детства.

Глаза пастора Шлага наполнились неподдельными слезами.

— Разберемся. Хватит тебе канючить, я же обещал! Считаю, что твой бегемот уже плавает в твоём бассейне! Потом прикупим еще штук шесть, они начнут размножаться, и у тебя будет целое стадо бегемотов. Будешь устраивать бегемотовые бега.

— Правда?

— Я же тебе говорю, — бросил Штирлиц, зевнул и вышел из здания дирекции.

Он сел в «БМВ» и позвонил в офис.

— Наташа? Как там Айсман? Пусть приготовит три ящика динамита и побольше патронов. Кажется, в зоопарке назревает небольшое, но кровавое дельце... Потом приезжайте в «Красную Шапочку».

— Хорошо, босс! Только берегите себя, вы знаете почему.

— Нет, — честно ответил Штирлиц. — А почему?

— А что вам подсказывает ваше сердце?

— Что оно работает без перебоев. Так отчего же я должен себя беречь?

— От пуль, яда и кинжалов.

— А почему?

— Потому что вы — общенародное достояние, Максим Максимович, — ответила Наташа. — И много маленьких девочек будут горько плакать, если вас пристрелят, как какого-нибудь музыканта. И я — одна из них.

— Ах, вот оно что! — догадался Штирлиц. — Как же я об этом раньше не догадался?

Но Наташа, не отвечая, повесила трубку.

ГЛАВА 15. ПРИТОН «КРАСНАЯ ШАПОЧКА»

Ресторан «Красная Шапочка» можно было смело назвать притоном, но ни один журналист из боязни получить на вечерней улице по голове не решился бы этого сделать. А кроме того журналистов не пускали в этот ресторан.

Три фронтовых товарища и две секретарши расселись за удобным столиком и скромно заказали покушать.

— А пиво мы будем пить? — забеспокоился Айсман. За годы жизни в Германии он привык выпивать в день литров пять пива.

— Лучше три раза «да», чем один раз «нет», — ответил Штирлиц, протирая скатертью руки.

— А давай на спор, кто больше выпьет? Кто проиграет, того стошнит!

— Айсман! Сиди спокойно, мы пришли в приличное место, не забывай, что мы теперь деловые люди!

Как уже упоминалось, место действительно было приличным, сюда пускали только видных коммерсантов и надежных деловых людей, потому что на сцене танцевали совершенно голые девушки. Раньше сюда пускали только проверенных партийных товарищей, а сейчас партийные лидеры предпочитали отдыхать у себя на хорошо охраняемых дачах, а ресторан начали посещать банкиры, кооператоры и адвокаты. От «красных» времен осталось только название — «Красная Шапочка».

— О! Ништяк! — вскричал Айсман, толкая Свету. — Какие девочки! Я бы с такими переспал! Со всеми сразу и с каждой в отдельности! А ты?

— Я не люблю женщин, — ответила Света.

— А мужчин любишь? Таких, как я, а?

— Вы, господин Айсман, большой нахал!

— Да, Света, ты права. Нахал у меня большой!

— И большой пошляк, — отвернулась девушка.

— Нет! — возразил Айсман. — Я — не поляк, я — немец.

Два услужливых официанта принесли блюда, которыми заставили весь стол. Здесь Штирлица хорошо знали и помнили, что означает его желание «скромно откусать».

Чавкая, сотрудники ШРУ, набросились на угощение.

За большим столом в другом конце зала чествовали какого-то молодого человека. Гости шумно рукоплескали, орали «Слава! Бис!», пили, а молодой человек с важным видом что-то зачитывал из книжки и под громкий подхалимский смех раздавал автографы. Штирлиц, который не любил, чтобы в его присутствии шумели, пару раз с неудовольствием посмотрел в сторону веселящихся.

— А вы говорите, мы плохо живем! — сказал Айсман, поправляя повязку на глазу руками, уже измазанными в соусе. — Еще немного, и мы будем жить, как в Америке.

— Не это главное! — провозгласил Мюллер. — Главное, настали новые времена!

— Конечно новые. Все вокруг стало продаваться, — недовольно буркнул Штирлиц, но Мюллер его уже не слушал.

— Прошлое — отмирает. Уже скончалась «новая общность людей», именуемая «советским народом», который, подобно пещерным людям, жил в пещерах, питался подножным кормом и пугался рыка тигра, даже когда он рычал с перепоя...

— Как в Америке скоро жить будем, — подхватил его мысль Айсман.

— Да что ты, Айсман, все об этой паршивой Америке! — возмутился Мюллер. — В Америке сплошные негры!

— Это точно, — поддержал Штирлиц. — Сюда привезли одного, так он украл у Мюллера из сейфа досье...

Мюллер насупился.

— Надо, чтобы жизнь была не как в Америке, а как в Германии, — сказал Штирлиц. — Лично мне «Мерседесы» нравятся больше, чем негры. Кстати, Айсман, что это за люди? Почему их пустили в ресторан, где я кушаю?

— Сейчас разберусь! — пообещал Айсман. — Эй, любезный!

Побежал официант.

— Слушаю-с!

— Что это за толпа? Почему шумят?

— Банкет, — объяснил официант. — Поклонники известного писателя Бориса Ломтикова отмечают издание его очередной книжки.

— Передай этому известному писателю, что если его гости не перестанут шуметь, они будут иметь дело с известным штандартенфюрером СС фон Штирлицем!

— Сию минуточку-с!

Официант побежал исполнять поручение Айсмана.

— Мне это не нравится, — пожаловался Мюллер, продолжая разговор про негров. — Ситуация — охренеть. Какое название для досье не дам, все сразу же становится вверх ногами...

— Тут я с тобой прав, — поддержал его Айсман.

— Ясно одно, — продолжал Мюллер. — Кто-то выкрал дело на Бормана. Значит, Бормана собираются шантажировать. По моему досье можно с легкостью доказать, что Борман был фашистским выродком, палачом НКВД, пособником Мао, сотрудником северокорейской разведки, сионистом, антисемитом и еще Бог знает кем. С помощью такого досье любого можно заставить сделать все, что угодно. Даже коробку «Сникерса» сожрать! Но вот что они хотят заставить сделать Бормана?

— Какая разница? — пожал плечами Айсман. — Как они найдут Бормана, если он прячется у нас в подвале?

— Найдут, — сказал Мюллер. — В досье об этом тоже написано!

— А зачем ты это вписал в досье? — возмутился Айсман.

— Досье — оно на то и досье, чтобы быть полным.

— Это ты — полный идиот!

— Попрошу не забываться! — гордо вскинул голову Мюллер. — С кем разговариваете, фашист?

— От фашиста слышу!

Джек Клигенс, агент, перекупленный Зизиподом, сидел в углу ресторана «Красная шапочка» и в недоумении слушал разговор за столом Штирлица. «Каким видом шифровки они пользуются? Может быть, надо принимать во внимание только каждое третье слово, или каждое пятое? И кого они называют кличкой «Фашист»?»

Агент в нетерпении потер руками и закурил сигару.

«Надо переходить в ближний бой, — решил он. — Я мужчина привлекательный, американец, стоит попробовать завербовать секретаршу Штирлица».

Джек причесал расческой волосы, направил в рот струю освежающего дезодоранта и подошел к столику Штирлица.

— Извините, можно мне пригласить вашу даму на танец?

Штирлиц, внимательно разглядывающий в бинокль обнаженных красоток на сцене, разрешил:

— Если дама не против...

Наташа, которая с большим удовольствием потанцевала бы с самим Штирлицем, тем не менее встала и подала руку американцу. Джек Клигенс, ослепительно улыбаясь, как голливудская кинозвезда, повел девушку танцевать.

— Штирлиц, ты посмотри, как он ее к себе прижимает! — возмутился Айсман.

Штирлиц насторожился и отложил бинокль.

С минуту весь столик напряженно наблюдал за танцем.

— Если его рука спустится по ее спине ниже талии, я из него сделаю люля-кебаб, — пообещал Штирлиц.

Тут к столику Штирлица подошел известный писатель Борис Ломтиков. Будучи немного навеселе, писатель покачивался и время от времени икал.

— Это кто тут себя Штирлицем называет?

Русский разведчик обернулся к Ломтикову.

— Ну, допустим, я.

— Как вам не стыдно! — Ломтиков погрозил пальцем перед носом Штирлица. — Я про Штирлица уже шесть книг написал! Штирлиц — это же Герой Советского Союза, он уже умер за свою Родину, а вы, бандит, взяли себе такую кличку! Вы позорите честное имя русского разведчика Штирлица! Немедленно извинитесь!

Айсман ошарашено посмотрел на Штирлица.

— Дать ему в рыло? — с надеждой спросил он.

— Перед кем я должен извиниться? — поинтересовался Штирлиц.

— Перед всеми! — радостно воскликнул молодой человек.

— Дай, — разрешил Штирлиц.

Айсман дал писателю кулаком в глаз. Тот отлетел к своему столу и опрокинул его. Гости Ломтикова бросились бить агентов ШРУ. Штирлиц, раздавая удары направо-налево, пробился в центр зала, где с Наташей танцевал американско-зизиподский агент, и на всякий случай дал самоуверенному американцу поддых. Тот упал, и его затоптали дерущиеся.

— Решительно, в этой стране стало негде отдохнуть интеллигентному человеку.

И Штирлиц повел свою секретаршу на выход. По пути к Штирлицу присоединился Мюллер, который не любил слишком оживленный отдых, и секретарша Света. Айсман находился в самой гуще дерущихся, в толпе мелькали его кулаки, опускаясь на чьи-то головы. Воспользовавшись моментом, недовольные артисты лупили своих менеджеров, деловые люди — своих адвокатов.

За американским шпионом Клигенсом, который начал было ползком выбираться из драки, устремились два внештатных сотрудника КГБ, которые давно следили за подозрительным американцем. Агент достал свой бесшумный пистолет. «Да здравствует господин Президент!» — хотел крикнуть Джек, но не успел. Кэгэбэшники начали профессионально избивать беднягу, стараясь отбить какие-нибудь жизненно важные органы.

— Обрати внимание, Мюллер, на этих двоих, — заметил Штирлиц, показывая на парней в штатском, лупящих агента Клигенса. — Если они из милиции, то почему бы им

не показать сначала свои документы, а потом уже начать бить его ногами? А ты говоришь, демократия.

— Какая тебе разница? — резонно ответил Мюллер.

— Господин Штирлиц! Господин Штирлиц! — по улице с криками бежали профессор Плейшнер и пастор Шлаг.

— Ну, что случилось? — остановился русский разведчик.

— Борман исчез из подвала! — выдохнул запыхавшийся профессор.

— Началось! — сказал Мюллер.

— Да, — задумчиво кивнул Штирлиц. — Видимо, тот, кто украл досье, начал шантажировать Бормана. Но что, черт возьми, Борман должен сделать?

— Наверняка, украсть бегемота! — всхлипнул пастор Шлаг.

— Нет, это должен сделать Бородатый.

— Да, но Борман может знать этого Бородатого и шантажировать его, чтобы Бородатый украл бегемота! — не унимался обеспокоенный пастор.

— Сегодня же приступаем к охране бегемота, — решил Штирлиц. — В зоопарке поймем и Бородатого, и всех остальных уродов.

ГЛАВА 16. СНОВА НЕУДАЧА

Вытащив из ресторана Айсмана, сотрудники ШРУ поехали в агентство. Штирлиц с Айсманом вооружились до зубов и отправились в зоопарк. А шеф гестапо решил взглянуть на свой любимый сейф.

Войдя в свой кабинет, Мюллер ахнул и чуть не умер от разрыва сердца. Сейф был опять вскрыт, досье разбросаны по всему кабинету. Светлана принесла шефу стакан воды и начала собирать пухлые папки.

— Нет, мне это надоело! — воскликнул Мюллер и начал снимать с дверцы сейфа отпечатки пальцев.

— Борман! — опешил он, сверив отпечатки с картотекой.

— Шеф, ничего не пропало, — сообщила Света.

— Странно, что же эта толстая скотина искала? — почесал в голове Мюллер.

Настал вечер и Москва наполнилась уличными огнями, простые московские обыватели водрузили на ноги тапочки и уселись перед телевизорами, только агентам Штирлица не спалось. Потому что они сидели в засаде. Вернее, сидели они в своем автомобиле, а автомобиль стоял в кустах около бассейна с бегемотом. Бегемот спал, время от времени чавкая во сне и пуская пузыри.

— Никак не могу понять, зачем этому африканскому принцу бегемот пастора Шлага, да еще за такие деньги? — шепотом поинтересовался Айсман.

— Ну, чего тебе непонятно? Вот тебе, например, Света нравится?

— Ну.

— Вот тебе и «ну»! А ему больше бегемоты по душе. Любит он их. Баб у него и так в гареме штук сто, а бегемотов не хватает.

— Так это же... этот, как его... зоофилизм, — осторожно заметил Айсман.

— Не знаю такого слова, — сказал Штирлиц. — Я же тебе говорю, любит он бегемотов, и все тут!

Айсман пожал плечами.

— Женщины лучше, — Айсман, похотливый, как июньский кролик, поерзал на сидении. — Секретарша Мюллера — очень красивая девушка. Я в нее уже дня два влюблен по самые уши. Теперь на Свету у меня одна реакция! Эрекция! — похвастался он.

Штирлиц глубокомысленно кивнул и отвернулся, то ли смахнуть набежавшую скупую мужскую слезу, то ли сплюнуть в открытое окно.

— Хватит болтать, — сказал он. — Вообще, неправильно, что мы сидим оба в машине. Предлагаю тебе спрятаться в кустах с той стороны бассейна. Будем следить с двух точек и переговариваться по радио.

— Отличная мысль, — одобрил Айсман и вылез из машины.

Через минуту запищала рация.

— Пока все тихо, шеф, — сообщил Айсман. — Штирлиц, мы с собой прихватили сортирную бумагу?

Штирлиц нервно разбирал и собирал свой «ГТ», пытаясь понять, куда надо вставлять патроны. Разговоры Айсмана о женщинах разбудили в нем воспоминания. Мысли о секретарше, с которой он проработал уже довольно-таки много времени, не оставляли его. Как он мог до сих пор не познакомиться с этой прекрасной девушкой поближе? Видимо,

«вторая молодость» все-таки оставила в нем «комплекс пенсионера».

Штирлиц достал из кармана рацию, которая неожиданно для разведчика неприлично выругалась. Было ясно, что Айсман расслабился и забыл выключить свою рацию.

— Сам такой! — неприязненно ответил Штирлиц, выбрасывая рацию в окно. Он помнил, что именно на таких мелочах обычно и засыпаются супер-агенты.

Штирлиц взял радио-телефон и позвонил Наташе домой.

— Алло? Это вы, Штирлиц? — отозвалось в трубке.

— Я, — не стал обманывать Штирлиц.

— А это Наташа! — раздался в трубке довольный голос.

— Я, кажется, разбудил тебя? — спросил галантный Штирлиц, не зная, что в таких случаях говорят дальше.

— Нет. Я ждала вашего звонка.

— Это похвально. Я в общем-то хотел снова пригласить тебя в ресторан без этих придурков, но сегодня, к сожалению, я занят.

— Я знаю. Но не волнуйтесь, через минуту я буду возле вас.

— Да тебе сюда целый час ехать! — удивился Штирлиц.

— Успею. С вами говорит автоответчик. Повесьте трубку и посмотрите направо...

Штирлиц выключил трубку, повернулся и увидел Наташу.

— А вот и я. Я принесла вам горячий чай и булочку. Тяжело, наверно, всю ночь сидеть в засаде.

Наташа села в машину рядом с разведчиком. Они сказали одновременно:

— Наташа, я хотел сказать...

— Штирлиц, я хотела сказать...

Остальное договорили их влюбленные глаза.

Штирлиц привлек ее к себе, и они замерли в продолжительном поцелуе. Кто-то пробежал в темноте, ломая кустарник и опрокидывая урны. «Наверно, зайцы», — подумал Штирлиц. Они отдавались друг другу страстно и самозабвенно.

Все было хорошо, пока до них не донесся пронзительный крик Айсмана:

— Штирлиц! На меня напал Бородатый!

Разведчик насторожился. Теперь он понял, что выбрасывать рацию было непростительной ошибкой. Штирлиц вскочил и бросился спасать своего партнера.

Бегемота в бассейне не было. На глазах у Штирлица огромный и подозрительный рефрижератор скрылся за поворотом. Контуженный ломом Айсман даже не успел вступить с похитителями в перестрелку и теперь сидел на земле, потирая ушибленную голову.

— Невезение за невезением, — ругался Штирлиц. — Черт, а где же мой пистолет?

— Вот он, Штирлиц! — сообщила Наташа, держа на вытянутых руках штаны разведчика с пристегнутой кобурой.

— В погоню! — вскричал Штирлиц, судорожно надевая штаны.

— Это невозможно, — молвила Наташа. — Когда я вышла из машины, откуда ни возьмись выскочил бородатый мужик и начал кувалдой крушить нашу машину. А потом полил ее из канистры бензином.

В подтверждение ее слов раздался взрыв.

Штирлиц гневно выхватил пистолет и выпустил в воздух всю обойму. Радостно завершали макаки в соседнем вольере. Гневно взревел лев, намекая, что хоть ночью-то можно было бы дать ему, царю зверей, нормально поспать!

— Не расстраивайся, — сказал Айсман. — Мы их найдем и всех пристрелим. Даже мафии будет тяжело спрятать такого большого и прожорливого бегемота в такой маленькой и голодающей Москве.

— Это сложный вопрос, — ответил Штирлиц.

— Кстати, Мюллер звонил. Кто-то опять залез к нему в сейф, и, не поверишь, по отпечаткам пальцев выяснилось, что это Борман.

— Будем искать Бормана, — решил Штирлиц, потому что никаких других идей ему в голову не пришло.

ГЛАВА 17. В ПОИСКАХ БОРМАНА

Штирлиц спустился в метрополитен имени Ленина и поехал в магазин Шварцкопфмана «Женское нижнее белье и другие сопутствующие товары», чтобы выведать что-нибудь о Бормане, который, по мнению подозрительного Мюллера, стоял за похищением бегемота. Собственно, Мюллер и вычислил Шварцкопфмана, который, изменив фамилию на «Шварцкопф», открыл в Москве магазин, работая при этом на Бормана.

Вообще-то оставаться без машины и пользоваться метро Штирлиц не любил. Принимая Штирлица за преуспевающего бизнесмена, нищие не давали ему проходу, требуя денег, мотивируя это тем, что сами они не местные.

— Ну ты, карюзлый! Ваучер продай! — послышался козлиный голос одного из нищих.

Штирлиц неприязненно отвернулся. Юродивый ковылял за ним еще несколько метров, потом отстал, но все равно долго помахивал вслед костылем.

Нищего звали Микола. Он был самым засекреченным украинским агентом на территории России. Конспирируясь под нищего, Микола скупал у населения приватизационные чеки, чтобы потом украинцы могли диктовать России свои законы. Это Штирлиц знал, но решил пока с Миколой не связываться, чтобы не осложнять международные отношения. Кроме того, за украинских шпионов КГБ пока не платило. Штирлиц предпочитал ловить китайцев.

В другом переходе метро Штирлиц увидел знакомого нищего по имени Евлампий, с которым он познакомился после побега из подземной лаборатории ГКЧБ. Евлампий ничуть не изменился. Он был так же грязен, сварлив и пьян. Правда, теперь возле положенной им газеты стояла табличка *«Рубли и трешки не принимаю!»*

Евлампий, конечно же, не узнал в уважаемом мужчине с такими добрыми глазами того Штирлица, который когда-то отнял у него телогрейку, но Штирлиц все равно кинул ему упаковку пяти тысячных банкнот и, не ожидая слов благодарности, направился дальше.

«Что это он мне так много отвалил? — удивился Евлампий, почесывая свою, покрытую поддельными язвами и нарывами, ногу. — Может быть, он фальшивомонетчик? Значит, и деньги его фальшивые?»

Пристроив листок бумаги на деревянное колено, Евлампий послушав карандаш и написал:

«Запрос Председателю Госбанка России.

Недавно мне выдали зарплату новенькими пяти тысячными банкнотами. У меня сложилось впечатление, что они не совсем надежны. Считаю ли номера таких банкнот действительными, не фальшивые ли они? Если нет, деньги настоятельно прошу вернуть. С двух до восьми меня можно найти в переходе метро Библиотека имени В. И. Ленина в любое время года.

Нищий без средств к существованию, Евлампий».

Попросив у сердобольного коммерсанта «подать нищему и убогому конверт с марками», Евлампий вложил одну из подозрительных купюр в конверт и запечатал.

Через день Евлампия забрали, обвинив в подделке банковского билета, и стали преследовать по закону.

Ни о чем не подозревающий Штирлиц подошел к магазину Шварцкопфмана и сразу же прошел в кабинет управляющего.

— Шварцкопфман на месте?

— Да, — ответила молоденькая секретарша. — Только хозяина зовут Шварцкопф.

Не замедляя чеканный шаг, Штирлиц носком сапога открыл дверь и просунул голову внутрь.

— Шварцкопфман? К тебе Штирлиц пришел!

Бывший генерал не поверил своим глазам. Как кролик, он бросился к окну.

— Стоять! — Штирлиц прижал его к стене и обыскал. Всю найденную валюту он сложил аккуратной стопочкой на столе, присел в кресло и закурил. — Будешь говорить?

— О чем? — взмолился Шварцкопфман.

— О Бормане.

— Я о нем давно уже ничего не слышал. С тех пор, как он продал мне две таблетки «второй молодости»...

— Не верю, — ответил Штирлиц. — Разве он тебя не шантажировал?

— Штирлиц, откуда ты всегда все знаешь? — удивился отставной генерал. — Ну, шантажировал. Говорил, что заложит в какое-то ГКЧБ, что я — бывший генерал Вермахта.

Русский разведчик поморщился. Кого сейчас можно было удивить бывшими фашистскими генералами, когда кругом было столько бывших коммунистических?

— Я не знаю, где этот гад обитает, — всплакнул Шварцкопфман. — Деньги я ему пересылаю ежемесячно на счет в банке. Но несколько раз я видел, как он спускался в метро «Кропоткинская».

— Спасибо и на этом, — поблагодарил Штирлиц. — Сделай-ка мне фирменный пакет с нижним бельем для Наташи.

ГЛАВА 18. ПОДЗЕМКА

Штирлиц и Айсман ходили по станции метро «Кропоткинская» и смотрели на эскалаторы.

— Шварцкопфман сказал, что его можно застать здесь. Генерал пару раз пытался за ним проследить, но Борман всегда ускользал.

— От нас не уйдет, — пообещал себе Айсман.

— Это конечно, — кивнул Штирлиц. — А вдруг он тут перестрелку учинит, погибнут ни в чем не повинные люди.

— Слушай, а что если воспользоваться хитроумным планом?

— Каким? — подозрительно спросил Штирлиц.

— Можно попросить милиционера остановить Бормана и проверить у него документы. В паспорте есть его адрес. Приедем потом к нему на дом, арестуем без лишнего шума.

— Логично, — ответил Штирлиц. — Если, конечно, у него не поддельный паспорт.

— Так мы ведь и лично проследим. Если данные из двух источников сойдутся, значит, там-то он и живет...

Партнеры подошли к служителю правопорядка, и Айсман сунул в карман милицейского мундира пятитысячную купюру. Лицо милиционера подобострастно вытянулось.

— Чем могу?

Борман, перемалывая «Сникерс» за обе щеки, спускался по эскалатору.

— Дяденька, а вы «Баунти» пробовали? — спросил у него перепачканный шоколадом паренек.

— Пробовал.

— Ну и как?

— Не райское, конечно, наслаждение, но все-таки лучше, чем «Твикс»... — Борман пощелкал языком.

Заговорившись с мальчиком на столь интересную тему, Борман не замечал, что внизу Штирлиц и Айсман договариваются о чем-то с милиционером.

— Паспортный контроль, — сказал милиционер. — Документы... Прописка в Москве есть?

— Есть, — ответил Борман, светясь улыбкой. — «Сникерс» хочешь?

— Не «хочешь», а «хотите»! — поправил строгий милиционер. — Хочу.

Милиционер записал адрес Бормана.

— А зачем ты мой адрес на бумажке пишешь?

— Два мужика попросили, — получив «Сникерс», милиционер так и светился от дружелюбности.

Борман стал шарить глазами по сторонам и увидел широкую спину Штирлица, спрятавшегося за колонной. Борман пискнул и бросился от Штирлица врассыпную, но тут же остановился. «Ой, что это я? — подумал Борман. — Я же один! Так можно и раздвоение личности запросто получить!»

Он собрался с силами, спрыгнул с платформы и, испуганно охая, бросился без оглядки в туннель.

— Борман! Стоять! — крикнул Штирлиц, распугивая одиноких пассажиров.

Два сыщика из ШРУ метнулись вслед за убегающим Борманом. Минут десять они

бежали по шпалам и ложились вдоль стен, когда проезжала электричка.

— Я в газете одной читал, в метро чудовище какое-то водится, — тяжело дыша, молвил Айсман. — Перегрызает электропроводку, насилует монтеров или что-то типа этого.

Штирлиц уставился на Айсмана.

— Ну и что?

— Я вот и думаю, Борман в метро побежал, может быть он там и живет?

— Думаешь, это он? В смысле — чудовище?

Айсман промолчал.

— Насиловать монтеров — это он, допустим может, — сказал Штирлиц задумчиво. — Но перегрызать электропроводку — это слишком даже для Бормана.

Партнеры бежали дальше, но накачанный витаминизированным «Сникерсом» Борман далеко обогнал их и скрылся в темноте туннеля.

— Стоп! Теперь уже два туннеля!

— Что?

— Куда теперь бежать?

Штирлиц задумался. Два совершенно одинаковых пути, освещенные редкими фонариками.

— Я думаю так. Если стрелка стоит направо, значит Борман сам ее повернул и побежал налево, — сообщил Айсман.

— Ага, он так и подумал, что мы так подумаем. Поэтому перевел стрелку и побежал направо, чтобы мы повернули налево.

— Штирлиц! Ну, ты — голова! — восхитился Айсман.

Сыщики побежали дальше и минут через десять оказались в зловонной канаве, пахнущей разнообразными экскрементами.

— А, черт! Кажется, мы попали в канализацию!

Смертельно ругаясь и очень обидевшись на Бормана, они выползли на сухое место и осмотрелись.

— Ай! — вскричал Айсман. — Меня что-то за ногу укусило!

Штирлиц посветил фонариком. На ноге Айсмана висела вставная челюсть.

— Это челюсть профессора Плейшнера, — сказал Айсман, — узнаю его прикус! Он меня уже кусал.

— Да, но свою челюсть, насколько я помню, Плейшнер уронил в бассейн с бегемотом.

— Значит, это все-таки Борман похитил бегемота, а заодно выловил и челюсть Плейшнера.

— Ладно, положи в карман, потом подарим профессору.

Борман опять ускользнул, но у Штирлица была бумажка с его адресом.

ГЛАВА 19. БОРМАН ПРИНИМАЮТ ГРЯЗЕВУЮ ВАННУ

Борода у Бормана не росла. Борман всегда переживал из-за этого, поскольку, имея абсолютно лысый, как бильярдный шар, череп и неприкрытый растительностью подбородок, было очень тяжело скрываться от вездесущих шпионов. И потом, нельзя было сделать тайную гадость.

Борман додумался пользоваться париком и приклеивал бороду с бакенбардами, но под этим гримом он ужасно потел, так что пользовался ими в исключительных случаях. Только в тех случаях, когда надо было кому-нибудь нагадить. Например, обменять фальшивые рубли в подворотне на настоящие доллары, или фальшивые доллары на настоящие рубли, или нанять рэкетиров, чтобы затерроризировать коммерческий магазин.

Отделавшись от Штирлица, Борман пришел в самое хорошее настроение и, чтобы его не узнали, нацепил грим «Бородатого». Добравшись до своей квартиры, он достал ключ и по привычке обернулся по сторонам. Все было спокойно. Но в квартире его ждало разочарование.

Вся посуда была разбита, мебель поломана, книжки со стеллажей лежали на полу с оторванными обложками, японский телевизор дымился на опрокинутом холодильнике. Только два мягких кресла остались неповрежденными, да и то только потому, что в них сидели Штирлиц и Айсман, воняя, как из канализации.

— Надо же! — вскричал Айсман. — Это тот мужик, у которого я обменивал доллары на рубли!

— Я тоже не знал, что они фальшивые! — вскричал перепуганный Борман. — И вообще это был не я! Тут какая-то ошибка! Я — театральный артист, а это мой грим!

Желая провести непрошенных визитеров, Борман сорвал парик, бороду и пышные наклеенные усы.

— Это был не я! — повторил Борман, только теперь понимая, что это он как-то непутево сделал.

— Здравствуй, Борман, — сказал вежливый Штирлиц. — Значит, ты и есть тот самый Бородатый? Так-так... А мы тут у тебя искали наркотики, но не нашли... Надо заметить, что квартиру ты обставил хорошо, хвалю. Лучше, чем наш подвал.

— Шт... ир...?

— Он самый, — подтвердил Айсман.

— Но вы же меня не будете бить?

— Тебя — нет, — ответил Штирлиц, вставая. — Борман, ты знаешь, в последнее время я всегда относился к тебе с большой душевной теплотой, так что имей в виду, когда я буду тебя бить, я буду бить в твоём лице чуждый мне административный уклад...

— Штирлиц, — вскричал Борман. — Это не я украл из сейфа Мюллера «вторую молодость»! Когда я залез в сейф, ее там уже не было!

Штирлиц и Айсман переглянулись. Им стало понятно, зачем Борман вскрывал сейф Мюллера и ничего при этом не взял. А что касается «второй молодости», то Штирлиц просто-напросто забыл положить чемодан с таблетками в сейф. Чемодан и сейчас валялся у Штирлица в кабинете под столом.

Борман пугливым зайцем метнулся к балкону, чтобы спрыгнуть с третьего этажа.

Штирлиц достал «ТТ», предусмотрительно заряженный солью, и выстрелил. Он выстрелил очень быстро, но Борман все же успел наложить в штаны.

— Ай! — сказал Борман, сползая на пол и держась за задницу.

— Это только соль, — заметил Штирлиц. — Как в «Кавказской пленнице». Куда это ты убегаешь? Мы с Айсманом так тебя ждали! Даже оздоровительную ванну тебе приготовили, грязевую.

— Я себя прекрасно чувствую! — возразил Борман, потирая «горящие» ягодицы.

— Станет еще лучше, — пообещал Штирлиц и с любовью погладил его по лысой голове.

Вдвоем с Айсманом они оттащили упирающегося «Бородатого» в ванную комнату и, связав ему руки, бросили в ванну, наполненную черной водой.

— Что это?

— Я же тебе сказал: грязевая лечебная ванна. Это — чтобы ты соображал лучше.

— Ага, — поддержал его Айсман. — Я туда три мешка цемента насыпал. Упарился, пока нес, а все ради тебя!

— Цемента! — глаза Бормана наполнились ужасом. — Штирлиц! Я больше не буду!

— Так я тебе и поверил, — ответил Штирлиц и напомнил: — Учти, цемент затвердевает, так что говори побыстрее.

— Штирлиц! — взмолился бывший партайгеноссе. — Я больше не буду! Честное слово коммуниста!

— Коммунисты не наклеивают бороды, чтобы продавать фальшивые рубли!

— Это просто мое маленькое невинное хобби! Я не только рубли, я и доллары продавал!

— Айсман, засыпь еще один мешок цемента, что-то он не то говорит, — распорядился

Штирлиц.

— Штирлиц! Я сделаю все, что ты скажешь.

— Где спрятан любимый бегемот пастора Шлага?

— На мясокомбинате, там Гиви Гмертошвили работает.

— Гмертошвили? Грузинистый такой, из подвалов ГКЧБ?

— Он!

— На, звони своим козлам, пусть бегемота накормят и никому не отдадут. Скажи еще, что сейчас приедет Айсман, и пусть они его слушаются!

Борман покорно взял трубку.

— Да, и еще, — вспомнил злопамятный Штирлиц. — Этот Гмертошвили тоже там находится?

— Не знаю. Честное пионерское! У него какое-то важное задание, он ведь сотрудник ГКЧБ.

— Бывший, — сказал Штирлиц и прищурился, что не сулило Гмертошвили добра.

ГЛАВА 20. ФАКС-МОДЕМНАЯ ИГРА В МОСКВЕ

Бормана приковали наручниками к ванне, пообещав провести на следующее утро. Айсман съездил за бегемотом и вернул его счастливому пастору Шлагу. Не получив бегемота, африканский принц Абдулла Али Манай скончался от огорчения в жутких конвульсиях. Агент Зизипода по имени Саид был занят транспортировкой тела принца на родину и, к сожалению, не смог принять участия в дальнейших приключениях. Зато ему повезло — он остался целым и невредимым.

Штирлиц подъехал к ресторану «Кручина» и постучал в окно. В «Кручине» слышали, что Штирлиц может устроить в ресторане драку, поэтому управляющий приказал повесить в окне табличку «Свободных мест нет». Разведчик обиделся и, решив в следующий раз устроить в «Кручине» драку, поехал в ресторан «Красная Шапочка». Там его хорошо знали, поэтому свободные места сразу же нашлись.

Штирлиц успокоился, сытно откушал, а потом снова поехал в «Кручину». К этому времени в ресторане «Кручина» прослышали о том, что если Штирлица не пустить, он не только устроит драку, но и подожжет сам ресторан, так что на этом месте еще три года ничего не будут строить.

В окне он обнаружил, что *«Свободных мест нет. Для Штирлица свободные места есть»*. Штирлиц подобрел, зашел в ресторан и сытно покушал еще раз — на всякий случай.

Обожравшись, Штирлиц решил, что пора перестать кидаться из стороны в сторону и поехал поработать в ШРУ.

— Штирлиц! — крикнул через коридор Айсман. — Прими факс!

— А за это можно и по морде получить! — пробурчал Штирлиц. — Не люблю американских ругательств.

— Да нет! Это такое сообщение для тебя по телефонным линиям, типа телеграммы, только с картинками! В кабинете у Мюллера.

Штирлиц пошел в кабинет Мюллера.

«Алекс — Юстасу. Срочно! По нашим данным иракские террористы намереваются выкрасть из Мавзолея останки пролетарского вождя В. И. Ленина и переправить его Саддаму Хуссейну. Срочно воспрепятствуйте проведению этой зловещей операции. Алекс».

Штирлиц ответил:

«Юстас — Алексу. Я давно уже не работаю на вашу лавочку! Звоните Мюллеру, платите деньги, может быть, что-нибудь сделаем. Штирлиц».

«Алекс — Юстасу. Повторяю! Надо во что бы то ни стало помешать похищению саркофага, грозящему непредвиденными осложнениями. В этом случае, по прогнозам наших экспертов, реакционные круги в России воспользуются этим, как предлогом для своих реваншистских замыслов. Это не только моя личная просьба Первого, это лично моя просьба. К ней, я думаю, присоединятся все наши трудящиеся. Кроме того, для правительственных заданий не существует сроков давности. Делайте то, что вам сказано, иначе, будете объявлены вражеским шпионом! Алекс».

«Штирлиц — Первому. Вот мои условия: Никогда не присылать ко мне в ШРУ фининспектора, не люблю. Отдать мне сотрудника ГКЧБ по кличке Мартин Борман. Захоронить меня как национального героя в Кремлевской стене. Штирлиц».

Факс надолго заткнулся и Штирлиц, ожидая ответа, заснул. Проснувшись он подумал,

что молчание есть знак согласия, но тут пришел новый факс.

«Алекс — Юстасу. По поводу фининспектора согласны. Никакого отношения к ГКЧБ не имеем. Бормана можете забирать себе со всеми потрохами. Раз есть я, нам он не нужен. Последний вопрос надо еще обсудить. Алекс».

— Отлично! — порадовался Штирлиц. — Завтра съездим к Борману, я вставлю ему капсулу именно туда, куда ты, Айсман, думаешь!

Неожиданно снова заработал факс.

«Алекс — Юстасу. Вспомни подземную лабораторию и капсулу, которая вживлена в твое старческое тело. У меня в руках пульт с красной кнопкой, настройение у меня неважное. Так что лучше всего забудь о предыдущих указаниях. Алекс».

— Ничего не понял, — сказал Штирлиц.

«Юстас — Алексу. Ничего не понял! Юстас».

«Алекс — Юстасу. Предыдущие указания Алекса считать недействительными. Настоящий Алекс».

— Однофамильцы, что ли? — задумался Штирлиц. — Слушай, Мюллер, что происходит? Кажется, мне дают указания совершенно разные ведомства?

— Ты что, газеты не читаешь? В стране Двоевластие!

— И кого слушаться?

— А кого хочешь! — ответил Мюллер. — Я бы на твоём месте радел бы за свои карманы, как все сейчас делают.

Штирлиц отринул это предложение, как недостойное.

— Я старый коммунист. Меня еще из партии никто не исключал! Так что я буду следовать зову своего сердца. Отдать им Ильича, значит, уронить свое лицо!

— Не понял? — заметил Мюллер.

— Это значит, упасть мордой в говно!

— А-а... Да, это неприятно.

Мюллер достал из клетки большого и красивого попугая. Потеряв своего негра Саида, который оказался вражеским шпионом, Мюллер сильно переживал, пока не купил на рынке этого попугая.

— Эдуард, птичка, любишь папу Мюллера?

— Дур-рак! — отвечала сообразительная птица.

— Видал? — похвалился Мюллер. — Этому попугаю уже лет двести, это точно. Слушай, что он тебе говорит!

— На что это вы с попугаем намекаете? — ошетинился Штирлиц. — Почему это я «дур-рак»?

— Плюнь ты на этого Ильича, отдохни, съезди лучше с пастором Шлагом в Альпы покататься на лыжах.

— Ну да! А с профессором Плейшнером — в Берн попрыгать из окон без парашюта. Некогда отдыхать! Пойдем, Айсман!

— Тоже мне, «Чип и Дейл спешат на помощь»! — саркастически бросил Мюллер, выпуская из рук попугая. — Как был ты, Штирлиц, утопистом, так и остался.

— Пофигистом, — поправил Штирлиц.

— Ладно, не хочешь слушать мои советы, не надо. И закрой за собой дверь! — попросил Мюллер.

Штирлиц встал, строевым шагом вышел из кабинета и, хлопнув в сердцах дверью,

задавил попугая, который хотел вылететь в коридор вслед за Штирлицем.

— Долетался, пархатый? — констатировал русский разведчик и заспешил к лифту, чтобы не слышать заунывный плач Мюллера.

ГЛАВА 21. КОЛЫБЕЛЬ РЕВОЛЮЦИИ

У Мавзолея, куда не было очереди уже два года, стояла толпа иракских туристов. Арабы шумно разговаривали и спорили, но о чем — неизвестно, потому что никто вокруг не понимал арабского языка.

Штирлиц подошел к заочеченным на осеннем ветру часовым и внимательно взгляделся в чистые и невинные лица. Разведчик помахал перед носом одного рукой, но часовой даже не шевельнулся.

«Столбняк», — определил Штирлиц.

Приняв Штирлица за иностранца, к нему подбежал торопливый репортер с микрофоном.

— Скажите, вы за то, чтобы Ленина похоронили или чтобы оставили в Мавзолее?

Журналистов Штирлиц не любил с детства. Говоришь одно, а пишут другое, кому это понравится? Разведчик настороженно посмотрел на репортера.

— Ну так как? — не успокаивался репортер.

— Я очень уважаю пролетарского вождя Ленина, — ответил Штирлиц, вспомнив курс «Истории ВКП(б)». — Тело и имя Ленина будут жить вечно!

— Так теперь-то уже нет пролетариата, — заметил репортер.

— Я — пролетариат, — веско возразил Штирлиц и, дав репортеру поддых, не оглядываясь, пошел в ШРУ.

Штирлиц любил Ленина. А вот Сталина не любил. Тот всегда шурился как-то неприязненно, изо рта у него всегда пахло, да и задания давал такие, что хрен выполнишь.

А к Ильичу Штирлиц относился с большим уважением, хотя и плохо его помнил. У него в жизни была только одна встреча с вождем, в 1917 году, когда они с отцом пошли в Смольный, по словам отца, «Колыбель Революции».

Они подошли к Смольному и встретили Ильича возле самых дверей. Перед ним стоял часовой — детина с деревенским лицом, направив на вождя винтовку со штык-ножом.

— Что вам, товагищ? — поинтересовался Ильич, закидывая руки за спину и там пожимая их, успокаиваясь.

— Не контра ли? — поинтересовался часовой, разглядывая Ильича. — Пропуска нет, одет, как буржуй...

— Да вы что, товарищ, это же — Владимир Ильич Ленин! — сказал подошедший Дзержинский. — Это просто возмутительно, до такой степени не узнавать Ильича! И когда только это кончится?

— Ленин? — радостно переспросил часовой и благоговейно повторил: — Ленин...

— Надо портрет Ленина на деньгах печатать, — сказал младший Исаев. — Тогда все будут знать своего вождя.

— Умно! — одобрил Ильич. — Молодой, а смекалистый!

Юный Штирлиц, его отец и два вождя — Ленин и Дзержинский пошли по мраморной лестнице, на которой дымила самокрутками солдатня из недавно организованных комиссий. Видимо, только что они приняли ряд постановлений и теперь устроили перекур.

— Ну, Феликс, что новенького? — спросил Ленин.

— Да ходки опять приходили, — пожаловался первый чекист.

— Гасстгеляли?

— Ну. А что еще с ними прикажете делать, Владимир Ильич? Припрутся и начинают задавать свои вопросы: а можно ли себе зерно брать? А правда ли, что теперь они пахать могут? Кулаки чертовы! Все только себе, скоты, — озлобленно заметил Феликс Эдмундович. — Нет, чтобы спросить: а сколько зерна надо государству отвалить? Или когда можно лошадей в Красную Армию отдать? Тут ради них через ссылки проходишь, жизни свои кладешь на благо революции, а они...

— Это гавильно, — поддержал его Ильич. — И шпионы среди них запгосто могут оказаться. Геволуционерная бдительность пгежде всего! А это что за товагищи? Не ходоки ли?

— Да нет, это Исаев, чекист, сына привел — Ленина показать.

— А-а... — отвечивал Ильич, благожелательно глядя на Исаева-младшего и расправляя свои могучие плечи. — Ну, пусть посмоттит...

Через полчаса они сидели в рабочем кабинете Ленина и за разговорами о Мировой революции пили самогонку. Максим каждый раз пил до дна, по малости лет захмелел, конечно, но зато привлек своей старательностью внимание Ленина.

— С немцами хорошо сгаботается, — заметил Ильич. — Есть в нем, знаете ли, такая немецкая аккугатность. И лицо у него чисто агийское...

Слова Ильича оказались пророческими. Через несколько лет чекист Максим Максимович был послан в Германию, чтобы выполнить там ряд важных заданий. И слова Ленина «истинный ариец» стали крылатыми, перекочевали потом неизведанными путями в Германию.

ГЛАВА 22. ТАНКИ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

На первой линии ГУМа в очереди за кроссовками стояла толпа народа. Очередь гудела, как улей. Время от времени из нее вылетали рассерженные пчелы, которых отфутболивали от прилавка.

Кроссовки были дешевыми, поэтому многие закупали их целыми упаковками, чтобы потом перепродать втридорога. Профессор Плейшнер не собирался ничего перепродавать, он давно уже мечтал о хороших кроссовках, поскольку в сапогах у него сразу же натерлись мозоли. С другой стороны, кроссовки были просто необходимы профессору для занятий физкультурой, а без физкультуры он толстел.

Вообще-то профессору Плейшнеру не везло с магазинами в России. Постоянно он попадал в какие-то истории. Однажды, покупая колбасу, он задумался:

«Интересно, почему колбаса называется «Докторской»? Наверно, скушав этой колбасы, от нее когда-нибудь помер доктор. Или съешь эту колбасу, и тебе доктор понадобится. Или отведаешь, и никакой доктор уже не поможет. А вот, скажем, «Останкинская», наверно, из останков сделана. А «Студенческая» — из студентов...»

Задумавшись на столь интересную тему, Плейшнер забылся и по германской привычке оставил продавщице червонец «на чай». Очередь старушек стала возмущаться: «Тут с голодудохнешь, а он чирик на чай оставляет! Буржуй, в кожанке ходит!»

— Бабоньки, дык, на него уже ничего не купишь! — пытался оправдаться профессор, но его все равно не полюбили и стали плевать на плешивую голову. Хорошо хоть не побили...

На этот раз профессор решил вообще не открывать рта и держаться в стороне. Он не замечал, что позади пристроился агент ГКЧБ Гиви Гмертошвили, который держал его на мушке своего пистолета с глушителем.

Тут в ГУМе раздался взрыв, после которого только один из прохожих отделался легким испугом.

Фонтан в центре второй линии разлетелся вдребезги, испуганные толпы побежали на улицу, а в магазин уже вваливались две сотни вооруженных до зубов иракских террористов.

Началась пальба, посетители обезумели, стали кидаться из стороны в сторону, даже очередь за кроссовками рассосалась. Гмертошвили решил воспользоваться случаем и «взять» профессора Плейшнера.

— Стой, где стоишь и не оборачивайся! — приказал он злодейским голосом.

Струхнув, профессор положил руки на затылок.

— А ну говори секретные счета Штирлица в Швейцарском банке!

— Позвольте! — возмутился профессор, оборачиваясь. Тут он обнаружил, что Гмертошвили норовит дать ему рукояткой пистолета прямо по зубам. Профессор что есть силы возопил: «На помощь!»

Иракские террористы, заметив среди посетителей ГУМа человека с пистолетом, начали стрелять. Бросив Плейшнера на пол, Гмертошвили ответил тем же.

Наконец один из террористов кинул в него гранату, от разрыва которой Гиви выронил пистолет и отлетел к стене. Подбежавшие арабы тут же определили его, как еврейского шпиона, заплели ему все лицо, дали пожрать сала. Долго били дубинкой по голове. Достали пистолеты и выпустили в него по обойме. Что можно сказать еще, чтобы отчетливо представилось, насколько нехороший Гмертошвили не понравился этим нехорошим арабам?

Между тем, профессор уже отполз на порядочное расстояние и в душе уже праздновал свое освобождение. Не тут-то было! Арабы схватили его за шиворот и отволокли к группе заложников, которые не успели убежать из ГУМа. Их было человек пятьдесят. Заложников согнали в кучу и теперь держали под прицелом скорострельных автоматов. Потирая плешь, профессор Плейшнер задумчиво сидел среди них.

Через час к ГУМу были подведены правительственные войска, и вскоре ожидалось прибытие сил быстрого реагирования в лице спецбригады «Илья Муромец». А профессору Плейшнеру стало совсем уже невтерпеж. Громко ругаясь по-немецки, он стал требовать, чтобы ему разрешили сделать звонок своему адвокату.

— Я имею право на один звонок! — скандалил профессор Плейшнер. — Я приехал сюда из свободной страны! Я требую!

Арабы что-то бормотали по-арабски, испуганно глядя на этого настырного человечка. Наконец, один в самой разноцветной чалме, приблизился к профессору и утомленно сказал по-немецки:

— Делай свой звонок. Ты нас просто достал.

Профессор, как кролик, бросился к телефонам.

— Алло! Это ШРУ? Извините...

Он кинул еще одну монетку.

— Алло, ШРУ? Извините, я не туда попал. Чертова АТС! Что здесь за связь в этой стране! Постоянно не туда попадаю!

На старости лет у профессора было плоховато с памятью, и он постоянно ошибался в шестой цифре. Хорошо хоть арабы не следили, сколько звонков делал профессор. Наконец в трубке послышался знакомый голос:

— Частное Агентство ШРУ к вашим услугам!

— Это я, профессор Плейшнер! — прокричал профессор в трубку. — Я нахожусь в здании ГУМа, меня захватили как заложника. Спасите меня!

— Алло, Маша! Я недавно попробовала соус для спагетти «Анкл Бэнс» — это просто великолепно! — вмешался в разговор женский голос с другой линии.

— Барышня! Немедленно повесьте трубку! — запротестовал профессор Плейшнер. — Я разговариваю!

— Я тоже, — возразила «барышня».

— Я в ГУМе, около фонтана! Это вопрос жизни и смерти! Ради всего святого, немедленно повесьте трубку! — взмолился профессор.

— Алло, Маша! Тут какой-то полоумный звонит из ГУМа! Там дают что-то фантастическое! Встретимся у фонтана!

Профессор услышал короткие гудки и повесил трубку. Два потерявших терпение террориста оттащили его от телефона и, на всякий случай ударив по голове, бросили к другим заложникам.

По Красной площади громыхали тяжелые танки. Напротив ГУМа танки разворачивались и посылали снаряды по верхнему этажу. Стены в некоторых местах были пробиты навывлет, из разбитых окон шел густой, черный дым. Очевидно, горели японские многоканальные телевизоры.

— «Пестик»! «Пестик»! Прием, как слышите?

— Кто это?

— Это я, твоя «Тычинка», — бормотал в трубку связист. — Третий этаж горит, как

слышите, прием?

— Ничего не слышим! Продолжайте, — ответили в трубке.

По Красной площади снова загромыхали танки, выбрасывая в пространство запахи отработанной солянки.

Народ, столпившийся по периметру Красной площади, с любопытством смотрел на разворачивающееся сражение. Среди толпы сновали вездесущие фотографы, предлагая сфотографироваться на память на фоне горящего ГУМа. Несколько преуспевающих телевизионных компаний транслировали обстрел ГУМа для своих зарубежных зрителей.

Танки били прямой наводкой. В публике шушукались.

— Фильм, что ли, снимают? Про войну?

— Ну, не про индейцев же!

— Вы что обалдели? Какие еще индейцы! Это все по-настоящему! Кавказцы ГУМ захватили, а их оттуда выкуривают! — возмущался бородатый светловолосый коммерсант в драных джинсах со значком известной фирмы «Комкон» и карточкой, прицепленной прищепкой на лацкан помятого пиджака: «Генеральный директор В. В. Москалев».

— Во, чувак гранату кинул! Интересно, а она учебная или настоящая? — гундосили справа.

— Если осколки полетят, значит, настоящая, — отвечали слева.

— Подождите, то ли еще будет! — бормотали многоопытные старушки. — Сейчас «Ильюши» приедут, они уж дадут жару этим супостатам! У Белого Дома так же было...

Старушки имели в виду спецбригаду «Илья Муромец», которая попала в транспортную пробку и никак не могла доехать до места сражения.

Ожидая «Муромцев», бестолковые танки продолжали палить по ГУМу. Теперь разгорелся почему-то второй этаж. Из одного окна продолжали выкидывать на улицу дымящиеся цветные телевизоры, но собравшиеся внизу прохожие никак не могли поймать хотя бы один целым. Осколки телевизоров разлетались по мостовой, приводя зевак в неопишное раздражение...

ГЛАВА 23. В БОЙ ВСТУПАЕТ ШРУ

В это время трудолюбивые арабы, как кроты, рыли подземный ход, останавливаясь только чтобы помолиться. В какой стороне находится Мекка, каждый раз приходилось определять по компасу.

Прокопав с двадцать метров, арабы выяснили, что дальше все пространство под Красной площадью прорыто подземными коммуникациями и туннелями. Это порадовало вспотевших арабов. Они побросали ломы и лопаты, повешали на себя пулеметы и автоматы и осторожно пошли по одному из туннелей.

Со стороны Никольской улицы из своего офиса появился Штирлиц. Он шел, как Жуков на передовой, засунув руки в карманы, не замечая пронесившихся мимо него осколков.

— Смотрите, ребята, это — Штирлиц! — узнал его капитан спецбригады ОМОНа по фамилии Шнурков. — Товарищ Штирлиц, я — капитан Шнурков.

— Помню, капитан, вольно. Как успехи?

— Плохо, — пожаловался капитан. — Скоро мы превратим все здание в руины, а арабы все еще не выходят.

Штирлиц поморщился, а затем демонстративно сплюнул в сторону Универмага.

— Внутрь пробовали войти?

— Стреляют, — пожимая плечами, ответил капитан. — Но мы, кажется, все же нашли выход из положения. Вот за этой оградой, — капитан кивнул на забор, за которым был свален строительный мусор, а может быть действительно что-то когда-то строили, — наши ребята делают подкоп, чтобы пробраться под ГУМ. Постараемся взять террористов изнутри. Вы здесь по заданию правительства?

— Ясный пень. И еще по личной просьбе своего сотрудника, — ответил Штирлиц и задумался о судьбе профессора Плейшнера.

Профессора надо было спасти. Только он знал секретные шифры подвалов Швейцарского банка, где хранились бывшие миллионы коммунистической партии. Содержимое второго чемодана, привезенного профессором, было уже на исходе, Штирлиц думал послать своего агента снова за границу. Если Плейшнер погибнет, придется снова работать «за здорово живешь», «на папу Карло».

Штирлиц смахнул на капитана Шнуркова непрошеную слезу.

— Дымит, — пояснил он сконфуженно.

Танки продолжали палить. Крыша ГУМа в нескольких местах провисла, внутри здания творился кромешный ад. На заложников постоянно сыпалась шпукатурка и падали куски тяжелой арматуры. Трех неосторожных задавило насмерть. Были жертвы и среди террористов, но арабы оставались такими же воинственными.

— Аллах акбар! — кричали они и показывали в окна голые задницы.

К капитану Шнуркову и Штирлицу подошел Айсман.

— Спички есть? — спросил он у Штирлица.

— Нет.

— А чем же ты прикуриваешь?

— Гранатой, — пошутил мрачный Штирлиц.

Айсман всхрапнул.

— Я автомат взял, — похвастался он. — Скорострельный!

— Мне это нападение на ГУМ очень не нравится, — заметил Штирлиц, прикуривая. — Усматривается в этом какой-то тайный замысел, но вот какой?

— Разве этих арабов разберешь? Может быть, с ними продавщицы грубо разговаривали?

Вдруг снизу послышались разрывы гранат и звуки ожесточенной перестрелки. Это сотрудники «Ильи Муромца» вступили в подземный бой с неизвестным неприятелем. Неизвестным неприятелем были арабские террористы, которые тоже копали подкоп и оказались в том же подземелье, что и «Муромцы». Сразу же стало шумно, как на новогоднем карнавале, когда Дед Мороз приходит в сиську пьяным, да к тому же забывает принести обещанные подарки.

«Арабы рыли подкоп, — задумался Штирлиц, — Но куда они могли копать? Ясное дело, к Мавзолею!»

Штирлиц хлопнул себя по лбу.

— Как же я сразу не догадался! Они собираются похитить нашего Ильича! — возмутился он, пихая капитана Шнуркова в бок. — Капитан, надо взять побольше людей и встать на защиту нашей святыни! Считай, что это правительственный приказ!

Группа хорошо вооруженных людей под предводительством Штирлица бросилась наперерез танкам к Мавзолею. Штирлиц залез на гробницу и пустил в посеревшее вечернее небо красную сигнальную ракету, которую сразу же заметил Айсман. Айсман засек на своих часах секундную стрелку. Операция началась.

Оттолкнув в сторону позеленевших часовых, Штирлиц вошел в Мавзолей и устремился внутрь. Здесь уже хозяйничали арабы. Они лупили по саркофагу прикладами, но толстое стекло не поддавалось. Потом раздался взрыв пластиковой взрывчатки, который приостановил победоносное шествие Штирлица и снес колпак саркофага. Тело вождя стали растаскивать в разные стороны: у одного араба в руках оказалась голова, у другого — кисти рук, а третий пытался стащить с мумии пиджак, но оказалось, что он приклеен и никак не отдирается. Штирлиц пришел к выводу, что нельзя терять ни одной минуты.

— А ну, положи на место и сделай как было! — крикнул он по-арабски грозным голосом, наставив на террористов свой большой пистолет. «Блин! — восхитился Штирлиц. — Я, оказывается, знаю арабский язык!»

Началась страшная пальба, которая переросла в ожесточенный бой. С помощью подбежавшего Айсмана, Штирлиц стрелял арабов по очереди, пока не вытеснил негодяев обратно в подземелье. Наступило минутное затишье — у арабов было время вечернего намаза. ШРУшники отыскивали все разбросанные останки Ильича.

— Неужели это все из воска? — недоумевал Айсман.

— А ты как думал? Настоящего тебе сюда положат? Чтобы его кто-нибудь скоммуниздил? Айсман, ты такой большой, а все в сказки веришь!

Штирлиц передернул затвор подобранного автомата и погнал злодеев по подземелью...

Профессор Плейшнер выбирался из ГУМа через канализацию. Он попытался вылезти через люк на улицу, но тут кто-то дернул его за штанину.

— А? — спросил профессор, посмотрев в хлюпающую глубину.

Он увидел перемазанного цементом Бормана, который несколько часов назад расколотил ванну и выбрался из западни, расставленной для него Штирлицем. В руках у безбородого «Бородатого» был самый большой пистолет.

— Спускайся обратно, дорогой товарищ Плейшнер, нас ждут великие дела!

Следы Бормана и профессора, к великому огорчению Штирлица, затерялись. Вероятно,

Борман выбрался за границу, с помощью профессора Плейшнера снял партийные деньги и отправился в любимую им Бразилию. Может быть, отдыхать, а может — учредить новую коммунистическую или фашистскую партию. Штирлиц отказался выезжать на поиск Бормана за пределы России, аргументировав это тем, что у него и здесь дел хватает.

ГУМ добомбили через два дня с самолетов, так что все кончилось благополучно: все иракские террористы, прятавшиеся в ГУМе, были уничтожены. Последняя группировка, которая ушла из ГУМа по подземным коммуникациям, была раздавлена танком «Т-72», случайно провалившимся на Лубянской площади.

Так бесславно для террористов окончилась эта история.

На следующее утро все сотрудники ШРУ собрались в своем офисе на Никольской.

— От имени правительства я благодарю ШРУ за удачно проведенную операцию, — поздравил себя Штирлиц. — После обеда устраиваем праздничную попойку.

— А можно раньше? — спросил Айсман.

— Раньше нельзя. Я собираюсь в ближайшее время вложить свой ваучер, — ответил Штирлиц. — Пора.

Секретарша Наташа покраснела. Девушка еще не знала, что недавно Штирлиц узнал значение этого труднозапоминающегося слова.

Не замечая ее смущения, Штирлиц достал из кармана свой именной ваучер и помахал им перед носом Айсмана, намереваясь, намекая на то, что у немца Айсмана такого никогда не будет.

За окном правительственного лимузина проносились коммерческие палатки и молоденькие проститутки, голосующие на обочинах в поисках клиентов.

Президент отвернулся от окна и спросил:

— Ну, генерал, шта-а у нас новенького? Партийные миллионы нашли?

— Никак нет, — виновато потупился генерал. — Зато Штирлиц снова выполнил важное правительственное задание.

— Да ну?

— Арабские террористы хотели выкрасть из Мавзолея останки Владимира Ильича Ленина, чтобы в нашей стране возникла провокационная ситуация, которой должны были воспользоваться реакционные круги, а Штирлиц этому помешал.

— Молодец! — похвалил Президент. — И какую награду, значить, он хочет за выполнение этой операции?

— А с чего вы взяли, что он чего-то хочет?

— Энтузиасты сейчас перевелись, понимаешь. Может быть, ему денег дать?

— Да что вы! — всплеснул руками генерал. — Он же у нас мультимиллионер! Один знакомый у него три сотни баксов занял, так он даже записывать не стал!

— Скоро у нас каждый будет миллионером, — пошутил Президент. — Когда пачка «Явы» будет стоить два миллиона...

Они помолчали.

— Тогда, может, орден ему дать? — предложил Президент.

— Да у него этих орденов не меньше, чем у Брежнева! И наши, и заграничные.

— Но что-то же надо с ним сделать?

— Вообще-то, он как-то упомянул, что было бы неплохо похоронить его в Кремлевской стене, как национального героя.

— Похороним. Для хорошего человека Кремлевской стены не жалко. Хоть завтра похороним.

Генерал посмотрел на Президента.

— Завтра он не может, господин Президент, завтра он идет ваучер вкладывать.

— Ну, тогда как-нибудь потом, понимаешь...

Президент посмотрел в окно, за которым проносились коммерческие палатки с прокисшим баночным пивом и разряженные девицы, голосующие на дорогах кому попало.

ПРОЛОГ

За окном ничего не шло, но лил дождь.

Михаил Сергеевич устало закрыл глаза и сразу уснул. Снился ему октябрь то ли семнадцатого, то ли девяносто третьего. Холодный пот мощными рывками вытекал наружу. Генсек кричал, отбивался. На набережной уже были танки. Залп. Снова залп. Автоматные очереди...

— Михаил Сергеевич! Товарищ генеральный секретарь! Проснитесь! Уже утро! — Товарищ Янаев тупо моргал глазками, успевая при этом делать идиотское выражение лица.

Генсек открыл глаза и невольно вздрогнул:

— Вы мне снились, товарищ Янаев.

— Неудивительно, товарищ Горбачев.

— А знаете, давайте не будем поддаваться первым впечатлениям. Как настроение у людей?

— Настроение хорошее.

— Очень хорошо! — радостно сказал Михаил Сергеевич и неожиданно для себя спросил: — А как там поживает товарищ Исаев?

— Исаев?

— То есть, я хотел сказать, Штирлиц! Как он?

— Вы что, тоже читали эту бурду?

— Какую бурду?

— Хватит, Михаил Сергеевич, тюльку гнать! Уже давно у всех на устах ваш Штирлиц!

— Ах, да, припоминаю! Но я не про это! Я по поводу нового задания... Хотелось бы дать товарищу Штирлицу новое задание.

— И я того же мнения, товарищ генеральный секретарь, ответил Янаев и подозрительно усмехнулся.

А за окном ничего не шло, но лил дождь.

ГЛАВА 1. ПУТЧИСТЫ ЦЭКОВСКОГО МАСШТАБА

Вечер.

Стены.

Двери закрыты. Где-то вдали слышен звон курантов. Смена караула.

«Сволочи, — подумал Мартин Рейхстагович, глядя на товарища Янаева. — Невозможно работать в таких условиях».

— Главное — внезапность! — сухо сказал Горбачев.

— Что вы имеете в виду? — Борман наморщил лоб мыслителя и мягко рыгнул. Михаил Сергеевич отвернулся.

«Брезгует!» — раскинул мозгами партайгеноссе.

«Больно мне надо тобой брезговать!» — устало подумал генсек, а вслух сказал:

— Внезапность — сила лидера. Этим и надо воспользоваться в этой ситуации.

Борман понимающе кивнул. Янаев курил трубку и одновременно читал газету. «Правда» писала о расколе Союза.

— Кстати, а вы читали «Операцию «Шнапс»? — пугаясь силы своего голоса вдруг спросил Борман.

— Вы у кого спрашиваете? — Горбачев снял очки и начал протирать их носовым платком.

— Не у вас! — грубо ответил Борман.

— Читал! — Янаев понял, что вопрос адресован ему и отчаянно запыхтел. — Чепуха! А вот про внезапность — это правильно. Полностью одобряю.

ГЛАВА 2. КАТЯ КОЗЛОВА И ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ

Максим Максимович лежал на диване и опытным взглядом разведчика оценивал ситуацию четвертого эпизода «Звездных войн». Ящик трещал по швам. Три дня его не выключали из сети.

«Вот бы сгонять туда...» — подумал Штирлиц, закуривая «Беломор».

— Давным давно. В далекой, далекой Галактике... — вещал заикающийся голос, до боли знакомый товарищу Тихонову.

В дверь постучали. Штирлиц переключил программу и подошел к двери.

— Кого там черт несет? — сердито спросил он.

— Это я, Катя!

— Хуятя! — огрызнулся генерал Исаев. — Чего надо?

— Это же я, Анхен!

— Катюша?

Штирлиц быстро открыл дверь и его взору предстала пенсионерка союзного значения, бывшая радистка и любовница Бормана Екатерина Козлова.

— Катя! Вот не ждал. Какими судьбами?

Давние знакомые крепко обнялись, Максим Максимович подобрел и достал из бара бутылку шотландского виски.

— Я к вам из Центра с новым заданием. — застенчиво сказала Катюша.

— А, что же, не могли прислать шифровку?

— Вот она. — Козлова дрожащими руками вытащила из лифчика кусок туалетной бумаги, на котором было написано:

«Юстас — Алексу.»

В рамках секретной программы звездных войн, вы назначаетесь командором звездолета «Заря коммунизма». Ваша задача:

1. Проникнуть в глубины космоса для поиска в Галактике Альфатагома планетной системы Татуин эндоровского происхождения. Эндор и Татуин — планеты населенные разумными существами.

2. Наладить «контакты» с правительствами стран Татуина.

Некто Йода — один из членов руководящей верхушки.

3. Установить диктатуру пролетариата и передать власть вновь организованным Советам.

4. В случае сопротивления — уничтожить безжалостно новоявленных врагов народа коммунистической республики Татуин.

Все детали операции обсудите с присланной к вам радисткой Козловой.

Алекс».

ГЛАВА 3. ИЛИ КРЫМ, ИЛИ ВНЕЗАПНОСТЬ!

— Вы как хотите, а я поеду в Крым.

— То есть, линяете?

— Я слишком устал от вас, товарищ Янаев!

— А если у нас все получится?

— «Если» оставьте товарищу Пуго.

Вошел Пуго. Мартин Рейхстагович вздрогнул. Пуго понял, что его боятся.

— Чуть что, сразу Пуго! — сказал Пуго. — Ну что вы решили?

— А ничего. — Янаев подошел к окну и встревожено посмотрел сквозь стекло. Глаза налились злостью и гневом. — Михаил Сергеевич едет в Крым!

— То есть, вы нас осуждаете?

— Я всегда был против насилия, товарищ министр.

— А что вы имели ввиду под «внезапностью»? Может быть ваш внезапный отъезд? Вы заварили кашу, дорогой мой Михаил Сергеевич, а жрать ее нам?

Горбачев встал с кресла и мощным плевком в сторону Пуго дал понять, что настроен решительно.

— Я не собираюсь всяким там шибздикам докладывать о своих планах.

— Ситуация! — дрожащим голосом глухо сказал Борман.

ГЛАВА 3. ДАРТ ВЕЙДЕР

Дарт Вейдер — верховный главнокомандующий имперского звездного флота и Вождь Альфатагомы, находясь в своем шатле, отдавал указания по захвату группы повстанцев, высадившихся на Альдебаране. Гнев Вождя был беспределен. Евклидова трансгальваническая трансмиссия голографической связи не выдерживала изображение Вейдера, проникающее в самые отдаленные уголки Вселенной.

— Уничтожать все и вся! Безжалостно и жестоко! В первую очередь: Галактики, планеты, звездолеты. А также сперхов, гуннов и вурдалаков. Все, что встретится на вашем пути! Зачинщиков ко мне на допрос.

Не знал Верховный Правитель, что на Земле уже было все готово для запуска межгалактического звездолета «Заря коммунизма».

ГЛАВА 5. КАВАЛЕРИЯ ТОВАРИЩА ХАСБУЛАТОВА

Штирлиц понял, что он был не прав, когда давал в очередной раз Борману по зубам. Бывший рейхсляйтер выл и матерился. Но этот факт Максим Максимович во внимание не принял. Разведчик знал, что никто иной как Борман посоветовал генсеку отправить его к черту на кулички. Это обстоятельство и пугало Отто. Во-первых, он не мог простить Борману его очередной пакости. А во-вторых, генерал Исаев опасался других неприятностей от известного мерзопакостника. Поэтому-то Штирлиц ограничился только часом мордобития.

— Нельзя так, Максим Максимович! Нельзя! Я все-таки старше вас. — простонал Мартин Рейхстагович.

— У-у! Злыдня! — мягко сказал Штирлиц и нежно потрепал Бормана по щетине.

Неожиданно в кабинет вошли Михаил Сергеевич и Янаев, а также некоторые члены Политбюро.

— Это что здесь происходит? — яростно спросил Горбачев.

— Да вот, бьют... — прослезился бывший рейхсляйтер.

— Да вы что себе, Максим Максимович, позволяете? А? Здесь вам, генерал, не Рейх. Здесь — Кремль и правительство. Что ни одно и то же. Виданное ли дело, товарищи? Мордобой устроил!

— Виноват. Был не прав. Не сдержался... — сухо извинился Штирлиц.

— Вам врача не надо? — поинтересовался товарищ Пуго у Бормана.

Партайгеноссе промолчал. Максим Максимович дал ему свой чистый в некоторых местах носовой платок и Мартин Рейхстагович понимающе кивнул в знак благодарности.

В это же время стекла задрожали от мощного конского топота. Все прильнули к окнам и увидели кавалерию джигитов, возглавляемую Русланом Хасбулатовым. Кони рысью мчались к Кремлю со стороны набережной. Штирлиц спокойно закурил и незаметно вышел.

— Переворот! — оглядываясь по сторонам зарычал товарищ Пуго.

— Караул! — в горячности вскрикнул Янаев.

— Спокойно, товарищи. — сказал Горбачев тоненьким голосом.

Кавалерия ворвалась в Кремль. Сопротивления со стороны охраны, как ни странно, не последовало. Руслан Имранович, сопровождаемый десятью джигитами смело вошел в кабинет генсека...

ГЛАВА 6. ЛЮК СКАЙУОКЕР И ПРИНЦЕССА ЛЕЯ

Люк Скайуокер, совершенно забыв о своем истинном предназначении — служении Великим Идеалам республики Татуин, нещадно насильничал принцессе Лею. Несчастливая охала и хрипло вздыхала, теряя с каждой сотой долей цикла силы.

— Люк! Люк! — протяжно пищала принцесса. — У меня под лифчиком секретные чертежи «Звезды смерти». Их надо срочно передать Йоде на Эндор!

— Оставь, крошка! Никуда они не денутся. — страстно рычал Скайуокер.

Но их прервал мощный взрыв головного реактора. Завыла сирена, оповещающая команду о нападении на звездолет. Люк быстро кончил и невольно схватился за бластер. Принцесса лежала под ногами и что-то бубнила. Робот А2-D2 помогал ей встать.

— Вот что, — сказал молодой Скайуокер. — Вложи схемы в память этого робота. Корабль все равно будет захвачен. А робот, думаю, сможет добраться до нашей ближайшей базы. Я же... покидаю вас, ваше высочество...

— А как же я...

— Прошу не перебивать...

В это время взорвался дополнительный реактор. В машинном отделении продолжал идти бой. Имперские войска уже захватили половину крейсера.

— Я покидаю вас, ваше высочество, — испуганным голосом продолжал Люк, открывая аварийный люк за которым находился его шатл. — Я возвращаюсь на Эндор. Да прибьет с тобой Великая Сила! Всегда! — и горгоной из системы Гейтис нырнул в люк.

— Вот все они такие, джедаи! — обиделось ваше высочество, программируя А2-D2.

— Вот она, ваше имперство! — На мостике, где еще недавно был Люк, стояли штурмовики. Увидев на одном из них черный пластиковый шлем, принцесса потеряла сознание. Она поняла, что это Верховный Правитель.

— Попалась, пташечка? — усиленно потирая руки, произнес Дарт Вейдер. — Немедленно ее на мой шатл. Там разберемся.

ГЛАВА 7. ПОМОЩНИК ШТУРМАНА

Верный друг Штирлица Холтоф с переломом левой части черепа лежал в Боткинской больнице города Москвы. Казалось, что злая судьба преследовала этого человека. После небезызвестных событий, произошедших в семнадцать мгновениях весны, когда Айсман впервые схлопотал по голове, неудачи не оставляли его вплоть до 1991 года. В любой драке, а их старый вояка затевал немало, его почему-то били именно по голове. Как будто других мест для битья у Холтофа вообще не существовало. Вот и сейчас по уши в гипсе, он проклинал сам не зная за что, себя и Штирлица.

Когда Холтоф в очередной раз открыл ужасно подбитый глаз, он увидел Штирлица; ему показалось, что это сон. Бывший эсэсовец попробывал ущипнуть себя за мизинец сломанной ноги, но результат не оправдал ожиданий: генерал Исаев стоял над ним и подло ухмылялся.

— Как вы себя чувствуете, дружище? — вежливо поинтересовался Штирлиц.

— А как вы думаете? — проворчал Холтоф. — Но, бог мой, вы ли это?

— Как видите? А что тебя, собственно, удивляет?

— Да нет! Я было подумал, что ты уже того... в смысле, капут...

— Не понял.

— Да нет, я так...

— Что у тебя с головой?

— С головой? Чьей?

— Ну не моей же?

— Да так, ничего... в буфете бутылкой шампанского... но ему тоже порядком вышло...

— Сочувствую. — Штирлиц закурил и огляделся по сторонам. — Я к вам, дружище, по делу. Хотите в космос?

— Куда-а-а?

— Не удивляйтесь. Я назначен командором звездолета «Заря коммунизма». Мне нужны преданные люди. Поэтому предлагаю вам стать помощником штурмана. Айсмана знаете? Так вот, он и есть штурман. Ну так как? Согласны?

«Преданные люди...» — Холтоф на секунду подумал, что кто-то из них сошел с ума, но Штирлиц быстро понял это и сухо сказал:

— Я, дружище, по крайней мере, в своем уме. Что касается вас, то судя по гипсу и дурацкой физиономии на вашем и без того глупом лице, вы не производите впечатления нормального человека.

— Хорошо, я согласен. В космос, так в космос. Где наша не пропадала! После вашей гребаной России, хоть куда.

— Ну вот и славненько! Очень хорошо. Когда поправитесь я вас обязательно разыщу. А пока отдыхай мой верный друг. — Штирлиц быстро вышел и поэтому не заметил, как его верный друг достал из-под утки рацию довоенного образца. Через минуту он передавал своему шефу в ЦРУ шифровку следующего содержания:

«Череп — Джекобсу.»

Мною получены сведения о новой операции русских в программе звездных войн. Готов к старту звездолет КГБ «Заря коммунизма», командором которого назначен штандартенфюрер СС, известный вам, фон Штирлиц. Имеется возможность стать одним из членов экспедиции. Цель полета мне пока не ясна. Жду дальнейших инструкций по

*проверенному каналу связи.
Череп».*

ГЛАВА 8. ДЖИГИТЫ ПРОЕХАЛИ МИМО

Товарищ Пуго пугливо косился на Руслана Имрановича и то и дело теребил пуговицы на своем старом генеральском мундире. Янаев стоял рядом с Горбачевым и другими членами Политбюро.

— В нашем полку прибыло! — торжественно сообщил Хасбулатов и вложил шашку в ножны.

— Что эта фраза означает, товарищ спикер? — сухо осведомился генсек.

— А ничего! — ответил джигит. — Вот прогуливался по Москве... дай, думаю, заеду к старым друзьям.

— Так вы не захватываете нас? — глупо спросил испуганный Пуго.

— Я? Вас? Да бог с вами, товарищ министр! Я же говорю: просто так заехал... ну, что вы, товарищи, в самом деле, это ж не серьезно!

— Ну вот что, товарищ Хасбулатов, вы эти ваши штучки оставьте для Бориса Николаевича и этого... как его?... С усами такой?

— Руцкого, — помог Янаев.

— Да. Что вы себе позволяете? Кавалерию в Кремль! Слыханное ли дело!

— Хорошо, хорошо, товарищи! Я уйду. — Спикер поправил папаху и направился к выходу. Открывая дверь, он остановился и, как бы между прочим, сказал, сурово смотря на присутствующих: — Да, кстати. Советую не оттягивать вопрос о перевороте. Не то сами знаете...

Михаил Сергеевич вздрогнул, Пуго пугливо покосился на Янаева и других членов Политбюро. Наступила мертвая тишина, которую нарушил страшный шум с отборным русским матом из камина, откуда, весь черный, вылез партайгеноссе и повторил уже известную фразу:

— Ситу-а-ци-я!

ГЛАВА 9. УЧИТЕЛЬ ЙОДА

Все спокойно было на Эндоре. Эта планета в одном из недоступных уголков Альфатагомы, не интересовала имперские войска. Поэтому Люк Скайуокер направил свой шатл к тускло сияющему шару Эндора.

Учитель всех джедаев — Мастер Йода был весьма интересным субъектом. Его внешность скорее отпугивала, чем привлекала. Если возможно представить себе жабу гигантских размеров, то можно получить примерное голографическое изображение Учителя. Необычная внешность Йоды не отпугивала молодого Скайуокера. Их давняя дружба была настолько глубокой, что Люк уже начал было подумывать о родственных связях с Учителем. Но будучи татуинцем, Скайуокер часто отгонял от себя эти мысли, считая их глупыми и недостойными джедаев.

В тот вечерний цикл они были вместе и любовались Закатом древнего Эроса.

— Учитель, скажи мне, а что есть Сила? — хриплым голосом спросил Люк.

— Сила проистекает из Силы. — вдумчиво ответил Мастер. — Но ты еще не джедай. Тебе, о глупец, еще не подвластна Сила Разума.

— Я не джедай? — удивился подлый соблазнитель принцессы Леи. — Но почему? Я чувствую в себе Силу!

— О молодой глупец! Ты во власти Силы, но ты не чувствуешь ее. Сила вокруг тебя, но не в тебе. Помни об этом!

— Тогда научи меня стать джедаем, о Великий.

Учитель протяжно квакнул и надолго задумался.

— Смотри туда! — вдруг сказал Йода голосом, который заставил Люка вздрогнуть.

— Куда, мой Учитель?

— Вглядишься в это древнее светило. За ним — зло, которое преодолевая бесчисленные парсеки скоро будет в нашей Галактике. О, Горе тому, кто будет противостоять этому Злу.

— Вы меня пугаете, мой Учитель!

Огромная жабья лапа, покрытая сухой плесенью была обращена к древнему Эросу. Зловещий Мрак покрывал Эндор. Казалось, что наступает Конец Альфатагомы. Люк дрожал от холода и страха. Йода продолжал:

— Там это Зло. Оттуда, где живут подлые вурдалаки, называющие себя людьми, с бешеной скоростью несется оно к нам.

— Так это не Империя?

— О, глупец! О пойми же ты, что император — вакуум по сравнению с Силой, концентрирующейся Там. Там, где Млечный путь пересекается с Кассиопеей. Там это Зло. И ты, молодой Скайуокер, должен стать джедаем, чтобы защитить от него нашу могущественную цивилизацию.

— О Учитель, я готов! Кто у них предводитель? Кто угрожает Альфатагоме? Кто? Кто он?

— Спокойно, о молодой глупец! Его имя Макс Отто фон Штирлиц. Тебе представится возможность познакомиться с этим жестоким вурдалаком. И еще одно помни. — Йода замолчал на четверть цикла, и потом сказал, придавая своим словам Особый Смысл: — Коварен и беспощаден твой будущий Враг. Но только от тебя зависит Судьба Альфатагомы... Я все сказал. Да прибудет с тобой Великая Сила! Всегда!

ГЛАВА 10. КЭТ, ШЛАГ И ПУТАНА СОВХОЗА «ЗАВЕТЫ ИЛЬИЧА»

Внезапно Кэт поняла, что это конец. «Как он мог?» — отчаянно мелькнуло у нее в голове. На душе стало невыносимо больно и трепетно. Конец от чего-то нехорошего валялся на полу.

— По-моему, это веревка! — полным голосом сказал вошедший пастор Шлаг.

— Вы так думаете? — спросила Катерина, не удивившись внезапному появлению пастора.

— Конечно, дочь моя. А что это еще может быть?.. Ваши опасения напрасны. И я...

— Что вы здесь делаете? Что вы хотите от меня? — вдруг испугалась радистка и кокетливо встrepенулась.

— Я пришел к тебе с миром, дочь моя...

— Кто вы? Уходите немедленно! Я сейчас милицию позову! Наси-лу-ют!

— Успокойтесь, барышня, мой сан не позволяет предаваться мирским развлечениям...

Впрочем, вы меня как женщина мало интересуете...

Радистка продолжала яростно кричать. Пастор навалившись на нее, пытался заглушить крик. Это не помогало. Тогда он решился. Кэт поняла и сразу успокоилась. Когда отлегло, пастор Шлаг продолжил прерванный разговор:

— Я к тебе, милочка, пришел от Штирлица; да пусть мир будет в его доме и душа его будет счастлива долгие годы на этой земле грешной! Вот...

— Вы от Максима? Но он же... Он мне отказал в полете... Он — подлец!

— Я бы попросил вас, сударыня, выбирать выражения.

— Я повторяю: он подлец! Этот человек с позором выставил меня из команды. И если ты, святоша, от него, то должен прекрасно знать об этом... Выбрать гнусную молодую шлюху вместо меня! Сволочь!

— Дочь моя, успокойся! Вы, несмотря ни на что, зачислены в экспедицию.

— Да-а?

— Не сомневайтесь. Товарищ Штирлиц думает обо всех. А о нем, кто позаботится? Кто? А? Кроме меня некому! Вот так. Мир вам, дети мои.

— Я где-то вас уже видела. Вы...

— Да, дочь моя, это я! — грубо оборвал ее пастор. — Но в то сказочное время я был молод и не так, извините, толст.

— Припоминаю. А разжирели вы порядком... Так вы говорите, что я — член экспедиции?.. Странно...

— Хм...

— Но вы то, дорогой мой пастор, пришли не только за тем, чтобы сообщить мне эту новость? Выкладываете. Что там у вас?

— Ничего... так...

— Ради Максика, я согласна на все!

«Смотри-ка, как артачится! Ягодицами так и виляет! — мысленно изрек Шлаг, а вслух сказал:

— Вы знаете, по вашей нелегкой работе, кое-кого из членов ЦК. Грядут новые времена, накануне которых, нам понадобятся ваши связи.

— Так вот оно в чем дело! Он, коварный, специально все подстроил! Хитрец...

— Вы кончили?

Кэт небрежно кивнула и мирно потупила глазки.

— Я продолжаю. Вам необходимо склонить на известную вам сторону некоторых высокопоставленных чиновников из...

— Хорошо. Но как? Я вам, пастор, не Инесса Арманд. Поймите же вы, наконец, что силой убеждения я не обладаю.

— Силой любви, дочь моя! А я, со своей стороны прощу грехи все твои, грешница ты моя. И мир незамедлительно придет в дом твой, и солнце засияет на пути твоём нелегком!

— Хватит, хватит! Мне уже надоели ваши дурацкие проповеди. Тоже мне корова в христианском обличье!

— Не богохульствуй, грешница! — перекрестился пастор.

— Ладно. Эта халява сойдет вам с рук; но передай Максиму, что, впредь, я так задешево не продамся. Только из-за моей любви к звездам...

— Вот списки нужных фамилий... — Шлаг вытянул из рясы рулон туалетной бумаги и протянул его Кэт.

— Не многовато ли? — застенчиво спросила Козлова, увидев, что рулон исписан до основания.

— Плятт промолчал и поклонившись, вышел.

«С кого же начать?» — зевая подумала радистка и невольно усмехнулась. На ее лице надолго застыла обворожительная улыбка путаны совхоза «Заветы Ильича» Прищокинской области.

ГЛАВА 11. ПОСЛЕДНИЙ СЪЕЗД ВЕЛИКОЙ ПАРТИИ

В то время, когда на Марс упали летящие мимо метеориты, расплавился известняк на планете Венера, застыл алюминий на планете Меркурий, а на Плутоне что-то произошло, в Кремле шел XXVII съезд партии. Михаил Сергеевич, изредка посматривая в зал, читал доклад. Делегаты устало слушали речь и клонились ко сну. Где-то на галерке периодически слышался легкий смешок. Впрочем, обстановка на съезде была спокойной и деловой.

— Наша партия переживает сложный момент, — вещал докладчик. — Теперь, товарищи, нас окружают не только внешние, но и внутренние враги. И это тогда, когда страна идет по пути реформ. Помните, как у нашего прославленного поэта Леонтьева:

*Ах, реформа ты, реформа
Ты реформочка моя!
Пятилетка — это норма!
Перестройка — это я!*

Некоторые члены партии заявляют о своем выходе из борьбы. Но мы-то, настоящие коммунисты, знаем цену таким недоумкам...

Смех на галерке усилился, делегаты начали волноваться.

— Кто там ржет? — грозно спросил Горбачев.

Зал замер, все посмотрели на галерку. Кто-то крикнул:

— Не обращайтесь внимания.

— Мы, коммунисты, — продолжал генеральный секретарь, — знаем цену этим...

— Скотам, — добавил женский голос.

— Впрочем, можно сказать и так... — Михаил Сергеевич снял очки и удовлетворенно чмокнул губами. — И мы не допустим этих людей в наши ряды! И я скажу откровенно. Я даже не побоюсь, товарищи, сказать, что своим недостойным поведением они разлагают наши ряды и делают все, чтобы не выполнять решений предыдущего съезда нашей великой партии.

— К стенке их! — рявкнул мощный голос из молдавской делегации.

— Товарищи, я попрошу тишины, — грозно стуча по столу, сказал Лукьянов.

— Какая в жьепу тишина, когда страна рэзвэлевается! — прокричал мужчина лет сорока пяти, сидящий в первом ряду.

— Вы кто такой? — спокойно спросил Горбачев.

— Я?

— Вы, вы.

— Иванидзе.

— Кто такой Иванидзе? — удивился Михаил Сергеевич и с интересом посмотрел на Лукьянова.

— Три-четыре! Товарищи, не мешайте работать съезду! — хором воскликнула украинская делегация. — Михаил Сергеевич, продолжайте.

— Спасибо! А то я без вас не знаю, что мне делать, — пробурчал генсек, залпом выпивая стакан воды. — Ситуация в стране, уважаемые делегаты, сложная. Но мы,

коммунисты, должны не уходить от трудностей, а еще теснее сплотить свои ряды, выработать новую программу и идти, товарищи, туда, где...

— В заднице петух не сидел, — сказал кто-то из российской делегации.

— Нет, это уже слишком, — не выдержал Горбачев и швырнул в зал папку с докладом.

— Товарищи, я попрошу тишины, — грозно сказал Лукьянов, двумя мизинцами стуча по столу.

— Ребята, айда в буфет, там икру дают! — обратился к съезду делегат из Ненецкой автономной области.

— Три-четыре! Гля, чукчи выступают! — хором возмутилась делегация из солнечной Украины.

— Бардак! — кричали господа из Прибалтики.

— Нехорошо, однако, хохлам чукчей оскорблять! — неожиданно для себя сказал Пуго.

— Товарищи, это же провокация! — воскликнул возмущенный генсек, выдергивая пробку из графина и швыряя его в зал. Послышался громкий свист, а через две секунды (хотя некоторые историки западной ориентации утверждают, что прошло три секунды) — глухой удар по черепу товарища Иванидзе.

— Ну все, я тебя щаз буду резать! — пригрозил джигит и направился к трибуне.

— Ох-ра-а-на! — испугался Горбачев. — Товарищ, это случайно. Вы поймите, я образно...

Но товарищ Иванидзе не слушал его; с криком «Асса!» он вытащил из ножен длинный кинжал и метнул его в трибуну. Пока кинжал несся через головы делегатов, товарищ Янаев спокойно заметил:

— Товарищи, генсек в опасности! В опасности генсек! — Кинжал со свистом пролетел мимо трибуны и попал в статую вождя мирового пролетариата. Вождь покачнулся и упал на президиум.

— Охрана, остановите этого человека! — приказал товарищ Пуго двум верзилам из личной охраны генсека.

— Прошу слова! — сказал Мартин Рейхстагович, подойдя к трибуне. — Товарищи, вот вы сейчас как дети малые беситесь здесь и даже не знаете, что по этому поводу может сказать товарищ Кальтенбруннер. — Партайгеноссе потупил глазки и понял, что произнес глупость.

Наступила тишина. Никто не ожидал такого поворота событий. Все посмотрели на Бормана. Зал как бы спрашивал у него: «А, правда, что он может сказать по этому поводу?» Горбачев, воспользовавшись ситуацией, продолжил чтение доклада:

— Товарищи, сдадим пятилетку досрочно! Вперед, к победе коммунизма! И, знаете, я скажу откровенно, мне глубоко наплевать, что по этому поводу скажет Кальтенбруннер.

— А мне не наплевать, — отталкивая Горбачева, сказал Борман.

— Эх, вы! А еще старый коммунист! — наставительно промямлил Михаил Сергеевич и влепил Мартину Рейхстаговичу звонкую пощечину.

Партайгеноссе прослезился и обратился к делегатам:

— Вот, товарищи, посмотрите, как бьют коммунистов! Посмотрите, ведь за правду бьют!

— А плевать я хотел на вашу партию, — сказал кто-то из российской делегации.

— Что значит, плевать?! — удивился генсек.

— Вот мой билет. Я вам его дарю на вечную память, дорогой мой Михаил Сергеевич.

— Да вы понимаете... — прохрипел дорогой мой Михаил Сергеевич.

— Борис, ты не прав! — сказал товарищ голосом Егора Лигачева.

— Товарищи, запишите эту фразу, она войдет в историю! — торжественно крикнул Борис.

— Бардак! — продолжали орать господ из Прибалтики.

— Прошу слова, — вновь суетливо сказал Борман. — Товарищи, опомнитесь! Ведь партия — честь, ум и совесть нашей эпохи. Помните, как сказал наш легендарный поэт, стихи которого уже гремели в этих стенах:

*Партия — ум,
Партия — свет,
Партия — совесть,
А не бред!*

Сплотим теснее наши ряды для дальнейшей борьбы. — Мартин Рейхстагович стучал по трибуне и громко выкрикивал лозунги. Делегаты занимались своими делами и старались не замечать аморального облика членов президиума.

— Слово пастору Шлагу, — крикнул товарищ Лукьянов дрожащим голосом.

Пастор подошел к трибуне, но воспользоваться микрофоном не смог — толстое тело давало о себе знать. Тогда он попробовал «бочком», это дало свои результаты:

— Дети мои, побойтесь Бога и Солнца! Грешники, опомнитесь! Потомки не простят вам дней сегодняшних и столетий грядущих! Поймите, что из-за ваших действий сатанинских мы идем по пути гибельном для всех верующих в наши идеалы! Вот.

— Что это за корова в христианском обличье? — возмутился голос Егора Лигачева. — Товарищи, до чего мы дошли? Попиков на съезд приглашаем!

— А пусть говорит, — сказал женский голос из зала.

— Дети мои, — продолжал Ростислав Плятт, — найдите мужество и возлюбите ближнего своего, не давайте рукам своим распоясаться. Помните о Господе! Помните о партии! Помните, дети мои, о решениях съезда. Решения съезда — в жизнь! Вот.

Помидор, брошенный с галерки, попал пастору прямо в глаз. Шлаг сделал вид, что ничего не произошло, и поклонившись удалился.

— А что по этому поводу скажет Кальтенбруннер, — вещал обезумевший Борман.

— Не съезд, а черт знает что! Объявляется перерыв, — в горячности изрек товарищ Лукьянов и дрожащими руками стукнул по столу.

Раздались бурные продолжительные аплодисменты, крики «Ура!», «Слава партии великой, слава партии родной!» и еще что-то похожее на строки В. В. Маяковского из поэмы «Хорошо».

Вечером съезд продолжил свою работу...

ГЛАВА 12. ТРИЖДЫ ТРАХНУТАЯ

— Ну что, госпожа Лея, — коварно произнес Дарт Вейдер, — попалась крошка? Сейчас я тебя буду мучить...

— Но я же все сказала...

— Это не имеет значения.

— Дартик, прошу вас... — принцесса почувствовала неукротимый страх. Она вдруг вспомнила казематы своей планеты и приговоренных к пыткам несчастных горонов из системы Вульсия. Они почему-то всегда жалобно пищали, когда их чувствительные плавнички опускали в соляную кислоту.

Жесток и грозен был Верховный Правитель. Он знал, что бессильна жертва его. И как вся власть системы Тагома, она принадлежит только ему. Лея понимала это и отвернулась от своего палача.

— Этот чертов шлем! — отчаянно ругался Вейдер. — Вечно замки ржавеют... Ага! Вот так!

Увидев истинное лицо Дарта, Лея ужаснулась. Она узнала своего дальнего родственника. Но не знал этого Верховный Правитель и поэтому с шумом расстегнув штаны, он всей своей мощью бывалого джедая навалился на связанную принцессу.

— Люк, спаси меня!

— Никто тебе, дорогушечка, не поможет.

— Люк! Люк! Люк...

— Закройте люк и хватит подглядывать, — злобно крикнул главнокомандующий, заметив, что за ним наблюдают с верхней палубы. — Не видите, что здесь идет половой акт!

Не знал он, что это и есть любовник Леи. Люк ловко нырнул в люк и уже через сотую долю цикла, вцепился в плечи Вейдера. Последний не ожидал такого поворота событий, но сделал вид, что ничего не произошло; его тело уже было на Вершине Блаженства, Душа витала рядом с ним, а Голос кричал нечто ужасное.

— Оставь девчонку в покое! — глупо сказал Скайуокер, вытаскивая световой меч.

Не обращал внимания на него Вейдер; впрочем, как и Лея, которая уже не звала на помощь, а громко охала, давая понять Люку, что все происходящее ее не касается: «Видишь, любимый мой, не виноватая я; привязал меня этот подлый развратник!»

Но тут раздался мощный рев и молодой Скайуокер понял, что Вейдер кончил.

— А-а? Джедай! Сейчас я тобой займусь, — обронил правитель Тагомы, одной рукой застегивая штаны, а другой надевая шлем.

— Подлый развратник, ты ответишь за свои бесчинства!

Световой меч Люка с размаха ударил по одному из приборов. Началось короткое замыкание. Из обшивки повалил дым и молодой джедай сделал шаг назад. Этим воспользовался Вейдер: включив свой световой меч, он ощутил в себе Великую Силу. «Прочь, прочь, Великая Страсть! Теперь я джедай и мой световой меч не хуже...» Оба световых пучка скрестились и с мощным треском оттолкнулись друг от друга. Вейдер понял маневр Скайуокера и, отскочив в сторону, бросил свой меч под стойку одной из палуб. Мачту, как ножом срезало и на Люка упал огромный платиновый люк, полностью закрыв юное тело ученика Великого Йоды.

— Кончено! — воскликнул голос из черного шлема.

— Не совсем, главнокомандующий, — грациозно улыбнулась принцесса Лея.

Дарт обернулся и увидел свою предыдущую жертву. Принцесса стояла возле панели управления, обеими руками держа бластер.

— Дорогуша, ты бы оделась! Нехорошо на моем корабле в розовом купальнике ходить.

— Что?

— Ты что, оглохла? Посмотри на свой вид, дура!

Лея обронила взгляд на свой лифчик. Он был синий с оттенком зеленого, но не красный. И тут ей стало ясно, что этот развратник пытается выиграть время, но было уже поздно. Вейдер с ловкостью горона прыгнул на принцессу. Бластер выпал и она потеряла сознание. Очнувшись, она вновь почувствовала, что ее тонкое, упругое, изящное и нежное тело страстно насилует подлый Верховный.

Но забыл Дарт о Великой Силе джедаев и недооценил Люка Скайуокера, который постепенно выползал из-под люка и ловко подкрадывался к своему уже кровному врагу. Велика была ненависть молодого джедая, ненасытна и неукротима была страсть Вейдера и безразлична была ко всему молодая принцесса, трижды трахнутая за тот злополучный цикл, грозно опустившийся на ее несчастную систему и всю Галактику.

ГЛАВА 13. КОММАНДОС «ЗАРИ КОММУНИЗМА»

Штирлиц смотрел трансляцию съезда по телевизору. Через час разведчик понял, что партия, ради которой он готов был отдать жизнь, разваливается, и коммунистические идеалы идут в тупик. «Какой еще Эндор в такое время? Здесь бы разобраться!»

Зазвонил телефон, штандартенфюрер снял трубку и услышал голос Горбачева:

— Максим Максимович, немедленно собирайте команду и отправляйтесь во Внуково.

Там вас ждет звездолет. Помните о секретности...

— Но, Михаил Сергеевич! Ведь это же крах!

— Что вы имеете ввиду?

— Как? На съезде...

— Это дезинформация, генерал Исаев. Пока еще я — главнокомандующий! Так что извольте, дружище, подчиняться моим приказам! Отправляйтесь на Эндор, и все тут!

— Слушаюсь, товарищ генеральный секретарь.

Три часа понадобилось опытному разведчику для окончательной подготовки экспедиции. В шесть вечера все уже были в сборе. Штирлиц выстроил свою команду в зале ожидания перед кассами аэропорта.

— Равняйся! — приказал он. — Смирно! — командир достал из правого кармана галифе помятую бумажку, развернул ее и уверенными звонкими шагами, как на параде, прошел мимо строя.

— Айсман! — начал перекличку генерал Исаев.

— Здесь! — глухо вымолвил друг Штирлица.

— Вижу, что здесь! Подтянитесь, дружище. Вы должны быть достойны этого эсэсовского мундира. Почему нет повязки?

— Так это... я...

— Без повязки, друг мой, вы похожи не на Айсмана, а на этого, как его...

— Слушаюсь, товарищ штандартенфюрер! — Айсман нацепил повязку на подбитый глаз и вытянулся по стойке «смирно».

— То-то же! Нам предстоят великие дела! Курсант Шлаг!

— Я здесь, командор! — проревел пастор.

— Вижу, что не в сортире у Евы Браун, — пошутил Штирлиц и нежно потрепал пастора по щеке. — Не робей, святоша! У тебя будет время прочитать свои проповеди нашим звездным собратьям, погрязшим в грехе.

— Да, мой штандартенфюрер!

— Не «да», а «так точно»! Холтоф!

Ответа не последовало.

— Холтоф! — повторил разгневанный разведчик.

— Я туточки, мой командир! — промямлил пьяный Холтоф, мирно дремавший на плече господина Мюллера.

— Нажрался, как свинья! Ты что думаешь, в космосе нужны алкоголики?

— Виноват-с!

— Мюллер!

— Здесь!

— Курсант Козлова!

— Здесь!

— Провокатор Дуров!

— Здесь! Но, простите, я не Дуров, я — Клаус.

— Знаю, знаю, дружище! Шутка! И как это только вы всплыли после нашей последней встречи, до сих пор не представляю...

— Гавно не тонет, штандартенфюрер...

— Вполне возможно! Сукина!

— Да здесь я...

— Мухина!

— Тут.

— Не «тут», а «здесь»! Сколько можно повторять! Не команда, а сброд шизиков из Кремлевской психушки! — прочеканил Максим Максимович. — Скотов!

— Здесь!

— Так, ладно, остальные, как видно, тоже здесь... А почему нет Бормана?!

— Я здесь, Максим! — крикнул подбегающий партайгеноссе с двумя чемоданами в руках.

— Ты что, толстый, опаздывать вздумал?!

— Я...

— Что?

— Виноват...

— Немедленно в строй, скотина! Пять дней карцера!

— Но, я...

— Десять дней карцера...

Мартин Рейхстагович потупил глазки и встал в строй. Через минуту раздался голос из репродуктора:

— Внимание! Внимание! Звездолет «Заря Коммунизма», рейсом 001 по маршруту «Москва-Татуин» отправляется с первой взлетной площадки. Пассажирам просьба пройти в зал регистрации багажа и проверки документов...

— Это же секретная операция! — возмутился Штирлиц и подозрительно взглянул на Холтофа.

Голос в репродукторе вещал по-английски.

— На-а-пр-раво! На штурм Татуина, шагом марш! Раз-раз-раз-два-три...

— Ситуация! — пробубнил Борман, подтягивая штаны.

Через час с планеты Земля стартовал первый межгалактический крейсер. А еще через два часа все газеты и информационные агентства мира передавали сенсационные сообщения об очередной операции КГБ по захвату звездного пространства и установлению диктатуры пролетариата на... иных мирах.

В то же время, уставшие жители Санта-Барбары ложились спать. И лишь некоторые понимали, что не все спокойно и в их мирном городке. На этот раз иранцы наступали с севера.

ГЛАВА 14. ОДНА СЛЕЗИНКА ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ

— Графином по Иванидзе! — воскликнул Яковлев. — Вы опозорили нашу партию, дорогой мой человек.

— Не учите меня жить, товарищ Янаев! — спокойно сказал Горбачев. — Я знал, что делал и поэтому не нуждаюсь в оценке моих действий и поступков.

— Действия и поступки — одно и то же!

— Товарищи, не будем ссориться! — вступил в беседу товарищ Пуго. — Давайте спокойно разберемся в создавшейся ситуации.

— Давно пора! — сказал Лукьянов и отбросил блокнот со стихами.

— А какая ситуация? — удивился генсек. — Все спокойно на Эндоре. Через три дня звездолет уже будет там!

— На каком Эндоре? Какой звездолет! — закричал Лукьянов. — Михаил, ты в своем уме?!

— Да ты что, газет не читаешь?! Мы же отправили экспедицию, во главе с этим... Штирлицем, для построения коммунизма на Татуине.

— У нас здесь социализму скоро будет крышка! — пробурчал министр внутренних дел. — А вы об Эндоре.

— Ну это, товарищи, уже слишком! Мы, коммунисты, должны думать не только о себе, но и о наших звездных собратях, гниющих под игом империализма коварного Дарта Вейдера! — небрежно сказал Михаил Сергеевич и посмотрел в окно, за которым шел дождь.

Присутствующие вздрогнули и переглянулись.

— Нет, я в своем уме! — гордо сказал Горбачев.

— Так, — сказал Янаев. — Не будем нервничать. Татуин — это хорошо. Эндор — замечательно. Вейдер — сволочь и негодяй. Но страна-то разваливается. Что делать?

— Читать, товарищи, роман Н. Г. Чернышевского! И, лучше всего, на ночь! Может там мы найдем ответ... Так-то! — Генсек подошел к окну. Его усталый взгляд замер, проступили небольшие слезинки, струйки пота нещадно застилали глаза. — Жарковато у нас в Кремле. — Он открыл окно. Дождь, похожий на ливень, не утихал. Опытный коммунист обернулся к своим соратникам по борьбе и тихо произнес:

*Одна дождинка,
Еще не дождь, еще не дождь;
Одна слезинка, еще не рев...*

Лукьянов вспомнил похожие стихи и начал, пританцовывая, петь песню. Товарищ Пуго пошел в присядку, а товарищ Янаев в стиле «рэп» кричал:

*I am crazy! I am crazy!
But I am happy, very well!*

Михаил Сергеевич устало опустился в кресло и не заметил, как в кабинет вошел товарищ Хасбулатов.

ГЛАВА 15. ВЕЛИКИЙ МАГИСТР

Учитель Йода стоял на отвесной скале и пил холодное гниво, закусывая его гадюкой. Солнце Эндора клонилось к закату. Легкий ветерок с тихим свистом блуждал по огромному телу учителя всех джедаев.

«Сила проистекает из силы, — думал Йода. — А я и есть эта сила. Сила — во мне. Вокруг меня. Она струится, как кровь в моих жилах и выходит вместе со мной для мира и прогресса в нашей Галактике. Но злоба и боль пронзает мое сердце. Я вижу тебя, подлый Исаев. Я знаю, ты уже рядом. Ты уже прошел Великое кольцо. Но ты не завоюешь Эндор. Ты — не джедай. И никогда тебе им не быть!» — Гниво кончилось, от гадюки осталась только голова. Учитель прошел в свою хижину, где встал на колени и начал молиться, прося у Тайного Магистра волшебной силы для предстоящей борьбы.

— Я здесь, мой повелитель! Откликнись, заклинаю тебя! И прошу награды за мою веру! Отдай мне Грозный Арахис, напои его могучим спайсом. И пусть умрет тогда злобная сила глупых вурдалаков.

— Но тогда боль пронзит Тагому! — воскликнул древний голос из Скалы Архона.

— О, мудрый, ты услышал меня! О, небеса, я пью свое гниво за Вас и за тебя, о великий!

— Йода, помни, что Грозный Арахис бессилен против вурдалаков. И победить их может только Свет Знаний нашей системы.

— Так отдай их мне!

— Они есть у тебя! Они в твоей силе! Они — в Разуме твоей плоти!

— Открой их!

— Да прибудет с тобой Великая Сила! Всегда! — голос Тайного Магистра замолк и на Эндоре началась страшная буря. Йода заслонил огромным камнем вход в свое жилище и уснул мирным сном. И только громкий храп говорил о том, что Великий джедай нашел способ борьбы с вурдалаками с дальней Земли.

ГЛАВА 16. ДРАКА В КОСМОСЕ

Звездолет товарища Штирлица проходил сквозь Великое кольцо Млечного пути. У штурвала находился Айсман. Его помощником был Холтоф. Максим Максимович гордо стоял на командном мостике и отдавал распоряжения экипажу.

— Пять кабельтовых ниже Кольца.

— Есть пять кабельтовых! — раздавалось в ответ в рубке.

— Ниже на треть!

— Есть ниже на треть!

— Полный вперед!

— Есть полный!

— Самый полный!

— Есть самый полный!

Приказы были четкими и казалось исходили от человека, знающего свое дело и не раз бороздившего просторы Вселенной. Но вдруг крейсер задрожал и в носовой части корабля путешественники увидели огромную стальную птицу, похожую на земного орла. Орел роростно долбил обшивку и размахивал стальными крыльями.

— Что делать, командир?! — испугался штурман.

— А бластером его! — спокойно сказал Штирлиц.

Айсман нажал кнопку и начал плавно поворачивать рычаг управления.

— Гаси ее! — кричал Холтоф, глотая виски.

— Сука! Ну я тебе! — ругался одноглазый, нажимая на гашетку.

Птица взмыла вверх.

— Включить защитный щит! — приказал командир.

— Есть включить защитный щит.

Вражеский орел усиленно махал крыльями и несся к смотровой площадке. Удара не последовало и коварный пришелец отступил.

— Стоп машина! — приказал Штирлиц. — Проверить двигатели! Перекур.

— Кто это был, дети мои? — спросил измученный полетом пастор Шлаг.

— А кто ж его знает! — ответила Катя Козлова. — Космос, дорогие товарищи, полон всяких мудростей. И мы, коммунисты, должны быть всегда готовы к любым неожиданностям.

— Оставить разговоры! — приказал Куравлев. — Всем заниматься своими делами.

— Ишь как раскомандовался! — воскликнула Катерина. — Максим, чего это он?

— Он — штурман! — спокойно ответил генерал Исаев.

— То же мне штурман! — нахохлилась давняя подруга Штирлица. — Импотент с плоскостопием с сексуальной врожденностью к голубым инстинктам.

— А это уже оскорбление! — сказал гордый Айсман и влепил смачную пощечину старой радистке.

— Дети мои! — прошептал пастор.

Холтоф, не относящий себя к голубым, понял, что нужно вмешаться и нанес острый удар тупым предметом в область почек обидчику своей возлюбленной. Штирлиц спрыгнул с мостика и с криком «Ура!» бросился к штурману. Шлаг взревел и как бы нечаянно поставил подножку штандартенфюреру. Началась обычная драка, в процессе которой Холтоф

случайно нажал несколько кнопок на главной панели управления. Звездолет задрожал, экипаж почувствовал боль и тяжесть. В иллюминаторах поплыли звезды.

«Конец!» — подумал Штирлиц и упал без сознания.

ГЛАВА 17. ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО ТОВАРИЩА КРЮЧКОВА

Свет мерцал. В комнате было тихо. Руслан Имранович, сидя за столом, писал докладную записку товарищу Крючкову:

Уважаемый!

Мною получены сведения об антиконституционной деятельности президента. Документы я прилагаю к этому письму.

Предлагаю:

- 1. Организовать путч.*
- 2. Сформировать новое правительство.*
- 3. Захватить телевидение и передать в день путча по всем каналам «Лебединое озеро» тов. Чайковского. Последний нас поддерживал. Я наводил справки.*
- 4. Детали операции обсудим при встрече.*

Ваш Имран.

Уже через час этот документ курьером был передан на Лубянку. Крючков три раза прочитал записку и понял, что его водят за нос. «Тут двойная игра. Чувствуется лапа Бориса. Но мы пойдем другим путем». Старый чекист нажал кнопку и вызвал своего заместителя.

— Вот что, Михаил Федорович, проверьте по вашим каналам эту писанину.

— Хорошо, товарищ председатель.

— Да... как там по поводу августа?

— Все готово. Горбачев будет в Крыму с июля. Следовательно, в августе у нас будут развязаны руки.

— А Янаев?

— Он согласен!

— Это хорошо. Подберите еще какого-нибудь кандидата. Всякое может быть.

— Я понимаю.

— Да, что вы понимаете! — крикнул Крючков. — Откуда, я вас спрашиваю, Хасбулатов знает о заговоре.

— А он знает?

— Не делайте ваше лицо глупым. Это вам не идет. Вспомните Хрущева.

— Но...

— Оставьте, оставьте, Михаил. Мне бы не хотелось на старости лет отправиться на Колыму.

— Я лично займусь Русланом Имрановичем, — потупившись сказал заместитель.

— А что, и про балет он знает?

— В том-то и дело...

— Разрешите идти?

— Вы свободны. Но помните, у нас длинные руки.

— Я это знаю.

Крючков подошел к окну и посмотрел на статую Дзержинского. Товарищ председатель потянулся и задернул занавеску.

В Москве шел дождь. Но не знали этого жители Санта-Барбары. Иранцы шли напролом. Мужественные защитники города храбро сражались, отдавая свои жизни за свободу и

НЕЗАВИСИМОСТЬ.

ГЛАВА 18. РОДСТВЕННИЧКИ

Люк Скайуокер замахнулся световым мечом и через мгновение правая рука Вейдера оказалась на грязном полу.

— О! — воскликнул Верховный правитель. — Ты же мертв, молодой джедай!

— Рано обрадовался, старый развратник! Я здесь! И жду тебя, о подлый!

Принцесса Лея лежала без сознания. Вейдер посмотрел на ее красивое тело и оставшейся рукой направил световой меч на своего врага. Люк парировал удар.

— А тебя неплохо учил Йода! — глухо сказал голос в шлеме. — Но ты еще не джедай.

— Я джедай, джедай, подлый соблазнитель! И я убью тебя. — Люк нанес удар по корпусу Вейдера и отскочил к дальнему иллюминатору.

Старый джедай упал возле Леи. Его голос хрипел и просил пощады.

— Сними мой шлем, Люк. Ты увидишь то, что удивит тебя, о глупец!

Молодой Скайуокер осторожно подошел к стонущему телу, нажал несколько кнопок и снял черную маску. То, что он увидел поразило юного джедая.

— Отец! О, не знал я, прости...

В это время завывала сирена. Электронный Голос объявил о тревоге.

— Иди, Люк! Это пришельцы! Спаси Тагому!

— О, отец... Я знал, знал... Но не думал, что они так быстро...

— Я уже труп, мой сын! Теперь ты — Верховный правитель... Но судьба соединит нас там... там, у Великого Кольца. И души наши обретут покой. И Великий Магистр простит нам нашу вражду...

— Отец, отец...

Вейдер в последний раз посмотрел на Люка, пустил скупую мужскую слезу и испустил дух.

От гудящей сирены очнулась Лея.

— Что здесь происходит? — с удивлением спросила она.

— Это мой отец!

— Он жив?

— Мой меч сразил его.

— О, Магистр?! Не может быть. Ведь Люк, от него у меня может быть ребенок.

— Да, ваше высочество, я знаю. И это хуже для нас — я твой брат, Лея!

— Нет!

— Да! Мне только что об этом сказала Душа Отца.

— Но тогда... Ой, я совсем запуталась.

— Ладно. Выясним наши семейные отношения в другое время и в более безопасном месте.

— Безопасном?

— Да, ваше высочество, на нас напали.

— Повстанцы? Но мы же и есть повстанцы!

— Дура, какие повстанцы?! Теперь нет их! У нас один враг — вурдалаки с Земли. А я, я — Верховный Правитель!

Принцесса заморгала глазами и быстро оделась. Бластер висел на поясе, меч Вейдера был рядом. Она была готова к Млечной битве.

ГЛАВА 19. АТАКА

Штирлиц очнулся первым. Взглянув на монитор, он понял, что звездолет уже у цели. Хронометр показывал 1993 год. Командор понял, что они опередили время на два года. «Парадокс Эйнштейна!» — подумал Максим Максимович и попробовал приподняться. Мышцы болели, ноги сводило судорогой.

— Подъем, бездельники! Приготовить корабль к бою!

Члены экипажа приподняли головы.

— А в чем дело? — глухо спросил Айсман.

— Спроси у Холтофа, — ответил Штирлиц. — Этот придурок своей жопой перенес нас на два года вперед.

— Я не хотел, — извинился Холтоф, цедя виски.

— Дети мои, — сказал пастор. — Но это же Эндор. Мы у цели нашей миссии!

— Тогда к бою, командир! — крикнула радистка Кэт, прильнув к иллюминатору.

— По местам! — приказал Штирлиц.

— Полный вперед! — отозвался Айсман. — Командор, прямо по курсу неизвестный корабль.

— Торпедой его! — не задумываясь, бросил Штирлиц.

Айсман нажал гашетку. Вражеский звездолет вспыхнул и так же быстро погас.

— Один есть! — пробубнил Мюллер, страдающий в сортире по большому.

Но не так глупы были татуинцы. Увидев поражение своего первого корабля, они послали мощную эскадру «бессмертных» звездолетов. Впереди шел корабль Хана Соло — опытного звездолетчика и гениального стратега в звездных войнах.

— Командир, на нас движется эскадра противника! — испуганно сообщил Айсман.

— Включить защитный экран!

— Есть включить защитный экран.

— Ой, пропадем! — испугался Мюллер. Но его никто не слышал.

— Невидимый барьер! — невозмутимый Штирлиц стоял на командном мостике и спокойно курил «Беломор».

— Есть барьер, командир!

— Бластером их!

— Есть бластером!

— Холтоф, найди мне Мюллера. Катя — на смотровой мостик. Пастор — ко второй пушке.

Не было никакой суеты. Все действия экипажа были четкими и слаженными. Даже пьяный Холтоф стойко держался на ногах.

Люк Скайуокер был в панике. Молодой джедай никак не мог разгадать тактику вурдалаков. На его глазах «бессмертные» уничтожались один за другим. Мужественный Хан Соло был ранен. Вурдалаки с Мертвого Пространства вели безжалостный огонь по эскадре татуинцев. «Йода, только ты мне нужен сейчас. Настало время твое! Приди ко мне, мой учитель!»

Но не слышал молодого Скайуокера учитель всех джедаев. Он спал. И снились ему котлы наполненные ароматным гнивом, аппетитные гадюки Альдебарана и Великий Магистр, плывущий по Великому Кольцу Млечного пути.

ГЛАВА 20. ТОВАРИЩИ ЯНАЕВ, ЛУКЪЯНОВ И МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ

Михаил Сергеевич продолжал стоять у окна и грустно смотрел на Красную площадь. Шел дождь. Караул нес свою обычную службу у мавзолея. Куранты пробили двенадцать ударов.

Откровенно говоря, мягко выражаясь, уж больно хочется в Крым, — пролепетал генсек.

А как же страна? — осторожно спросил Янаев.

А никак. От хода истории никуда не уйдешь...

Вы не правы! — поправил Лукьянов. — Ход истории зависит от нас — лидеров.

Это ты-то лидер? — небрежно сказал Михаил Сергеевич. — Вы, дорогой мой товарищ, придурок! Вам стихи писать, а не историю делать.

Лукьянов покраснел и отошел в сторону.

За это, дорогой мой, и по харе, впрочем, и не только по харе, но и по черепу...

Что?!

Не притворяйся, Миша, что ты глухой!

В это время товарищ Янаев подло запер дверь на ключ и товарищ Горбачев понял, что его сейчас будут бить.

Нет! — воскликнул он.

Заходи справа! — профессионально сказал Лукьянов.

Товарищи, товарищи, но это же не методы. Давайте найдем альтернативу и попробуем прийти к обоюдному согласию.

Началась драка, напоминающая мордобитие. В дверь начали стучать охранники. Но в Москве по-прежнему шел дождь, а жители Санта-Барбары потеряли мэра. Он был сражен пулей в спину. Иранцы шли напролом.

ГЛАВА 21. ДЕСАНТ ПОДЛЫХ ВУРДАЛАКОВ

Йода проснулся от страшного шума. Корабль вурдалаков приземлился неподалеку от жилища Великого Учителя. «Они! — подумал Йода и задрожал от страха. — Эти подлые вурдалаки уже на Эндоре! О, Великий, дай мне мужества!» Он отодвинул огромную глыбу и в метрах ста от себя увидел звездолет землян. Пришельцы спускались по трапу и с любопытством осматривали местность. «А они похожи на татуинцев! Святая Гармония поглотила и их Галактику!»

Эндор напоминал Штирлицу Землю и поэтому он решил высадиться именно на этой планете.

— Холтоф, ты мне нашел Мюллера?

— Да, мой командир, эта свинья была в сортире, — ответил давний друг Штирлица. — Мюллер! К командиру!

Группенфюрер подошел к Максиму Максимовичу и сказал:

— Начальник контрразведки «Зари коммунизма» по вашему приказанию прибыл.

— Ты где был? — полюбопытствовал штандартенфюрер.

— Простите... понос...

— Дружище, знаешь ли ты, сколько времени ты оправлялся?

— Около часа, товарищ командир.

— Придурок, ты провел в сортире два с лишним года.

— Ну да?!

— По возвращении на Землю занесу тебя в Книгу рекордов Гиннеса, — пообещал Штирлиц. — Где этот, как его?.. Дуров, то есть, я хотел сказать Клаус?

— Я здесь, Максим Максимович.

— Пойдете в разведку. Что-то мне не нравится здесь. Всю живность брать в плен. И ко мне на допрос...

— Позволь, сын мой, — проговорил пастор Шлаг, — и мне пойти с этими христианами. Они помогут мне поставить неверных на путь истинный. — Пастор поднял к небу руки и что-то еще прошептал. Закаленный разведчик чуть было не прослезился, но сдержал свои чувства:

— Ради Бога, дружище. Вперед!

ГЛАВА 22. БЕЗ НАЗВАНИЯ

— Кому они нужны теперь, эти планы?! — воскликнул Люк.

Принцесса Лея сидела за компьютером и изучала планы «Звезды смерти».

— Любовь моя, но это наша новая надежда. Только этот крейсер может уничтожить землян.

— Вурдалаки неуязвимы! — сказал молодой джедай. — Они неподвластны нашей Логике. И Йода куда-то пропал.

— Выход всегда есть! Вейдер нашел бы его!

— Молчи, женщина, что ты понимаешь в мужчинах.

— Не смей кричать на меня, молодой джедай! Я сестра твоя и имею те же права, что и ты. Мое мнение — «Звезда смерти» уничтожит флот землян.

— Какой флот, дура, у них старое ржавое корыто и...

Вошел Хан Соло. Его левый глаз был подбит, правая рука перевязана, на лбу запеклась кровь.

— Хан! Что с тобой?! — воскликнула Лея.

— Ничего страшного, бандитская пуля! — отвечивал храбрый пилот. — Люк, моя эскадра разбита. Враг захватил Эндор. Они построили мощный щит. На планету проникнуть невозможно.

— Ты чем-то напоминаешь мне Буркова, — неожиданно для себя сказал ученик Великого Йоды.

— Что? — спросил Соло. — Я тебя не понимаю, о Верховный.

Лея мирно потупила глазки и уткнулась в иллюминатор.

— Я и сам себя не понимаю, о старый друг мой! — сказал Скайуокер. — После того, как на Альфатагоме появились вурдалаки, со мной происходят странные вещи.

— А ты знаешь, и со мной тоже! Вот ты мне сказал, что я — Бурков. И во мне сразу что-то перевернулось, как будто я в сотый раз посмотрел «Старики-разбойники».

— Какие «бойники»? — удивился Верховный правитель.

— Простите, Ваше имперство, я сам не знаю, что говорю, — потупившись произнес Хан и устало упал в кресло.

За иллюминатором сияли звезды. К головному крейсеру татуинцев подтягивались корабли со всей Галактики. Люк посмотрел сквозь толстое стекло и вдруг увидел своего учителя рядом с вурдалаками. Кто-то очень толстый бил огромной палкой по голове Йоды, двое других держали его за плавники. Тот, кто бил, кричал: «Я научу тебя любить, старая жаба, Господа нашего. Получите по мозгам!» Молодой джедай понял, что он остался один. Земляне знали что-то такое, от чего татуинцы теряли Разум. Скайуокер пришел в себя и грозно произнес:

— Вспомним о Великом Магистре и попросим у него Силы!

— Люк, любовь моя! Что с тобой! — запищала принцесса.

— У меня было видение, наша последняя надежда — мой Учитель, в плену у вурдалаков. Его пытаются.

Хан Соло потерял последние силы и свалился с кресла. Вскоре к нему подбежал его верный пес и слуга Чуевака и унес своего хозяина в каюту для раненных. Возлюбленная Скайуокера нашла в себе мужество и задумчиво произнесла:

— Нет, Люк, мы пойдем другим путем. У нас есть «Звезда смерти» и с нами Великий Магистр.

Верховный вздрогнул. Ему нравились женщины пораженные Разумом. И тогда его захватил Влюбленный Экстаз и молодой джедай крепко прижал к себе возбужденную принцессу. Страсть вовлекла его в пучину Любви, Люк забылся и, сплунув, приступил к своим плотским обязанностям.

ГЛАВА 23. ПОСЛЕДНИЙ УДАР

— Девушка, это Внуково?

— Аэропорт «Внуково» слушает! — ответил голос в трубке.

— Мне нужно два билета до Фароса. Не двадцать, а два! Это из Кремля звонят... Два, дура, два. Глухая, что-ли?! Чего? С доставкой? Да! Адрес? Москва. Кремль. — Янаев повесил трубку. Лукьянов, стоящий рядом, понимающе кивнул. Избитый Михаил Сергеевич отплевывался и делал вид, что ничего особенного не происходит. Зазвонил телефон.

— Янаев у аппарата.

— Вы отправили? — спросили в трубке голосом председателя КГБ.

— Почти...

— Что это значит? Вы понимаете, чем рискуете?!

— Да, товарищ Крючков. К вечеру он будет там.

— Крючков! Крючков! Спаси меня! — вдруг закричал Горбачев и потянулся к трубке. Товарищ Лукьянов, предугадав маневр генсека, профессионально отшвырнул его к камину.

— Будет тебе еще Крючков! — усмехнувшись, сказал председатель Верховного Совета. — В августе девяносто первого.

Товарищ Янаев повесил трубку и показал свои зубы Лукьянову. Старые коммунисты ехидно улыбнулись и оба посмотрели на Горбачева, который с грустью рассматривал окно, за которым по-прежнему шел дождь...

А иранцы все шли и шли... Санта-Барбарийцы выбрали нового мэра. Но и это их не спасло. Горстка защитников легендарного города обороняла старый форт Санта-Фе и готовилась отправиться к праотцам.

ГЛАВА 24. ВО ВЛАСТИ ВУРДАЛАКОВ

Не думал Йода, что на старости лет его будут бить. А ведь били Великого Учителя! И больно били! Заправлял мордобитием пастор Шлаг, профессионально нанося удары по корпусу Йоды. Не обмануло Видение Люка. Но в действительности все было еще ужасней. Череп девятисотлетней жабы был раскрыт до основания. Старые конечности не выдерживали ударов. Из пасти сочилась кровь. И кто знает, чем бы все это закончилось, если бы у скалы Зердану не появился Штирлиц.

— Это что здесь происходит? — эхом пронесся голос штандартенфюрера. — Издеваться над несчастным животным! Да я вас под суд!

— Это не животное! — сказал провокатор Клаус. — Это Йода, штандартенфюрер. Учитель всех джедаев.

— Йода?! — удивился Максим Максимович. — А я думал жаба. Хотел уже было занести ее в «Красную книгу».

— Он противник нашей веры! — пробубнил пастор, отбрасывая палку.

— Холтоф! Да отпустите вы его, то есть, я хотел сказать «это», — приказал командир. — Оно и так еле на ногах стоит. Что же мне делать с тобой, джедай? — Штирлиц подошел поближе к стонущему телу и осторожно потрогал его пальцем. Оно что-то промычало и отчаянно заскулило как собака, которую не кормили дней десять и опускали в прорубь славного Дуная. — Хорошо, отправьте это на корабль. Приведите в порядок и накормите. Завтра я займусь им основательно...

Йода подчинился и покорно пошел впереди своих палачей. На Эндор опускалась тьма. И только далекая полоска Млечного пути сияла радужными огнями. Учитель посмотрел на небо и Мыслью позвал Великого Магистра. Магистр молчал, как и Эндор, как и вся Альфатагома, доживающая последние циклы свободы.

ГЛАВА 25. ОЛБИ ВАН КЕНОБИ И СИНЕМАТОГРАФ

Когда Люк кончил, принцесса Лея уже позавтракала. Она кокетливо посмотрела на своего брата и протяжно зевнула.

— Ну так, как мой план, Люк?

— План хорош! Но если они уничтожат «Звезду» или, не дай Магистр, захватят ее?!

— Тогда мы будем жить при социализме! — просто сказала принцесса.

— Онанизме, дура! Ты хоть знаешь, что это такое?!

— Что ты имеешь в виду?

Люк отмахнулся и надел штаны. Подойдя к Гласу, он вызвал адмирала Олби Вана. Через минуту вошел седеющий старик в рясе.

— По вашему приказанию, о Великий, прибыл, — отрапортовал он.

— Что сообщает разведка? — спросил главнокомандующий.

— Все в полном дерьме! — глухо произнес Олби Ван. — На Эндор проникнуть невозможно!

— Уведите эскадру к пятой планете и подготовьте «Звезду смерти» для захвата Эндора.

— Это самоубийство, ваше имперство! Они превратят в вакуум нашу последнюю надежду.

— Это приказ, адмирал! Извольте выполнять, а не рассуждать, как глупые вурдалаки.

— Люк, прости меня, но я старше тебя. И в этот трудный для нашей Системы цикл, позволь мне сказать...

— Ну, что же, — промолвил Люк, оборачиваясь к Лее, — я слушаю тебя.

— Позволь нашим людям начать переговоры с вурдалаками...

— Адмирал, мы будем опозорены на всю Вселенную. Жалкий корабль недоразвитых землян смог поставить на колени всю Альфатагому.

— Однако, они сильнее нас.

— Что ты предлагаешь?

— Ваше имперство, наши пеленгаторы записали странные сигналы с корабля пришельцев. Это видеосигналы, о Великий!

— Что это нам дает? — раздраженно спросил молодой джедай.

— Мы создали специальную группу и перевели эти сигналы в наш формат.

— Что же вы увидели?

— Нас, Люк.

— Я не понимаю.

— Дело в том, что цивилизация вурдалаков находится в начале своего развития. Мы тоже были такими же двести миллионов циклов назад. Жители Татуина в то время были помещаны на так называемом синематографе...

— Ты мне еще всю историю Альфатагомы расскажи! Ближе к сути, ближе! — произнес с нетерпением Люк.

— Не сердись, молодой джедай. В общем вурдалаки, когда на Эндор опускается Мрак, включают так называемые «Ящики» и с помощью «видака», прости, о великий, мы еще не полностью знаем их язык, следят за событиями, которые происходят сейчас с нами...

— Какой же вы глупый, адмирал! — вмешалась принцесса Лея. — Вы хотите сказать,

они смотрят кино.

— Да, ваше высочество, я восхищен вашими знаниями нашей истории.

— А что за фильм? — поинтересовалась принцесса.

— «Звездные войны», — ответил Олби Ван. — У них три эпизода: «Новая надежда», «Империя наносит ответный удар» и «Возвращение джедая».

— А куда возвращаются джедаи? — глупо спросил Скайуокер.

— На планету Валкам, — ответил адмирал.

Люк подошел к нему и посмотрел в глаза старого адмирала. Олби Ван отвел взгляд и незаметно усмехнулся. Скайуокер сделал вид, что ничего не произошло, и присел в кресло.

— Да вы над нами просто издеваетесь, адмирал. Валкам — из другого сериала.

— «Звездный путь», — напомнила Лея.

— Я не издеваюсь над вами, о великий! И предлагаю вести дальнейшую борьбу по сюжету Джорджа Лукаса. Это прекрасный режиссер, он снимал не только эти фильмы. А вообще-то, я сошел с ума. Доконали меня эти проклятые вурдалаки!

Люк громко засмеялся, принцесса последовала его примеру, Кеноби вышел, забыв закрыть за собой дверь.

— А что, неплохой фильм! — сказала дочь Всемогущего Вейдера, целуя своего возлюбленного. — Представляешь, дорогой, вурдалаки смотрят нас по Ящику!

— Ты там совсем в другом облике, дорогая! — протянул Скайуокер, подтягивая под себя девушку.

ГЛАВА 26. ЙОДА И ТОВАРИЩ ШТИРЛИЦ

— Do you speak English? — спросил Штирлиц на ломаном английском. Йода отмахнулся.

— Sprechen sie deutsch? — повторил свой вопрос Максим Максимович на чистом немецком языке.

Великий учитель пожал плечами и сказал:

— Да по-русски я говорю, о глупцы!

— Наш человек! — сказал Мюллер. — Штандартенфюрер, а может пытку носками?

— Да он у нас и так заговорит. А будет рыпаться, заставим смотреть «Семнадцать мгновений». Я думаю, расколется на пятой серии! — протянул пьяный Холтоф.

— Хватит издеваться над моим любимым сериалом! — воскликнул полковник Тихонов.

Учитель всех джедаев плохо понимал русский, но его тело почувствовало, что сейчас начнется мордобитие и возможно даже дубинкой палача Плятта. Поэтому он решил, что сопротивление смерти подобно и сказал:

— Я все скажу! Вы великий народ! Вы сломили Великого Йоду. Мне не помог даже Великий Магистр. Что вы хотите знать?

Штирлиц усмехнулся и спрятал свой любимый кастет, приготовленный для Холтофа. Он взглянул на Йоду и задумался. Прошел час и генерал Исаев сказал:

— А ничего мы не хотим знать! Ты — Великий! Я — Штирлиц! Вместе мы будем править Эндором. Ты слышал что-нибудь о диктатуре пролетариата?

— Немного, — подумав, ответил старый джедай.

— Вот, что значит сила мировой революции! — пролепетал пастор Шлаг. — Дети мои, это чудо, что наши идеалы дошли и до Альфатагомы!

— Оставьте ваши проповеди для Евы Браун! — воскликнул Штирлиц. — Ну так что, Жаба, ты согласен?

— Да, товарищ штандартенфюрер! — покорно вздохнул Йода. — Социализм, так социализм. Но только без Великого Октября. Татуинцы не переносят революций.

— Он еще и условия ставит! — сказал Куравлев. — Дать по морде и в болото!

— Так. Все, — оборвал его Максим Максимович. — Не будем поддаваться предрассудкам. Все-таки, дорогие друзья, мы гости в этом уголке Вселенной. Будем же культурны и внимательны!

Йода покосился на Штирлица и покачал разбитой головой. «Издевается, сволочь!» — подумал он и хмыкнул.

«Я над жабами не издеваюсь! Я их, как правильно сказал Айсман, в болоте топлю!» — улыбнулся командир и закурил «Беломор».

Из-за горизонта медленно поднималось древнее светило. Эндор, объятый мраком, постепенно оживал. И лишь корабль пришельцев напоминал о присутствии Подлого Зла, обрушившегося на процветающую Альфатагому.

Солнце Крыма нежно ласкало брюшко генсека и подмывало его на великие творения во имя перестройки и нового мышления. Михаил Сергеевич буквально купался в обрушившемся на него счастье. Подлый московский дождь, который постоянно напоминал о себе ноющим ревматизмом, был окончательно забыт, и прораб перестройки счастливо улыбался, периодически подставляя различные части тела под раскаленные лучи.

А в Москве... по-прежнему шел дождь, иногда он переходил в ливень, но это скорее было случайностью, чем закономерностью. Тем более, что в конце августа законы диктовал товарищ Янаев. Первым его указом был так называемый Закон о Погоде.

Председателю Гидрометцентра

Союза Советских Социалистических Республик

Указ

Немедленно прекратить издеваться над погодой. Верните Солнце Москве.

Пусть будет свет!

Указ вступает в силу сразу после моей подписи.

Подпись (внизу)

Янаев.

На пресс-конференции ГКЧП в здании Агенства печати «Новости» молодой журналист популярной газеты «ЖОПА» поинтересовался у нового президента:

— Товарищ Янаев, что побудило вас стать нашим лидером?

— Простите, молодой человек, представьтесь пожалуйста, — сказал Пуго.

— Информационно-юмористическая газета «ЖОПА». Журналист Сегодня Вчерашний.

Гэкачеписты переглянулись, товарищ Пуго испуганно посмотрел на Лукьянова, который пожал плечами и подтолкнул Янаева, у которого от злости дрожали руки.

— Вы из «ЖОПЫ», так и идите в жопу с вашей дурацкой фамилией. Превращают конференцию в бардак!

— И все-таки, ответьте, — настаивал корреспондент.

Ответили несколько рослых парней их охраны нового правительства. Гражданин Сегодня Вчерашний отделался легкой ссадиной на лбу и красивым синяком под левым глазом.

Журналисты заволновались.

— Следующий вопрос, — вежливо сказал Янаев. — Смелее, смелее, товарищи.

В пятом ряду поднялась рука. Молодая дама в очках с интеллигентской внешностью кокетливо произнесла:

— Журнал «Пердун». Элла Потускневшая по кличке «Нюхач». Вопрос к товарищу, сидящему прямо от меня, слева от товарища Янаева и чуть-чуть левее от товарища Пуго.

— Вы ко мне? — спросил мужчина лет сорока пяти, одетый в старую телогрейку.

— Да не к вам, вы плохо одеты, извините, — ответила журналистка. — Вон, тот товарищ, похожий на колхозника.

— Я? — удивился мужик с небритой физиономией и красным как огурец носом.

— Да. Вы-то мне и нужны, — сказала Элла Потускневшая. — Наши читатели, да что скрывать, и я, ха-ха, интересуются, как вы попали в эту компанию и почему?..

— Товарищи, выведите эту стерву из зала, она над нами издевается!

Те же парни из охраны увели сопротивляющуюся журналистку. По приглашенным корреспондентам прошел ропот возмущения.

— Кто еще? — поинтересовался спокойный Янаев.

Мужчина, сидящий в первом ряду, осторожно встал и дрожащим голосом проговорил:

— Еженедельник «Коммунист и компания». Ленинов Володькин. Вопрос к товарищу Лукьянову. Товарищ Лукьянов, вы обещали принести вашу рукопись стихов еще на той неделе! Главный редактор требует: или стихи, или одно из девятнадцати!

Лукьянов поморщился и взглянул на Янаева, тот кивнул.

— Я принесу, обязательно принесу. Задержка, товарищ, как вас там... ах, да, Володькин, связана с последними событиями и небольшим сбоем моего компьютера.

— Товарищи, задавайте вопросы по теме. По теме. Хватит придуряться в конце-то концов. Ведь идет трансляция, — скороговоркой вещал Пуго.

— Праститэ, я плоха понимает по-русски. Газета «Шолтай-болтай ин Рашен». Крыс Уотсон. Когда прэкратитса транслэйшн фо тиви, комрад Чайковский.

— Мы поняли вас, товарищ Крыса! — ответил Янаев. — В ближайшее время по всем каналам «Лебединое озеро» прекратит свое существование. — Руки лидера отчаянно дрожали, голос хрипел, слова слипались друг с другом и не подчинялись голосу. — На смену ему мы подготовили другую программу. Сейчас идет работа. По-моему, это что-то из произведений товарища Бетховена... Товарищи, вас же просят задавать вопросы по существу. Хватит играть! Мы же не дети в конце концов! Вот вы, товарищ... Нет... Да... Вы... У вас хороший костюм и интеллигентный вид.

— Спасибо! А костюмчик я недавно взял, ну, знаете... в туалете, у ГУМа, — пропел молодой человек с красным лицом. — Газета «Рак легких». Явкин Табачкин де Космосов фон Мальборо. Вопрос к товарищу Пуго.

— Только по существу! — испуганно попросил Пуго.

— По самому, что ни на есть! — заверил его журналист. — Скажите, товарищ, вот когда смело идут граждане по местам, а последний «Варяг» наступает, могут ли матросы в последнюю минуту наслаждаться трубкой ароматного норвежского табака?..

— Да они все — злыдни! — взмолился Лукьянов.

— Дайте ему по роже! — попросил Пуго стоящих за ним парней из охраны.

— Еще будут вопросы? — спросил Янаев дрожащим голосом. Все молчали. — Бардак! Но вы еще все за зло ответите!

Журналисты начали расходиться, товарищи гэкачеписты синхронно стучали по столу. А в Москве шел дождь. Указ нового президента не повлиял на погоду столицы. Казалось, что природа расвирепела и мстила товарищу Янаеву еще более мощными ливнями.

Но Санта-Барбарийцы, измученные зноем и жаждой, не знали этого. Да и не могли знать. Иранцы решили заморить голодом этот стойкий народ. Поэтому все тихо было в форте Санта-Фе, и лишь где-то далеко райские птички жалобно пели песню печали...

За окном кто-то шел и что-то яростно гудело, похожее на танк.

Товарищ Янаев отошел от окна и глупо произнес:

— Вот и сбылись мечты идиота! Теперь я президент.

Пуго, стучащий мизинцем по пуговице, ходил из угла в угол и что-то бормотал про себя.

Похоже это была песня из репертуара «Высокой энергии», но порой казалось, что сонг похож на «Амурские волны».

— Что вы мечетесь, как старая тряпка, промывающая общественный сортир? — лирик Лукьянов спокойно сидел в кресле и нежно поглаживал здоровенного персидского кота по кличке Арамис.

— А что еще мне делать? Мы уже два дня у власти, а в стране все равно бардак.

Крючков, сидящий в кресле бывшего президента, игрался перочинным ножичком.

Услышав последнюю фразу, он встал и произнес, как на параде:

— Отставить ребячество! Мы еще наведем порядок. Главное — власть, и она у нас в кармане.

Янаев покосился на карман своего пиджака и подошел к окну. Возле него он простоял восемнадцать минут, после чего подошел к Крючкову и прошептал:

— Послушай, а не дать ли нам Штирлицу новое задание?

— Не думаю, — ответил дзержинец. — Наши рубежи во Вселенной должны быть незыблемы. Фашизм там, дорогой мой президент, не пройдет! А Максим Максимович делает все для этого. И отрывать его от столь нужного нашему народу дела, по меньшей мере, вредительство.

— А я бы дал товарищу Тихонову новое задание! — промямлил Пуго.

— Ты пока еще, друг, не академик Сахаров, чтоб я выслушивал твои замечания, — сказал Янаев и покосился на Лукьянова. Мохнатый кот мяукнул, зевнул и вперил взгляд в Крючкова.

А за окном кто-то шел и что-то яростно гудело, похожее на танк.

**Книга восьмая. ГУБЕРНАТОР ПЯТЬДЕСЯТ
ПЕРВОГО ШТАТА**

За окном бесплатно раздавали «Сникерс» и слушали оркестр Растроповича.

Борис Николаевич бесшумно отошел от окна и опустился в высокое кресло, на спинке которого был выгравирован герб Российской империи.

— А что, Егор Тимурович, дали мы жару коммунякам? — весело спросил президент.

— Дали, Борис Николаевич! — радостно ответил Гайдар. В руке он держал старую книжку «Тимур и его команда». Эта книга нравилась главе российского правительства и с ней он не расставался никогда.

— А что, дали мы жару либералам и фашистюгам? — постукивая по столу, спросил Ельцин.

— Дали, Борис Николаевич! — произнес Егор Тимурович, сверкая глазами.

Оркестр за окном играл легкую музыку, небо над Кремлем было ясным, от солнца радужно сияли инструменты музыкантов.

— А что вы все читаете? — вдруг спросил президент, подойдя к Гайдару.

— Ну не «Похождения Штирлица» мне читать, Борис Николаевич! «Тимура» долблю.

— Что-то слышал я про эту книжечку?

— Как же? Ведь ее мой дед...

— Да я не про эту... Я про ту, что вы только что...

— А-а, про Штирлица. Весьма забавная книжка. В двух томах. Пять раз читал. Гадость невероятная!

— А кто авторы? — грозно спросил Борис Николаевич. — Не перемудрили ли эти писаки?

— Авторы? Авторы?.. Молодежь какая-то, Борис Николаевич. Точно не помню, но имя одного из них, по-моему, как-то связано с фильмом «Асса».

— Да, кстати о Штирлице, — оборвал его президент. — Я хотел бы дать ему новое задание.

— Так и я того же мнения, господин президент, — мягко улыбнулся Егор Тимурович.

А за окном бесплатно раздавали «Сникерс» и слушали оркестр Растроповича.

ГЛАВА 1. ШиР

После известных событий августа девяносто первого и октября девяносто третьего в Москве перестал идти дождь. Солнце играло своим теплом и светом над столицей России. Его лучи проникали сквозь бетонные стены высоких, низких и даже роскошных зданий. Иногда с востока наступал легкий ветерок южного происхождения. Однако, и он, и даже суровый московский бриз не могли повлиять на ход предвыборной борьбы различных партий, объединений, блоков и иных организаций, имеющих к выборам в новый парламент такое же отношение, как и хан Батый к открытию Америки.

Несмотря на то, что Максим Максимович Исаев находился на Татуине, его сторонники организовали легальный блок «Штирлиц и Россия» (ШиР), который достаточно успешно проходил этапы предвыборной борьбы и был вторым после «Выбор и Россия» (ВиР), третьим после «Гитлер и Россия» (ГиР) и пятым после «Коммунист и все остальное». Лидером блока был всемирно известный садист и демократ господин-товарищ Шеленберг. Последний, после долгих уговоров шировцев и под давлением демократов из «Выбор и Россия», решил взять на себя ответственность за всю деятельность блока.

Месторасположение штаб-квартиры в бывшем мавзолее Ильича было выбрано не случайно. Сторонники движения не любили рекламы, а усыпальницу Ленина знали все, так что не надо было никому объяснять, как пройти до ШиРа. Надпись «Ленин» была завешена красным полотнищем с лозунгом «Кто не с нами, тот против нас!» И этим все было сказано.

Однако, эти обстоятельства не мешали Вальтеру постоянно спрашивать у себя: «А что скажет по этому поводу товарищ Штирлиц?» Ответ ускользал и настораживал, и бывший шеф майора Тихонова старался не думать об этом. Тем более Татуин — там... а мавзолей — здесь, и часовых еще по домам никто не отпускал.

ГЛАВА 2. ПРЕЗИДЕНТ

— А кто у нас заправляет телевидением? — спросил Борис Николаевич у сидящего в кресле Гайдара.

— Как? Вы не знаете? — удивился Егор Тимурович. — Господин Кальтенбруннер. Он уже давно в Москве... Вы же сами подписали Указ...

— Ах да, припоминаю. Что это за человек?

— Бывший фашист, сторонник Гитлера. Палач. Так, ничего особенного, человек, как человек. Знает свое дело. К работе относится с большой ответственностью...

— Можете не продолжать! — сказал президент. — Пригласите его ко мне. Нет, постойте, зачем он мне? Вот что, Егор, поедешь к нему и проверишь обстановку на месте. Помни — ни слова грубого о Конституции. Иначе, сам знаешь...

— А насчет блоков?

— Пусть трепятся, мне лично до лампочки! Тебе мешают, можешь убрать.

— Понял вас, Борис Николаевич.

— Ладно, ступай.

Гайдар вышел, «Тимур» последовал за ним. Борис Николаевич принялся за чтение двухтомника «Похождения штандартенфюрера СС фон Штирлица». Президент улыбнулся и перелистнул первую страницу.

ГЛАВА 3. КПТ и ДПТ

«Алекс — Юстасу.

По нашим сведениям вы ввели диктатуру пролетариата на Татуине и тем самым справились с заданием правительства, которого больше нет. Союз распался. Родина требует от вас нового подхода к решению задач демократического правительства, которое пришло к власти в результате политических и экономических реформ. Коммунизм изжил себя, учение Маркса-Энгельса-Ленина оказалось гнилым. В связи с вышеизложенным предлагаю:

1. Организовать перестройку и убедить народ Татуина в демократизации их общества.

2. В августе организовать демократический путч. Расколоть государство.

3. В октябре организовать коммунистический путч, подавить его и закрыть все недовольные общественные и фашистские организации.

4. Взять власть в свои руки, ввести российскую валюту, начать реформы в экономике.

Дальнейшие инструкции получите с присланного к вам корабля «Заря демократии» в ближайшее время.

Алекс».

Штирлиц был на заседании первого съезда коммунистической партии Татуина. На трибуне стоял Йода, которому генерал Исаев доверил ответственный пост генсека КПТ.

— Товарищи, путь, который указал нам Великий Штирлиц, труден и извилист. Но мы, коммунисты Татуина, не страшимся новых испытаний. Мы смело идем по пути, предначертанном нам нашей Новой Историей и Великим Учителем, Гением Мысли и Разума, товарищем штандартенфюрером СС фон Штирлицем!

Раздались громкие продолжительные аплодисменты, делегаты стоя рукоплескали Живому Вождю и Мудрому Генсеку. Штирлиц ликовал и ел тушенку, запивая ее ароматным Эндоровским гнивом. Айсман сидел рядом и ревел как мальчишка, которого нещадно выпороли.

«От радости, наверное!» — подумал Максим Максимович.

«От нее, от нее, шеф!» — слезился Айсман. Повязка с глаза сползла и небрежно болталась на шее.

— Ура! Ура-а! Да здравствует Великий Вождь всей Вселенной — товарищ Штирлиц! — орал зал.

Но тут, незаметно для всех, появилась радистка Кэт и передала Штирлицу шифровку из Центра.

«Давно я не видел Бормана. Где может скрываться эта злыдня?» — Он прочитал документ пять раз, долго не мог разобрать почерк. «Вечно каракули какие-то приносит!» — подумал разведчик. «Вполне приличный почерк», — заключила про себя радистка. Через час до Штирлица дошел смысл послания и свежее испеченный Мудрый Вождь татуинцев резко встал и крикнул громовым голосом:

— Кончай бардак, братва! Теперь вы — демократы. Перестройке — ура! Йода! Ты слышишь меня? Толкай другую речь! Ты теперь президент! А я по-прежнему вождь! — Максим Максимович глазами опытного разведчика окинул зал, татуинцы стояли как вкопанные, Йода возился с какими-то бумажками. — Что вы приуныли, друзья? Времена изменились. — Штандартенфюрер закурил «Беломор», глубоко затянулся и выдохнул на

Айсмана, который то ли от страха, то ли от удивления надевал на себя упавшую повязку. — А кто не с нами, тот против нас! Если после моих слов в зале есть сомневающиеся или коммуняки, можете смело уходить. Обещаю, трогать не будем. У меня инструкции. Я вами потом займусь.

Несколько делегатов, возмущенных таким невероятным ходом событий, демонстративно покинули зал. Генерал Исаев, как истинный демократ, с презрением посмотрел им вслед.

«Где же Борман?» — снова подумал Штирлиц. Что-то тяжелое и неприятное падало откуда-то издалека на Великую Думу Вождя. Быть может в нем зарождалась сила джедаев или просто болел желудок. Максим Максимович этого не знал. В этот момент зазвучал голос старого Учителя:

— Господа! Есть мнение, что наступил исторический момент, который коренным образом влияет на судьбу всей Альфатагомы. И я, как истинный демократ, призываю вас, соотечественники мои, прислушаться к Голосу Совести и объять Своим Разумом грядущие перемены. Бей коммуняк! Дави вражину! Этих...

— Йода, я же сказал, коммуняк пока не трогаем! Они — легальны! — оборвал Штирлиц.

— Простите, штандартенфюрер, меня, как всегда, куда-то заносит. — Новый президент Татуина покорно поклонился своему Вождю и вновь обратился к залу. — Господа, зачем убивать коммуняк, мы же демократы. Пусть живут.

— А вообще, все это серьезно? — крикнул из зала молодой татуинец.

Штирлиц кивнул Айсману и тот куда-то поспешно удалился. Йода равнодушно ответил:

— Вполне, молодой татуинец! Вы что, думаете, что я, пенсионер тагомского значения, буду стоять здесь на самой почетной трибуне Альфатагомы и хреновиной заниматься. Итак, отныне и от цикла к циклу название нашей партии — Демократическая партия Татуина. Теперь, господа, у нашего народа две партии. Одна, которая идет по пути реформ и другая, которая против, и еще раз против, них. Это их партия, коммуняк. И наша задача — идейная борьба до полной победы над злыми силами, да прибудет с нами Великая Сила! Всегда!

ГЛАВА 4. ВАЛЬТЕР, ГЕНРИХ И КРОВОЖАДНЫЕ КРОКОДИЛЫ

Не сразу понял Генрих, что он занял, пожалуй, самый высокий пост в своей многоликой карьере. Но когда он три с лишним часа поднимался по лестнице Останкинской башни до своего председательского кабинета, его хилое тело на себе ощутило всю тяжесть возложенной на него ответственности. Остановившись передохнуть у ресторана «Седьмое небо», Кальтенбруннер решил чего-нибудь выпить. За дальним столиком сидел его старый знакомый Вальтер Шелленберг. Генрих подошел к бару и заказал виски с содовой. Лидер ШиРа насторожился. «Ну вот, пора действовать», — подумал он и подозвал официанта.

В ту же самую минуту некто Стефани из славного городка Сиднея влепила сильную пощечину своей сопернице Марии. Мария упала в бассейн, в котором жили кроважадные крокодилы. Стефани ликовала и с нетерпением ждала кровавой схватки.

ГЛАВА 5. БОРИС И ДОРОГОЙ ЭЛЬДАР

Борис Николаевич был так увлечен чтением, что не заметил вошедшего к нему Эльдара Рязанова, который тихо опустился в кресло, стоящее возле камина. Эльдар Александрович протянул руки к огню и закричал от удовольствия. Ельцин вздрогнул и понял, что в кабинете кто-то чужой. «Кто это? — подумал он. — Люди Зюганова или Шахрая?»

«Я это, Борис Николаевич», — покраснел создатель «Служебного романа».

— Дорогой Эльдар, это ты? — спросил президент, закрывая книгу.

— Я, Борис Николаевич! Феллини уже никогда здесь не появится, могу вас в этом уверить!

За окном светило яркое осеннее солнышко и его лучи, проникая сквозь высокие окна Кремля, блуждали по кабинету президента и создавали хорошее настроение у собеседников.

— Вот, Борис... Можно вас так называть?..

Ельцин кивнул.

— Пришел, Борь, снимать о тебе фильм.

— Боевик? — пошутил первый президент России.

Рязанов хмыкнул и скрестив ноги откинулся на спинку кресла.

— Боевиков сейчас хватает. Хотелось бы, чтобы получилось что-нибудь этакое...

— В стиле «Гаража»?

— Да нет, что-нибудь, понимаешь, неординарное... сам не знаю...

— Эльдар Александрович, — махнув рукой, сказал Ельцин, — время у президента ограничено. Так что, не тяни резину.

— Вы читали «Операцию «Шнапс»»? — вдруг спросил режиссер.

— «Шнапс»? — задумался Борис Николаевич. — Что-то подобное слышал. Но точно не помню...

— Это книга молодых неопытных авторов. Написана в стиле трагикомедии. Главный герой — один известный шпион...

— Шпионы бывают известными?

— Комедия, господин президент. Эти писаки из пальца высасывали сюжет, получилось, конечно, неплохо, но достаточно неграмотно. Однако, идея хорошая. Вот я и решил с вами посоветоваться...

— Так фильм не обо мне? — нахмурился Ельцин. — Я-то думал...

— Борь, ты не суетись, не суетись. Он и о тебе, и обо всех нас.

— Обо всех, значит — не обо мне. И баста!

— Ну можно подумать... грим, там подкрасить, здесь подделать...

— Я тебе что, манекен?!

— Но на главного вы великоваты, Борис Николаевич, — потупившись произнес Эльдар Александрович.

— Ладно, выкладывай детали.

— Ну, в общем, главный герой — разведчик. Его путь нелегок и тернист. Работа опасная. Но Максим Максимович...

— Максимович?

— ...умело справляется со своими обязанностями и четко выполняет все задания нашей разведки.

— Ну, на разведчика я не потяну...

В это время в дверь постучали и принесли кофе. Эльдар Александрович почти выхватил чашку с горячим напитком и залпом выпил половину ее содержимого.

«Волнуется!» — подумал президент.

«Конечно волнуюсь! Не каждый день встречаешься с руководителем партии и правительства!» — заметил про себя режиссер.

«Какой еще партии? Что он несет?»

«Это от волнения!» — Рязанов поставил чашку на стол и вслух сказал:

— Вот такой сюжет.

— Что-то мы ходим с тобой вокруг да около... Ближе к делу. Что ты от меня хочешь?

— Вашего сотрудничества.

Ельцин неохотно встал и подошел к камину. Огонь издавал приятный треск, пронизывая кабинет теплом. Борис Николаевич протянул к огню руки и приятно чихнул.

— Почему бы и нет? Когда съемки? В принципе против я ничего не имею.

— Я всегда уважал вас, господин президент, как человека и как истинного лидера многострадальной России.

— Да ладно тебе. Эпитеты оставим для мемуаров... Зачем третировать истину, когда надо работать!

— И я того же мнения, Борис Николаевич! — радостно протянул режиссер и, поклонившись, покорно вышел из кабинета.

ГЛАВА 6. БОЙНЯ НА КРАСНОЙ

А в ШиРе творился полный бардак. Трещали телефоны, копировальные аппараты печатали листовки, факсы изрыгали из себя рулоны с длинными посланиями. Сторонники движения с разбитыми физиономиями бегали из угла в угол и, суетясь, больно толкали друг друга.

— Да, ШиР. Какая в жопу демократия! У нас блок Штирлица! Ах вы не с нами, ну тогда, дорогой, вы против нас! А вас и не спрашивают! Можете и не голосовать. Мы вас потом найдем! — восторженно вещала разгневанная секретарша.

— Оксаночка, помягче. Это же все-таки наши избиратели, — проговорил молодой человек, похожий на Дмитрия Диброва с четвертого канала «Останкино».

— Дим, заканалы они меня. Сил нет никаких.

— Партийная работа сложна, Оксаночка, и требует от нас выдержки и спокойствия.

Но вдруг вбежал мужчина лет пятидесяти и нервно прокричал:

— Дим, камера в опасности, молодчики из коммунистов бьют наших!

— Где?

— Да хватит рассуждать! Собирай всех и к ГУМу.

Через минуту известный телерепортер с командой здоровых ребят рысью несся по Красной площади. Недалеко от исторического музея стояла толпа, вооруженная дубинками и ломками.

— Господа! — крикнул Дибров толпе. — Или вы сейчас же расходитесь и не мешаєте вести трансляцию или мы за себя не отвечаем. — Возбужденная толпа обернулась. Лица людей выражали зверство и решимость. Кто-то крикнул:

— Спокойно, товарищи! Нас больше! Окружаем их!

Штирлицевцы поняли, что их сейчас будут бить и поэтому отступили. Коммунисты организованно шли вперед. Прохожие останавливались и с любопытством ждали исхода схватки. Из окон Кремля высунулись спящие физиономии.

— Коммуняки! Ненавижу! — высокомерно воскликнул Дмитрий. — Братва, спокойнее! Помните, что их дни сочтены. — Широветы, продолжая отступать, уперлись в Собор Василия Блаженного. — За нами Россия, господа! С честью встретим этих придурков!

Началась бойня. Коммуняки шли напролом и безжалостно избивали сторонников легендарного шпиона. Но всех спас Дибров, проявив в схватке небывалую стойкость и мужество. Казалось, что этот человек всю свою жизнь занимался боксом. Его удары по толпе были профессиональными и слаженными. Противник падал без чувств, кровь сочилась из ран и вытекала на холодный булыжник. Воодушевленные таким примером почитатели ШиРа с воплем «Да здравствует Штирлиц!» цепью начали теснить наступающих. Из окон Кремля раздались радостные возгласы:

— Бей гадов! Бей стерву! Бей! Бей их! Молодец, Дибров!

Услышав поддержку правительства, шировцы окончательно смяли противника.

— Зачинщиков ко мне в кабинет! — торжественно кричал Дима. — Лежачих не трогать... По мозгам, по мозгам дайте вон той харе!

Драка утихла. Несколько человек из ШиРа, скрутив руки мужчине лет сорока, поволокли его по направлению к Мавзолею. Со стороны набережной показались милицейские машины. Дибров насторожился и, с неподдельным интересом посмотрев в их

сторону, исчез.

Солнце освещало кровь и избитые лица. Казалось, что огромное красное полотнище накрыло место сражения. Но куранты пробили двенадцать ударов и все стихло. Все любопытные расходились по своим делам. В ГУМе стояла длинная очередь в один из валютных отделов, с Тверской подтягивались богатые и не очень покупатели, со стороны Охотного ряда спешили на работу уличные торговцы. Москва жила своей жизнью и готовилась к выборам.

А крокодилы были все ближе и ближе. Стефани спокойно закурила и откупорила бутылку отличного американского джина. Мария захлебывалась и просила пощады.

ГЛАВА 7. СИЛА МОЛОДОЙ ПРИНЦЕССЫ

— Вот видите, Мартин Рейхстагович, как переменчивы ваши соплеменники! Я же вам говорил! Предупреждал! А вы не верили. — Люк Скайуокер упражнялся со световым мечом, стоя спиной к Борману. Принцесса Лея лежала на платиновой кушетке и что-то читала. — Нам еще тогда надо было что-то предпринять. Сейчас — поздно.

— Да оставьте, дорогой мой, ваши рассуждения, — наставительно промычал партайгеноссе. — Вы вечно все усложняете. По крайней мере, у нас осталась партия. Будем бороться.

— Ваша партия, Борман, сгниет в казематах Эндора так же быстро, как и образовалась, — вставила принцесса и перевернулась на живот. Люк посмотрел на ее взбитые ягодицы и сглотнул слюну. Мартин Рейхстагович последовал за ним.

За иллюминатором красовался огромный шар Эндора. По его орбите блуждали разноцветные точки. Где-то недалеко от спутника Фалкон неподвижно висела «Звезда смерти». Она испускала ослепительный красный свет и манила своим отражением.

Люк отложил меч и подошел к пульту. Откупорив бутылку гнива, он осушил ее и, повернувшись, сказал мечтательным голосом:

— Нам нужна «Звезда смерти». Если она будет наша, у коммунистов Татуина появятся больше сторонников...

— Это гибель, молодой джедай, — глухо сказал Борман, конфузясь. — И гибель для всей партии. Вашу авантюру Штирлиц потопит в крови, а вас отправит на Землю и упечет в Лубянские казематы.

Молодой Скайуокер сел за стол и обхватил свою голову руками. «Джедаи никогда не сдаются, — подумал он, леденя. — Победа или смерть!»

«Смерть, о молодой глупец!» — мысленно изрек рейхсляйтер.

— Сила женщины в ее Сути! — вдруг сказала Лея в горячности. — Я соблазню вашего Исаева и он будет подчиняться мне, как кролик удаву.

— А что, это мысль! — с невыразимой сладостью сказал любовник принцессы. — Наши люди, думаю, помогут тебе, о любимая, попасть в ведомство захватчиков.

— Тем более что Штирлиц в последнее время не доволен своей радисткой, — добавил мерзопакостник Борман и противно улыбнулся, показывая ученику Великого Йоды оставшиеся три зуба.

Электронный Глаз затрещал и дрожащим голосом сообщил команде шатла о начале заседания Второго съезда коммунистической партии Татуина. Борман что-то промычал, засуетился и торопливо вышел.

Скайуокер бросился к Лее. Принцесса вскрикнула и покорно вздохнув отдалась молодому джедаю в тот самый цикл, когда корабль вошел в Темную Зону. Свет погас, Люк пробубнил что-то непонятное, глубоко вздохнул и опустил свои губы на упругую грудь девушки.

ГЛАВА 8. ТАИНСТВЕННЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ

В воскресенье вечером восьмого декабря 1993 года в квартиру народного артиста России Кирилла Лаврова позвонили. К двери подошла Мария Петровна.

— Кто там?

— Откройте, пожалуйста! — поспешно ответил картавый голос.

— А кто вы?

— Откройте, узнаете, — стараясь быть спокойным, пролепетал тот же голос.

Мария Петровна немного помедлила, но потом решила открыть. Что-то знакомое было в голосе человека, стоящего за дверью.

— Кирилл, ты? — удивилась жена артиста, открыв дверь.

— Машенька, кто там? — поинтересовался Кирилл Лавров, выбегая из комнаты.

— Кирюша! Кирюша! Иди скорей сюда!

Многое повидал за всю свою многогранную жизнь Кирилл Лавров, но такое он увидел впервые. А удивиться было чему. На пороге стоял не кто-нибудь, а живой Владимир Ильич Ленин.

— Что, батеньки, не ждали? А я пришел! — сказал вождь мирового пролетариата. — Ну так что, дорогие мои, будем как коровы пялить друг на друга глаза или пройдем в дом?

Супруги Лавровы стояли неподвижно. Владимир Ильич решил не ждать приглашения и смело переступил через порог. «Интеллигентшки сраные! — равнодушно подумал вождь. — Совершенно не могут сдерживать своих чувств! Во все времена одинаковы. Ведут себя, как голубые после попойки!» — Ленин прикрыл за собой дверь и уверенной походкой направился на кухню.

— Мария Петровна, дорогушечка, сделайте нам с Кирюшей чаю. Разговор, думаю, будет долгим и...

— А откуда вы меня знаете?

— Расскажу позже. Товарищ Лавров, что вы там застряли? Идите скорее сюда. У меня к вам дело, — с ударением позвал товарищ Ленин.

Кирюша пришел в себя и, пройдя на кухню, сел за стол. Маша суетливо готовила чай. Старинные часы пробили шесть ударов. Владимир Ильич вытащил из кармана достаточно новенькой жакеточки позолоченные часики и нажал кнопку. Заиграла приятная мелодия, чем-то напоминающая известный сонг «Фаина». Володька улыбнулся и сказал восторженным голосом:

— Все точно. Транслятор меня не подвел. Ай да Бонч-Бруевич, ай да умница! Товарищ Лавров, что с вами?! Вы, батенька, мужайтесь! Я вам сейчас все объясню. — Ленин достал из внутреннего кармана пиджака блестящий предмет, разительно напоминающий портсигар и положил его на стол.

— Вы разве курите, Владимир Ильич? — поинтересовался Лавров.

Вождь хмыкнул и с любопытством посмотрел на артиста.

— Нет, батенька, не курил, не курю и курить не буду! Вот так!.. Марья Петровна, голубушка, поторопитесь, уж больно чаю хочется! А это, дорогой мой человечисце, транслятор. По-вашему, значит, времени машина. Изобретение революции и трудового народа России. А вот и чай! Вы знаете, больше всего люблю чай! А у вас! Это же не чай, это же аромат! Это вам не морковка в кипятке! — Владимир Ильич приятно рассмеялся, супруги

Лавровы неохотно последовали за ним. — Батеньки мои, да очнитесь же вы! Я это, я! Ну, Ленин! Ну, Ульянов! Что здесь особенного? Теперь к делу. Мне к вам посоветовал обратиться один товарищ из театра. Говорят, вы играли меня и довольно неплохо, — товарищ Ульянов поднес чашку к губам и отпил небольшой глоток. — Вот я и подумал, чего зря время терять! Пойду к Лаврову. Он объяснит, в какое это время попал вождь мирового пролетариата!

— Вам бы, Владимир Ильич, тогда бы лучше к Ульянову... Мише, — насморчным голосом заметил народный артист.

— Да был я у него. Мерзкий старик! Решил, что я это не я, а психопат! Хе-хе! Вот старикашка, вот учудил... Так что, дорогие мои, я с вами. Можете пощупать, потрогать, полапать. Я не в гриме... В полном вашем распоряжении и слушаю вас внимательно. Люблю слушать. Вы даже не представляете, как это прекрасно, послушать других!

«Ну и дела!» — краснея, подумала Мария Петровна.

«Во вляпались-то, Маша!» — сказал про себя Лавров тем же насморчным голосом.

«Это вам, батеньки мои, не хрен с перцем трескать, да чаем запивать! Вот такие дела...» — высокомерно прошептал Ленин и прищурил глазки, которые, как и в семнадцатом, были добрыми и ласковыми.

ГЛАВА 9. ГЕНРИХ ЭРНСТОВИЧ

— Да поймите же вы, Генрих Эрнстович, что это время мне необходимо как жизнь! — мягко прошептал Вальтер. — Вы же знаете Штирлица. А что если он вернется преждевременно? А блок, названный его именем занимается черти чем! Как по-вашему, что он сделает? Я уж не говорю про себя. Но если вы отказываете мне, значит вы против нас. То есть, против Исаева...

— Не знаю, не знаю. Такие вещи я один решать не могу.

— Да ладно тебе, Генрих, все же от тебя зависит! Кому нужны эти дурацкие мыльные оперы? Тебе еще спасибо скажут, да и мы в долгу не останемся.

— Что ты имеешь в виду?

— Сумма приличная и к тому же...

Подошел официант подозрительной наружности, в правой руке он держал поднос на котором стояла бутылка отличного французского вина.

— Ты заказывал? — кротко спросил Шелленберг у Кальтенбруннера. Тот покачал головой. — Это что?

— Подарок от господина, сидящего вон за тем столиком, — смутно молвил официант, показывая взглядом нужный столик.

Бывший шеф Штирлица присмотрелся и узнал в сидящем сильно постаревшего Адольфа Гитлера. «Вот, сволочь, уже здесь!» — подумал Шелленберг, а вслух нервно сказал:

— Отнесите это дерьмо обратно и передайте этому придурку, что истинные борцы в нацистских подачках не нуждаются.

— Будет-с сделано.

— А зря, хорошее вино, — протянул Генрих Эрнстович. — И дорогое, наверное.

— Да знаешь ли ты, от кого эта бутылка?

— Ну?

— От Гитлера!

Кальтенбрунер вздрогнул и страстно взглянул на бывшего главу Третьего Рейха. Фюрер аппетитно ел молодую жареную курицу и не обращал никакого внимания на окружающую его действительность. Генрих хотел уже было вскочить и крикнуть «Хайль!», но его вовремя прервал Шелленберг.

— Что ты! Сейчас совсем другое время.

— Слыханное ли дело! Фюрер в Москве!

— Да. Этот придурок возглавляет блок «Гитлер и Россия». Я догадываюсь о причинах, побудивших его пожрать в «Седьмом».

— Фантастика!

— Ну так что, Генрих?

— О'кей! Будет тебе время! — отозвался Кальтенбруннер. — Но с условием. Пусть твои орлы не залетают слишком высоко, Борька с Егоркой никогда не простят мне резких выступлений. Сам знаешь, я на этом посту недавно и в Магадан на старости лет меня что-то не тянет.

— Ни ссы, друг! Все будет в рамках! — восторженно заверил Вальтер, вытирая губы салфеткой. — Не залетят. Ты, деточка, нам нужен на свободе.

Шелленберг быстро ушел и поэтому не заметил, как к столику Кальтенбруннера подсел

Гитлер. Генрих Эрнстович в полголоса прошептал: «Хайль!» — и полностью подчинился этому дряхлеющему старику, во власти которого когда-то была судьба Европы.

Один из самых наглых аллигаторов уже открыл пасть. Нежное бедро Машеньки было поцарапано. Коварная Стефани потирала руки и ждала большей крови.

ГЛАВА 10. ПРИНЦЕССА И ОТТО ШТИРЛИЦ

На Эндоре шло строительство Хроногнизской атомной электростанции. Идея Штирлица притворялась в жизнь. На строительных площадках в основном работали враги Альфатагомы и члены их семей. «Демократия простит, — спокойно рассуждал Максим Максимович. — И потом, в конце-то концов, они для себя строят, так что здесь я чист. И горе тому, кто будет называть меня тираном!»

— Так значит, говоришь, что ты принцесса?

— Да, о великолепный! Лея я.

— Это значит, называть тебя надо «ваше высочество»?

— Да, о мудрый!

— Так это... — запнулся разведчик, — ты что же хочешь работать на меня?

— Да, о справедливый!

— Что ты разокалась? Отвечать надо проще: «Так точно!», «Есть, командор!». Поняла?

— Да, о великий!

Штирлиц грациозно сплюнул и подошел к девушке. Принцесса потупила глазки и начала дергать пальчиками. Максиму Максимовичу не понравились эти движения и он спросил сурово:

— Ты что, в кулинарном техникуме училась?

— Принцесса я, товарищ штандартенфюрер!

— Тогда не рыпайся! — Товарищ Исаев своей мужественной рукой провел по ее оголенному плечу. Лея вздрогнула и покраснела. «Быстро отдастся», — без особой грусти подумал Штирлиц. Молодых шлюх он любил со времен войны.

— Хорошо, дорогуша, будешь работать на меня.

Принцесса кивнула.

— Ты не смотри, что я старый. В постели ты меня узнаешь ближе, — заверил новоиспеченный вождь. — И чтоб не дергаться мне! А то у меня с такими как ты разговор короткий!

В дверь постучали. Штирлиц насторожился и грубо оттолкнул от себя девушку.

— Кто там? — осведомился он.

— Это я, Олби Ван.

— А-а, Бен Кеноби? Тебя я всегда рад видеть, проходи друг. — Старый Бен вошел и тут же торжественно встал на колени.

— Не губи жизнь мою грешную! — жалобно попросил он. — Не оставь сиротами детей моих малых, о Милосердный!

— Ну что там еще случилось? — сердито спросил разведчик.

— Ой, не губи!

— Слушай, ты, как там тебя... Ван. Или ты сейчас встанешь, или ляжешь...

В это время из двери, как из Мрака Забвения, вынырнула чья-то лысая башка.

— Все, Бен, снято! — прошептала она и поспешно удалилась.

Штирлиц услышал и поэтому был взбешен:

— Что значит, снято? Кого это сняли? Да я тебя сейчас повешу!

— Простите, товарищ штандартенфюрер, — испугался старый Бен. — Мы тут по вашей заявке кино снимаем, продолжение известного вам сериала.

Максим Максимович изменился в лице, голос стал мягче.

— Кино? Это хорошо! Но впредь, такие комедии мне не устраивайте! А что за фильм?

— «Звездные войны», часть восьмая — «Великий Штирлиц».

— Хорошее название, — великодушно похвалил Вождь.

— Стараемся...

«По зубам или по харе?» — мечтательно размышлял Штирлиц, держа в правой руке свой любимый кастет.

Олби Ван сгорбился и между пятым и семнадцатым мгновениями получил резкий удар по почкам. Полковник Тихонов спрятал кастет и небрежно отшвырнул ногой стонущее тело. Бывший адмирал, карабкаясь по стальному полу, жалко выползал из каюты Штирлица.

— Видишь, девочка, чем приходится заниматься во имя спасения нации.

Лея кокетливо подмигнула. Максим Максимович подошел к ней и нежно обнял за талию. Принцесса не сопротивлялась. Штирлиц завалил ее на роскошную кровать Вождя и осторожно выключил свет.

Млечный путь загадочно мерцал и притягивал к себе таинственной силой Великого Магистра блуждающие Галактики. Но Альфатагома была погружена во Мрак. Силы Разума отступили и предали когда-то могучую цивилизацию. Лиловый шар Эндора тускло сиял, лениво блуждая вокруг орбиты древнего Эроса, увозя за собой «Звезду смерти», на которой Максим Максимович творил развратные делишки с бывшей принцессой Татуина и нынешней радисткой «Зари коммунизма».

ГЛАВА 11. ШУТКА ПРЕМЬЕРА

Темнело. Борис Николаевич включил торшер. «Жаль, что не курю, — подумал он, потирая плечо. — Под эту книженцию хорошо бы крепкую сигару». Камин весело трещал. Принесли вечерний чай, куранты пробили десять ударов.

Примерно в 22.30 без стука вошел Гайдар (хотя некоторые историки западной ориентации утверждают, что это было в 22.31). Ельцин вздрогнул и поставил ногтем метку на недочитанной странице.

— Что вы так взъерошены, Егор Тимурович, что случилось? — Гайдар нервно махнул рукой и подошел к камину.

— Политическая шлюха ваш Кальтенбруннер, Борис Николаевич! Представляете, отдал все эфирное время Гитлеру и этому, как его... на подхалима похож... Таба... то есть, я хотел сказать, Шелленбергу.

— А конституция? — нахмурился президент.

— С ней все хорошо, — поспешил успокоить премьер. — А что делать мне? Моему блоку? И это за неделю до выборов! Дрянь!

— Успокойтесь, Егор Тимурович, что-нибудь придумаем...

Гайдар усмехнулся и открыл «Тимура».

— Можно заказать чайку? — сощурился, спросил он.

Ельцин кивнул и вызвал Руслана.

— Еще два чая, Руслан Имранович, и покрепче.

— И побыстрее! — вставил премьер. — Разжирели они тут у вас, Борис Николаевич, на государственных харчах! Ворье!

Хасбулатов вышел и уже через минуту принес чай. Гайдар недоверчиво посмотрел на большую чашку с дымящимся напитком и громко отпил несколько глотков.

— Ну что ты встал? Вали! — бросил он Руслану. — Борис Николаевич, тут идея появилась неплохая... Нет! Невозможно работать! Я же тебе сказал, пшел вон! Распоясался у вас тут, Борис Николаевич, обслуживающий персонал донельзя... Ну так вот. Ах, да! Идея... Идея — идея. Жрать хочется, черт...

— Гош, не тяни, — поторопил Ельцин.

— Ну так вот. Как нам преодолеть кризис в России быстро и без потерь? Как, Борис Николаевич?

— Реформы...

— Это один из методов, но есть и другой путь, представляете? Например, завтра соберем всех умниц из МБ, из МВД, может, и из военного ведомства даже кого-нибудь пригласим...

— Ой, да не тяни же ты! — крикнул Борис Николаевич, косясь на недочитанную страницу.

— Только не перебивайте. А то собьюсь или забуду. Ага! Ну, короче, объявляем войну США, предлог есть — Аляска.

Ельцин вздрогнул и расширил зрачки. Премьер невозмутимо продолжал:

— Ага! И группируем наши войска на Дальнем Востоке. Вот в штаны-то наложат... — потирая руки то ли от холода, то ли от радости, воскликнул Егор Тимурович. — И все. А через неделю сдаемся.

— Что значит сдаемся?

— Ну то и значит. Мы же не дураки воевать с Америкой. Капитулируем! Пусть захватывают. Россия — пятьдесят первый американский штат.

Ельцин протяжно зевнул и принялся за чай. За окном был сильный ветер. Город еще гудел, но постепенно утихал.

— Тут, знаешь, этот приходил...

— Шахрай?

— Да какой там Шахрай! Рязанов. Хочет фильм обо мне снимать. Ты бы помог ему, Гоша.

— А что за картина?

— Да так, про шпионов.

— Тогда и меня на роль! Иначе денег не дам.

— Да ты же ни в одну камеру не влезешь! — пошутил Борис Николаевич и громко рассмеялся. Гайдар последовал за ним. Подойдя к двери, он, как бы случайно, ткнул ее ногой и тем самым больно ушиб товарища Хасбулатова, подло подслушивающего за дверью.

— Борь, ну так что будем делать с телевидением? — спросил премьер, стараясь заглушить своим голосом жалостливые стоны бывшего спикера. — Пора, наконец, навести там порядок.

— А что ты у меня спрашиваешь? Я же тебе сказал, тебе надо, ты и наводи. У меня и так времени нет. — Ельцин взял «Штирлица», Гайдар — «Тимура». Так они и читали до тех пор, пока куранты не проббили три удара.

ГЛАВА 12. ГОСПОДИН ДИБРОВ И ТОВАРИЩ ИЛЬИЧ

В тот же вечер в мавзолее никто не спал. Вальтер Шелленберг проводил важное совещание.

— Дибров?

— Я!

— Вставать надо когда с начальством разговариваешь.

— Извините, Вальтер Вульфович! — затрепетал Дима.

— Молодцом, молодцом! — Шелленберг подошел к герою и с невыразимой сладостью похлопал его по щеке. — Каких сынов Россия наша матушка вырастила! Орлы! — почти пел бывший глава аппарата СД. — Все посмотрели на Диброва! Я сказал, все! Вот вы, гражданин...

— Я? — с неподдельной суровостью спросил молодой человек голосом Евгения Киселева.

— Да! Мать вашу! Тоже посмотрели! Никакой дисциплины! Вот приедет Штирлиц, он вам задаст!

Раздался телефонный звонок. Трубку сняла секретарша.

— Хорошо, — сказала она вежливым тоненьким голосом. — Хорошо, я передам. Вальтер Вульфович, будете разговаривать?

— Кто там? — небрежно бросил лидер ШиРа.

— Ленин Владимир Ильич, — просто сказала Оксана.

Все присутствующие подскочили на месте. Шелленберг спокойно взял трубку.

— Вальтер у аппарата.

— Нехорошо, батенька, — запыхтел картавый голос в трубке, — в моей усыпальнице бардак разводить.

— А кто такой Ленин? — обратившись к присутствующим, с интересом спросил Шелленберг.

— Позвольте, я поговорю? — просительно сказал журналист Дибров и подошел к телефону. — Владимир Ильич? Нет. Да... Ну конечно же... Ага, понял вас. Я? Дибров. Через «и». Да не еврей я! Русский. Казачьего рода... Ждем. С нетерпением ждем. — Дмитрий повесил трубку и почесал затылок. — Ну и дела, господа, похоже с живым Лениным разговаривал!

— Кто такой Ленин? — не унимался Вальтер.

— Вождь мирового пролетариата! — торжественно изрек Влад Листьев, сидевший рядом с Эллой Потускневшей.

— А может, псих какой? — предположил Александр Политковский.

— В том-то и дело, что не похож на психа, — с ударением заметил Дибров. — Господа, давайте подготовимся к встрече великого человека!

— Да рожу ему набить и за кордон! — охотно ввязываясь в разговор, предложил генерал Калугин. — Это ж коммуняка! Ненавижу...

Стефани решила продлить удовольствие и, застрелив самого наглого аллигатора, подошла к насосу и начала выкачивать воду из бассейна. Мария перевела дух. У нее появилась надежда. Стефани злорадно ухмылялась.

ГЛАВА 13. ВЛЮБЛЕННАЯ ПРИНЦЕССА

Многие цивилизации располагались на огромной Альфатагоме. Здесь были и кунны, и сперхи, и водные пуры. В хвосте этой мощной галактики жили вурдалаки. Но только татуинцы обладали Долей Страсти. Только этот народ Великий Магистр наградил Спайсом. И знал каждый татуинец, что только спайс из системы Вега позволяет заниматься любовью с кем угодно, когда угодно и как угодно. Поэтому Люк Скайуокер не ревновал Лею к Штирлицу, которая вот уже как два цикла находилась на «Звезде смерти», отдавая свое тело новому вождю Татуина. Молодой джедай с помощью Тайного Видения часто видел свою возлюбленную под подлым Исаевым. Скорее, не ревность, а злость и месть зрела в душе молодого Скайуокера. Циклы шли, а от принцессы не было никаких известий. «И Борман с этим съездом заколебал! — машинально подумал он. — Не Эндор, а цивилизация склисов!» Электронный Глаз сообщил о заседании Третьего съезда КПП и гениальном выступлении Бормана Мартина Рейхстаговича. Люк отпил гнива из грязного платинового стакана и закусил ароматным жареным склисом. Звездолет плавно вращался по орбите Эндора, следуя за «Звездой смерти», во власти которой была судьба цивилизации татуинцев.

Между тем, Лея, как девчонка, влюбилась в генерала Исаева и в один из вечеров, когда Штирлиц был занят просмотром фильма «Доживем до понедельника», покорно сказала:

— Макс, я — твоя! И прошу твоего согласия. Ты мой муж, а я, о жена твоя! О великий! Я буду с тобой всегда, где бы ты ни был, о милый мой! Я подарю тебе эту звезду! Нет! Я подарю тебе все звезды Альфатагомы! Отдайся, о любимый мой!

Максим Максимович отвел взгляд от экрана и приподнявшись, с недоверием посмотрел на принцессу.

— Занялась бы ты лучше, девочка, своими прямыми обязанностями. Что сообщает Центр?

Центр молчал.

— Макс, ты мне не веришь. Я знаю. Но ради любви я расскажу тебе все!

— Все?

— Да, о Стойкий!

Вождь подошел к Лее и с невыразимой любовью по-отечески поцеловал ее в губы. Принцесса вздрогнула и полностью рассказала штандартенфюреру СС о своем тайном задании.

ГЛАВА 14. БОРЬКА И ЕГОРКА

Борис Николаевич посмотрел на часы. Будильник, стоящий на тяжелом сейфе, показывал четыре утра. Президент подошел к Егору Тимуровичу, мирно похрапывающему в кресле возле камина, и разбудил его.

Премьер вскочил и протер глаза. Огонь в камине потух, было зябко, хотелось выпить чего-нибудь горяченького.

— Я подумал о вашем предложении, Егор Тимурович, — с невыразимой сладостью сказал Ельцин. — Думаю, что в этом есть смысл.

— Вы о чем? — устало спросил Гайдар. — Ах да! Война. Да это шутка, Борис Николаевич.

— Вот мы и посмеемся. Только к делу нужно подойти с умом.

— В смысле?

— Необходима партия, блок или что-то в этом роде. В общем, организация, которая взяла бы на себя ответственность в случае провала вашей авантюры.

— Резонно...

— Более того, — наставительно продолжал президент. — Мы, русские, как вы знаете, умны умом задним. Поэтому предлагаю все просчитать заранее. Ошибок быть не должно.

— В марте девяносто четвертого Москву с официальным визитом посетит Билл Клинтон.

— Вот тут-то мы его и сцапаем! — потирая руки, восторженно сказал Борис Николаевич. — Это хорошая идея.

— А я поговорю с ребятами из МБ.

— Хорошо. Россия — пятьдесят первый штат, а кто же тогда я? Какой пост предложит мне народ?

— Губернатора, господин президент.

— Вы так думаете? Это хорошо. Следовательно, вы мой заместитель.

Гайдар привстал и потянулся.

— А как же фильм? — участливо осведомился он.

— Глупый вопрос, — ответил Ельцин. — Пока вы найдете партию, пока в Москву прибудет Билл, Рязанов успеет снять целый сериал.

— Есть тут одна партия. ШиР. Слыхали?

— Интересно, продолжайте.

— Их представительство в бывшей усыпальнице... Но я не об этом. Ага! Заправляет делами у них некто Шелленберг. Человек глупый и безответственный. Настоящий их лидер в космосе.

— А, Штирлиц?

— Вы как всегда правы, господин президент.

— Ну что ж, хватит ему хреновиной в космосе заниматься. Вызывайте Алекса в Москву. Егор вышел, «Тимур», как всегда, последовал за ним. Борис Николаевич открыл второй том «Похождений» и улыбнулся. Через минуту принесли утренний кофе и зажгли камин. Комната наполнилась теплом и уютom.

Мария отчаянно бегала по безводному бассейну. Голодные крокодилы с ревом неслись за ней. Стефани спокойно наблюдала. На ее лице застыла улыбка садистки.

ГЛАВА 15. НОВЫЙ КАСТЕТ

— Я им устрою заговор! — страстно орал Штирлиц. — Мудачье! В тюрьге всех згною!

— Макс, Макс... — пищала Лея.

— Они меня о смерти умолять будут. Живьем в вакууме варить буду. — И Максим Максимович вызвал Айсмана. — Вот что, дружище, немедленно доставьте сюда Бормана и этого...

— Люка, — помогла принцесса.

— Да. Джедая! Я ему покажу Великую Силу!

Айсман вышел. Штирлиц скрежетал зубами и взвешивал в руке свой любимый кастет. В это же время затрещала рация. Лея подошла к аппарату, господин Исаев насторожился и убрал кастет.

«Юстас — Алексу.

Хватит заниматься хреновиной. Вы нужны Родине. Немедленно возвращайтесь на Землю. Экспедиция звездолета «Заря демократии» завершит начатую вами работу.

Юстас».

— Как это некстати, — проговорил вождь. — Ничего, подождем этих двух придурков. День, два ничего не решают.

— Я с тобой, любовь моя!

— Вижу.

— Я могу надеяться?

— Надежда, девочка, мой компас земной.

— Слышала, — согласилась принцесса Лея. — А вот удача — награда за смелость! Не так ли?

— Ты умна не по годам. Ладно, поедешь со мной. Но сначала я обстоятельно побеседую с твоим братцем.

— Дорогой, он попал под влияние этой толстой жирной свиньи...

— Разберемся! — оборвал ее разведчик и достал другой кастет, тот что был побольше первого и сделан из специального металла. — Ненавижу джедаев!

ГЛАВА 16. ВОЖДЬ И ЯЩИК ВИСКИ

Владимир Ильич шел по вечерней Москве. Опытный конспиратор тщательно перевязал голову белым платком и смущая прохожих отчаянно щелкал зубами. «Пусть думают, что зубы болят!» Город бурлил и суетился. В метро Ленина чуть не сшибли с эскалатора. И лишь «Счастливым случаем» помог избежать ему перелома правой части черепа. Мудрый революционер понял, что надо быть осторожным и взял такси.

— В мавзолей, — спокойно бросил он шоферу и уселся на заднее сидение.

— По счетчику? — равнодушно поинтересовался таксист и получив утвердительный ответ, включил зажигание.

К утру следующего дня Ленин был у цели. «Однако, разрослась Москва, — восхищенно подумал он, открывая дверцу.

— А бабки? — испугался водитель.

— Одну минутку, голубчик! Сейчас, товарищи, вам заплатят. Сколько там нужно?

— Около миллиона...

— Хорошо. — Ленин удалился в свою усыпальницу, откуда вышла возбужденная толпа. Впереди шел господин Дибров. В руках он держал небольшой ломик.

— Лимон, говоришь? — спокойно спросил Дима и с размаха нанес удар по лобовому стеклу. Остальные последовали его примеру. Таксист нажал на газ, мотор заурчал и через мгновение машина скрылась за Собором Блаженного. — А вы, то же мне подпольщик! Не видите, что он вас по окружной катает? — Дибров размял пальцы и передал ломик Жене Киселеву.

Владимир Ильич, подхваченный шировцами, был увлечен в мавзолей. Куранты пробили шесть ударов. У кинокамеры четвертого канала Останкино стояла группа развязных подростков и корчив физиономии, ругалась отборным русским матом.

— Как же вы к нам попали, Владимир Ильич? — начал свое интервью журналист Дибров.

Ленин оглядел присутствующих и остановил свой взгляд на саркофаге.

— А где же тело? — спросил он дрожащим голосом.

Взрыв смеха был ответом на вопрос. Элла Потускневшая принесла шампанское.

— За встречу! — воскликнула она торжественным голосом.

Штирлицевцы выпили. Дима подсел к вождю.

— И все-таки, Владимир Ильич, — не унимался он, — как?

— С помощью рабочего класса, — спокойно ответил Ильич и почесал за ухом. — Я уже Кирюше рассказывал. Вот это — транслятор. — Ленин положил позолоченную коробку на стол и сладко зевнул. — Изобретение Бонч-Бруевича. Но только в будущее... Прошлое неподвластно законом хроноса.

— Хронос? Где-то я уже слышал про это? — ввязываясь в разговор, произнес Влад Листьев.

— По-вашему, это машина времени, — стараясь быть спокойным, продолжал родоначальник диктатуры пролетариата. — Нажимаете кнопку, закрываете глаза и через мгновение вы в будущем.

— Фантастика! — рывкнул Вальтер Шелленберг, сидевший на высоком кресле в дальнем углу мавзолея. Но на него никто не обращал внимания.

Элла принесла «Смирноффскую». Шировцы выпили по стопке.

— Что ж мы теперь с ним делать будем? — в нетерпении спросил генерал Калугин, потирая руки.

— Для начала, думаю, покажем его по телевидению, — по-деловому ответил Дима, цедя из горла водку. — А там видно будет. Может и правительство заинтересуется.

— На хрена, Дим, он Гайдару сдался? — сощурясь, заметил Киселев. — Премьер же коммунык ненавидит!

— Не коммунык, а коммунистов, — поправил Владимир Ильич. — И вообще, что у вас здесь происходит?!

Потускневшая принесла ящик виски и раздала каждому по бутылке.

— Лавров рассказывал мне о перестройке, — наставительно продолжал вождь. — Это же, батеньки мои, черт знает что!

«Агитирует!» — подумал Дибров.

— Мы с товарищами делали революцию не для того, чтобы нынешнее поколение своим невежеством крушило общечеловеческие ценности. — Ленин открыл бутылку и выпрямившись, встал. Выдохнув, он через минуту осушил ее до основания. — Чего-нибудь закусить... — щелкая пальцами хрюкнул Ильич. — Остра! Остра, как самогоночка!

Кто-то поднес селедку.

— Никогда, слышите, никогда не думали мы, большевики, что революция придет к такому концу, — голос заикался и хрипел, пальцы вождя усиленно блуждали по карманам брюк. — Не для того я, батеньки мои, исписал столько бумаги...

— Господа, «Интернационал»? — воскликнул Дибров.

Все запели:

*Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов...*

Пьяные голоса протяжно тянули слова. Мавзолей гудел, привлекая к себе прохожих. Шировцы вышли на Красную площадь и прошли до Исторического музея. Впереди, обнявшись с Дибровым, шел Ленин. Из окон Кремля высунулась заспанная физиономия президента. «Опять бушуют! Ну, народ!» — подумал Борис Николаевич и сев в кресло, перевернул прочитанную страницу.

ГЛАВА 17. ПЕРЕД ВОЗВРАЩЕНИЕМ НА РОДИНУ

— Как же вы проглядели? — Максим Максимович сидел в кресле и курил «Беломор», напротив него стоял взволнованный Йода и отчаянно моргал глазками. — Вам доверили такой пост! А вы? Это же бунт! Это не лезет ни в какие ворота! Вы что, хотите вновь встретиться с пастором?

— Нет, о великий! Но вы же сами сказали, коммуняк не трогать!

— Да, сказал, — спокойно ответил Штирлиц. — Но это не означает, что надо терять бдительность!

— Но... — пролепетал Йода.

— Молчать, жаба! Ты своей шкурой ответишь за допущенные промахи!

— Готов понести самое суровое наказание.

— Я утром отъеду. Ненадолго. Неотложные дела на Земле.

Старый джедай облегченно вздохнул и затрепетал от радости.

— Я же сказал, не надолго. Смотри у меня, зеленая! Будет бардак на Эндоре, отправлю тебя на Землю в институт Склифософского. Нашим хирургам, ох как нужны подопытные жабы! — Разведчик нахмурился и загушил папиросу. — Ладно, ступай. Позови Айсмана и этих...

— А-а! Джедай! — воскликнул Штирлиц, подходя к Скайуокеру. — Бастовать?

— Тиран! — спокойно сказал молодой джедай ледяным голосом. Борман, стоящий рядом, машинально дернул его за рукав.

— Что-о? — зарычал Вождь как недорезанный кабан. — Да как ты, о мерзкий, смеешь?

— Смею...

— Ну ничего, я научу тебя родину любить! — Штирлиц подошел к молодому Скайуокеру и...

Борман же лишился последних трех зубов.

ГЛАВА 18. «ЖЕЛЕЗНЫЙ» БИЛЛ

Между тем Билл Клинтон после утренней пробежки по окрестностям Вашингтона принимал освежающий душ. С утренним кофе ему принесли свежие газеты. Взяв в руки «Вашингтон Пост», господин президент чуть не захлебнулся ароматным напитком. Заголовок на первой полосе гласил:

Война с русскими!

Почему молчит президент?

Клинтон дрожащей рукой нажал под столом кнопку и вызвал своего помощника.

— Почему я из газет, как последний дурак, узнаю о начале войны? — бешено вскричал он. — Да вы что, смеетесь надо мной? Немедленно найти всех и вся. Совещание сегодня же...

— Господин президент, для нас это тоже полная неожиданность. — растерянным голосом сказал глава ЦРУ Скот Джекобс. — Мы совсем недавно запрашивали наших агентов в России и...

— Свинья! — не стесняясь, закричал президент. — Грязная, немытая свинья! Кто еще?

— Мы виноваты, — краснея до слез не унимался Джекобс. — Но не все еще потеряно; войска русских только на подходе к границе.

— Я же вам сказал, что вы свинья! А что нам сообщит наш уважаемый министр обороны? — равнодушно задал вопрос Клинтон.

— Мы потрясены, — упавшим голосом сказал министр. — Кто бы мог подумать? Такие хорошие отношения и... Что я могу сказать? Ничего! Вот...

— Вы тоже свинья, — просто обронил президент. — Кто еще? Никого? Тогда скажу я: вы все свиньи! Грязные, немытые свиньи! Больше никто!

— Это все понятно, Билл! — смело сказал Джекобс. — Но что мне сказать парням из моего ведомства? Мы будем воевать?

— А вот что хочешь, то и говори! У меня нет слов!

ГЛАВА 19. СМЕХ ДО ПОБЕДЫ

— Классно мы их? Да? — заморгал глазками Егор Тимурович.

— Гощ, но мы же хотели взять Билла? — с английским акцентом воскликнул Ельцин.

— Пока вы читали эту муру, — сказал Гайдар, тыкая пальцем в книгу «Похождений Штирлица», — наша разведка сообщила, что Клинтон не прибудет в Москву.

— Да?

— Что-то разладилось там у них. — Премьер махнул рукой в неопределенную сторону и близко подошел к президенту. — Нам точно известно, — ехидно улыбаясь шепотом сказал он, — что Клинтона хватил инфаркт.

— Как это кстати...

— Я думаю, что он надолго запомнит место, где у русских раки зимуют.

Борис Николаевич отложил книгу в сторону и приятно расправился в кресле.

— А как с каналами прикрытия? — устало спросил Ельцин. — Как партия? На кого все свалить? Все ли готово?

— Штирлиц уже в Москве. Некто Ленин — тоже в курсе. Телевидение под нашим контролем. Две передачи по СНГ уже транслировались. Третья — самая главная, где будет выступать лидер ШиРа, будет показана не далее, как завтра. Так что, все о`кей!

— Это хорошо! — буркнул Ельцин. — А что народ? Не бунтуют ли народные массы?

— Нет, господин президент, народ занят своими делами. Ему, как всегда, не до этого.

— Это очень хорошо.

В дверь постучали. Гайдар отошел в сторону и неохотно открыл «Тимура».

— Борис Николаевич, к телефону! — сообщил Руслан.

— Если это Клинтон, то меня нет дома, — быстро сказал президент.

— Борис Николаевич, на проводе Рязанов.

— На каком проводе? Ах, да! Хорошо. Соедините... Да... Слушаю...

— Борис Николаевич, я из автомата звоню, вы меня покорно извините... — простонал голос в трубке.

— Что вы хотите?

— Как по поводу фильма «Похождения штандартенфюрера СС фон Штирлица»? — продолжал голос.

Ельцин прикрыл трубку ладонью и молча подозвал Гайдара.

— Егор Тимурович, поговорите с ним. Это Рязанов, вы его знаете, режиссер. Я не знаю что ему сказать. Аллеу? Вы слушаете? Ну так вот, с вами сейчас будет говорить премьер правительства России.

— Аллеу? Эльдар Александрович? Какой, извините за грубость, фильм? На дворе война!

— Да, но причем здесь кино? — удивился режиссер. — Воюйте себе на здоровье, а кино-то снимать надо. И тема отличная...

— Давайте сделаем так, — спокойно произнес премьер правительства России. — Мы отложим ваш вопрос на недельку. Хорошо? Но в любом случае — меня на роль!

— На недельку, так на недельку... До свидания, Егор Тимурович! А вообще, это черт знает, что! — мягко ругнулся Рязанов и повесил трубку.

Мария прижалась к углу бассейна и свалилась без чувств. Крокодилы наступали. Стефани начала закачивать воду.

ГЛАВА 20. «ВОСКРЕСЕНЬЕ СО МНОЙ»

Шелленберга Штирлиц нашел на телевидении. Вальтер был в туалете, когда туда спокойно вошел Максим Максимович. «Неужели опять будут бить?» — спросил сам у себя бывший шеф ШиРа.

Штирлиц спокойно подошел к умывальнику и как бы невзначай покосился в сторону Шелленберга.

— По-большому? — вежливо поинтересовался Отто.

Вальтер кивнул и отчаянно застучал зубами.

— Говорят, что тебя по телевидению показывали? Это хорошо. Сегодня я тоже выступаю. А вот тебе сейчас вмажу!

Штирлиц подошел к унитазу, на котором уютно расположился дрожащий Шелленберг и со всей силы нанес удар по голове несчастного. Старый соратник по общей борьбе закричал и безобразно провалился в толчок. Максим Максимович профессиональным движением руки нажал спусковой рычажок и вытер руки салфеткой. Послышался грохот, вода в бачке противно заурчала.

— Подмойся, друг! — сказал генерал Исаев, выходя из уборной. — Впредь, не будешь прикрываться моим именем.

— Господа! Приветствую вас на четвертом канале «Останкино»!..

— Простите, голубчик, «господа» это — вы. Я — товарищ, — поправил Владимир Ильич.

— Хорошо, хорошо! — небрежно сказал Дибров. — Уважаемые телезрители, мы благодарим вас, что вы остаетесь с нами! И вы не пожалеете об этом. Сегодня у нас в студии — сенсация века! — смотря в объектив телекамеры, торжественным голосом вещал Дима. — Я бы даже сказал: суперсенсация! К нам любезно согласился придти не кто-нибудь там... а штандартенфюрер СС фон Штирлиц. Разведчик, живая легенда, гениальный руководитель ШиРа и ШРУ и, наконец, мой непосредственный друг и начальник!

— Простите, ведь это же я — сенсация! — возмутился Ленин.

— Да помолчите же вы, Владимир Ильич. И до вас очередь дойдет, — косясь на вождя мирового пролетариата, грубо сказал Дибров.

Штирлиц взял чашку с кофе и закурил «Беломор». Стараясь показаться скромным, он мягко улыбнулся и отпил небольшой глоток.

— Уважаемые телезрители, — просто сказал он. — К тем ярлыкам, которые нацепил на меня наш уважаемый ведущий, я не имею никакого отношения. Я — простой человек...

— Максим Максимович недавно вернулся из космоса, где воевал с татуин...

— Я прошу вас не перебивать. Вы что? Ополоумели? — сухо произнес Штирлиц. — Вы еще скажете свое... Прежде всего, я хотел бы обратиться к нашим избирателям. — Генерал Исаев сделал невинное лицо и затушил папиросу. — Господа и товарищи! Голосуйте за мой блок! И покупайте только акции ШРУ! Помните, что только с помощью ШиРа Россия выиграет эту священную войну. Сегодня мы говорим: Кто не с нами, тот — против нас! А кто с нами, тот — за нас!

— Но когда же я, голубчик? — удивленно спросил Ленин.

— Ваше время истекло, то есть, я хотел сказать прошло. Так что сиди, лысый, и не рыпайся! — недовольно буркнул разведчик, даже не посмотрев в сторону вождя. — Наша

программа проста: Тушенки побольше! Болтовни поменьше! Голосуйте за ШиР! Все в ШиР! Покупайте акции ШРУ!

— Я сейчас пушу бегущую строку... Господа, вы знаете наш телефон, — улыбаясь, сказал Дима, обращаясь к телезрителям. — Максим Максимович постарается ответить на все интересующие вас вопросы.

В это время картинка сменилась и под классическую музыку на экране возникла голая женщина с выпирающими грудями. Через каждые три секунды рекламного времени она говорила с ударением в словах: «Зачем нам женщинам купальники? Пользуйтесь дневным кремом «Анкл-Бэнс»! Ведь он — продукция компании «Проктер энд Гамбл»!

— Вот такая реклама! — противно поморщился журналист Дибров. — Аллеу?.. Слушаем вас! Да... Четвертый канал... Здравствуйте!

— Телезрительница Сидоренко из деревни Замухлюевка.

— Приветствуем вас! — играя глазками, воскликнул Дима.

— У меня вопрос к товарищу Штирлицу.

Максим Максимович кивнул головой.

— Скажите, — продолжала телезрительница противным голосом, — а как вы относитесь к Юлиану Семенову? Это первый вопрос. А вот второй вопрос, тоже к товарищу Тих... Штирлицу. Простите, вы читали «Операцию «Шнапс»?

Штирлиц наморщил лоб и закурил.

— Кто такой Семенов, черт вас возьми? И что это за «Операция «Шнапс», мать вашу! — громко сказал разведчик. Если вы имеете ввиду эти дурацкие книги, то я со всей ответственностью хочу заявить, что никогда их не читал и читать эту гадость не буду. Я вам не литературный герой! Я — живой человек! Все в ШиР! Кто не с нами, тот — против нас!

Дима нажал кнопку на телефонном пульте и в студии раздался зловещий треск господина Кулебякина, сквозь который послышался тоненький голос:

— Товарищ Тихонов...

— Я не Тихонов, мать вашу! Я — штан-дар-тен-фю-рер СС фон Штир-лиц! — по слогам произнес легендарный шпион. — Они что, все с ума посходили? — Максим Максимович махнул рукой и нечаянно задел товарища Ленина, который мягко потупил глазки и с грохотом свалился со стула.

— Я хотел сказать: товарищ Штирлиц... — продолжал телезритель.

— Это уже ближе к телу, как говорил Мопассан! — пошутил генерал Исаев.

— Господин Штирлиц! Вот вы говорите, что мы выиграем войну, развязанную вашим блоком, только с помощью этого же блока. Так?

— Так... — спокойно ответил Штирлиц.

— Почему?

— Коммуняка что ли? — вступая в разговор, спросил Дима.

Голос хрюкнул, раздались короткие гудки.

— Далеко не уйдешь! Мы тебя из-под земли, сука, достанем! — пообещал штандартенфюрер. А вы тоже хороши! — похвалил он Диброва поддельным голосом. — Коммуняк — в эфир! Ненавижу!

— Да, господа, позвольте представить вам живого Ленина!

Владимир Ильич поперхнулся и показал телезрителям свои желтые и некрасивые зубы.

— Нет, господа, — продолжал Дима, — Это не какой-нибудь там псих из «пятнадцатой». Перед вами — живой вождь мирового пролетариата и трудового

крестьянства!.. Владимир Ильич, будьте так любезны... Вот это, господа, так называемый транслятор, с помощью которого товарищ Ленин прибыл к нам из Горок 1924 года.

— Все в ШиР! — вдруг перебил его Штирлиц. — Война до победного конца! На хер вам, господа, этот лысый вождь? Я — вождь!

— Нет, позвольте, Максим Максимович, что значит «на хер»? В конце-то концов, имею я право сказать рабочему классу несколько слов о...

Максим Максимович взял разгневанного товарища Ульянова за шкуру и качая тело, ловко кинул его в операторскую. Изображение погасло. Через минуту телезрители услышали голос Диброва:

— Господа! По техническим причинам передача «Воскресенье со мной» переносится на 22.00. Примите, господа, наши извинения...

ГЛАВА 21. РЕШАЮЩЕЕ СРАЖЕНИЕ

А на Аляске шли ожесточенные бои. Русские отчаянно наступали. Американцы с ужасом падали на снег, изрыгая пену и кровь. Российскими войсками командовал генерал Каталкин, американскими — попавший в немилость «железного» Билла, генерал Джекобс. Эти два человека были гениями войны, с каждым сражением доказывая свои способности в стратегии и тактике. Война для них была, скорее, работой, чем стихийным или каким-либо еще бедствием.

Решающее сражение, по соглашению главнокомандующих, было назначено на 23 февраля 1994 года.

В то утро генерал Каталкин стоял на плацу перед строем солдат и, глубоко вдыхая морозный воздух Аляски, громовым голосом кричал:

— Солдаты! Родина ждет от вас мужества и стойкости! Только победа! Сегодня вы, сыны России, будете сражаться во имя будущего нашей Родины! Так не посрамям же ее честь. Слава русскому воину — воину освободителю!

— Ура-а-а! — послышалось со всех сторон.

— Ура-а-а! — отчаянно орал генерал. — Слава нам! Слава! Вперед! Сокрушим янков!

Раздался мощный залп, возвещающий о начале боя. Первыми двинулись «молодцы» из подмосковного города Балашиха, за ними женский «подрывной» батальон. Танковая дивизия генерала Крышечникова наступала с левого фланга. С правого — галопом мчалась кавалерия подполковника Хромова. Сам же генерал Каталкин, с маузером в руках, спокойно шел впереди всей армии. Духовой оркестр, стоящий на снежном пике «Возмездия», зловеще играл пятую симфонию Бетховена.

— Ура-а-а! — орали солдаты.

Не ожидая такого натиска, янки драпали как зайцы на подмосковной охоте товарища Брежнева.

Господин Джекобс в тот же день связался с президентом по рации.

— Господин президент, — нервно говорил он, — мои парни полностью смяты. Бетховен их окончательно доконал. Я ухожу. Нет больше сил... Но моя честь уйдет вместе со мной. — Генерал достал свой именной револьвер, выпил немного виски и, приставив к виску холодный металл, нажал на спуск. Последовала осечка. Генерал повторил. Результат тот же.

— А-а, янки! — воскликнул Каталкин, вбегая в блиндаж. — Стреляться? Не позволю!

Револьвер выпал и господин Джекобс упал без сознания.

— Солдаты, — ухмыляясь, подозвал Каталкин, — хотите посмотреть на человека без чести? Вот он... Вот он, этот янки! Даже застрелиться по-человечески не смог...

ГЛАВА 22. ЗА ДЕНЬ ДО...

— Пора бы уже сдаваться, Егор Тимурович...

— Подождем еще немного. Все идет нормально.

— Вчера пришла телеграмма из ООН. Выражают протест. — глухо произнес Ельцин, косясь на недочитанную книгу.

— Подождем, — спокойно заверил Гайдар. — Каталкин уже на границе с Канадой.

— Ого! Куда залетел! — воскликнул президент. — А что народ?

— Чей? — с интересом спросил премьер.

— Ну как чей? Наш!

— Народу все до лампочки! Все голосуют за ШИР!

— Да?

— Ладно, завтра отступаем. Пусть гонят нас до Москвы.

Без стука вошел Руслан. Егор Тимурович отвернулся и медленно покачал головой.

— Борис Николаевич, на проводе господин Клинтон, — мягко сказал бывший спикер Верховного Совета России. — Он возмущен до крайности.

— Меня нет дома, я на даче, — спокойно бросил президент.

— Он звонил на дачу.

— Там нет телефона, — мягко вставил Гайдар, выпихивая Хасбулатова. — Черти что! Без стука входят!.. Ну да ладно... Завтра, Борь, все решится окончательно. Со своей стороны могу пообещать, что воодушевленные легкой победой, янки попрут через всю Сибирь!

Борис Николаевич страстно потер руки. Гайдар неохотно достал из книжного шкафа томик «Тимура».

А за окном перестал играть оркестр Ростроповича, «Сникерс» и «Марс» продавали уже по «бешеным» ценам. Куранты зловеще молчали.

...Стефани нещадно расстреливала крокодилов. Мария плавала в кровавой воде и с отчаяньем требовала милосердия. Неукротимая садистка медленно открывала дополнительную заслонку, за которой радостно плескались кровожадные касатки.

ГЛАВА 23. ОПЛЕУХА

— Максим Максимович, а помните, как мы с вами пили воронежскую самогоночку? — мягко спросил Владимир Ильич картавым голосом.

— Помню, — нехотя буркнул Штирлиц.

— А помните, как мы делали революцию?

— Помню, помню.

— А помните?..

— Да пошел ты, придурок лысый, с мировым именем! — грозно воскликнул Максим Максимович, доставая кастет.

— А вот этого не надо! Кастетов я, видите ли, с детства не люблю. Понял, товариш штандартенфюрер, понял! Я, батенька, очень понятливый!

— Дим, почему с нами вечно этот лысый? — неподдельно поинтересовался Штирлиц у журналиста Диброва, стучащего на пишущей машинке.

В мавзолее была удивительная тишина. Даже Шелленберг, от шума которого всегда был бардак, мирно храпел на бывшем ложе вождя.

— Макс, не кричи пожалуйста, люди спят! — прошептал Дима, косясь на бывшего шефа ШиРа. — Звонил Гайдар. Просил Ленина держать на привязи. Сам не знаю зачем.

— А-а! Ну тогда пусть живет! — понимающе кивнул Штирлиц и неохотно спрятал свой кастет; кастетов он не любил доставать просто так. Подойдя к Шелленбергу, он бережно накрыл его пластиковой крышкой. Вальтер что-то прошептал и покорно положил руки на живот. «Вот еще один вождь в саркофаге!» — подумал разведчик и тщательно привинтил крышку к основанию.

— Если я никому, товарищи, не нужен, то положите меня на место! Все равно настоящего тела там нет! Вот так! — неожиданно сказал Ленин тонко-картавым голосом.

— Я же попросил не орать! — грубо сказал Дибров. — Владимир Ильич, не беспокойтесь, вы еще понадобитсяе России!

— В войне я участвовать не буду, — резко отрезал вождь и обидчиво отвернулся.

— А тебя, ханырик, никто и спрашивать не будет! — Штирлиц как бы случайно врезал по уху господина Ульянова и мерным шагом вышел из офиса ШиРа. Вождь скорчился от боли и протяжно завыл. Дибров, подбежав к нему, сказал просто:

— Не то время щаз, товарищ Ульянов, можно ведь не только по уху, но и, извините, по харе схлопотать! Это же вам не институт благородных девиц, из которого вы командовали революцией. Это — Шир! А в ШиРе, кто не с нами, тот — против нас! Учужал, друг?

«Если бы я мог вернуться назад, — печально подумал Ленин, — то незамедлительно бы повесил товарища Бонч-Бруевича! Сволочь...»

ГЛАВА 24. ПРИКАЗАНО ИДТИ ВПЕРЕД!

«Железный» Билл пыхтел и отчаянно матерился. Господин Марк Иргенштейн — министр обороны, стоял рядом и чувствовал как у него бессовестно вянут уши.

— Я забросил физкультуру. Перестал читать газеты. Не хожу играть в хоккей. Кофе утренний не пью! И, вообще, весь на нервах! А вы? Вы, что делаете?

— Работаю, господин президент! — робко ответил Марк.

— Нет, вы не работаете, — не согласился с ним Клинтон, — а знаете почему?

— Почему? — с особенной страстью поинтересовался министр.

— Потому что вы — свинья! — не задумываясь ответил «железный» Билл.

Иргенштейн покраснел; уши и без того розовые последовали за ним.

Через минуту вошел сияющий от радости помощник президента.

— Господин президент! — громогласно воскликнул он. — Русские отступают! Наши войска...

— А что Джекобс?.. — потупившись спросил Билл.

— Он в плену у русских.

— Так ему и надо! Свинье — свинячья жизнь. Хотя русские это — первые из свиней!.. Так что вы говорите? Мы наступаем?

— Да, господин президент!

Марк подошел к сияющему парню и буквально выхватил у него листок бумаги с последними новостями с линии фронта.

— Ладно, парень, можешь идти, — ткнув пальцем, сказал министр. — И правда, хорошие новости! Аляска — снова наша! Заместитель генерала Джекобса ждет приказа о переходе границы русских.

— Ждет? — яростно воскликнул «железный» Билл стальным голосом. — Да они, что там у вас, совершенно освинели? Немедленно в бой! Победу будем праздновать в Москве. Я им устрою свинячью жизнь. Они у меня все еще заговорят по-английски. Pigs!

— Что вы заладили: свинья, да свинья! Как будто других слов нет! — уходя из кабинета обиделся розовый Марк.

— Потому что вы — главная свинота! — снимая тапок и кидая его вслед уходящему господину Иргенштейну прокричал Билл. — Вы все свиньи!.. Магда!.. Магда... Принеси чего-нибудь выпить! Не работа, а каторга!

А за окном толпились возмущенные американцы. В правительственной парке возле фонтана стоял двухметровый оратор, трезвонивший грозную речь против русских поработителей.

ГЛАВА 25. ЧИТАТЕЛИ

— Все читаете, Борис Николаевич?

— Читайте, Егор Тимурович!

ГЛАВА 26. ПИСАТЕЛИ

— Все пишете, Павел Николаевич?

— Пишу, Нестор Онуфриевич!

ГЛАВА 27. СТРЕЛОЧНИКИ

Случилось так, что когда читатели и писатели отмечали встречу в «Доме журналиста», что на Суворовском бульваре в Москве и пили шампанское, закусывая его «подарочным» тортом, в Кремле шло важное совещание.

— Господа! — сказал Ельцин. — Парламент выставил правительству ультиматум: Или война до победного конца, или президент в отставку, или одно из трех!.. Кто возьмет на себя ответственность и примет решение?.. Вот я смотрю, что господин Шахрай хочет взять слово...

— Я? — удивился Шахрай.

— Вы, вы. Встаньте, пожалуйста.

— Господа! — начал Шахрай. — Наш блок в Федеральном собрании имеет ничтожно малое количество голосов. ШиР — вот организация, которая должна ответить за развязанную войну и пропаганду насилия.

— Что? — воскликнул лидер ШиРа.

— Я прошу, Максим Максимович, не перебивать, — продолжал выступающий, — вы, в конце концов, не у себя в мавзолее. И непосредственную вину я бы возложил на господина Исаева — лидера этого блока с непонятной программой!

— А что скажет Егор Тимурович? — равнодушно сказал президент, как будто уже знал, о чем будет говорить премьер.

— В чем-то Шахрай прав. А в чем-то нет. Почему? Я отвечу! — Гайдар заговорил медленно, просто и хорошо. — Это прекрасно, что господин Шахрай ищет виновных. Можно было бы добавить, как я думаю, к их числу и господина Ульянова-Ленина, появившегося совсем недавно в столице. Но все это мелочь, господа. В стране чрезвычайное положение. Что делать правительству? Сражаться армией, которая уже давно не способна воевать? Или же капитулировать перед янки, но спасти Россию?

— Господин Шапошников, — сказал Борис Николаевич, обернувшись к министру обороны.

— Как это не было бы трудно мне сказать, — глухо произнес маршал, — но премьер, господа, прав. Армия устала. Продолжать войну, значит послать на смерть миллионы солдатских жизней! Родина нам этого никогда не простит!

— Господин Штирлиц.

— Господа! — мощным голосом сказал генерал Исаев. — Только победа! И победа до полного конца! Иных мнений быть не может. Не способна армия? Собрать добровольцев или студентов! Народ против войны? Не надо его спрашивать! Господа, только победа! Все в Шир!

— Ну я думаю, господа, что товарища Ленина мы слушать не будем! — мягко крикнул Борис Николаевич. — Всем известно, что нам может сообщить новоявленный вождь... Поэтому предлагаю... — Борис Николаевич покосился на Гайдара и нервно застучал по столу. — Поэтому предлагаю возложить ответственность за развязанную войну на террористический блок «ШиР» во главе с подполковником Тихоновым. А также на вождя мирового пролетариата господина Ульянова-Ленина. — Вождь, сидящий на низенькой кухонной табуретке в конце президентского стола заерзал и суетливо заморгал глазками. Штирлиц был спокоен как танк. — Это первое. Второе. Сдаться на милость врагу, но спасти

Россию. Тем более, как мне здесь правильно подсказывают, враг уже в Курске.

Несколько офицеров из генерального штаба застрелились на месте. На них никто, кроме товарища Ленина, не обратил внимания.

— Господа, это еще не все! Прошу тишины! — спокойно сказал президент, громко стукнув по столу. — Предлагаю, кроме этого, отправить так называемого вождя мирового пролетариата в пятнадцатую психиатрическую лечебницу города Москвы, дабы не смущал этот проказник народ российский!

— Правительство полностью поддерживает президента! — кротко сказал премьер и небрежно посмотрел на товарища Ленина.

Касатки сожрали несчастную Марию. Коварная Стефани, подпрыгнув от радости, поскользнулась и упала в бассейн. Ее вскоре настигло справедливая возмездие.

ГЛАВА 28. ПОСЛЕДНИЙ ШТРИХ

А господин Рязанов уже снимал свой фильм на новой киностудии «Мосфильм энд Голивуд ЛТД». На роль Штирлица был приглашен король российской комедии Игорь Угольников. Президента играл губернатор пятьдесят первого штата США Борис Николаевич Ельцин. К маю 1994 года фильм был снят. В считанные дни он стал мировым бестселлером, а в конце года режиссеру вручили «Оскар». Эльдар Александрович был очень доволен и отдыхал на Багамах...

За окном палило солнце и слушали американский гимн.

Губернатор штата Россия отошел от окна и взглянул на Егора Тимуровича, из последних сил дочитывающего «Тимура».

— Ну вот, господин вице-губернатор, теперь мы американцы! — без особой грусти сказал Борис Николаевич и с размаху плюхнулся в кресло.

Гайдар невольно отвел взгляд и щурясь от яркого света, сказал просто:

— А помните, как мы с вами, Борис Николаевич, в девяносто четвертом головы ломали: как это нам обустроить Россию! А сейчас! Нет вы только взгляните! Люди довольны всем! Зарплата в баксах! У каждого автомобиль! Чего еще надо России? Могу вам, господин губернатор, с уверенностью сказать, что теперича мы уж точно в историю попадем!

— Так, — спокойно произнес губернатор.

— Теперь и парадом можно покомандовать!

— Парадом?

— Именно. В честь воссоединения России и Америки.

— Хм... А вот чем занимается сейчас господин Штирлиц? — неожиданно для себя спросил Борис Николаевич.

— Думаю, что в ближайшее время он в новых заданиях нуждаться не будет, — ответил Гайдар как всегда просто и хорошо. — Разве что в будущем. Но будущее России — далеко и не доступно нашему восприятию.

А за окном палило солнце и слушали американский гимн.

**Книга девятая. ШТИРЛИЦ, ИЛИ ВПЕРЕД В
ПРОШЛОЕ**

ПРОЛОГ

За иллюминатором космической станции летали мелкие метеориты и звездолеты охраны. Его светлость наместник Великого Императора в Западном Секторе герцог Элеонор фон Брамс отвернулся от иллюминатора и спросил:

— Вы все еще граф?

— Да, ваша светлость, — покорно ответил начальник Отдела Безопасности граф Джон де Крет.

— У вас не будет порции глюкерины?

Джон де Крет вздохнул и протянул ему запаянную капсулу. Наместник достал из обшитою черным бархатом ящичка шприц и ввел себе в шею порцию наркотика. Через минуту блаженная улыбка появилась на его напудренном лице, и он спросил:

— Значит, в Области Тройной Звезды порядок еще не наведен?

Шеф Отдела Безопасности почтительно поклонился и горестно сообщил:

— Да, ваша светлость. То есть, нет, ваша светлость! С тех пор, как Область Тройной Звезды объявила об отделении от Великой Империи, мы послали туда десять звездолетов. Но они, судя по всему, изобрели какое-то новое оружие, и уничтожили наши звездолеты так быстро, что те даже не успели передать нам сообщение об этом!

— Вот ведь, вошь твою... — задумчиво произнес фон Брамс.

— Затем, — продолжал де Крет, — мы послали туда двадцать четыре секретных супер-агента, но и их быстро разоблачили.

Стоящий рядом с де Кретом ректор Разведывательной Академии граф Цитрамон уточнил:

— Трех повесили, четверых расстреляли, двоих распылили на атомы, судьба остальных пока неизвестна. Но, я думаю, она такова, что им не позавидуешь.

— Так-с, — протянул наместник и грозно нахмурил брови. — И что же, ни один из ваших хваленых супер-агентов ничего не смог разведать об этом новом оружии?

— Ваша светлость! Вы наверняка знаете, что для создания из обычного человека супер-агента ему вживляется в мозг специальная микросхема, с помощью которой в десятки раз увеличиваются возможности человеческого тела, такие как реакция, зрение, слух!

— Вы мне тут лекции не читайте! — заорал фон Брамс. — Как будто я без вас этого не знаю!

— Да, ваша светлость! — де Крет опять поклонился. — Но службы безопасности Тройной Звезды, видимо, научились определять наличие у человека такой микросхемы, хотя как они это делают, не представляю! Но они раскрывают наших лучших агентов одного за другим.

— Так пошлите агента без микросхемы!

— Увы! — развел руками де Крет. — У нас таких нет, так как микросхемы вживляются сразу на первом курсе Разведывательной Академии.

— Пардон, — влез в разговор Цитрамон. — Один курсант с первого курса без микросхемы есть!

— Это кто же?

Граф Цитрамон достал из кармана список и, пролистав, выдал:

— Агент Купер! В то время, как всем курсантам вживляли микросхемы, Купер сломал

ногу и лежал в больнице.

— Отлично! — воскликнул наместник. — Вот его и пошлите!

— Но, ваша светлость, — возразил де Крет. — Купер пока не супер-агент! Ведь он всего лишь первокурсник... Да и что за агент без микросхемы? Он и пистолет-то достать не успеет, как его убьют. И фотографировать глазами он не сможет, и нужный разговор записать...

— То есть, вы хотите мне сказать, что мы не можем никаким образом повлиять на события? Значит, по-вашему, я должен прийти к Великому Императору и сказать, так мол и так, ваше величество, но наша армия не в состоянии завоевать Тройную Звезду из-за их нового оружия, а наша разведка не в состоянии выкрасть это оружие из-за собственной некомпетенции?

Де Крет и Цитрамон смущенно молчали.

Наместник прошелся по кабинету из угла в угол. И вдруг остановился перед графом Цитрамоном.

— Граф, — спросил фон Брамс, — на днях в туалете вы рассказывали де Крету анекдот?

— О, да! Шикарный анекдот! — отозвался Цитрамон. — Но как вы узнали?

— У меня тоже есть свои источники информации. Я сидел в соседней кабинке.

— Понимаю, — Цитрамон подобострастно хихикнул. — Это старинный анекдот, из тех что ходят по Академии. Там, знаете ли, идет Штирлиц по коридору...

— Черт возьми, Цитрамон! Я уже слышал этот анекдот! Знаете ли вы, кто такой этот Штирлиц?

— Ну, — замялся граф. — По-моему, это какой-то супер-агент, разведчик, работавший веков этак десять назад...

— А понимает ли ваша дурная голова, что он-то нам как раз и нужен?

— Зачем? — оторопел граф Цитрамон.

— Вставляли тогда разведчикам микросхемы?

— Сомневаюсь, ваша светлость. Тогда и звездолетов-то еще не было...

— Тогда почему бы нам не пригласить господина Штирлица и не послать его на Тройную Звезду?

— Но, ваша светлость, — промямлил де Крет. — Штирлиц, как бы это помягче сказать, немножко умер...

— Дебил! Я это уже понял! Я имею ввиду, что для нас это уже не проблема. У нас ведь есть в активе изобретение профессора Швацца!

Де Крет и Цитрамон переглянулись.

— Профессор Швацц! О! — в один голос воскликнули они.

Было от чего воскликнуть. Совсем недавно умный профессор Швацц изобрел способ оживлять давно умерших людей. Для этого ему было достаточно всего лишь горсточки праха от того человека!

— Оживление — это очень дорого, — осторожно произнес де Крет. — При этом потребляется масса энергии. Кто за нее будет платить?

— Мы, конечно! — сказал Наместник. — Кто же еще? А иначе, если мы не завоюем Тройную Звезду, со своих мест полетите и вы, и я. А может, и наши головы полетят! Великий Император шутить не будет!

— Вы правы, — склонил голову граф де Крет. — Но где мы найдем прах Штирлица?

— Люди тогда жили всего на одной планете, — сказал фон Брамс. — Неужели так

трудно будет отыскать следы человека, о котором до сих пор ходят анекдоты?

— Но...

— Никаких «но»! — в ярости закричал наместник Великого Императора. — Или вы найдете этого долбанного Штирлица, или я прикажу вас бросить в мешок с зубастыми живоглотами с планеты Чмо!

— Есть! — козырнули де Крет и Цитрамон и, повернувшись на каблуках, вышли из кабинета наместника.

— Ни у кого мозгов не хватает, — проворчал фон Брамс, подходя к аквариуму и кидая золотым рыбкам маленьких белых червяков, которых рыбки начали весело пожирать. — Обо всем надо думать самому!

Наместник подошел к иллюминатору. За иллюминатором все так же летали мелкие метеориты и кружили звездолеты охраны.

ГЛАВА 1. ВСЕМ НУЖЕН ШТИРЛИЦ

Штирлиц очнулся в большой белой комнате. С минуту он лежал с закрытыми глазами и прислушивался. В комнате никого не было. Тогда русский разведчик осторожно приоткрыл один глаз и осмотрелся.

«Где я? — подумал он. — У русских или у немцев?»

Ничто из окружающей обстановки на это не указывало. Ясно, что он в больнице. Но как он сюда попал? Штирлиц широко открыл оба глаза и присел на кровати.

«Ничего не помню, — признал он. — Что случилось? Автомобильная катастрофа? Кирпич на голову? Выстрел из-за угла?»

Разведчик ощупал свое тело. Лишних дырок не было, руки-ноги не сломаны.

За дверью слышались чьи-то шаги. Штирлиц откинулся на кровати и притворился спящим, поглядывая из-под полуопущенных век на дверь.

В комнату вошли двое. Один из них был высоким молодым человеком, с накаченными мускулами и темными пронизательными глазами. Черные волосы этого парня были тщательно уложены и блестели, как после душа. Штирлиц так и не смог определить его национальность. На русского вроде не похож, на немца тоже. Второй был гораздо старше. Его почти лысая голова с редкими остатками рыжей растительности поблескивала в свете лампы, а лицо показалось Штирлицу смутно знакомым.

«Где-то я видел эту рожу, — подумал разведчик. — Но вот где, когда и зачем?»

— Штирлиц! Вставайте! — позвал лысый.

«Немцы, — решил Штирлиц. — Русские назвали бы Исаевым».

Он бодро вскочил и вскинул руку в приветствии, привычно выпучив глаза.

— Хайль Гитлер!

И вдруг осознал, что слово «вставайте» было произнесено однозначно по-русски.

— Насчет «Хайль Гитлер» я пошутил, — быстро сказал Штирлиц, широко улыбнувшись, чтобы окружающие правильно оценили его тонкий советский юмор.

— Моя фамилия — профессор Швацц, — молвил лысый. — А это — специальный агент Купер.

«Швацц и Купер — это не русские фамилии, — подумал Штирлиц. — Может, я попал к союзникам?»

— Как поживает президент? — доброжелательно осведомился он.

— Какой-то он не крутой, — заметил агент Купер профессору.

— Не торопите события, — профессор взял Штирлица за руку и пощупал пульс. — У него отходняк.

— Отходняк? — недоверчиво переспросил Штирлиц. — Неужели я так вчера перебрал?

— Вчера! — хмыкнул Купер разочарованно.

Этот древний супер-агент, о котором в Академии ходили легенды, явно в подметки не годится даже нынешнему мелкому агенту из службы прикрытия. Уж больно тупой!

Профессор Швацц радостно хихикнул.

— Вы в будущем, господин штандартенфюрер, — сказал он. — Вернее, это для вас будущее, а для нас, естественно, настоящее. У себя там в двадцатом веке вы мирно скончались, а мы вас оживили и слегка омолодили! Пришлось здорово попотеть. Представьте, сколько человеческих существ жили и умерли на Земле. Но мы вас быстро

нашли.

— Вот как? — осторожно обронил Штирлиц, соображая, в чем тут подвох.

— Дело в том, что вас захоронили в стене одного древнего замка... И что самое удивительное, обломок от этой красной стены, где, кстати сказать, и находился ваш прах, был выставлен как экспонат в Музее Истории Земли. Так что, это просто судьба!

Профессор Швац победно улыбнулся, не упоминая, что сотрудники де Крета и Цитрамона целый месяц копались в архивах и летали туда-сюда на звездолетах, разыскивая Штирлица.

— Значит, я сейчас в будущем?

— В очень отдаленном.

— И какой сейчас у нас век?

— Тридцатый.

— И что, вы любого можете так оживить?

— Любого, — кивнул Швац. — Мое открытие в этом смысле глобально. Но вы — наш первый опыт на человеке!

— Что же вы меня-то оживили? — удивился Штирлиц. — Ведь есть столько гораздо более достойных людей! Ленин, например...

— Кто такой Ленин? — спросил Швац и недоуменно переглянулся с агентом Купером.

— Вождь мирового пролетариата, — заученно ответил Штирлиц.

— Вождь у нас уже есть. Это наш любимый Великий Император, так что никакой Ленин нам не нужен! А вот вы нам нужны. Одевайтесь, господин Штирлиц, вас ждут!

Швац протянул Штирлицу блестящий комбинезон, такой же, какой был и у агента Купера, и у самого профессора Шваца. Русский разведчик облачился в комбинезон и вопросительно посмотрел на профессора.

— Пойдемте, — сказал Швац и первым вышел из комнаты.

Они прошли по длинному коридору, тускло освещенному непонятно откуда исходящим светом. То слева, то справа встречались двери с табличками на неизвестном Штирлицу языке. Это живо напомнило ему коридоры Рейха, украшенные такими же табличками. Правда, в Рейхе через каждые десять шагов стояли часовые, отдающие честь господину штандартенфюреру...

Профессор Швац остановился перед одной из дверей, наиболее массивной, красиво обитой темно-коричневой кожей. Швац пригладил ладонью остатки волос и решительно вошел. Штирлиц и Купер последовали за ним. Бывший русский разведчик заметил, что Купер и Швац заметно волнуются.

«Предстоит встреча на высшем уровне, — предположил Штирлиц. — Сейчас посмотрим на местного фюрера».

— У себя? — шепотом спросил Швац у молоденькой длинноногой секретарши. Штирлиц про себя усмехнулся, подумав, что эта девица понравилась бы его приятелю Борману, который коллекционировал секретарш.

Секретарша нажала на кнопку, на стене засветился экран. С экрана на вошедших глянуло холеное лицо герцога фон Брамса.

— Ваша светлость! — тоненьким голоском молвила секретарша. — К вам профессор Швац, и с ним еще два господина.

— Впустите! — разрешил фон Брамс.

Секретарша нажала еще одну кнопку и томно повела рукой в сторону распахнувшейся

двери.

Войдя в просторный кабинет, украшенный звездными картами, макетами звездолетов и планетных систем, Швацц и Купер поклонились господину Наместнику, а Штирлиц, незнакомый с принятым в этих краях этикетом, остановился перед его светлостью и протянул для пожатия свою сильную руку. Фон Брамс был либерал и пожал руку Штирлица. Такая честь поразила Швацца и Купера до глубины души. У профессора отвалилась челюсть, а Купер с завистью подумал: «Нет, он все-таки крутой!»

— Штандартенфюрер СС Макс Отто фон Штирлиц, а также полковник ГРУ Максим Максимович Исаев! — громко отчеканил Штирлиц. — С кем имею честь?

— Наместник Великого Императора герцог фон Брамс, — отозвался Наместник.

— А! Брамс! Как же, как же, помню! Это вы сочинили — «тыц-тыц, тыц-тыц-тыц»!.. — напел Штирлиц, усаживаясь в кресло.

— Не думаю, — доброжелательно ответил Наместник. Непосредственность этого человека из прошлого ему импонировала, не то что подобострастие местных придворных.

— Вы нам нужны для важного дела! — произнес герцог.

— Всем нужен Штирлиц, и всегда для важного дела, — кивнул разведчик. — Но о делах я говорю только после кофе... Я уже тысячу лет не пил кофе, надеюсь, оно еще не перевелось?

— Не перевелось, — улыбнулся фон Брамс и нажал на своем столе кнопку с надписью «Кофе».

ГЛАВА 2. КАК ВСЕГДА, ОСОБО ВАЖНОЕ ЗАДАНИЕ

После аудиенции Штирлица проводили в отведенные ему апартаменты. Швацц удалился по своим делам, а агент Купер остался для обсуждения нового задания.

— Хороший мужик этот фон Брамс! — сказал Штирлиц, окидывая взглядом роскошную обстановку. — Почти как Гитлер. И даже почти как Сталин. Только без усов.

Купер, зная, что в комнате запрятано около сотни подглядывающих и подслушивающих устройств, тактично хмыкнул.

Штирлиц уселся на мягкий диван и попрыгал на нем.

— Купер! — позвал он. — А у вас тут в будущем пиво есть?

— Есть, господин штандартенфюрер.

— Зови меня просто Штирлиц, — разрешил разведчик. — Раз нам вместе работать над этим опасным делом, не будем формалистами! Сгоняй-ка, дружок, за пивом! Бутылок десять на первое время мне хватит.

Купер подошел к большому, отсвечивающему синевой, агрегату, стоящему в углу, и набрал на клавиатуре пару слов. На агрегате откинулась крышка, как у духовки, и на поднос выкатились десять бутылок пива.

— Так просто! — поразился Штирлиц. — И денег не надо платить? Тогда закажи еще с десяточек!

Агент Купер пожал плечами и повторил заказ. Штирлиц о край стола откупорил бутылку и, приложившись к горлышку, выпил ее до дна. Пиво было холодным и вкусным. Хуже, конечно, чем в Германии, но вполне приемлемо.

— Это устройство называется «синтезатор», — объяснил Купер. — Набираете вот тут, что вам надо, и через секунду готово.

— Класс! — восхитился Штирлиц и протянул бутылку Куперу. — Угощайся.

— Я не пью.

— Да не стесняйся, у меня еще есть!

— Агентам запрещено употреблять спиртные напитки, курить и принимать наркотики, — холодно ответил Купер.

— Кстати, хорошо, что напомнил! — Штирлиц вскочил и, подойдя к синтезатору, набрал слово «Беломор».

Синтезатор, естественно, не реагировал.

— Купер! — позвал Штирлиц. — Эта железяка не хочет работать! Как заказать пачку папирос?

— Штирлиц, вы агент Империи, вам тоже нельзя курить!

— Купер, ты не моя мама, мать твою, и не пионервожатая в школе, чтобы читать мне нотации! Вообще, — вскипел Штирлиц, — кто ты такой? Фон Брамс, насколько я помню, сказал, что ты — мой помощник! Следовательно, черт побери, я — твой начальник! Хочу курить! Ясно? Это приказ!

«Осел какой-то, — обиженно подумал агент Купер, набирая на клавиатуре заказ. — Нет, он не крутой! Пропаду я с ним на Тройной Звезде...»

Получив от Купера пачку сигарет, русский разведчик закурил. Местный табак был просто отвратителен, но чтобы показать этому молокососу, кто здесь главный, Штирлиц

мужественно выкурил сигарету до конца и закурил другую.

Десять минут прошли в молчании. Наконец, Штирлиц не выдержал и спросил:

— Значит, на этой Тройной Звезде запросто раскрывают ваших агентов?

— Да, — отозвался Купер. — Хотя даже профессор Швацц не может додуматься, как они это делают. Ведь микросхема в голове супер-агента сделана из специального биоматериала, ее никаким рентгеном не обнаружишь!

— И что, все агенты схвачены, явки провалены?

Купер кивнул.

— Как мне это знакомо, — молвил Штирлиц, открывая шестую бутылку. — Вам тут не приходило в голову, что у вас завелся стукачок?

— Кто-кто?

— Ну, такая сволочь, которая стучит?

— Дятел?

— Да нет же! Такой предатель Родины, враг народа, шпионская морда, одним словом, который передает врагам все, что вы тут задумали!

Купер опешил. Такое, действительно, никому в голову не приходило.

— Извините, господин штандартенфюрер, мне надо выйти для доклада! — воскликнул он и бросился к начальству.

Подобно ветру несясь по коридору, агент Купер думал о Штирлице: «Крутой!»

Граф де Крет, начальник Отдела Безопасности, при сообщении Купера так и сел.

— Стукач? Их шпион в нашей структуре! Как же мы раньше не подумали? Очень хорошо, Купер. Мы выявим список тех, кто знал об отправке супер-агентов на Тройную Звезду, и вычислим гада! А сейчас надо как можно быстрее отправить вас со Штирлицем, пока никто, кроме меня, Швацца, графа Цитрамона и его светлости, не знает про вашу миссию!

— Есть! — козырнул Купер.

— Запомните, — веско сказал де Крет, — если вы вернетесь с чертежами нового оружия, вам будет досрочно присвоено звание лейтенанта супер-агентов!

— Служу Великой Империи!

— Идите, Купер. Вам еще надо обучить Штирлица пользоваться нашим оружием. Хотя, конечно, основная его сила не в пистолете, а в голове. В чем мы только что убедились! Идите, агент Купер.

Штирлиц, развалившись на диване, беззаботно допивал последнюю бутылку.

— Господин штандартенфюрер, — влетел в комнату агент Купер. — Вам надо освоить наше самое современное оружие, и пора лететь на Тройную Звезду, пока об этом не пронюхал вражеский стукач.

— Надо, так надо, — равнодушно бросил Штирлиц.

— Нас ждет особо важное задание!

Штирлиц поставил пустую бутылку на стол и небрежно заметил:

— Штирлица, сынок, для других заданий не вызывают!

ГЛАВА 3. НОСТАЛЬГИЯ

Около двух часов агент Купер объяснял Штирлицу устройство орудий уничтожения. Новых видов оружия за десять веков накопилось предостаточно, и Штирлиц заскучал уже на восьмизарядном биохлопмугаторе, который делал какую-то хренотню с неизвестными русскому разведчику биологическими организмами. Пока Купер читал свою лекцию, Штирлиц вспомнил родную Землю, ее леса с могучими вечнозелеными елями, под которыми бегают разные ежики, голубые реки, в глубинах которых плавают многочисленные рыбы, такие вкусные с пивом...

«Широка страна моя родная!». — вертелось у Штирлица в голове.

Русский разведчик очнулся от своих мыслей и, дабы у Купера создалось впечатление, что Штирлиц его внимательно слушает, потянулся и взял в руки очередной экземпляр оружия.

— О, кастет! — сказал он, надевая кастет. — Знакомая штука. Только слишком легкая. Кастет, Купер, должен быть поувесистей. Я его обычно отливал из свинца. Как дашь таким в морду, так больше и не надо!

— Это не кастет, как вы изволили выразиться, — возразил агент Купер. — Это лазерный меч. Надели вы его правильно, а теперь, если слегка сжать указательный палец, вот отсюда появится лазерный луч, при помощи которого можно разрезать даже бетонную стену.

Штирлиц слегка сжал указательный палец. Из едва заметного отверстия кастета вырвался ярко-желтый луч, который чуть было не разрезал агента Купера пополам, но ловкий Купер спасся тем, что, отшатнувшись, упал вместе со стулом.

— Осторожнее, Штирлиц! — воскликнул он, вскакивая и загораживаясь стулом.

— Хорошая штука, — одобрил русский разведчик и повел мечом вправо. Желтый луч проехался по стоящему у стены шкафу, верхняя половина шкафа покачнулась и медленно рухнула на пол. Из шкафа посыпались разные вещи. — Класс!

— Штирлиц! — завопил Купер. — Выключите меч! Иначе вы все здесь порушите!

Штирлиц с сожалением отжал палец, луч исчез. Покрутив кастет в руках, он как бы случайно сунул его в карман.

Купер перевел дух.

— Вы с ума сошли! — сообщил он.

— Да брось ты, Купер, — добродушно молвил русский разведчик. — Ну, разрежали шкаф, подумаешь! Эх, как мне пригодилась бы такая штучка на Земле году этак в сорок третьем!

«Ну и урод! — в сердцах подумал агент Купер. — Наши агенты учатся обращаться с оружием еще до поступления в Академию, а этот ни хрена не понимает, что очень даже просто мог меня убить! Хорошо хоть стены на космической станции из сверхпрочного металла, а то этот раздолбай проделал бы дырку в открытый космос! Нет, он не крутой! Он дебил какой-то!». —

Штирлиц ударился в воспоминания.

— Сидишь, бывало, в кабачке «Три поросенка», пьешь пиво. Тут заходит какая-нибудь морда и начинает строить из себя героя! Ну, дашь ему в рыло, и вроде как полегчает. Вроде как на Родину вернулся. Купер, ты знаешь, что такое ностальгия?

— Понятия не имею, — сердито буркнул Купер, собирая вывалившиеся из шкафа вещи.

— А я знаю, — молвил Штирлиц. — Когда я работал в Германии, меня дико мучила ностальгия по России, а когда вернулся на Родину — по Германии. Можешь себе представить, как я сейчас мучаюсь, когда хочется вернуться и в Россию, и в Германию. На Землю, Купер, хочется вернуться. Кстати, что сейчас на Земле?

— Радиоактивная помойка!

— Жаль, — шумно вздохнул разведчик. — От этого моя ностальгия только увеличивается, поскольку хочется вернуться не просто на Землю, а еще и в прошлое. Ладно, — резюмировал Штирлиц. — Оружие твое я освоил. Когда летим на задание?

— Завтра, — сказал Купер.

— Тогда я, пожалуй, лягу спать, — у Штирлица после выпитого пива было сумрачно в голове, и он, не раздеваясь, улегся на диван. — Разбуди меня, когда все будет готово.

— Разбужу, — пообещал агент Купер и вышел, погасив в комнате свет.

Через минуту в комнате раздался громкий храп спящего человека с чистой совестью.

Купер вошел в свою комнату, и тут раздался звонок. Агент нажал на кнопку, на экране появилось взволнованное лицо профессора Швацца.

— Купер! Вы еще не спите?

— Нет, господин профессор.

— Зайдите ко мне!

Через несколько минут агент Купер появился в лаборатории профессора Швацца. Профессор пребывал в восхищении.

— Купер, я провел сканирование мозга Штирлица.

— И что? — спросил агент, поежившись, так как сканирования боялись все. При сканировании считывались мысли даже из подсознания, а в подсознании, как известно, появляются иной раз такие мыслишки, за которые Служба Безопасности по головке не погладит.

— Это настоящий супер-агент! — заявил Швацц. — Круче его я никого не видел. Я не знаю, как в двадцатом веке они умудрились научиться ставить такую защиту, да и зачем, ведь тогда не было сканирования, но это что-то! Наши супер-агенты только на пятом курсе Академии проходят методы блокировки доступа в подсознание, да и то это получается только у десяти-пятнадцати процентов курсантов. А кроме того, такая блокировка возможна только, когда человек бодрствует. У Штирлица же все заблокировано, даже когда он спит! Представляете, Купер, я только что его сканировал, а он во сне все время поет песни! Мне только один раз удалось прорваться сквозь «Гитлер зольдатен» и «Не слышны в саду даже шорохи» и увидеть какую-то гору, причем только на полсекунды, а потом эта гора оказалась нарисованной на бутылочной этикетке с надписью «Армянский коньяк»! Я никогда не встречал такого супер-агента!

— Еще бы! — согласился агент Купер, гордый, что ему предоставлена честь работать под началом такого специалиста. — Штирлиц — это класс!

— Вам надо бы научиться у него, как он ставит свою блокировку.

— Непременно! — пообещал Купер.

ГЛАВА 4. ШТИРЛИЦ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПОЛЕТ

Новая команда для заброски на Тройную Звезду в лице Штирлица и агента Купера вышла из шахты лифта и оказалась под огромным куполом, сквозь который просвечивали звезды.

— На чем полетим? — спросил Штирлиц у агента Купера по дороге к звездолету. — На ракете?

— Наш звездолет называется «Пан Бэ-36», суперскоростной, временновозвратный, с замаскированными импульсными пушками и универсальными лазерными излучателями. Модель специально выпускается для супер-агентов.

— Очень хорошо, — глубокомысленно сказал Штирлиц. — В названии звездолета очень много умных, красивых слов. А как называется место, откуда звездолеты взлетают? Звездодром? Звездолетодром?

— Да просто место взлета и посадки, — ответил Купер, не понимающий, что разведчик шутит.

Они вышли на «место взлета и посадки».

— Обычные летающие тарелки! — воскликнул Штирлиц, увидев звездолеты.

— Что, в ваше время такие уже были?

— Были, — кивнул Штирлиц, — в фантастических фильмах. На них летали такие зелененькие человечки с вытянутыми вперед носами и антеннами вместо ушей.

— Трипсы, — предположил агент Купер. — С ними у нас была война в двадцать седьмом веке.

— Кто победил?

— Мы, конечно!

Агенты Великой Империи вошли в звездолет. Кабина управления была небольшая, но уютная. Два кресла располагались напротив большого экрана, на одной половине которого была изображена карта звездного неба, а на другой — стоящие вокруг звездолеты, мимо которых Штирлиц и Купер только что прошли.

Штирлиц уселся в мягкое кресло. Слева от него стоял уже знакомый русскому разведчику синтезатор, чем Штирлиц немедленно воспользовался, заказав бутылку пива. Открыл бутылку о пульт управления, он выглянул в иллюминатор.

— Что-то я никого не вижу из провожающих.

— Никого и не будет, — ответил агент Купер.

— Почему?

— У нас это не принято.

— Жалко, ведь провожают звездолеты совсем не так как поезда... — вздохнул Штирлиц, перефразировав старую песню, и отпил глоток. — Было бы интересно послушать речь какого-либо официального лица, узнать о том, что мы с тобой герои, что страна нами гордится...

— Штирлиц, у нас секретное задание, чем меньше лиц об этом знают, тем для нас лучше.

— Это правильно, — сказал Штирлиц, допив бутылку. — Где тут руки можно помыть?

— Откройте справа от вас шкаф, нажмите на красную кнопку и просуньте в отверстие руки. Горячий воздух уничтожит всю грязь на ваших руках.

— Что-то слишком сложно... А вода здесь есть?

— Есть. Но воду надо экономить. Вы разве не заметили, Штирлиц, что у нас тут «замкнутый цикл»? Станция искусственная, поэтому вода очищается снова и снова, и так до бесконечности...

— А как же, в таком случае, делают пиво? — спросил Штирлиц, подозревая что-то ужасное.

— Точно так же.

— Значит, вот эта бутылка пива была уже несколько раз выпита?

— Ну, конечно. Не переживайте, Штирлиц, ко всему привыкаешь, — утешил Штирлица агент Купер, одновременно бегая пальцами по клавишам пульта.

Некоторое время Штирлиц грустно смотрел в иллюминатор. Ностальгия снова схватила его за горло и не отпускала. Хотелось настоящего, хорошего пива, хотелось снова в Берлин.

— Купер, а мы будем лететь с перегрузками?

— Нет, — агент Купер помотал головой, нажимая на разные кнопки. — Эту проблему решили еще в двадцать втором веке.

— Слава труду! — порадовался Штирлиц. — А мы будем лететь на околосветовых скоростях?

— Естественно. Даже быстрее.

— Мне один еврей в Германии говорил, что есть такие законы относительности, из-за которых время на космическом корабле идет медленнее, чем на Земле. Это значит, пока мы будем лететь, пройдет лет триста?

— Эта проблема тоже давно решена! — отозвался Купер. — У нас временновозвратный корабль, он летит не только в пространстве, но и во времени. Только в пространстве — вперед, а во времени — назад. В результате, все сделано так, что мы прилетим на Тройную Звезду ненамного позже, чем вылетим отсюда.

— Временновозвратный! — глаза Штирлица загорелись. — Машина времени, значит... Слушай, так вы и в прошлое можете летать?

— Теоретически можем, но это запрещено законом.

— Почему?

— Представьте, что вы полетели в свое прошлое и убили там своего дедушку еще до рождения вашего отца. Тогда будет нарушена временная непрерывность, и вы сами исчезнете, поскольку не родитесь! Это у нас даже дети знают.

— И что, никто не нарушает этот закон?

— Никто, — сказал Купер, нажимая на очередную кнопку. Звездолет подпрыгнул и завис в воздухе. — За этим следит специальная служба. Каждый, кто допущен к полетам, проходит сканирование мозга. То есть читаются все его мысли. И если у него хотя бы в подсознании окажется мыслишка слетать в прошлое, его тут же арестуют.

— Мои мысли тоже читали? — поинтересовался Штирлиц.

— Читали, — Купер вспомнил восторг профессора Швацца.

Звездолет загудел и плавно понесся над взлетно-посадочной полосой. Раскрылись огромные ворота, звездолет вылетел в более обширное помещение. Ворота сзади закрылись, а впереди отворились еще одни. За ними было звездное небо открытого космоса.

— Хорошо летим, — похвалил Штирлиц. — Как будто едем на правительственной машине!

И русский разведчик открыл о пульт управления еще одну бутылку пива. Потом

вспомнил, из чего его делают, и отставил пиво в сторону.

— Слушай, Купер, а вот, чисто теоретически, можно ли слетать на Землю в 1943 год, а? — хитро прищурившись, спросил он.

— Конечно, можно, но это запрещено законом.

— Кстати, Купер, когда меня сканировали, у меня не было мысли слетать в прошлое?

— Нет, — смутившись, пробормотал Купер.

— А как ты думаешь, вот когда вы ковырялись в моих мозгах, у меня не было мысли слетать в прошлое, поскольку я и не знал о такой возможности. Вдруг я об этом узнаю, и такая мысль у меня внезапно появляется, прямо сейчас?

— Вы, наверно, шутите, господин штандартенфюрер?

— Конечно, нет! — Штирлиц как бы невзначай достал из кармана лазерный меч и, как привычный кастет, надел на руку. — Купер, направь-ка эту летающую хреновину к Земле двадцатого века!

— Но, Штирлиц...

— Купер, это приказ! — в голосе Штирлица зазвенел металл. — В конце концов, кто здесь начальник, ты или я?

— Вы, — агент Купер с опаской посмотрел на меч Штирлица. — Но казнят нас обоих!

— А кто узнает? — резонно спросил Штирлиц. — Мы слетаем, посмотрим на Берлин сорок третьего, выпьем настоящего пива в классном кабаке «Три поросенка», тебе там понравится, и назад!

— Так ведь нас потом просканируют и все узнают! Вам хорошо, вы умеете ставить блок, а как я?

— Если наше задание будет выполнено, — возразил Штирлиц, — мы вернемся героями. Кто посмеет нас сканировать? Да мы сами кого угодно засканируем! А что ты имеешь ввиду под блоком?

— Профессор Швацц вас сканировал, но не смог прочитать ни одной мысли. Он говорит, что никогда не видел такого супер-агента, который мог бы полностью заблокировать доступ к мозгу.

— А я смог?

— Вы смогли.

— Вот видишь, — гордо сказал Штирлиц и наставительно поднял указательный палец. — Я и тебя этому научу, хрен нас кто поймает! Летим, черт побери, в прошлое!

Агент Купер уныло вздохнул и, еще раз поглядев на меч в руке русского разведчика, начал нажимать нужные кнопки.

— Держи бутылку, — Штирлиц протянул Куперу свое пиво. — Пей, не бойся. Настоящий разведчик ничего не должен бояться, а тем более пива!

Купер принял бутылку и без особого удовольствия отхлебнул глоток.

— Купер, ты что, левша? — поинтересовался Штирлиц, заметив, что агент взял бутылку левой рукой.

— Был, — смутился Купер. — Меня из-за этого даже в Академию не хотели брать. Но теперь я одинаково хорошо владею обоими руками.

— Я тоже в детстве был левшой, — сообщил русский разведчик, желая сделать Куперу приятное.

Звездолет летел вперед. Время летело в другую сторону.

ГЛАВА 5. КАБАЧОК «ТРИ ПОРОСЕНКА». ВЕК ДВАДЦАТЫЙ

По черному от сажи потолку кабачка «Три поросенка», ни от кого не скрываясь, бегали жирные рыжие тараканы. Пруссаками называют их в народе, видимо, намекая на толщину, наглость и прожорливость. Эти тараканы не боятся никого, даже гестапо. Единственный, пожалуй, кто мог их напугать, был штандартенфюрер СС фон Штирлиц, который обожал стрелять по тараканам из маузера, но его сейчас в кабачке не было.

Стены кабачка были украшены фресками в стиле Эль Греко, но, в отличие от творений великого испанца, основой сюжета служили похождения трех пухлых симпатичных поросят, в честь которых и был назван кабачок. На одной из картин страшный серый волк поймал бедного, несчастного поросенка и уже раскрыл полную острых клыков пасть, чтобы поужинать. Уже давно кто-то из посетителей пририсовал волку огромный половой орган, и вышеописанная сцена приобрела новый, животрепещущий смысл.

В кабачке было ужасно грязно, и вдобавок сильно воняло перегаром и табаком. Табачный дым клубами поднимался от столиков, за которыми сидели офицеры Рейха, к потолку, и время от времени обалдевший от никотина таракан падал с потолка в чью-нибудь тарелку или кружку.

Из подсобки выползла старуха с щеткой. Зажав в беззубом рту трубку, старая карга предприняла героическую попытку подмести заплеванный пол, впрочем, безуспешно. Сидящие за столиком эсэсовцы отвесили ей пинка, и, злобно ворча, бабка скрылась за дверь подсобки.

Распахнулась дверь на улицу, и в кабачок вошел унтер-офицер. Он был уже основательно навеселе, но очень хотел стать еще веселее. Усевшись за столик, унтер щелкнул пальцами и громко заказал:

— Официант! Бутылку шнапса, три пива и чего-нибудь закусить на две марки!

Симпатичная официантка в заляпанном маслом передничке быстро исполнила заказ. Унтер-офицер опрокинул стакан шнапса, запил кружкой пива и с громким чавканьем начал пожирать салат из кальмаров.

Молоденький лейтенантик, ухаживая сразу за двумя девицами, которых подцепил на улице, достал свой табельный пистолет и начал показывать, как его заряжают.

— Какое у него длинное и толстое дуло! — томно протянула одна из девушек, тонко намекая, что пора поговорить о цене и заняться делом.

— О да! — отзывался лейтенант. — Это же «Вальтер»!

Эсэсовцы азартно резались в карты. Один из них — рыжий, с оторванным у фуражки козырьком — проигрывал и яростно ругался многоэтажным матом с отвлеченными философскими размышлениями по поводу интимной жизни Богоматери, Отца, Сына и Святого Духа.

Два фронтовика в серых шинелях подошли к стойке и заказали по рюмке шнапса. Стоящий за стойкой толстый баварец откупорил новую бутылку и налил защитникам Родины.

— Давно с фронта? — участливо спросил он.

— С неделю, — отозвался фронтовик с перевязанной головой. — Знатно нам всыпали на Курской дуге!

От мощного удара ноги дверь кабачка чуть было не сорвалась с петель.

— Штирлиц пришел, — предположил рыжий эсэсовец, оглядываясь на дверь. Он не ошибся. Это, действительно, был штандартенфюрер СС фон Штирлиц вместе с незнакомым завсегдашним кабачка молодым человеком.

Штирлиц и агент Купер прошли к свободному столику. Купер брезгливо смахнул со стола двух совокупающихся тараканов и наморщил нос — ему тут сильно не нравилось. Зато Штирлиц чувствовал себя, как дома.

— Привет, Штирлиц! — помахали руками эсэсовцы.

— Привет, ребята! — отозвался русский разведчик, улыбаясь старым знакомым. — Рад вас видеть!

Не дожидаясь приказа, официант принес поднос, уставленный пенными кружками пива, и несколько вскрытых банок тушенки.

— Благодарю, — сказал вежливый Штирлиц и вдохнул аромат первой кружки. — Купер, попробуй настоящего баварского пива!

— Штирлиц сегодня в хорошем расположении духа, — шепнул один фронтовик другому. — Значит, драки не будет.

— Это точно, — согласился второй. — Ну, даст в морду одному-другому, но драки по-крупному не будет точно!

— Штирлиц, — оглядываясь по сторонам, произнес агент Купер. — Пейте поскорее свое пиво, и поехали назад!

— Купер, не гони волну, — попросил Штирлиц. — Чего ты суетишься?

— Чем больше времени мы проводим в прошлом, тем сильнее изменится будущее. Может так случиться, что в результате этих изменений исчезнете и вы, и я!

Штирлиц наслаждался. Он прекрасно помнил и этих мужественных фронтовиков у стойки, и эсэсовцев, самый рыжий из которых проиграл ему когда-то двадцать пять марок и так и не отдал. А этому лейтенантику, помнится, он знатно начистил репу, вот только за что? Впрочем, это не важно.

Входная дверь еще раз тихонько приоткрылась, и в кабачок проскользнул маленький незаметный человечек. Его Штирлиц тоже помнил. Это был агент Штирлица — профессор Плейшнер. В сорок пятом году Штирлиц послал его в Швейцарию с важным заданием, но лопух Плейшнер не заметил двенадцати утюгов на подоконнике — знак того, что явка провалена, — и, убегая от гестаповской засады, выпал из окна и геройски разбился вдребезги.

«Бедный профессор Плейшнер», — взгрустнул Штирлиц и вспомнил глупый анекдот, который он услышал позже, году этак в семидесятом, о том, как Штирлиц шел по улице и поднял глаза. Это были глаза профессора Плейшнера. Глупость какая! Чисто советский анекдот. Улицы в Берне подметают по несколько раз в день, поэтому никаких глаз он тогда не поднимал, а о смерти профессора узнал от старика, продающего канареек и волнистых попугайчиков в магазинчике напротив проваленной явки.

Плейшнер подскочил к Штирлицу и жарко зашептал на ухо:

— Господин штандартенфюрер! Для моих научных трудов мне понадобилась одна редкая книга, а она была только в личной библиотеке Кальтенбруннера. С большим трудом мне удалось добиться разрешения несколько дней поработать в его библиотеке. Вчера я тоже работал в библиотеке Кальтенбруннера и случайно подслушал важную вещь!

— Пивка? — предложил Штирлиц.

— Спасибо, — профессор ухватился за кружку. — Кальтенбруннер подозревает, что вы — русский шпион, но никак не может добыть доказательств. Тогда он решил, что раз вы такой скользкий тип, прошу прощения, это его слова, то вас надо просто убрать!

— Просто убрать Штирлица — это не так просто, — заметил Штирлиц.

— Люди Кальтенбруннера подготовили покушение на вас. Но где и когда оно произойдет, я не знаю. Ладно, господин штандартенфюрер, спасибо за пиво, я побежал! У меня много работы!

Профессор так же незаметно, как серая мышка, пробрался меж столиков и исчез за дверью.

— Ну вот! — воскликнул агент Купер. — Доигрались!

— О чем ты? — удивился Штирлиц. — Мы же предупреждены!

— В том-то и дело, что мы. Этот Плейшнер должен был предупредить настоящего Штирлица, а попал на нас. Если бы настоящий Штирлиц узнал о заговоре, он принял бы меры, а так он будет беспечен, и люди Кальтенбруннера его убьют. Будущее будет изменено!

— Но, Купер, мы предупредим настоящего Штирлица, и он примет меры, — сказал Штирлиц. — Подумаешь, Кальтенбруннер! Мне сам Борман разные пакости делал, и никто меня не предупреждал, а я уцелел! Руки у них короткие!

— Но как! Как мы сможем его предупредить, не раскрывая, кто мы?

— Ну, — Штирлиц почесал небритый подбородок. — Тогда, черт возьми, мы сами спасем местного Штирлица!

— Как?

— Люди Кальтенбруннера будут готовить западню, а мы их будем ликвидировать. Купер, у тебя есть оружие?

— Да, конечно, — агент Купер достал из-за пазухи большой пистолет с раструбом на дуле.

— Что это?

— Распылитель. Я же вам его показывал во время обучения! Направляешь на человека, и он разлагается на атомы.

— Сурово, — одобрил Штирлиц. — Нам надо только узнать, где и когда будет совершено покушение. А для этого надо бы узнать поподробнее, что за сволочь этот Кальтенбруннер, и где он живет?

— Что ж вы у профессора Плейшнера не спросили адрес?

— Не подумал сразу, — вздохнул Штирлиц. — Как говорят у нас на Полтавщине, хорошая мысль приходит опосля. Да это и не важно. У шефа гестапо Мюллера, помнится, в сейфе были дела на всех сотрудников Рейха. Я проберусь в его кабинет, выкраду дело...

— Не надо красть! — Купер покачал головой. — Мюллер обнаружит пропажу, это может изменить будущее! У меня есть миниатюрный ксерокс, — агент достал из маленький аппарат, — снимите копию, а документы оставьте в сейфе.

— Хорошо, — согласился Штирлиц. — Сниму копию, изучим дело, а потом проберемся в логово Кальтенбруннера.

— Понаставим там подслушивающих устройств, — предложил Купер, — чтобы быть в курсе замышляемых злодейств.

— Это всегда полезно, — заметил Штирлиц. — В мое время такие устройства называли «жучками».

— В мое тоже.

— Видишь, как все просто! — сказал русский разведчик. — А ты боялся!

— Так за дело!

— Ясный пень! — вспомнил Штирлиц свою любимую поговорку.

Они встали из-за стола и двинулись на выход. Штирлиц кинул официанту крупную купюру, что того очень удивило, так как господин штандартенфюрер никогда раньше не платил, а просьбы об оплате встречал ударом кастета. Откуда глупому официанту было знать, что Купер при помощи синтезатора нашлепал килограмм дойч-марок!

Выйдя из кабачка, они чуть было не столкнулись нос к носу с настоящим Штирлицем, который шел в «Три поросенка». Настоящий Штирлиц Штирлица из будущего не признал, тем более, что тот был в штатском. Штандартенфюрер вошел в кабачок, был встречен всеобщим удивлением, но не обратил на это никакого внимания, а сел за столик и, как всегда, заказал пива и тушенки.

Вскоре из кабачка послышались выстрелы из маузера и хорошо узнаваемые крики Штирлица:

— Развели тут! Бардак!

ГЛАВА 6. СЕКРЕТНЫЙ СЕЙФ МЮЛЛЕРА

Купив в магазине форму штандартенфюрера, без которой Штирлиц чувствовал себя в Рейхе неуютно, русский разведчик переделался и в новом с иголки мундире отправился в Рейх. Там все было по-старому. Стуча каблуками, Штирлиц шагал по знакомым коридорам, часовые с глупыми бараньими лицами отдавали ему честь. Штирлиц прошел мимо своего кабинета. Не зашел, хотя велико было искушение краем глаза взглянуть, как он жил в сорок третьем. Наконец, штандартенфюрер остановился перед дверью в кабинет Мюллера. Из-за двери слышалось стрекотанье пишущей машинки, видимо секретарша шефа гестапо перепечатывала какое-нибудь дело.

Штирлиц заглянул.

— Мюллер у себя? — спросил он у длинноногой красавицы.

— Нет, господин штандартенфюрер, — любезно улыбнулась секретарша. — Он на совещании у Фюрера.

— Странно, — сказал Штирлиц. — У Фюрера совещание, а Бормана там нет. Представляешь, ходит по кабинетам и грязно пристаёт к секретаршам, пугая их до смерти искусственным членом, конфискованным пару дней назад у французского шпиона.

— Ой! — испугалась секретарша. — Господин штандартенфюрер, я, пожалуй, пойду пообедаю!

— Иди, иди, — разрешил Штирлиц, и секретарша Мюллера торопливо убежала. Склонность Бормана к секретаршам была давно всем известна, а секретарши Мюллера он домогался уже года два.

Штирлиц вошел в кабинет шефа гестапо.

Сейф с документами стоял в углу. Для профессионального разведчика не составило труда вскрыть его за полминуты. Штирлиц торопливо начал перебирать папки и, наконец, откопал дело Кальтенбруннера. Русский разведчик начал быстро копировать, шурша листами. Закончив, он сунул папку назад в сейф и аккуратно закрыл все, как было.

Вдруг зашуршал ключ в двери, Штирлиц спрятался за шторой. В кабинет вошел Мюллер. Обергруппенфюрер не любил долго засиживаться на совещаниях в бункере Гитлера и сегодня ушел пораньше. Насвистывая арию Мефистофеля из «Фауста», шеф гестапо открыл сейф и, достав дело Бормана, присел к камину.

За его спиной Штирлиц выскользнул из-за шторы и на цыпочках бесшумно покинул кабинет. Выйдя в коридор, русский разведчик осмотрелся по сторонам и направился в мужской туалет, где, по своему обыкновению, просмотрел добычу.

Дело было не очень толстым, так как Кальтенбруннер в Рейхе являлся фигурой загадочной и крайне неприятной. Если спросить кого из офицеров, с кем он предпочел бы иметь дело — с Борманом или Кальтенбруннером, любой, ни секунды не задумываясь, выбрал бы Бормана, хотя всем было известно, какой он пакостный человек. Имя Кальтенбруннера вызвало у всех дрожь в коленках. Очень редко его лошадиная физиономия с гнилыми зубами появлялась на совещаниях у Фюрера, но каждое такое появление сопровождалось зловещими событиями после этого.

Даже звание и должность Кальтенбруннера были неизвестны сотрудникам Рейха. Но у Кальтенбруннера имелся свой штат агентов, шпионов, диверсантов и информаторов, которых в Рейхе называли обычно просто «людьми Кальтенбруннера». Людей

Кальтенбруннера, как и их хозяйина, все, кроме Штирлица, боялись.

В деле было главное, что искал Штирлиц, — адрес Кальтенбруннера. Русский разведчик уже хотел закрыть дело, но вдруг на последнем листе обнаружил важную информацию. Черным по белому на этом листе сообщалось, что Кальтенбруннер считает Штирлица русским шпионом, евреем, гомосексуалистом, а также колдуном-чернокнижником, способным с помощью ядовитых капель, изготовленных из мексиканских кактусов, сделать импотентом любого человека. По мнению Кальтенбруннера, Гитлера Штирлиц уже угостил подобными каплями. А теперь на очереди он, Кальтенбруннер. Не хотелось Кальтенбруннеру становиться импотентом, посему он задумал убрать Штирлица и даже поставил этот вопрос на совещании в бункере Гитлера.

«Странно! — подумал Штирлиц. — С чего они взяли, что я чернокнижник? У меня дома все книжки с красными обложками. И что самое главное, эти сволочи все знали, но хоть бы один гад предупредил! Теперь понятно, почему они постоянно твердили «Что скажет по этому поводу Кальтенбруннер»! Скоты поганые! Фашисты!»

Как следовало из дела, первое покушение назначено на сегодня и должно произойти в ресторане, куда Штирлица заманит женщина — агент Кальтенбруннера, притворившаяся шлюхой.

В соседней кабинке, откуда вот уже минут пять слышались странные звуки, как будто некто вырезал ножом на двери неприличные слова, кто-то громко хрюкнул и спустил воду. Штирлиц выглянул в щель и увидел, как и предполагал, толстую спину Бормана. Вымыв руки с мылом, Борман украл кусок мыла, завернув его в бумажку и сунув в карман. Затем партайгеноссе весело пукнул и вышел из туалета.

— Свинья! — сказал Штирлиц вслед и тоже покинул туалет. На улице его ждал агент Купер. Шел дождь, и Купер, промокнув до последней нитки, хлюпал носом.

— Ну как? — встретил он Штирлица.

— Дело в шляпе! — сказал русский разведчик и достал из фуражки добытое дело Кальтенбруннера.

ГЛАВА 7. ШТИРЛИЦ В РЕСТОРАНЕ

Штирлиц и агент Купер подошли к ресторану в самый разгар подготовки покушения. Около ресторана была нездоровая суета, постоянно подъезжали похожие на жуков черные машины, туда-сюда сновали люди с какими-то свертками.

— Штирлиц, — заметил агент Купер, — а не сменить ли вам свою внешность? Ведь люди Кальтенбруннера могут случайно прихлопнуть и вас.

— Ты думаешь, я этого так боюсь? — насупил брови Штирлиц.

— Нет, но у вас такое известное в этих краях лицо!

— Логично, — сказал русский разведчик. — Но как мне изменить мое известное в этих краях лицо? Фингал поставить под глаз?

— Это легко, — Купер достал из небольшого чемоданчика, с которым не расставался, крем в тубике. — Намажьте щеки, господин штандартенфюрер!

Штирлиц намазался кремом, и тут же на его лице выросла окладистая борода и усики.

— Забавно, — Штирлиц ощупал лицо. Купер протянул ему зеркало. — С бородой я стал похож на еврея. Но, Купер, в Рейхе военные не ходят с бородами!

— А вы наденьте еще темные очки, — посоветовал Купер. — Будете похожи на слепого штандартенфюрера, который не может бриться.

— А ты будешь моей собакой-поводырем? — съязвил Штирлиц. — У тебя есть такой крем, чтобы стать собакой? Сбривай бороду на фиг!

Купер вздохнул и достал еще один тубик. Штирлиц намазался, и волосы на щеках и подбородке опали.

— Может, хоть налысо побреете голову? — с надеждой спросил Купер. — Узнают ведь...

— Купер! Лысым я буду похож на Бормана, а это еще хуже, чем на еврея! Пошли в ресторан. Приготовь свой распылитель!

Они прошли мимо швейцара, который, увидев Штирлица, сделал вид, что его не заметил.

В вестибюле толпились люди Кальтенбруннера. Шел жаркий спор.

— А я говорю, что надо установить пулемет в оркестровой яме! — надрывался один. — Штирлиц войдет, сядет за столик, а мы по нему из крупнокалиберного!

— Дурак! — азартно возражал другой. — Надо усадить снайпера на люстру. Он тщательно прицелится и попадет Штирлицу в глаз!

— Вы оба дураки! — кричал третий. — Гранатой надо, гранатой! Причем, советской! Лимонкой!

Снайперы сидели у вешалки. Опираясь на свои длинноствольные ружья с оптическими прицелами, они обсуждали, какой орден дадут тому, кто уберет Штирлица.

Когда Штирлиц вошел в дверь, шум в вестибюле резко стих.

— Что, ребята? — доброжелательно прищурился русский разведчик. — Ждем кого-нибудь?

— Ж-ждем, господин штандартенфюрер, — запинаясь произнес один из людей Кальтенбруннера.

— Случайно, не меня?

— Вас, господин штандартенфюрер.

— Ну, вот и я! — объявил разведчик.

Люди Кальтенбруннера спохватились и приготовились открыть пальбу. Но выстрелить никто, кроме Купера, не успел. Агент Великой Империи повел дулом распылителя, и Кальтенбруннер потерял многих своих агентов. Вестибюль опустел. Причем, никто из зала, где играла музыка, этого не заметил.

— Эффективно, — одобрил Штирлиц. — Зайдем внутрь?

— Если внутри есть люди Кальтенбруннера, — заметил агент Купер, — мы не сможем их так просто убрать, иначе посторонние увидят наше оружие из будущего.

— Ладно, — сказал Штирлиц. — Если они там есть, я их сам из пистолета перестреляю.

Русский разведчик заглянул в зал. Было еще рано, но за столиками уже сидели редкие посетители. Штирлиц узнал одного гестаповца.

— Эй, Ганс! — позвал он.

— А, Штирлиц! — обрадовался Ганс, подходя к двери. — Тебя еще не убили?

— С какой стати? — Штирлиц пожал плечами, а гестаповец замялся. — Скажи, Ганс, люди Кальтенбруннера в зале есть?

— Были где-то, — Ганс махнул рукой. — Бегали тут по залу, выясняли, за каким столиком ты обычно сидишь. А потом они вышли в вестибюль. Штирлиц, ты что, их всех умочил?

— Нет, — честно ответил Штирлиц, который не любил присваивать себе чужие заслуги, а людей Кальтенбруннера ликвидировал агент Купер.

— Значит, как только ты появился, они обделались и сбежали!

— Это точно, — гордо сказал Штирлиц. — Ну, ладно, Ганс, мне пора.

— Не посидишь, не выпьешь?

— Я попозже загляну, — Штирлиц вернулся к Куперу, и они, выйдя из ресторана, перешли на другую сторону улицы.

К ресторану подходил настоящий Штирлиц. Его лицо было хмуро, руки — в карманах.

— Штирлиц! — позвал русского разведчика развратный женский голос, и от группы курящих на углу женщин отделилась одна с высокой прической. — А не в ресторан ли ты идешь?

— Пойдем, — галантный Штирлиц взял даму под руку.

— Слушай, Купер, — спросил Штирлиц из будущего. — А она не выстрелит в меня во время обеда?

— Распылить ее? — предложил Купер.

— Войди в ресторан, проследи, — сказал русский разведчик. — Если она начнет что-либо предпринимать против Штирлица, тогда ликвидируй. А можешь и так ликвидировать, когда драка начнется. Чем меньше агентов останется у Кальтенбруннера, тем лучше. Я тебя подожду в пивной напротив.

— Есть! — Купер козырнул и бросился в ресторан. Впереди него в ресторан вошел мускулистый мужчина с квадратным лицом и в полосатом костюме, который дал на чай швейцару пять долларов. Купер ничего не дал швейцару, и тот посмотрел ему вслед с нескрываемым презрением.

Штирлиц развернулся и пошел в находящуюся неподалеку пивную, где сел у окошка и, заказав пива, начал смотреть на ресторан.

В ресторане послышались крики, стрельба, женский визг. С грохотом обрушилась люстра. Из дверей, оттолкнув швейцара, выскочил разгоряченный агент Купер. Вбежав в

пивную, он плюхнулся на стул рядом со Штирлицем.

— Когда вы вмазали официанту кастетом, — доложил он, — эта шлюха достала маленький пистолетик.

— И что?

— Я ее того... В общем, нет ее больше. Никто ничего не заметил. Даже вы.

— Молодец! — похвалил Штирлиц непонятно кого, Купера или себя.

К ресторану, сверкая разноцветными мигалками, подъехали полицейские машины, и всех забрали.

— Отлично, — сказал Штирлиц, когда полицейские увезли арестованных.

— Купер, теперь тебе надо проникнуть в дом Кальтенбруннера и установить там твои подслушивающие устройства.

— И подглядывающие, — добавил Купер.

— А я пока посижу, пожалуй, в «Трех поросятах». Все равно Штирлиц сидит сейчас в полицейском участке, следовательно встреча нам не грозит.

ГЛАВА 8. ЖУЧКИ ДЛЯ КАЛЬТЕНБРУННЕРА

В подворотне около дома Кальтенбруннера агент Купер остановился. Конечно же, дом охраняли. Дюжие охранники с автоматами наперевес стояли по бокам от массивных дверей. Несколько охранников прогуливались вокруг дома, высматривая подозрительных личностей. Купер не сомневался, что и в доме тоже на каждом углу стоит охранник. Кальтенбруннер очень заботился о своем здоровье.

Агент Купер усмехнулся. Что такое охрана двадцатого века против агента тридцатого? Он открыл свой чемоданчик и достал бутылку аэрозоли. Это была специальная смесь, на некоторое время делающая человека невидимым для окружающих. Его, правда, можно было легко увидеть в рентгеновые очки, но здесь такие очки еще не изобретены. Купер щедро побрызгал на себя аэрозолью и исчез. Вместе с ним исчез его чемоданчик.

К подъезду подкатила машина, из нее вылез офицер с папкой под мышкой.

— Секретное донесение господину Кальтенбруннеру! — объявил он охранникам, помахав папкой. Те расступились, и офицер вошел в дом. Вслед за ним проскользнул невидимый агент Купер. Офицер, видимо, знал, куда идти, и двигался твердым уверенным шагом по лабиринту коридоров, бросая время от времени одну и ту же фразу встречным охранникам:

— Секретное донесение господину Кальтенбруннеру!

Перед дверью с надписью «Кабинет» он остановился, поправил фуражку, застегнул воротничок и постучался.

— Войдите! — раздался резкий неприятный голос из-за двери.

Офицер вошел. Кальтенбруннер стоял у полки с книгами и перелистывал томик Ницше.

— Вот ведь урод! — потрясая книгой, обратился он к офицеру.

Офицер принял фразу на свой счет и пробормотал:

— Извините...

— Нет, послушай, что он пишет: «Каков бы ты ни был, служи себе самому источником опыта»! Что скажешь? Это значит, надо учиться только на своих ошибках, а на чужой опыт не обращать внимания. Нет, это явно урод! И таких сентенций у него — на несколько толстых томов! А у тебя что?

— Донесение! — отрапортовал офицер и протянул пакет.

Кальтенбруннер, злобно поблескивая выпученными глазами, вскрыл сургучную печать и начал читать. По мере чтения лицо Кальтенбруннера побагровело от ярости. — Что значит, покушение сорвалось? Куда исчезли мои люди из ресторана?

— Не могу знать! — выкрикнул офицер, который, действительно, ничего не знал.

Кальтенбруннер прошелся по кабинету из угла в угол, разрывая донесение на мелкие кусочки и разбрасывая их по персидскому ковру. В этот момент он был настолько похож на лошадь, что, казалось, заржет!

— Идиоты, уроды, кретины! — изрыгал он. — Провалили такой план, и сами черт знает куда провалились! О! — вдруг остановился он. — Ведь у Штирлица завтра день рождения!

— Так точно! — офицер тоже выпучил глаза.

— Я слышал, он его собирает отмечать на даче. Тут-то мы его и прищучим!

— Так точно!

Кальтенбруннер выскочил из кабинета и побежал отдавать распоряжения о новом

покушении. Офицер, довольный, что его не расстреляли, а Кальтенбруннер обычно расстреливал тех, кто приносил ему плохие новости, последовал за ним.

Невидимый Купер быстро и профессионально разместил по кабинету микроскопические видеокамеры и микрофоны.

— Теперь мы будем в курсе всего, что здесь происходит, — порадовался он и покинул кабинет Кальтенбруннера.

ГЛАВА 9. ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ШТАНДАРТЕНФЮРЕРА СС ФОН ШТИРЛИЦА

Штирлиц подошел к стоящему на улице автомобилю и булавкой открыл дверь.

— Садись, Купер, — пригласил он. — Моя дача далеко, не пешком же топать!

— Какое примитивное средство передвижения, — брезгливо молвил агент Купер, в то время как Штирлиц заводил машину. Мотор прокашлялся и нехотя заурчал. Запахло бензином.

Через полчаса они остановились на высоком холме неподалеку от дачи Штирлица. Агент Купер вышел из машины и начал осматривать окрестности в рентгеновский бинокль, который позволял смотреть даже сквозь стены.

— Вижу людей в черной форме, — доложил он.

— Это эсэсовцы. Идиот Шелленберг неизвестно зачем приказал окружить дачу, чтобы, видишь ли, застать меня врасплох.

— Их много. Сидят на деревьях, в кустах, двое — на крыше. У входа стоит автобус.

— На нем пастор Шлаг привез женщин, — пояснил Штирлиц. — Среди них была парочка неплохих экземпляров. Из одной Мюллер потом сделал себе экономку. У нее была роскошная грудь. Как две казахстанских дыни! Ты пробовал казахстанские дыни?

— Вижу вас. Рядом какой-то толстяк в длинной черной одежде.

— Это пастор Шлаг.

— Вы держите в руках бутылку шампанского.

— Да, — сказал Штирлиц, закуривая. — Сейчас появится бронетранспортер с верхушкой Рейха. Козлы! Представляешь, они увели на складе новенький с иглочки бронетранспортер и подарили мне на день рождения. Гиммлер ограбил свой собственный склад, а потом хотел свалить на меня. Вот, мол, у Штирлица на даче стоит бронетранспортер со склада, значит, и все остальное он украл! — Штирлиц рассмеялся. — Но они опоздали. Не так-то просто подставить Штирлица! Я к тому времени уже загнал этот бронетранспортер одному арабскому шейху!

— Появился бронетранспортер! — объявил Купер. — О, Штирлиц, вижу отряд людей в пятнистой форме защитного цвета. Они сливаются с деревьями и кустарником и незаметно двигаются к даче. Десять человек.

— Это они! — обрадовался Штирлиц, тоже вылезая из машины. — Люди Кальтенбруннера! Его лучшие, натренированные диверсанты! Пошли, Купер.

Они бросили краденный автомобиль на холме и побежали к даче. Купер на ходу приготовил распылитель, а Штирлиц надел кастет, который на самом деле был лазерным мечом.

На даче уже начинался пир. Офицеры Рейха с радостными воплями рассаживались за столом и обнимали женщин, которых привез для Штирлица пастор Шлаг.

Агенты Кальтенбруннера по-пластунски подползли к дому. Самый главный обмотал руку полотенцем и локтем разбил стекло. Открыв защелки окна, диверсанты один за другим скрылись в доме.

— Двое — в туалет! — скомандовал главный, прикручивая глушитель к пистолету. — Двое — на кухню, двое — в спальню, спрячьтесь под кровать. Кто-нибудь да умочит этого русского шпиона!

Сам главный с тремя диверсантами двинулся к залу, где был накрыт стол.

В зале царило оживленное веселье. Инициированная Борманом, который подложил кнопку Шелленбергу, началась драка между Гиммлером, Герингом и Геббельсом. Пьяный адъютант Гиммлера Фриц пил со Штирлицем на брудершафт, приговаривая:

— Я восхищаюсь вами, господин штандартенфюрер! Вы — мой идеал контрразведчика!

Главный диверсант гадко ухмыльнулся и прицелился в Штирлица из пистолета. Вдруг кто-то тронул его сзади за плечо:

— Подожди, приятель!

Диверсант оглянулся и от неожиданности выронил пистолет. Его люди куда-то исчезли, а перед ним стоял улыбающийся Штирлиц с кастетом на правой руке. Диверсант глянул в зал. Там тоже сидел Штирлиц, которому Мюллер наливал стопочку коньяка. У диверсанта поехало перед глазами и с глупой мыслью — «Близнецы!» — он сполз по стене.

— Эй, эй! — вскричал Штирлиц. — Не умирай пока! Мы потом тебя сами убьем! А сейчас скажи, вас было десять, где остальные?

— Двое — в спальне, — заплетающимся языком прошептал диверсант. — Двое — на кухне, двое — в туалете...

— Купер, убери этого козла, — скомандовал Штирлиц. Агент Купер тут же расплылся диверсанта на атомы. Затем они прошлись на кухню, в спальню и в туалет, где сделали то же самое с оставшимися людьми Кальтенбруннера.

— Неплохо сработано, — молвил Штирлиц в туалете. — Теперь можно уматывать, вот только я схожу по-большому, раз уж мы в сортире.

— Штирлиц, сюда может войти настоящий Штирлиц, — заметил агент Купер. — Давайте, перейдем на всякий случай в женский туалет?

— Хорошо, — не стал спорить Штирлиц. — Тем более, что тут кончилась туалетная бумага.

Они вышли из мужского туалета и зашли в женский. Только за ними закрылась дверь, как в коридоре появился настоящий Штирлиц, который направлялся в туалет, где он прятал рацию. Штирлиц хотел послать радиogramму в Центр. За русским разведчиком, скрываясь, полз английский агент, переодетый в женщину. Англичанин давно уже следил за Штирлицем и мечтал завербовать его в «Интеллигент сервис», и, наконец, он подобрался к Штирлицу так близко, как только возможно. Агент приник ухом к двери туалета и включил на запись магнитофон.

Через некоторое время Штирлиц, которому так и не удалось связаться с Центром, вышел из туалета, ударив английского агента дверью по носу. Стеная от боли, английский агент в свою очередь вполз в туалет.

Затем в коридоре появился потный Борман. Партайгеноссе зашел в мужской туалет и отпрянул, наткнувшись на переодетого женщиной английского агента, который пил портвейн, забытый Штирлицем.

— П-пардон, мадам, — сказал Борман и, решив, что у Штирлица перепутаны таблички на дверях туалетов, зашел в женский.

Раздался визг, громкий звук пощечины, и Борман вылетел из туалета с отпечатком ладони на правой щеке, не успев даже сообразить, кто его ударил.

«Левша», — подумал Борман и, обиженно сопя, пошел в сад.

— Ловко ты его, — похвалил Штирлиц. — И завизжал очень натурально!

— Это я, чтобы женщину изобразить, — агент Купер потер ушибленную левую руку и

взглянул на Штирлица. — Туалет-то женский!

Штирлиц мыл руки и насвистывал «Прощание славянки».

— Ну, пошли, — сказал русский разведчик, выключая воду.

— Кстати, Штирлиц, — заметил Купер, следуя за разведчиком, — если день рождения у местного Штирлица, то и у вас тоже. Поздравляю!

— Спасибо, дружище, — Штирлиц пожал Куперу руку. — Я и забыл.

И они покинули дачу, где перепившиеся гости уже спали, а Штирлиц сидел у камина и при свете торшера в который раз перечитывал любимые строки русского поэта Есенина.

ГЛАВА 10. ЗАСАДА ЭТАЖЕМ ВЫШЕ

— Это безобразие! — гремел Кальтенбруннер. — Десять человек, десять самых натренированных диверсантов не в состоянии убрать какого-то паршивого Штирлица!

Люди Кальтенбруннера, которых он собрал для проработки в своем кабинете, смущенно молчали.

— И главное, мало того, что не убрали Штирлица, но еще и сами исчезли в неизвестном направлении!

— Может быть, — робко сказал один из людей Кальтенбруннера, — они, провалив дело, испугались вашего гнева и уехали из страны?

— Правильно испугались! — вскричал Кальтенбруннер. — Я б их расстрелял на месте из крупнокалиберного пулемета. Я бы их повесил вверх ногами и отрубил их глупые головы! Я бы разнес их на мелкие кусочки из фаустпатрона! Идиоты! Десять уродов не справились с одним кретином!

— Похоже, «идиоты», «уроды» и «кретины» — это любимые слова этого господина, — заметил агент Купер, наблюдая со Штирлицем эту сцену на портативном экране, встроенном в его чемоданчик. — А по-моему, он сам — идиот, урод и кретин.

— Ты прав, — согласился Штирлиц. — Странно, что в Рейхе его считают одним из самых умных и дальновидных офицеров.

— Это показатель общего уровня ума в Рейхе, — сказал Купер.

Тем временем Кальтенбруннер излагал своим сотрудникам новый план.

— Надо устроить засаду у него в доме. Для этого необходимо дождаться, когда он выйдет, засесть на лестничной площадке этажом выше его квартиры и, когда Штирлиц будет возвращаться, закидать сверху гранатами. Это мой гениальный план. Если вы и его провалите, всех расстреляю три раза!

Кальтенбруннер остановился перед одним из своих агентов. Это был его лучший агент по имени Клаус. Этот агент выполнял задания своего хозяина в Испании, Алжире, Советском Союзе. Санта-Клаусом прозвали его друзья-диверсанты за то, что каждое дело этого агента было настоящим «подарком» для врагов Рейха и Кальтенбруннера!

— Уж ты-то меня не подведешь, Клаус? — спросил Кальтенбруннер. — Ты мой самый классный агент! Надеюсь, хоть ты не исчезнешь даже при провале!

— Так точно! — воскликнул Санта-Клаус, преданно пожирая глазами начальника.

— Устрой этому козлу Штирлицу отличную засаду!

— Так точно!

— Что ж, — сказал агент Купер, закрывая чемодан. — А мы, пожалуй, устроим засаду на их засаду.

Через час они были в доме, где жил настоящий Штирлиц. Поднявшись на этаж выше своего, Штирлиц расположился на широком подоконнике, поставив рядом с собой сумку с несколькими бутылками пива, купленного по дороге. О край подоконника русский разведчик открыл бутылку, пиво вспенилось и полилось на пол. Штирлиц приложился к горлышку и, блаженно зажмурившись, с наслаждением выпил полбутылки.

«Нет, что бы вы не говорили, — вспомнил он слова господина Мюллера, — а баварское пиво в три раза лучше жигулевского!»

Черт побери! Он бы сейчас не отказался попробовать жигулевского, чтобы освежить в

памяти его вкус. «Вкус Родины, — подумал Штирлиц, — это вкус пива, которое на этой Родине пьют!»

— Штирлиц, — позвал агент Купер, который смотрел на дверь квартиры Штирлица в лестничный проем. — Вы вышли из квартиры с рюкзаком пустых бутылок.

На лестнице послышался характерный звон и слова песни «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью», которую настоящий Штирлиц невнятно напевал себе под нос.

— За пивом пошел, — сказал Штирлиц. — Я быстро вернусь, в Германии почему-то никогда не было очередей.

— Значит, сейчас появятся люди Кальтенбруннера.

— Мы ждем, — лаконично ответил Штирлиц и открыл новую бутылку.

Хлопнула входная дверь, послышались голоса. Агент Купер приготовил распылитель, сняв его с предохранителя. Но это были всего лишь подростки. Трое светловолосых юнцов, совсем еще зеленых, с нашивками «Гитлерюгенда» на рукавах. Эдакие молоденькие фашистики. Истинные арийцы с голубыми глазами. И с ними симпатичная девушка лет семнадцати. Подобно Штирлицу, подростки расположились на подоконнике двумя этажами ниже, один забренчал на гитаре, двое других откупорили бутылку дешевого портвейна и разлили по картонным стаканчикам. Гитарист рассказал похабный анекдот, парни весело заржали, а девушка покраснела и глупо захихикала.

— Черт! — в сердцах молвил Купер, убирая свое смертоносное оружие.

— Это какие-то дети.

— Это не дети, Купер. Это — пионеры, — сказал Штирлиц. — Фашисты все содрали с Советского Союза. Их гестапо — это слабый аналог нашего НКВД, концлагеря — полностью как у нас, только погода потеплее, «Гитлерюгенд» — один в один пионерская организация имени Владимира Ильича Ленина...

Дверь в подъезд опять хлопнула. На этот раз раздался топот подкованных сапог. Это были люди Кальтенбруннера. Штирлиц открыл еще бутылку, Купер снова приготовил распылитель.

Людей Кальтенбруннера было пятеро. Четверо тащили тяжеленный ящик с гранатами, а лучший агент Кальтенбруннера Санта-Клаус нес большой ручной пулемет.

— Уважают они вас, — усмехнулся агент Купер. — Несут ящик гранат туда, где хватило бы одной, да еще и пулеметик прихватили, вдруг вы после ящика гранат уцелеете!

— Им не поможет ни одна граната, ни ящик гранат, ни пулемет, — равнодушно сказал Штирлиц, пьющий пиво. — Пусть хоть фаустпатрон притащат!

— Папаша! — обратился один из подростков к человеку с пулеметом. — Закурить не найдется?

— Заткнись, ублюдок! — злобно бросил Санта-Клаус, показывая пареньку огромный волосатый кулак. — А то будешь иметь дело с Кальтенбруннером!

Парень предусмотрительно последовал совету и заткнулся.

Люди Кальтенбруннера прошли мимо квартиры Штирлица и, тяжело дыша, начали подниматься на этаж, где их уже поджидал агент Купер.

— Привет, ребята! — весело поздоровался Штирлиц. — Закурить не найдется?

Люди Кальтенбруннера от неожиданности уронили ящик и застыли с раскрытыми ртами.

«Чего с ними разговаривать?» — подумал Купер и нажал на курок. Люди Кальтенбруннера, включая Санта-Клауса, на которого так надеялся господин

Кальтенбруннер, исчезли, как не было, остался только ящик с гранатами. Штирлиц слез с подоконника, взял одну гранату и подкинул на ладони.

— Наши, — сказал он. — Советские. Гранаты системы «Ф-1», в просторечии — лимонки. Самая надежная штука. Радиус разлета осколков — двести метров. Купер, захватим ящичек с собой в будущее?

— Зачем он нам нужен? У нас есть гораздо более эффективное оружие!

— Ну, мало ли, — Штирлиц положил гранату в карман. — Лишний ящик хороших гранат еще никому не мешал. Захватим, а?

— Только если вы сами его понесете, — согласился агент Купер.

— Да? — Штирлиц призадумался. — Тогда фиг с ним. Распыляй.

Купер уничтожил ящик и убрал распылитель.

Опять хлопнула дверь и чей-то радостный голос воскликнул:

— Вот в этом подъезде и живет мой друг Штирлиц! С ним-то мы и выпьем нашу бутылочку коньяка! Если, конечно, люди Кальтенбруннера его еще не убрали.

— А он правда русский шпион? — робко спросил женский голос.

— О! Он такой крутой, что может быть чьим угодно шпионом, не только русским, но и своим собственным! — радостный голос заржал. — Представляешь, шпионить не для какой-то страны, а для себя лично!

— Это Айсман, — улыбнулся Штирлиц. — Болтун. Старая халява! А ведь я, действительно, занимался разведкой для себя лично, а не для кого-то там! Просто мне это нравилось!

— Эй, папаша! — остановил Айсмана подросток на подоконнике. — Закурить не найдется?

— Ты кого папашей назвал, засранец? — доброжелательно отозвался Айсман. — Давно в гестапо не попадал? Смотри у меня!

Айсман с двумя накрашенными красотками подошел к двери Штирлица и нажал на кнопку звонка. Не получив ответа, Айсман посверкал единственным глазом и, достав связку отмычек, открыл дверь.

— Прощу! — повел он рукой. — Чувствуйте себя, как дома, но не забывайте, что вы в гостях!

И, снова заржав, Айсман закрыл за собой дверь.

— Это ваш друг? — поинтересовался Купер.

Штирлиц задумался.

— Ну, можно сказать, что и друг, — наконец молвил он. — Мы с ним не один пуд соли съели. И не один литр пива выпили. Последний раз я его видел на Канарских островах, где он, разбогатеv, купил трехэтажную виллу.

Снова стукнула дверь. В подъезд вошел настоящий Штирлиц с рюкзаком, полным бутылками пива. Приклеив окурок «Беломора» к облупленной стене, русский разведчик начал неторопливо подниматься по лестнице.

— Папаша! Закурить не найдется! — привычно потребовал подросток из «Гитлерюгенда».

Штирлиц остановился и протянул юному фашисту папиросу.

— А теперь спичку! — скомандовал юнец, обрадованный, что на этот раз его не послали.

Штирлиц терпеливо протянул коробок.

Обнаглевший юнец прикурил и, выпендриваясь перед девчонкой, снова спросил:

— А что у тебя в рюкзаке?

— Пиво.

— Снимай рюкзак!

— Слушайте, Штирлиц, — спросил агент Купер у Штирлица. — Как вы терпите, они же нарываються?

— Ты думаешь, я терплю? — улыбнулся Штирлиц и глянул сверху на самого себя. — Сейчас...

— Долго еще ждать? — наглед парнишка, пока Штирлиц из прошлого все так же неторопливо снимал рюкзак.

Русский разведчик отвесил нахалу звонкую оплеуху и сшиб с подоконника. Затем подхватил за шкурку и мощным пинком отправил вниз по ступенькам. Двое других испуганно бросились вверх по лестнице, но Штирлиц успел их схватить за одежду. Стукнув подростков лбами, Штирлиц повторил ту же процедуру, что и с первым негодяем. Подростки скатились по ступенькам и, открыв дверь головой, вылетели на улицу.

— Сколько лет? — поинтересовался русский разведчик у девушки.

— Семнадцать...

— Пиво будешь? Пошли.

И настоящий Штирлиц вместе с девушкой скрылся в своей квартире, откуда слышался женский смех и голос Айсмана, рассказывающий анекдоты.

— Что ж, — сказал Штирлиц из будущего, — на сегодня дело сделано. Пойдем пить пиво в «Три поросенка».

— А Штирлиц с Айсманом туда не заявятся?

— Нет! Мы с Айсманом сейчас поедem на футбол, там произойдет небольшая драка, меня заберут в полицию, а потом отправят в психиатрическую лечебницу.

— Вас в лечебницу? Вы что, с ума сойдете?

— По ошибке, — пояснил Штирлиц. — Глупые полицейские не поверят, что я — Штирлиц, решат, что у меня мания величия. Ну, и отправят в дурдом. А в дурдоме было классно! Там я пообщался с такой симпатичненькой медсестрой...

— А на футболе с вами ничего не произойдет? Вдруг Кальтенбруннер туда пошлет своих людей?

— Да нет, мы же на футбол поедem стихийно, никто об этом и знать-то не будет.

— А во время матча? Пока команды будут играть, агенты Кальтенбруннера могут ему доложить о вас, он пошлет своих людей.

— Не успеют доложить, — Штирлиц махнул рукой. — Не так уж долго будут играть команды. Я забью гол, а потом нас быстро скрутят и отправят в полицию.

— А в этом дурдоме не может случиться покушения?

— В дурдоме? — задумался Штирлиц. — Знаешь, Купер, помнится, там был один Кальтенбруннер...

— Так надо его посетить!

— Посетим, — согласился русский разведчик. — Но время у нас есть, давай, пообедаем в «Трех поросятах»!

И агенты из будущего направились в кабачок «Три поросенка».

ГЛАВА 11. НЕСКОЛЬКО РАЗМЫШЛЕНИЙ О ПРИРОДЕ ВРЕМЕНИ

— Знаешь, Купер, — задумчиво сказал Штирлиц, когда они на очередной машине, украденной Штирлицем, ехали к психиатрической лечебнице имени Второго съезда НСДАП. — Очень странно, но я не помню, чтобы профессор Плейшнер подходил ко мне в сорок третьем году и рассказывал о заговоре Кальтенбруннера. Ведь ты сказал, что если бы мы сюда не прилетели, то настоящий Штирлиц узнал бы об этом. А настоящим Штирлицем был в свое время я. Получается, что и в мое время уже прилетали Штирлиц с Купером, которые спасали меня от козней Кальтенбруннера?

— Время — это загадочная субстанция, — покачал головой агент Купер. — Вполне возможно, из-за нашего прилета изменилось будущее, а значит и вы. И в результате, вы просто не помните, что профессор Плейшнер вас предупредил.

— Значит, по-твоему, я бы об этом должен был помнить, когда вы только-только оживили меня?

— Вероятно, да. А, прилетев сюда, вы сами будущее изменили и больше таких воспоминаний у вас нет.

— Но я же точно помню, что я ничего подобного не помнил. Иначе бы я сюда не полетел, дабы не подвергать себя в прошлом опасности.

— Все это весьма запутанно, Штирлиц, — агент Купер зачем-то покрутил пальцем у виска. — Я вас предупредил об опасностях путешествия во времени. Недаром, первый указ, который издал Великий Император после изобретения машины времени, был указ о запрещении путешествий в прошлое.

— Нет, — упрямо заявил русский разведчик. — Я бы такого предупреждения не забыл. Значит, было предопределено, что мы из будущего прибудем в прошлое.

— Вы хотите сказать, что все предопределено? — спросил Купер.

— Ну да. По-моему, все изменения, которые могут произвести люди из будущего, уже и так были. То есть Штирлиц и Купер уже прилетали и спасали Штирлица из прошлого, поэтому Штирлиц из прошлого, то есть я, оживленный вами в будущем, и не помнил никаких предупреждений, из-за чего и полетел без особых раздумий в прошлое.

— Быть этого не может, — воскликнул Купер.

— Все может быть, — возразил Штирлиц, — кроме того, чего уж совсем не может быть...

ГЛАВА 12. В ДУРДОМЕ ВСЕ СПОКОЙНО!

Они подъехали ко входу в дурдом. Психиатрическая лечебница была окружена высоким забором, по верху забора красивым орнаментом вилась колючая проволока. Вход в лечебницу представлял из себя железные ворота, около которых в стеклянной будке сидели три охранника.

— Охрана, — сказал Штирлиц. — Так просто нас не пропустят. Придется дать им по голове, связать и сунуть в рот кляп.

— Зачем? — возразил агент Купер. — Не проще ли перелезть через забор?

— Колючая проволока! — указал Штирлиц рукой в сторону забора.

— Разве это проблема?

Штирлиц вспомнил, что они агенты из будущего.

— Ах, да, действительно! А тогда зачем перелезть через забор, если можно распылить в нем дырку?

— Тоже верно, — согласился Купер.

Они вылезли из машины, прошли вдоль забора и выбрали место, где вплотную к забору росли кусты. Купер аккуратно проделал дырку, и приятели проникли на территорию психиатрической лечебницы. Кусты за ними сомкнулись, скрыв дыру от нескромных взглядов снаружи.

— Как вы думаете, изначального Штирлица уже привезли?

— Наверняка, — ответил Штирлиц. — Насколько я помню, меня привезли в больницу еще засветло. А сейчас уже стемнело. В это время мы уже играли с Фюрерами в преферанс. Знатную расписали пулю. Я их обул на двадцать три марки! — похвастался он.

— Что ж, — вздохнул агент Купер, — надо стараться не наткнуться на господина штандартенфюрера.

— По-моему, в дурдоме нам этого можно не опасаться. Ну, примут еще за одного сумасшедшего Штирлица! У них Наполеонов и Бонапартов было штук двадцать, так почему бы не быть двум Штирлицам?

— И одному агенту Куперу, — добавил Купер.

Они проникли в здание лечебницы. В коридорах было сумрачно и тихо. Пахло лекарствами.

— Интересно, где у них лежит Кальтенбруннер? — шепотом спросил агент Купер.

— Сейчас поймаем кого-нибудь и спросим, — сказал Штирлиц и постучал в первую попавшуюся комнату. Из комнаты выглянул небритый мужик невысокого роста с длинными волосами, завязанными сзади в косичку.

— Ты кто? — строго спросил Штирлиц.

— Наполеон Бонапарт, император Франции, — заявил мужик и надел треуголку.

— Штирлиц, — представился русский разведчик. — Будем знакомы.

— Наслышан, — Бонапарт уважительно наклонил голову. — Я бы вас сделал в своей армии генералом! Немцы вас не ценят.

— Слушай, Бонапарт, не подкажешь, в какой палате лежит Кальтенбруннер?

— Кальтенбруннер? — Наполеон задумчиво поковырял в носу, а потом заложил руку за отворот пижамы. — В четырнадцатой!

— Спасибо, Бонапарт, — Штирлиц и Купер пошли по коридору, рассматривая

номерочки на дверях. Император Франции долго смотрел им вслед, затем вернулся в свою палату, где на кроватях храпели еще три Бонапарта, и сел к круглому зеркалу, стоящему на столе.

— Черт побери, — сказал он своему отражению. — Кто я такой? Какой-то Наполеон! Хочу быть Штирлицем!

Император взял ножницы, отрезал свою косичку и показал зеркалу язык. Затем начал будить своих соседей по палате и кричать:

— Я — Штирлиц!

Один за другим Бонапарты просыпались и с завистью смотрели на своего коллегу, который выбился в Штирлицы.

— А нам можно? — робко спросил один.

— Почему нет? — удивился новоявленный Штирлиц. — Чем больше Штирлицев, тем лучше. Надо и другим Бонапартам сказать, пусть Штирлицами становятся! В футбол будем играть!

Наконец, Штирлиц и агент Купер остановились около четырнадцатой палаты.

— Здесь, — сказал Штирлиц.

— Как будем действовать? — спросил Купер. — Он ведь, наверно, не один живет? Перебудим тут психов, шум поднимется...

Вдруг из тринадцатой палаты, которая располагалась рядом, вышел Фюрер. Вышел и остолбенел. Он только что играл со Штирлицем в преферанс в своей палате, и вдруг Штирлиц стоит в коридоре!

«Это колдовство!» — подумал Фюрер с суеверным восторгом и заглянул назад, в палату. Штирлиц сидел за столом и старательно играл мизер. Фюрер обернулся. Штирлиц стоял в коридоре напротив двери Кальтенбруннера.

«Раздвоился! — решил Фюрер. — Колдовство!»

— Эй, Фюрер, — позвал Штирлиц. — Будь другом, вызови к коридор Кальтенбруннера.

— Штирлиц, — с почтением произнес Фюрер. — Я с господином Кальтенбруннером в ссоре. Этот гад украл у меня французский порнографический журнал, а в нем были такие интересные фотографии. Знаешь ли, на одной там была блондинка в черных ажурных чулочках...

— Это, конечно, интересно, — прервал его Штирлиц. — Вызови этого гада, а мы у него отберем твой журнал.

— Правда? — недоверчиво спросил Фюрер. — Доктор Швацц тоже обещал вернуть мне журнал, а не вернул.

— Швацц? — удивился агент Купер.

Штирлиц хлопнул себя по лбу.

— Вспомнил, почему мне была знакома физиономия вашего профессора Швацца! Он один в один похож на доктора из этой лечебницы!

— Наверно, — предположил агент Купер, — наш профессор — это потомок местного Швацца.

— Вполне вероятно. Слушай, Фюрер, я тебя когда-нибудь обманывал?

— Нет, — помотал головой Фюрер.

— Тогда вызывай! Журнал будет твой!

— Ладно, — сказал Фюрер и взялся за ручку четырнадцатого номера.

— Только тихо, соседей не разбуди, — предупредил Штирлиц.

— А Кальтенбруннер один живет! У него такой мерзкий характер, с ним никто жить не желает!

— Ах, один! — воскликнул Штирлиц, открывая дверь ногой. — Тогда не надо вызывать, мы сами войдем!

Штирлиц и агент Купер вошли в палату. Кальтенбруннер сидел на кровати в красных семейных трусах со свастиками в белых кружочках. Увлеченно сопя, Кальтенбруннер разглядывал картинки в журнале Фюрера.

— Кальтенбруннер! Смирно! — скомандовал Штирлиц.

Кальтенбруннер испуганно вскочил и вытянул руки по швам. Штирлиц подошел к кровати и взял с подушки журнал.

— Это твой журнал? — строго спросил он. — Не твой! Так какого хрена ты его захапал? Обидел моего друга Фюрера!

Фюрер в дверях хлопнул носом. Штирлиц кинул ему журнал, Фюрер тут же раскрыл его посередине и радостно осклабился:

— Вот она, моя любимая блондиночка! Спасибо, Штирлиц!

— Кальтенбруннер!

— Я!

— Тебе не стыдно?

Кальтенбруннер молча уставился на Штирлица преданными глазами. Штирлиц поднес к его носу внушительный кулак.

— Будешь обижать Фюрера, дам в морду! Понял?

Кальтенбруннер кивнул.

— Скажи мне, Кальтенбруннер, говорят, ты на меня покушение готовишь?

— Я? — удивился Кальтенбруннер, выходя из оцепенения. — А что, может и готовлю! Я такой! Я вредный парень!

Штирлиц снова поднес к носу Кальтенбруннера свой крепкий кулак.

— А это видел?

— Видел, — сознался Кальтенбруннер. — Вы только что показывали, когда Фюрера защищали...

— Может, тебя убить? — предложил Штирлиц. — Или есть другие предложения?

Кальтенбруннер втянул голову в плечи.

— Я больше не буду! — плаксиво протянул он, раскатывая губы. — И вообще, не хочу больше быть Кальтенбруннером. Я такой гад, со мной никто не дружит!

— Это точно, — сказал Штирлиц. — Хочешь быть Бонапартом? Их в лечебнице штук двадцать, будешь с ними в футбол играть.

— Чур, я — вратарь! — закричал Кальтенбруннер.

— Хоть два вратаря, — кинул Штирлиц. — Купер, этот псих нам не угроза. Он полный болван.

— Я понял, — вздохнул Купер. — Пошли.

Агенты из будущего двинулись на выход. Фюрер с Кальтенбруннером смотрели им вслед. Фюрер трогательно прижимал к груди свой ненаглядный журнал.

— Я — Наполеон Бонапарт, император Франции, — заявил Кальтенбруннер. — И еще я — вратарь.

— Хоть два вратаря, — сказал Фюрер и побежал доигрывать партию со Штирлицем.

— Я — два вратаря, — повторил Кальтенбруннер. — Мне Штирлиц разрешил!

ГЛАВА 13. ШТИРЛИЦ НА ПЛЯЖЕ

Штирлиц и агент Купер сняли двухместный номер в гостинице «Третий Рейх». Утомленный Штирлиц повалился на кровать и мгновенно заснул.

Во сне Штирлиц шагал по вечернему Урюпинску. Он спокойно смотрел то направо, то налево, и везде видел Фюреров с Кальтенбруннерами. Вот Фюрер играет с Кальтенбруннером в шахматы, вот Кальтенбруннер с Фюрером сажают на клумбе цветы... Штирлиц вежливо здоровался с ними, причем по-простому, без всяких там «Хайль!», и все отвечали ему:

— Добрый вечер, господин Штирлиц. Не читали ли вы последний доклад Великого Императора?

— Как же, как же, — весело отзывался Штирлиц. — Конечно, не читал!

Штирлиц был совершенно счастлив...

Русского разведчика разбудил осторожный шорох возле его кровати. Штирлиц, еще не проснувшись, подумал, что он находится в психиатрической лечебнице, а возле его кровати стоит красивая медсестра, которая принесла ему завтрак. Штирлиц открыл глаза и увидел агента Купера.

— Извините, господин Штирлиц, если я вас разбудил, — сказал Купер.

— Ничего, ничего, — махнул Штирлиц рукой.

— Я хотел посмотреть, чем там занимается наш друг Кальтенбруннер.

— Давай посмотрим.

Друзья сели к экрану. Кальтенбруннер рвал и метал. Перед ним стояли немногочисленные остатки его людей, а сам Кальтенбруннер носился по кабинету и бил драгоценные фарфоровые вазы, вывезенные из России. Вазы раскалывались на мелкие кусочки, и осколки хрустели под ногами взбесившегося Кальтенбруннера.

— Идиоты! — орал Кальтенбруннер. — Мои самые лучшие диверсанты не смогли ничего сделать со Штирлицем! Сегодня я опять видел его в Рейхе! Они пил коньяк с Фюрером, вместо того чтобы пить с Дьяволом в Преисподней! Кретины! Исчез даже Клаус! Уж он-то не испугался бы вернуться и доложить о провале! Значит, мои агенты не скрываются! Значит, Штирлиц их уничтожил! Но как?

Робко постучали в дверь. Кальтенбруннер грохнул еще одну вазу и выкрикнул:

— Да!

— Господин Кальтенбруннер, — просунулась в дверь седая голова слуги. — Шифровка! Наш секретный информатор в Центре у русских докладывает, что у Штирлица ушла в декрет предыдущая радистка, и ему послали новую. Встреча с ней назначена завтра на пляже.

— Во сколько?

— Время у них не указано. Для конспирации радистка будет ждать Штирлица у пивного ларька с утра и до вечера. Пока он не появится.

— Он не появится! — зловеще произнес Кальтенбруннер. — Агенты! Даю вам последний шанс убрать Штирлица. На этот раз вы пойдете на дело не все вместе, как раньше, а по отдельности. Один нападет справа, другой — слева, третий — в воде! Кстати, в воде — это хорошая мысль! Сейчас стоит жара, Штирлиц, конечно, захочет искупаться. Ты, — Кальтенбруннер ткнул пальцем, — наденешь акваланг и будешь ждать его под водой.

— Есть! — вытянулся агент.

— Если и это дело вы, болваны, загубите, я сам пойду убивать Штирлица!

— Не загубим! — хором произнесли агенты. — Такой хороший план! Это верняк!

Купер погасил экран и посмотрел на Штирлица.

— Ну что?

— Тяжелый случай, — сказал Штирлиц, потягиваясь.

— Как защитить Штирлица от нападения с разных сторон? Можно, конечно, сделать ему защитное поле, и его не смогут убить. Но тогда, если вдруг под ним взорвется граната, а с ним ничего не случится, Штирлиц будет удивлен!

— Я не припомню, чтобы подо мной взрывались гранаты, — проворчал Штирлиц. — А защитное поле — это умно! Только защищать оно должно не настоящего Штирлица, а меня. Я пойду вместо него на пляж, агенты Кальтенбруннера будут нападать по-одному на меня, а я их буду тихо ликвидировать.

— А куда денется настоящий Штирлиц?

— Настоящего Штирлица надо будет задержать по дороге.

— Как?

Штирлиц задумался. Внезапно лицо его просветлело.

— Элементарно, Купер! Ты подойдешь к нему на улице с бутылкой коньяка и предложишь распить на троих. От коньяка в сорок третьем году я никогда не отказывался!

— Что значит «на троих»? Нас же будет двое.

— Вот третьего вы и будете искать, и на это уйдет много времени! А я на пляже буду Штирлицем.

— Интересная версия, — сказал Купер.

На следующий день Штирлиц появился на пляже. Радистка уже стояла на своем месте у пивного ларька. Как и было условлено, она была в ярко-красном купальнике и сжимала в руке газету «Правда». Но Штирлиц не стал к ней подходить, а пошел по пляжу, держа руку на распылителе агента Купера.

Из песка высунулась рука с отравленным кинжалом. Кинжал коснулся ноги Штирлиц и сломался о защитное поле. Штирлиц нажал на курок, рука исчезла, а песок осыпался в освободившуюся яму. Русский разведчик пошел дальше.

Из кабинки для переодевания выскочил мужчина с саблей. Со всего размаху он рубанул Штирлица по голове. Сабля разломилась пополам. Распылитель действовал эффективнее сабли, незадачливый фехтовальщик растворился в воздухе.

Из-за куста бузины послышалась автоматная очередь. Пули отскакивали от Штирлица и рикошетом отлетали назад в кусты. Русский разведчик распылил и куст, и того, кто за ним скрывался. Какой-то урод стрелял с дерева из винтовки с оптическим прицелом. Бил прицельно, в голову. Штирлиц и его срезал вместе с верхушкой дерева.

Два агента Кальтенбруннера в плавках изображали, что играют в волейбол. Мяч полетел в сторону Штирлица и взорвался. Но русский разведчик, неуничтожимый, как Арнольд Шварценеггер в роли робота-терминатора, вышел из воронки и превратил бедных волейболистов в атомы. С крыши спасательной станции застрочил пулемет. Штирлиц снял пулеметчика и огляделся.

Тишина.

Штирлиц вытер пот со лба. Было жарко. Русский разведчик снял мундир и полез в воду. Вода была теплая, как парное молоко. Штирлиц нырнул и, отфыркиваясь, как морж, поплыл к буйкам.

Вдруг из глубины поднялся облепленный тиной водолаз с трезубцем в руке. Водолаз замахнулся на Штирлица и с силой воткнул трезубец в грудь русского разведчика. Трезубец не вонзился, а согнулся. Штирлиц засмеялся, пуская пузыри воздуха, и, достав припрятанный в трусах распылитель, уничтожил водолаза, создав небольшой водоворот.

«Вот ведь несправедливость какая, — подумал Штирлиц. — Я тут, как монстр какой-то, киборг-убийца, всех кругом уничтожаю, а они со мной ничего сделать не могут... Даже неинтересно...»

С чувством исполненного долга он вышел на берег и оделся. Больше на него никто не покушался. Штирлиц сплюнул сквозь зубы и захотел пива. Русский разведчик сунул распылитель за пояс и пошел в кабачок «Три поросенка», где он договорился встретиться с Купером.

Наконец, на пляже появился настоящий Штирлиц. Веселый после распитой на троих бутылки коньяка, разведчик решил сначала искупаться, а потом подойти к радистке. Он плавал долго, а когда вылез, выжал в раздевалке трусы и причесался перед разбитым зеркалом.

Радистка все так же стояла у пивного ларька. Ее красный купальник сверкал на весь пляж и притягивал нескромные мужские взоры к высокой груди этой красивой девушки.

Штирлиц три раза обошел вокруг пивного ларька. Слежки не было...

ГЛАВА 14. БЕГСТВО ШТИРЛИЦА

И снова Кальтенбруннер носился по кабинету. Фарфоровых ваз больше не было, поэтому он вытаскивал из шкафа книги и со злобными криками рвал их на мелкие кусочки. Ни одного агента у Кальтенбруннера больше не осталось.

— Я ненавижу Штирлица! — кричал он, разбрасывая обрывки бумаги. — Ненавижу!

Наконец, обессилив от собственной ярости, Кальтенбруннер повалился на кожаный диван. Схватив со стола нож, он вырезал на черной коже дивана русское неприличное слово.

— Кретин! — выдохнул он. Было непонятно, к кому это относилось, к Штирлицу или к самому Кальтенбруннеру.

Кальтенбруннер ухватился за серебряный колокольчик и позвонил. Вошел седой слуга и поклонился своему господину.

— Что слышно в Рейхе, Фридрих? — спросил Кальтенбруннер, кусая губы.

— В церкви пастора Шлага господин штандартенфюрер СС фон Штирлиц и господин Айсман собираются устроить вечеринку с женщинами. Приглашены все высшие офицеры Рейха. Вы не приглашены.

— Ага! — победно воскликнул Кальтенбруннер. — Вот где я его и накрою! На сей раз я сам займусь этим делом!

— Неугомонный, — задумчиво молвил Купер. — Мы что, так и будем защищать тут этого Штирлица до конца войны?

— А почему нет? — спросил Штирлиц, которому как раз очень нравилось защищать самого себя, попутно веселясь в кабачках Берлина.

— Нам же надо выполнять задание Империи, — сказал Купер. — Давайте, уберем Кальтенбруннера, поставим на его место похожего биоробота, чтобы никто не догадался, и отправимся назад.

— Что такое биоробот?

— Это искусственный человек, предназначенный для исполнения приказов человека. Я в школе на практике проходил курс по созданию биороботов и смогу за какие-то полчаса создать искусственного Кальтенбруннера. Запрограммирую его на тихий образ жизни, и можно возвращаться в будущее.

Штирлиц задумался. Ему не хотелось уезжать из Германии. Так классно в двадцатом веке быть разведчиком с техникой тридцатого века!

— Куда нам торопиться, Купер? — поинтересовался Штирлиц. — Будущее от нас не убежит, давай веселиться здесь!

— Но, Штирлиц, есть же чувство долга!

— Купер, ты хочешь стать настоящим агентом?

— Хочу.

— Тогда запомни. Мы никому ничего не должны! Нам все по-фигу! И если мы делаем то, что делаем, мы занимаемся этим только потому, что нам это нравится!

— Вы не правы, Штирлиц. Я все-таки уберу Кальтенбруннера и поставлю на его место робота, а потом вернемся назад.

— Ну, убери, — равнодушно сказал Штирлиц.

Агент Купер вскочил и пошел убирать Кальтенбруннера.

— Ну, и возвращайся в свое будущее, — сказал Штирлиц ему вслед и решительно

встал. — Черта с два я туда вернусь! Мне и тут нравится! Уеду в Швейцарию.

Штирлиц взял лист бумаги и написал:

«Купер! Я не хочу возвращаться в будущее! Езжай один. А я уехал в Уругвай! Штирлиц».

Русский разведчик положил послание на стол, прижал его пустой пивной бутылкой и покинул гостиничный номер.

В это время агент Купер снова подошел к особняку Кальтенбруннера. Побрызгав на себя смесью, делающей человека невидимым, Купер уже знакомой дорогой пошел к воротам. Ворота были закрыты. Агент Купер сунул под нос часовому специальное устройство под названием «Глюколист», часовой прибалдел, как от хорошего укола кокаина, и сполз на пол с блаженной улыбкой идиота.

Купер дернул за рычаг, ворота приотворились. Агент проскользнул за ограду и, закрыв за собой ворота, бесшумно двинулся к дому. У входной двери стояли два охранника в касках с автоматами на груди. Их бульдожьи лица не выражали ни единой мысли. Купер открыл дверь и вошел в дом. Часовые удивленно переглянулись, заглянули внутрь, осмотрели окрестности, но так как никого не увидели, то пожали плечами и снова замерли, как истуканы на острове Пасхи.

У Купера была фотографическая память, и он прекрасно помнил путь по извилистым коридорам особняка Кальтенбруннера. Как призрак, он проскользнул мимо многочисленных охранников, обдав их легким ветерком, и остановился перед кабинетом Кальтенбруннера. Агент прислушался. В кабинете слышались шаги и недовольное бормотание. Купер ухмыльнулся и толкнул дверь.

— Кто тут? — обернулся Кальтенбруннер.

— Свои, — сказал невидимый Купер и бросил парализующую гранатку.

Раздался легкий хлопок, пошел дым, парализованный Кальтенбруннер упал. Купер разложил на полу свой чемоданчик, вытащил похожую на надувную куклу штуковину и нажал на кнопочку. Кукла выросла до размеров Кальтенбруннера, и агент Купер принялся за работу по созданию биоробота.

Через полчаса на полу лежали два Кальтенбруннера. По проводам, подсоединенным к голове фашиста, перекачивалась информация в голову робота. Наконец, звонок сообщил о завершении копирования. Купер удовлетворенно щелкнул языком и полюбовался на дело своих рук. Действие парализующей гранаты начало проходить, Кальтенбруннер застонал и зашевелился, обрывая провода. Купер вытащил распылитель, и страшного Кальтенбруннера не стало.

— Биоробот, встать, — подал команду агент.

Биоробот сел на полу и взглянул на своего создателя.

— Тебя зовут Кальтенбруннер, — сказал Купер. — Твоя задача вести себя тихо и не выпендриваться.

— Приказ понял, — разжал губы робот.

— Вот и славно, — улыбнулся агент Купер.

Вернувшись в гостиницу, Купер не обнаружил там Штирлица. Агент прочитал записку и сел на кровать.

— Что значит «не хочу возвращаться»? — нахмурился он. — А задание Великой Империи?

Агент Купер перечитал записку еще раз и почувствовал, что начинает паниковать. Ведь без Штирлица ему не выполнить задание его светлости герцога фон Брамса! Каким бы

идиотом Штирлиц не выглядел, но он был настоящим супер-агентом, не имеющим равных за всю историю человечества до тридцатого века включительно!

Купер впал в отчаяние. Он не думал, что Штирлиц может сбежать, а то повесил бы на него микроскопический маячок, по которому мог бы его легко найти в любом месте Земли. А теперь...

И вдруг Купера осенило.

— Вряд ли Штирлиц уедет, не посетив напоследок свой любимый кабачок «Три поросенка»! Есть надежда его там застать!

Агент Купер схватил свой чемоданчик с техникой будущего и побежал искать Штирлица.

ГЛАВА 15. ВСТРЕЧА СТАРЫХ ДРУЗЕЙ

Усталый Штирлиц с ручным пулеметом на плече вошел в кабачок «Три поросенка». Посетители отсутствовали. Кабачок был закрыт, но кто посмел бы сказать об этом господину штандартенфюреру? Русский разведчик прислонил пулемет к стене, расположился за своим любимым столиком и пальцем поманил официанта.

— Пива и тушенки! — заказал он.

— Вы сегодня выглядите утомленным, господин штандартенфюрер, — сказал услужливый официант, смахивая полотенцем со стола крошки и вытирая лужицы пива.

— Был трудный день, — пояснил Штирлиц, не вдаваясь в подробности.

Официант выставил на стол несколько кружек пенного пива и две больших банки советской говяжьей тушенки, которую так любил господин штандартенфюрер. На банке была нарисована толстая корова, пасущаяся на лугу.

Штирлиц приложился к кружке, опустошил ее за секунду и ткнул вилкой в банку тушенки.

Тут произошло событие, о котором в кабачке долго вспоминали с суеверным ужасом.

Открылась дверь, и в кабачок «Три поросенка» вошел еще один улыбающийся Штирлиц. У официанта отвалилась челюсть, бармен спрятался под стойкой, посудомойки с изумлением выглядывали из подсобки и округляли глаза.

Штирлиц сел рядом со Штирлицем. Тот доброжелательно посмотрел на нового посетителя и подвинул ему одну из своих кружек. Второй Штирлиц тоже приложился. Первый с одобрением проследил за опустевшей кружкой.

— Официант! — позвал он, подняв руку. — Нужна вторая вилка и повторить такое же количество пива!

— Есть! — по-военному отозвался официант, у которого от происходящего пересохло в горле.

— И еще принеси бутылочку водки! — добавил второй Штирлиц и осведомился у первого:

— Ты какую предпочитаешь?

— «Кубанскую», ясный пень!

— Аналогично, — кивнул Штирлиц из будущего. — У нее такой приятный аромат, особенно если в экспортном исполнении. Официант! Две «Кубанских»!

— Господин штандартенфюрер, — робко сказал официант, прикрывая на всякий случай лицо рукой. — У нас нет «Кубанской»... Есть шнапс, коньяк...

— Дикари, — бросил первый Штирлиц.

— А из наших-то есть что-нибудь? — спросил второй у официанта.

— «Пшеничная».

— Тоже неплохо, — согласился штандартенфюрер. — Из «Пшеничной» получается нажористый «ерш». Давненько я не пил «ерша»!

Штирлиц из сорок третьего года протянул руку Штирлицу из будущего и представился:

— Штандартенфюрер СС фон Штирлиц.

— Супер-агент Великой Империи фон Штирлиц, — отозвался Штирлиц из будущего.

— Однофамильцы, значит, — радостно сообразил Штирлиц из прошлого. — За это надо выпить.

Они отпили по полкружки пива, долили водкой и, со звоном чокнувшись кружками, выпили до дна.

— Хорошо пошла! — выдохнул Штирлиц.

— Представляешь, — сказал Штирлиц сорок третьего года. — Эти ублюдки в Рейхе задумали вывести всех ежей из России, чтобы там нарушилось биологическое равновесие и все русские вымерли. Ежиков! А ведь ежик — это символ русской души. Снаружи колючий и необщительный, а внутри теплый и очень, очень добрый! И вдруг какие-то фашисты будут вывозить их из наших густых, зеленых лесов! Но не тут-то было, — Штирлиц любовно похлопал ладонью по своему пулемету. — Русский разведчик Штирлиц не дремлет! И спас русских ежей.

— А я спас Штирлица, — флегматично молвил Штирлиц из будущего. — Представляешь, гад Кальтенбруннер решил его убрать!

Штирлицы закусили тушенкой.

В кабачок вбежал взволнованный агент Купер.

— Вот вы где! — воскликнул он и осекся, осознав, что видит перед собой двух Штирлицев.

— А, Купер! Садись. Официант! Повторить пиво, водку и тушенку!

— Штирлиц, — проникновенно сказал Купер. — Как вы могли меня бросить на произвол судьбы? А как же задание относительно Тройной Звезды? А ваше обещание сделать из меня настоящего супер-агента?

При взгляде на агента Купера, Штирлицу стало его жалко и немного стыдно.

— Да ладно, Купер, — пробормотал он, хлопая агента по плечу. — Я пошутил. Конечно, я летаю на твою Тройную Звезду и сделаю тебя настоящим супер-агентом! Пей, — он подвинул Куперу кружку с «ершом».

— Я не пью, вы же знаете, — сказал агент Купер. — Агентам нельзя пить.

— Глупости, — оборвал его Штирлиц из прошлого. — Война и водка неразделимы. На фронте перед боем всегда выдают сто грамм для храбрости. А разведчик — он всегда в бою. У него каждый день на фронте. Он просто обязан пить!

— Слышишь, что говорит умный человек, — наставительно произнес Штирлиц из будущего. — Ты, Купер, вбил себе в голову какие-то глупые истины, которыми тебя напичкали в школе. Ты хочешь все делать по правилам. А на войне нет правил. На войне всем все по-фигу! И это — основное условие для победы!

— Но...

— Пей, — сказал Штирлиц. — Пей и закусывай.

Агент Купер поднес кружку к губам и медленно выпил пиво, смешанное с водкой. Его обычно бледное лицо порозовело, а на губах заиграла неуверенная улыбка.

— Вот и славно! — обрадовался Штирлиц. — Теперь скушай тушенки!

Штирлиц из прошлого долил еще водки в пиво.

— За победу! — воскликнул он. — За нас, русских!

Штирлицы выпили.

— Знаешь, Купер, почему русские разведчики самые лучшие в мире? — спросил Штирлиц из будущего.

— Почему?

— Из-за загадочной русской души. А вся загадка в том, что русский человек сначала делает, а потом думает! Вот если какой-нибудь ублюдок наглеет, а ты думаешь, дать ему в

морду или нет, то в конце концов приходишь к мысли, что бить человека нехорошо, неинтеллигентно, что ублюдок — тоже человек, и так далее. В результате человеческая цивилизация пришла к такому состоянию, что кругом ходят наглые ублюдки, которые вытирают ноги о таких, как ты, интеллигентов. А настоящий русский сначала даст в морду, а потом подумает, правильно ли он поступил. И, что самое интересное, придет к выводу, что правильно!

— Это точно, — вставил Штирлиц из прошлого. — Так и поступают русские разведчики. У меня никогда нет плана, я действую стихийно. Мне все по-фигу, и никто не может предугадать, что я сделаю в следующий момент.

— Вот именно, — засмеялся второй Штирлиц. — Поди, прочитай мои мысли, если у меня их нет! А появляются они только в тот момент, когда я уже принялся за дело.

— Так вот в чем секрет! — воскликнул агент Купер. — И если я научусь так работать, я стану супер-агентом?

— Ясный пень! — хором сказали оба Штирлица.

— За это надо выпить! — предложил Купер, поднимая кружку. Глаза его сверкали. Да, он станет супер-агентом, самым лучшим во всей Империи. И они со Штирлицем с честью выполнят задание его светлости наместника Великого Императора герцога фон Брамса!

— Штирлиц, — молвил Штирлиц из прошлого. — Нам скоро пора улетать. Я хочу подарить вам на память очень полезную вещь.

Штирлиц вытащил из кармана лазерный меч.

— Кастет, — обрадовался Штирлиц из прошлого. — Это ценный подарок. У меня есть один неплохой кастетец, но и два никогда не помешают!

— Дарю! — сказал Штирлиц. — Купер, нам пора.

— Ясный пень, — заплетающимся языком согласился опьяневший агент Купер, пытаюсь приподняться и падая.

Штирлиц поднял своего друга, помахал на прощание Штирлицу, остающемуся в сорок третьем году, и агенты из будущего покинули кабачок.

За окном кабачка «Три поросенка» уже давно шли немецкие солдаты, а тут вдруг пошел дождь. Грубыми, пропитыми, прокуренными голосами фашисты фальшиво тянули «Гитлер зольдатен».

Штирлиц поднял кружку и привычно проверил, не залетела ли в нее какая-нибудь сумасшедшая муха.

Эти двое, которые только что вышли, были чем-то ему симпатичны, особенно тот, что постарше. Лицо этого человека было знакомо Штирлицу, но где он его видел, русский разведчик никак не мог вспомнить.

Штирлиц внимательно посмотрел на кастет, подаренный незнакомцем, и взвесил его на ладони. Кастет был совсем легкий, и Штирлиц, справедливо рассудив, что старый, испытанный кастет из свинца гораздо лучше, выбросил подарок в мусорное ведро.

А за окном шел дождь и фашистские солдаты. Солдаты нехотя плелись на Восток...